

вестник екатеринбургской духовной семинарии

ВЕСТНИК

ВЕДДС

выпуск 1(13). 2016

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА «ВИНОГРАДАРИ. ЧАСТЬ II. ОБРЕЧЕННЫЕ»

1/2016

ВЕСТНИК

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

По благословию Высокопреосвященного КИРИЛЛА,
митрополита Екатеринбургского и Верхотурского

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

ВЕСТНИК

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Выпуск 1(13) / 2016

Екатеринбург 2016

УДК 27-1(051)
ББК 86.37
В38

Одобрено Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви. Свидетельство № 200 от 8 февраля 2012 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: проф. митр. Константин (Горянов) (г. Петрозаводск)
проф., д-р церк. ист. архим. Макарий (Веретенников) (г. Сергиев Посад)
проф., д-р церк. ист., д-р ист. наук Н. Ю. Сухова (г. Москва)
доктор теологии, Dr. habil. прот. Марк Лаврешук (г. Белосток, Польша)
проф., д-р ист. наук А. Г. Мосин (г. Екатеринбург)
доцент, д-р ист. наук И. В. Починская (г. Екатеринбург)
д-р ист. наук Н. Д. Зольникова (г. Новосибирск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
протоиерей Николай Малета,
ректор

Члены редколлегии:
канд. ист. наук, доцент прот. Петр Мангилёв;
канд. богосл. прот. Сергей Алексеев;
канд. богосл. игум. Моисей (Пилатс);
д-р филол. наук, профессор О. Б. Акимова;
д-р филос. наук, доцент Д. И. Макаров;
д-р искусствоведения, профессор О. Е. Шелудякова;
канд. ист. наук, доцент А. В. Мангилёва;
С. Ю. Акишин; Н. С. Каримова;
канд. богосл., канд. ист. наук свящ. Иоанн Никулин
(ответственный секретарь)

Рецензенты:
д-р ист. наук, доцент иером. П. Гайденко; д-р филол. наук, доцент Ю. В. Матвеева;
канд. ист. наук, доцент И. Л. Манькова

Интернет-страница Вестника ЕДС
<http://epds.ru/bulletin>

EKATERINBURG THEOLOGICAL SEMINARY

BULLETIN

OF THE EKATERINBURG
THEOLOGICAL SEMINARY

Issue 1(13) / 2016

Ekaterinburg 2016

UDC 27-1(051)
H57

EDITORIAL COUNCIL

Chairman: Prof. Metropolitan Constantine (Goryanov) (Petrozavodsk)
Prof. Archimandrite Makary (Veretennikov) (Sergiev Posad)
Prof. Natalia Yu. Sukhova (Moscow)
Archpriest Marek Lawreszuk (Belostok, Poland)
Prof. Alexey G. Mosin (Ekaterinburg)
Docent Irina V. Pochinskaya (Ekaterinburg)
Natalia D. Zolnikova (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:
Archpriest Nikolay Maleta,
Rector

Members of the board:
Prof. Olga B. Akimova; Prof. Oksana E. Sheludyakova;
Docent Archpr. Petr Mangilev; Archpr. Sergey Alexeev; Fr. Moisey (Pilats);
Docent Dmitry I. Makarov; Docent Anna V. Mangileva;
Sergey Y. Akishin; Nadezhda S. Karimova;
Pr. John Nikulin (*Senior secretary*)

Reviewers:
Docent Hieromonk Petr (Gaydenko), Docent Julia V. Matveeva, Docent Irina L. Mankova

The academic journal issued by Ekaterinburg Theological Seminary publishes materials and research articles on theology, church history and related disciplines, extracts from the protocols of the seminary academic council meetings, reviews and comments on the diploma papers of the seminary students, reviews and bibliographical notes on new research in the area of theological studies. The journal is addressed to teachers and students of religious schools, historians, theologians, philosophers and all those interested in the above mentioned topics.

Site: <http://epds.ru/bulletin>

ISSN 2224-5391

© Ekaterinburg Theological Seminary, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	9
-------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И АРХЕОГРАФИЯ

<i>Хоруженко О. И.</i> О вероисповедании литовского великого князя Ольгерда	11
---	----

<i>Полетаев А. В., Полетаева Е. А.</i> Старопечатные книги XVII–XVIII вв. в собрании православного музея Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря	30
---	----

<i>Клементьев А. К.</i> Материалы к жизнеописанию Константина Петровича Струве (1900–1949), в монашестве архимандрита Саввы, благочинного Типографского иноческого братства прп. Иова Почаевского в Ладомировой в Словакии (по письмам родным и друзьям)	45
--	----

РАЗДЕЛ II. ПУБЛИКАЦИИ

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви и духовной науки...» (Письма протоиерея Николая Виноградова к А. А. Дмитриевскому) (<i>вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой</i>)	121
--	-----

<i>Буткин Николай, прот.</i> Роман «Виноградари. Часть II. Обреченные» (<i>вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной</i>)	210
--	-----

РАЗДЕЛ III. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроника научной жизни семинарии за 2014/2015 уч. г.	273
--	-----

Отзывы и рецензии на дипломные работы выпускников 2014/2015 уч. г.	274
--	-----

Аннотации (на английском языке)	288
---------------------------------------	-----

Сведения об авторах	292
---------------------------	-----

CONTENTS

List of Abbreviations.....	9
----------------------------	---

I. RESEARCH ARTICLES

CHURCH HISTORY AND ARCHEOGRAPHY

<i>Oleg I. Khoruzhenko</i> . On the Confession of Faith by Algirdas (Olgerd), the great Prince of Lithuania	11
<i>Andrey V. Poletaev, Elena A. Poletaeva</i> . The Russian Books of the Old Print Dating Back to the 17 th and 18 th Centuries in the Collection of the Orthodox Museum in the Verkhoturie St. Nicholas Monastery.....	30
<i>Alexander K. Klementyev</i> . Materials for the Biography of Konstantin Petrovich Struve (1900–1949), Archimandrite Savva in religion, also the Local Dean of the Monastic printing and publishing Brotherhood of St. Job of Pochaevo in Ladomirova, Slovakia (together with Letters to his Relatives and Friends) .	45

II. PUBLICATION

“God bless the fruit of your labors for the benefit of the Holy Church and the theological science...” (Letters of Archpriest Nikolas Vinogradov to Alexey Dmitrievsky) (<i>Introduction, Edition and Notes by Natalia Yu. Sukova</i>) . . .	121
<i>Archpriest Nicholas Butkin</i> . The Novel “The Vineyard Laborers”. Part 2. The Doomed Ones (<i>Introduction, Edition and Notes by Svetlana G. Butkina</i>) .	210

III. ACADEMIC LIFE

The chronicle of the scientific life of the Seminary for the 2014/2015 academic year	273
Reviews and comments on the diploma papers in the academic year 2014/2015.....	274
Summaries	288
About the authors	292

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВПМ	Верхотурский православный музей.
Гусева	<i>Гусева А. А.</i> Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга. М., 2010.
ДС	духовная семинария.
ДУ	духовное училище.
ЕЕВ	Екатеринбургские епархиальные ведомости.
ЕЖУ	епархиальное женское училище.
ЕПДС	Екатеринбургская православная духовная семинария.
Зернова	<i>Зернова А. С.</i> Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: сводный каталог. М., 1958.
Зернова, Каменева	Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / сост. Зернова А. С., Каменева Т. Н. М., 1968.
ИИА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).
ИПС КДА	Извлечение из Протоколов совета Киевской духовной академии.
КазДА	Казанская духовная академия (г. Казань).
КДА	Киевская духовная академия (г. Киев).
МДА	Московская духовная академия (г. Сергиев Посад).
НА РТ	Национальный архив Республики Татарстан (г. Казань).
ОГАЧО	Областной государственной архив Челябинской области (г. Челябинск).
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург).
ПЗС КазДА	Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии.
ПС	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва).
ПСЗ III	Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб. / Петроград, 1885–1916. Т. 1–33.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб. / Пг., 1846–1921. Т. 1–24; М.; Л., 1949–1994. Т. 25–39. М., 1995. Т. 41.
ПСТГУ	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва).

РГИА	Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).
РИБ	Русская историческая библиотека. СПб., 1872–1927. Т. 1–39.
РПЦЗ	Русская Православная Церковь Заграницей.
САСШ	Северо-Американские Соединенные Штаты.
СПБДА	Санкт-Петербургская духовная академия (г. Санкт-Петербург).
ТКДА	Труды Киевской духовной академии. Киев, 1860–1917, 1997—.
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., Л., СПб., 1934—. Т. 1—.

ИССЛЕДОВАНИЯ

• ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И АРХЕОГРАФИЯ

О. И. Хоруженко

О ВЕРОИСПОВЕДАНИИ ЛИТОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ОЛЬГЕРДА

В статье рассматривается проблема достоверности источников о принятии великим литовским князем Ольгердом, рожденным «огнепоклонником», православия. В историографии иногда высказываются суждения о его двух- или трехкратном обращении в христианство: перед его первым браком с княжной Марией Витебской, перед вторым браком с княжной Ульяной Тверской и накануне смерти, когда он якобы принял и крещение, и схиму. Между этими событиями Ольгерд проявляет себя и характеризуется современниками язычником, что предполагает его неоднократное же отступление от христианства. Подобные суждения представляются противоречивыми, что потребовало обратиться к источникам, на которых они основываются. Показано, что современные Ольгерду источники московского, византийского, ливонского происхождения последовательно аттестуют литовского князя язычником, в том числе и на момент его кончины и погребения. Наиболее ранние сведения о мнимом крещении Ольгерда относятся к концу XV в. Это Послание митрополита Спиридона-Саввы (здесь Ольгерду дано христианское имя Александр, в схиме — Алексий) и синодик («помянник») Киево-Печерского монастыря (здесь Ольгерд именуется Дмитрием). В этих памятниках приписанное Ольгерду православие должно было решать определенные идеологические задачи: возвеличивание тверского княжеского дома и, в частности, великой княгини Ульяны Алексан-

дровны, декларация древнего почитания Киево-Печерской обители со стороны литовских великих князей. Специально в статье исследуются вопросы о хронологии и обстоятельствах, связанных с гибелью виленских мучеников, текстологии Киево-Печерского помянника.

Ключевые слова: *Православие в Великом княжестве Литовском, Ольгерд, язычество, мученики виленские, княжеские пиры, Послание Спиридона-Саввы, Киево-Печерский помянник.*

Вопрос о вероисповедании литовского князя Ольгерда Гедиминовича (ок. 1296–1377) на основании опубликованных на сегодня исследований и доступных источников представляется довольно запутанным и заслуживает специального рассмотрения. От его разрешения зависят, в частности, представления о характере конфликтов, которые отличали московско-литовские отношения второй половины XIV в., наличии в них религиозного компонента.

Обобщенно история духовных исканий великого князя Ольгерда выглядит так. Еще при жизни отца Гедимина Ольгерд принял православие «ради жены» своей Марии, витебской княжны, и построил в Витебске две православные церкви — Благовещения и Святодуховскую. При вступлении на великокняжеский престол (1345) он в угоду языческим верхушке и населению Литвы оставил православие. Несмотря на драматический эпизод, приведший к казни трех мучеников виленских, к чему Ольгерд был якобы принужден жрецами, великий князь литовский в целом покровительствовал христианам. Он подарил православным дубовую рощу в Вильне, где приняли мученичество Иоанн, Антоний и Евстафий, самостоятельно выстроил в Вильне Пречистенскую церковь, воспитал в православии свое многочисленное потомство. Наконец, за несколько дней до кончины Ольгерд и сам повторно обратился в православие, приняв имя Александр, успел облечься в схиму с именем Алексея и был похоронен по христианскому обряду в построенной им Пречистенской церкви¹.

Сведения о крещении Ольгерда перед женитьбой на витебской княжне содержат только поздние летописи западнорусского происхождения — Густынская и Хроника Быховца. В Густынской летописи (начало XVII в.) сообщается: «В сие лето (1340. — О. Х.) Олгерд Гедиминович

¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 21995. Кн. 3. Т. 4. С. 84–86.

поял себе жену Юлиану, дочь витепского князя, ея же ради крестися со всеми бояры и людьми; с нею же име *потом* (курсив мой. — О. Х.) сынов шесть»². Сообщение явно написано *post factum*; составитель, проявив осведомленность о том, что было *потом*, спутал имена первой и второй супруги Ольгерда: «В лето 6857 (1349) <...> Олгерд, по смерти першой жоны своей, юже поял был у витепского князя, поят вторую жену Марию, дочь Михаила Александровича Тверского»³.

В Хронике Быховца (последняя запись 1507 г.) содержится та же путаница в именах великих княгинь: «И тогда князь Ольгерд взял себе в жены княжну Ульяну Витебскую, из-за которой князь Ольгерд крестился в русскую веру». Однако в этом тексте обращение в православие литовской знати отрицается: «...а паны литовские все оставались язычниками. И князь великий Ольгерд не насиловал их, и в свою веру не обращал»⁴. Путаница с именами великих княгинь демонстрирует зависимость обоих текстов от Хроники Стрыйковского (1581)⁵.

Обе летописи имеют отчетливую антикатолическую направленность, и смысл рассказа о «первом» крещении Ольгерда наиболее прозрачно выражен в Хронике Быховца. Несколько противореча ранее написанному («паны литовские все оставались язычниками»), летописец заключает рассказ о крещении Ольгерда так: «...а римской веры в Литве уже не было, осталась только русская».

Браки литовского князя-язычника с православными княжнами не предполагают, конечно, автоматического его перехода в православие⁶. Источники не позволяют выдвинуть обоснованные предположения о происходившем свадебном обряде. Возможно, он был совершен по доверенности, или же сопровождался и православным обрядом, и некими традиционными церемониями, принятыми в среде литовцев-язычников. Во всяком случае, витебская княжна должна была сохранить и свою веру, и суверенные права в своей наследственной вотчине.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1843. Т. 2. С. 349.

³ Там же. С. 350.

⁴ Хроника Быховца. М., 1966. С. 57.

⁵ *Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi.* Warszawa, 1846. Т. 2. С. 57–58

⁶ О том, что Ольгерд «втайне исповедовал православие», без ссылок на источники сообщал П. Н. Батюшков: *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. СПб., 1890. С. 70.

Имеется более позднее свидетельство о том, как происходило венчание православной княжны и литовского князя-иноверца — но не язычника, а католика. Для свадьбы московской великой княжны Елены Ивановны (1476–1513) и литовского великого князя Александра (1461–1506), правнука Ольгерда, был «выработан ритуал браковенчания с редким в истории разделенных церквей сослужением двух иерархий. Перевес в чине был отдан римо-католической стороне. Венчание происходило в костеле св. Станислава. Митр. Макарий присутствовал, но не служил. Богослужебная роль поручена была духовнику Елены, попу Фоме, который и встретил невесту с крестом рядом с бискупом Войтехом Табор[ом], тоже с крестом. Но Войтех не благословил Елену и не дал ей креста. Она поцеловала лишь крест в руках Фомы. В дальнейшем ходе чина молитвы для жениха по-латыни читал бискуп, а для невесты по-славянски поп Фома»⁷.

Честь построения витебской Благовещенской церкви Ольгерду приписать трудно — она была построена гораздо раньше, в XII в.⁸ Возможно, при Ольгерде она была перестроена, однако если это и произошло, то явно по инициативе одной из православных великих княгинь⁹. Археологические исследования Святодуховской церкви не производились; суждения историков о времени ее закладки зависимы от рассматриваемого сообщения¹⁰.

Сведения об отречении Ольгерда от православия представляют собой такую же умозрительную конструкцию, как и сведения о его первом крещении. Если Ольгерд женился на православной княжне, то он, по мнению некоторых авторов, *должен был* перейти в православие. Если после этого (1347 г.) он предал мученической смерти трех виленских христиан, то он *должен был* вновь стать язычником. Однако перед виленскими событиями случился еще один эпизод, иллюстрирующий отношение Ольгерда к православию.

В 1341 г. псковичи, теснимые «немцами», обратились за помощью к Ольгерду. Тот приехал в Псков со своими «литовниками и видьблянами», братом Кейстутом и сыном Андреем Ольгердовичем, «еще бе не

⁷ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. 1. С. 555.

⁸ *Русецкий А. В., Русецкий Ю. А.* Художественная культура Витебска с древности до 1917 года. Минск, 2001. С. 43–49.

⁹ Какие-то права имела в Витебске позднее и вторая жена Ольгерда Ульяна Александровна.

¹⁰ *Русецкий А. В., Русецкий Ю. А.* Художественная культура. С. 81.

крещен». «Тако бо бяше ему имя молитвенное»¹¹, отмечает летописец, а языческое имя Андрея осталось неизвестным; иногда ему приписывается имя Вигунт или Вингалт. «Тогда псковичи много томишяся, биюще чолом князю Олгерду, хотяще его крестити и на княжение посадити в Пскове, он же не въсхоте»¹². Процедура поставления псковского князя, сажавшегося на княжеский стол в соборной Троицкой церкви, целовавшего крест псковичам на вече¹³, не предполагала иного его вероисповедания, кроме православного. Ольгерд «же отречеся креститися и княженья Псковьского»¹⁴. Тем не менее литовский князь «крести сына своего Андрея, и посадиша его псковичи на княжении» «у Святыя Троица во Пскове»¹⁵. Таким образом, в 1341 г. Ольгерд — язычник, пренебрегает Псковским княжением, коль скоро это требует перехода в православие, но допускает, что Pskov vaut bien une messe, если речь идет о его сыне. Летописный текст предполагает, что сын Ольгерда крестился по прямому указанию отца («крести сына»).

Вероятно, в сходных обстоятельствах в 1362 г. получил крещение Владимир Ольгердович, когда Ольгерд посадил его в Киеве¹⁶, а в 1368 или 1369 г. Дмитрий Ольгердович, посаженный отцом на Брянское княжение¹⁷ (языческие имена этих князей — как и у Андрея Ольгердовича — неизвестны). Упоминания о других его сыновьях с христианскими именами в летописях приходятся на время после его смерти (1377 г.).

Вернемся к эпизоду казни виленских мучеников. Итак, в 1347 г. «...убьен бысть от Олгерда Круглецъ, нареченны Евстафеи, за православную веру, и положен у Николы в Вилне, с сродники своими, Антоном, Иваном, иже такоже пострадаша за веру»¹⁸. Между 1354 и 1374 гг. виленские мученики были канонизированы Константинопольским пат-

¹¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 24; Вып. 2. С. 24, 95; ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 223.

¹² ПСРЛ. Т. 5. С. 13; ср.: Т. 15. Стб. 75.

¹³ *Вовин А. А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове в XIV–XV веках // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Т. 13 (23). С. 112–114.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 76; Псковские летописи. Вып. 2. С. 96.

¹⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 25; Вып. 2. С. 25, 96.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. С. 350.

¹⁷ *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. 1996. [Вып.] 1. С. 90.

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 226; СПб., 1856. Т. 7. С. 214; М., 1910. Т. 23. С. 109; Т. 25. С. 177.

риархом Филофеем. Пролог и похвальное слово Антонию, Иоанну и Евстафию, составленные в это время пресвитером Михаилом Вальсамоном, сообщают подробности этой истории, отсутствующие в летописном известии. Оказывается, что братья Антоний и Иоанн (летопись приписывает родство с ними и Евстафию), будучи по рождению литовцами и язычниками-огнепоклонниками, приняли христианство от священника Нестора. Все трое принадлежали к литовской служилой верхушке («служаще князю литовьскому»¹⁹). О Круглице-Евстафии прямо говорится, что он принадлежал к княжеской свите, Антоний и Иоанн были достаточно высокопоставленными лицами, чтобы лично общаться с князем и даже разделять с ним трапезу. Иоанн, по всей видимости, был чем-то вроде постельничьего («князю предстояше обычно, тому в бани служба»²⁰). Перейдя в православие, Антоний и Иоанн перестали брить бороду. Великий князь Ольгерд, видя это, испытывает их веру, предлагая им в постный день съесть мясо. Братья отказываются, и тем самым объявляют о своем православии. Их бросают в темницу; Антония подвергают побоям и приговаривают к повешению (казнен 14 января), через некоторое время Ольгерд приказывает повесить и Иоанна (24 апреля).

Схожие обстоятельства привели к мучениям и гибели Евстафия. Он также принял православие от Нестора, отказался от мяса в постный день, был подвергнут пытке водой, бит палками, ему перебили голени, скальпировали, отрезали нос и уши и повесили (13 декабря)²¹. По просьбе христиан великий князь Ольгерд подарил общине дубовую рощу, где произошла казнь виленских мучеников.

Как в житийных, так и в летописных текстах упомянуты обстоятельства, препятствующие видеть в Ольгерде последовательного гонителя христианства. В самом деле, получается, что на момент смерти виленских мучеников в Вильне действовал православный Никольский храм. Верующие обращаются к великому князю с просьбой об отведении под постройку еще одного храма рощи на месте гибели Антония, Иоанна и Евстафия — и получают согласие. Известно, что к 1346 г. уже

¹⁹ Книга жыцій і хаджэніяў: пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад., прадм. і каментарыі А. [А.] Мельнікава. Мінск, 1994. С. 135.

²⁰ Там же. С. 136.

²¹ Огицкий Д. П. К истории виленских мучеников // Богословские труды. 1984. Вып. 25. С. 226–246.

были крещены в православие братья Ольгерда Любарт-Дмитрий (1323) и Наримунт-Глеб (1333), сестры Офка-Евфимия (1331) и Айгуста-Анастасия (1333), сын Андрей (1341). В конце концов, подавляющая масса населения на подвластных Ольгерду к 1347 г. землях исповедовала православие. Это предполагает известную широту взглядов и веротерпимость литовского князя.

Эти противоречия объясняют давлением на Ольгерда со стороны жреческой верхушки. Между тем, такая интерпретация представляется натянутой. Жрецы в языческой Литве не имели политического влияния: «...эта прослойка не выросла в касту жрецов, не обрела социальной и политической роли, ибо выразителями культа стали князья»²². Кроме того, предполагаемое давление жрецов не объясняет очень эмоциональное отношение великого князя к осужденному Евстафию, его «ярость велику и бесование»²³, личное руководство пытками.

Вероятно, отгадка кроется в том, что сначала Антоний и Иоанн, а затем Евстафий отказались на княжеской трапезе, пиру, от угощения, тем самым публично нарушив субординацию по отношению к своему господину (оправдываясь, «братья говорят о своих обязанностях по отношению к Богу, которые важнее послушания князю»²⁴), церемониал и обрядовое содержание этого действия. Княжеский пир был призван создавать связи верности между князем и его дружиной²⁵. Отказ от трапезы, соответственно, мог расцениваться, как демонстрация неверности, пренебрежения княжеской милостью. Скорее всего, Иоанн, пребывая в заключении, попытался объяснить Ольгерду, что его православие не повлияет на преданность великому князю, как сюзерену («готов быти всяусердно повеленая исполнити»), после чего братья были отпущены

²² Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 184.

²³ Книга жыцій і хаджэніяў. С. 137.

²⁴ Изложение Похвального слова Михаила Вальсамона по: *Огицкий Д. П.* К истории виленских мучеников. С. 240.

²⁵ О языческой природе княжеских пиров на Руси см.: *Ветловская В. Е.* Летописное осмысление княжеских пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // *Русский фольклор. Этнографические истоки фольклорных явлений.* Л., 1987. Т. 24. С. 36–41. Обзор работ европейских авторов о ритуале пира в «германских дружинах» см.: *Стефанович П. С.* Знать и военные слуги в социально-политической структуре древнерусского государства в X — первой трети XII в.: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 96–100.

из темницы «и пребываху свободно обои». Но вскоре «Антонию же повелено бысть вкусити, и не восхоте», и он отправился обратно в темницу. Иоанн же был вынужден повторно исповедать православие во время мытья великого князя в бане. Неизвестно, сопровождалось ли эта процедура какими-то ритуалами, языческими по своей природе (сама по себе обрядовость банной церемонии несомненна), но предположить это вынуждают обстоятельства — иначе непонятны ни место действия, ни непосредственный повод для этого поступка. И вновь произошел отказ Иоанна (и опять публичный) от своих придворных обязанностей по религиозным мотивам, «и абие же биен от обретшихся руками и палицами и влачим, и в темницу отводится»²⁶.

Равным образом Ольгерд предлагает скромное Евстафию, «нудит того ясти мяса», но пир происходит в Рождественский пост, в пятницу, и Евстафий отказывается. После ряда пыток великий князь вновь предлагает ему принять угощение, но тот вновь «не въсхоте отнюдь мясу коснутися»²⁷.

Следует сказать несколько слов по поводу дат событий, связанных с виленскими мучениками, т. к. этот вопрос несколько запутан. Д. П. Огицкий писал: «Поскольку началом года в то время считалось 1 сентября, а летописи датируют 6855-м годом лишь кончину святого Евстафия, кончину двух первых мучеников следовало бы датировать 6854-м, т. е. 1346-м, годом». Итак, автор считает, что Антоний и Иоанн были казнены 14 января и 24 апреля 1346 г. соответственно, а Евстафий — 13 декабря 1347 г. Д. П. Огицкий, безусловно, был прав в том, что 1 сентября сменился год при византийском, сентябрьском новолетии: после 6854 г. наступил 6855 г. Но перевод даты для декабрьского события, указанной по сентябрьскому стилю, должен производиться по формуле $6855 - 5509 = 1346$ г. Даты, относящиеся к Антонию и Иоанну, давали бы 14 января и 24 апреля того же 1346 г., поскольку для событий между январем и августом включительно действует формула $N - 5508$.

Между тем, Огицкий слишком решительно и не вполне обоснованно считал, что летописная дата 6855 г. дана по сентябрьскому стилю. Указание на год содержится не в византийских источниках, в которых был принят сентябрьский стиль, а в русской летописи — тут могли быть

²⁶ Книга жыцій і хаджэніяў. С. 136.

²⁷ Там же. С. 138.

мартовские или ультрамартовские датировки. По приводимому Огицким сообщению Михаила Вальсамона, отказ Евстафия вкушать скоромное пришелся на пятницу, за 20 дней до 1 января. Эти хронологические указания совпадают при условиях включающего счета (дающего 13 декабря) и мартовского 6855 г. Таким образом, исповедание православия и мученическая кончина Евстафия произошли в один день, 13 декабря 1347 г. При мартовском стиле казнь Антония пришлась бы на 14 января 6854 г. (т. е. 1347 г.), а Евстафия — на 24 апреля 6855 г. (т. е. того же 1347 г.). Однако предположение Д. П. Огицкого о том, что казни всех трех виленских мучеников пришлось на один год (сентябрьский ли, мартовский ли), не находит подтверждения в источниках. Антоний и Иоанн могли погибнуть задолго до Евстафия, а точная дата смерти известна лишь для последнего.

Действуя либо как оскорбленный своими подданными сюзерен, либо (что менее вероятно) как убежденный гонитель христиан, Ольгерд в событиях 1347 г. явно не православен.

По мнению Т. В. Николаевой, великий князь Ольгерд после казни виленских мучеников недолго оставался язычником — «вскоре» он принял христианство²⁸. Вероятно, имеется в виду второй брак Ольгерда — с православной тверской княжной Ульяной Александровной (1349 г.)²⁹. Однако, как и в случае с витебской княжной Марией, переход Ольгерда в православие перед браком — всего лишь умозрительное предположение. Согласившись с ним, следует признать и столь же скорое повторное его отречение от православия, поскольку в 1350-х годах Ольгерд вновь выступает язычником.

Современник Ольгерда византийский писатель и историк Никифор Григора (1295 — ок. 1360) сообщал, что в 1355 г. Ольгерд, «солнцепоклонник» по его характеристике, соглашался принять православие, если преемник митрополита Феогноста перенесет свою резиденцию в Великое княжество Литовское³⁰. Условия литовского князя приняты не были, и он оставался в язычестве по меньшей мере до 1358 г.

В 1358 г. один из братьев Ольгерда, не названный по имени, посетил императора Карла IV в Нюрнберге и пообещал, что Ольгерд приедет

²⁸ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI века. М., 1971. С. 13.

²⁹ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 59.

³⁰ Мейендорф И., *прот.* Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990. С. 177, 204; Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 289.

на Пасху во Вроцлав для крещения в католичество. Этот визит не состоялся³¹. Император послал в Литву посольство для переговоров по этому вопросу. Однако литовцы выдвинули в качестве условия ряд территориальных претензий, и «послы, ничего не сделавши, возвратились назад, так как нашли требования литовцев несоразмерно великими»³². Очевидно, в 50-е годы XIV в. литовский великий князь вполне осознанно использовал в качестве инструмента внешней политики вопрос о своем обращении в христианство. В зависимости от своих целей он объявлял о желании перейти то в православие, то в католичество.

В 1358–1360 гг. митрополит Алексий совершал поездку в Киев³³. Здесь он был арестован Ольгердом, заключен под стражу, но ему удалось бежать. Описывая эти события, соборное определение патриарха Нила именует Ольгерда «литовским князем-огнепоклонником»³⁴. Определение датировано 1380 г. Основано ли оно на архивных документах патриаршей канцелярии, современных событию, или Ольгерд, умерший в 1377 г., остался язычником в памяти младших современников, — в данном случае не столь важно.

Весной 1370 г. митрополит Алексий отправил к Константинопольскому патриарху Филофею посольство — своего человека Аввакума и человека великого князя Дмитрия Ивановича Даниила — с грамотами, рассказывающими о событиях конца 1368 г.³⁵ и с просьбой о вмешательстве во взаимоотношения с русскими князьями. Посольские грамоты митрополита Алексия и князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) не сохранились, однако их содержание (а возможно, и прямые цитаты из них) передают ответные грамоты патриарха Филофея. Они датированы июнем 1370 г.

Патриарх Филофей сообщал митрополиту Алексию: «Ты еще писал и доносил мне о князьях, нарушивших свои клятвы и мирные усло-

³¹ Гудавичюс Э. История Литвы. С. 134.

³² Ливонская хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 108.

³³ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 376–377.

³⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1880 (далее — РИБ). Т. 6. Приложения. Стб. 168.

³⁵ О том, что речь в послании митрополита Алексия шла именно о событиях 1368 г. («первой литовщине»), а не позднейших, см.: *Беспалов Р. А.* О письме Ольгерда патриарху Филофею // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 49–62 (особенно с. 55).

вия; об этом деле отправлены к ним грамоты нашей мерности, состоявшиеся по желанию и просьбе сына моего, великого князя»³⁶. К таким князьям (по именам они не называются), не хотевшим принять участия в войне против литовского князя, константинопольский патриарх отправил отлучительную грамоту, предававшую их анафеме.

Патриарх сообщал (вероятнее всего, цитируя грамоту митрополита Алексия), что некоторые князья присягали «итти войною против чуждых нашей вере врагов креста, не верующих в Господа нашего Иисуса Христа, но скверно и безбожно поклоняющихся огню»³⁷ (здесь и далее курсив мой. — О. Х.). Но они не только не выполнили клятвы, подчеркивал Филофей, но «напротив, соединились с нечестивым Олгердом»³⁸. Патриарх определял условия, при соблюдении которых отлучение будет с таких князей снято: когда они пойдут «вместе с великим князем на врагов креста»³⁹.

Отдельное анафематствование было адресовано союзнику Ольгерда в событиях 1368 г. смоленскому князю Святославу. Отлучительная грамота константинопольского патриарха содержала те же упреки: князь Святослав клялся «в том, чтобы тебе ополчиться на врагов нашей веры и креста, поклоняющихся огню и верующим в него», однако же «ополчился вместе с Олгердом против христиан, и многие из них были убиты и разорены», чем «совершил тяжкий грех против своей веры и своего христианства»⁴⁰.

Таким образом, в событиях 1368 г. литовский князь Ольгерд характеризуется патриархом Филофеем (а изначально — митрополитом Алексием) как «нечестивый», «враг веры и креста», не христианин («не верующий в <...> Христа») и огнепоклонник.

Культ огня в языческих верованиях литовцев действительно имел место. Виленские мученики Антоний и Иоанн происходили «от места литовьскаго, огню и тии служаще, подобно другим съплеменным своим»⁴¹.

Ольгерд умер в 1377 г. и был похоронен по языческому обычаю. Современник Ольгерда Герман Вартбергский так описал эту церемо-

³⁶ РИБ. Т. 6. Приложения. Стб. 108.

³⁷ Там же. Стб. 118.

³⁸ Там же. Стб. 120.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Стб. 122.

⁴¹ Книга жыцій і хаджэніяў. С. 135.

нию: «В том же году, в то же время, умер Альгарден (Ольгерд. — О. Х.), главный литовский король. При его похоронах, сообразно литовскому суевию, было совершено торжественное шествие, с сожжением различных вещей и 18 боевых коней»⁴². Русские летописцы откликнулись на смерть Ольгерда неприязненной эпитафией: «Умре в Литве князь Ольгерд Гедиминович, зловерный, безбожный, льстивый»⁴³ (вариант — «зловерный, безбожный и нечестивый»⁴⁴).

Итак, современные Ольгерду источники характеризуют великого князя как язычника на протяжении всей его жизни. Но откуда взялась легенда о крещении Ольгерда незадолго до смерти и принятии им схимы? Она воспроизводится начиная с Н. М. Карамзина (без ссылки на источник⁴⁵) и вплоть до современных Интернет-ресурсов. Очевидно, что в основе этих суждений — текст из круга памятников «Сказания о князьях Владимирских»⁴⁶.

Р. П. Дмитриева склонялась к датировке «Сказания» 20-ми годами XVI в. А. А. Зимин относил сложение этого памятника к 90-м годам XV в.⁴⁷ В любом случае, Послание митрополита Спиридона-Саввы Сатаны, одно из ранних произведений этого круга, и самое раннее, содержащее известие о крещении Ольгерда, исходя из заявленного авторства, следует датировать временем до его кончины в 1503 г.⁴⁸ Прошло не менее

⁴² Ливонская хроника Германа Вартберга. С. 131; о языческом контексте похоронной церемонии Ольгерда см.: *Куликаускаене Р. К.* Погребения с конями у древних литовцев // Советская археология. 1953. [Вып.] 17. С. 211–222; *Вайткунскене Л.* К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V–XIII вв.) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 201–206.

⁴³ ПСРЛ. Т. 4. С. 72; Т. 16. Стб. 103.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 193; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 402.

⁴⁵ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 32–33; прим. 50. С. 237–238.

⁴⁶ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 169, 180–181, 204, 213.

⁴⁷ *Зимин А. А.* [Рец. на кн.:] Сказание о князьях Владимирских / сост.-ред. Р. П. Дмитриева. М., 1955. 214 с. // Исторический архив. 1956. № 3. С. 235–238; *Он же.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 149–159.

⁴⁸ Р. П. Дмитриева, настаивая на своей датировке произведения 1520-ми годами, попыталась дискредитировать указания на авторство Спиридона-Саввы. Аргументы Р. П. Дмитриевой были критически рассмотрены А. И. Алексеевым: *Алексеев А. И.* «Спиридон рекомый, Савва глаголемый» (заметки о сочинениях Киевского митрополита

века с тех событий, которые были описаны в произведении Спиридона-Саввы.

В отличие от проблемы датировки, исследователями был достигнут консенсус в отношении особого внимания Спиридона-Саввы к истории тверского княжеского дома. Это объясняется тверским происхождением автора — летописи называют его «тверитин». По мнению Я. С. Лурье, «смысл рассказа Спиридона — прославление великих князей тверских». Ольгерд у Спиридона-Саввы — фигура не столь значительная по сравнению с великим князем тверским Михаилом Александровичем. Свою сестру Ульяну великий князь Михаил выдает замуж за Ольгерда, поскольку «возлюби его» — после того как Ольгерд решает «присягу имети к нему и помоществовати во всем и повиноватися». Собственно, этот брак и сделал Ольгерда князем — «и от того часа наречся Олгерд князем по жене своей, великой княжне Ульяне». От этого брака, согласно Спиридону, родились Андрей Полоцкий, Владимир Ржевский и Бельский, Иван Острожский, Яков, Лыгвень, Василий Чарторыйский, Лев Волинский и Олелько — «си все от великие княжны Улияны христианы беста». Познания Спиридона о сыновьях Ольгерда и Ульяны крайне путанные. Андрей Полоцкий упоминается с 1341 г. и не мог родиться в браке, заключенном в 1349 или 1350 г. Владимир Ольгердович был поставлен на Киевское княжение в 1362 г., о его Бельско-Ржевском княжении ничего не известно. Белую получил в княжение его сын Иван в 1420 г. Среди ряда версий о происхождении князей Острожских в качестве родоначальника Иван Ольгердович не фигурирует. Возможно, Спиридон имел в виду князя Ивана Васильевича Острожского (ум. ок. 1466 г.). Яков — это, вероятно, Ягайло (католик); Лыгвень — Лугвений, родоначальник князей Мстиславских. Василий Чарторыйский — сын первого князя Чарторыйского Константина, который был или сыном Ольгерда, или сыном Коритата. Лев Волинский — возможно, Лев Юрьевич Галицко-Волинский, не имевший отношения к Гедиминовичам. Наконец, Олелько — внук Ольгерда, киевский князь (1443) Олелько (Александр) Владимирович.

В рассказе о крещении Ольгерда главным героем выступает не он сам, а княгиня Ульяна. В свете особой склонности Спиридона-Саввы к тверским князьям, Ульяна предстает в его повествовании в идеализированном виде — она обеспечивает своему супругу княжеский статус,

Спиридона) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 5–16.

рожает ему и воспитывает в православии многочисленное потомство и, наконец, приводит его к христианству.

Вопрос о письменных источниках Спиридона-Саввы был поставлен Р. П. Дмитриевой в 1957 г.⁴⁹ Однако в 2006 г. И. В. Жиленко и А. В. Кузьминым в качестве источников Послания был предложен концепт «предания», т. е. устного, фольклорного источника. По предположению авторов, Послание Спиридона-Саввы (точнее, «предание, отразившееся в “Послании”») отчасти приписало Ольгерду биографию его внука, киевского князя Олелька (Александра) Владимировича: «Кн. Александр перед смертью принял схиму с именем Алексей и <...> был похоронен в Киево-Печерском монастыре»⁵⁰. В иных источниках, независимых от Послания Спиридона-Саввы, предполагаемое И. В. Жиленко и А. В. Кузьминым «предание», кажется, не «отразилось».

Об иноческом имени Олелька Владимировича сообщает Киево-Печерский помянник: «...великаго князя Владимира Киевскаго и сына его князя Александра Киевскаго, нареченнаго в иноцех Алексей»⁵¹. Однако источником сведений для Спиридона-Саввы (или предполагаемого И. В. Жиленко и А. В. Кузьминым «предания») этот помянник быть не мог, поскольку содержал иное крестильное имя Ольгерда: «...князя великаго Олгерда, нареченнаго в святом крещении Димитриа»⁵².

Сообщение Киево-Печерского помянника заслуживает специального рассмотрения. С. Т. Голубевым установлено, что начало функционирования этого синодика относится к 1483–1490 гг.⁵³ Поминание Ольгерда-Дмитрия содержится в главе «Помяни, Господи, князи наших великих». Вероятно, составитель предполагал дать здесь имена великих

⁴⁹ Дмитриева Р. П. О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 440–445.

⁵⁰ Жиленко И. В., Кузьмин А. В. Давид // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 562–563.

⁵¹ Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия / сообщ. С. Т. Голубев // Чтения в историческом об-ве Нестора Летописца. Киев, 1892. Кн. 6. Отд. 3. С. 6–7.

⁵² Там же. С. 6. Издатель отмечает: «Далее в подлиннике около 3 строк соскоблено. Было написано: князя великаго Витовта, нареченаго в святом крещении Александра». Таким образом, Спиридон мог спутать Ольгерда и с Витовтом, и с князем Александром Сангушковичем, «а во иноцех Алексием» (Там же. С. 37), и, вероятно, рядом иных.

⁵³ Там же. С. VIII.

князей киевских, литовских, московских и князей-наместников киевских, управлявших Киевом от имени литовских князей. Однако этот замысел не был реализован полностью. Поминание открывается именем «князя великого Владимира, нареченного в святом крещении Василя» (это, без сомнения, Владимир Святославич), второе имя — Ольгерда.

Великокняжеское поминание было составлено на основании главы «Род княгини Ульяны Юрьевой»⁵⁴ путем ее дополнения:

«Князи наши великие»	«Род княгини Ульяны Юрьевой»
Князя великаго Владимира, нареченного с святом крещении Василя	Князя великаго Владимира киевского
Князя великаго Олгерда, нареченного в святом крещении Димитриа	—
Князя великаго Витовта, нареченного в святом крещении Александра	Князя Александра
Князя великаго Симеона...	Князя Симеона
Князя Олгимонта, нареченного в святом крещении Михаила, а в иноцех Евфимия	Помяни господи убиенных князя Михаила Александровича
—	князя Иоанна Юрьевича
Князь Олгимонтович Иоанн	князя Иоанна Ольгимонтовича
и сына его князь Андрея	—
князя Симеона Ивановича	князя Симеона
князя Симеона	—
и сына его князь Юрия	князя Юрия, сына его
и сына его князь Василя	князя Василя

Л. В. Войтович предположил, что данный «блок включает родину княгини Юліани Юр'євої, тобто Юліанни Юріївни Гольшанської, яка померла у 16-річному віці і була похована у монастирі на Ближніх печерах, а пізніше канонізована»⁵⁵. С этим трудно согласиться — княжна-деви-

⁵⁴ Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия). С. 7.

⁵⁵ Войтович Л. Князівські династії східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000.

ца Ульяна не могла быть названа «княгиней Юрьевой». Родопомынная запись явно принадлежала ее матери, супруге князя Юрия Семеновича Гольшанского, которую также звали Ульяной⁵⁶. Здесь под великим князем Владимиром киевским мог пониматься как Владимир Святославич, так и, что более вероятно, киевский князь (1362) Владимир Ольгердович (ум. после 1398). Князь Александр у Ульяны — Олелько Владимирович (ум. 1454), его сын, князь киевский в 1443–1455 гг. Князь Семен — Семен Олелькович (ум. 1470), князь киевский в 1455–1470 гг. Далее княгиня Ульяна поминает «убиенных князей» Михаила Александровича и Ивана Юрьевича. Это казенные в 1481 г. за заговор против Казимира Ягеллончика Михаил Олелькович и Иван Юрьевич Гольшанский-Дубровицкий, сын княгини Ульяны. Тем самым перечисление Ольгердовичей завершается, и начинаются имена князей Гольшанских: Иван Ольгимонтович (основатель рода и, вероятно, первый его представитель, принявший православие), Семен (Иванович Лютый, свекор княгини Ульяны, казненный Свидригайло в 1433 г.), Юрий (Семенович, муж княгини Ульяны, ум. ок. 1457 г.), Василий (сын Ульяны и Юрия, даты жизни неизвестны).

При редактировании списка княгини Ульяны было вставлено имя князя Ольгерда-Дмитрия, Олелько-Александр был подан как великий князь Витовт-Александр, Семен Олелькович стал великим князем Семеном и открыл в главе «Помяни, Господи, князи наших великих» список великий князей московских (т. е. понимался как Семен Гордый)⁵⁷.

Таким образом, имя Ольгерда-Дмитрия в помяннике Киево-Печерской лавры было написано достаточно поздно и является произвольной вставкой переписчика. Изначально в родопомынном списке княгини Ульяны Гольшанской (чья принадлежность к Ольгердовичам, что предполагал Л. В. Войтович, вполне правдоподобна) имя Ольгерда отсутствовало.

Помянник содержит в своем составе поминания и иных родов, восходящих к Ольгерду. Синодик князей Кобринских открывается именем князя Федора (Ольгердовича)⁵⁸, князей Трубецких — князя Дмитрия

URL: <http://litopys.org.ua/dynasty/dyn09.htm> (дата обращения: 19.12.2015).

⁵⁶ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 99, 115.

⁵⁷ Трудно сказать, входило ли в список княгини Ульяны имя князя Андрея Ивановича Ольгимонтовича.

⁵⁸ Древний помянник. С. 11. Имя этого князя встречается и в синодике Сангушкови-

(Ольгердовича)⁵⁹. В синодик князей Мстиславских-Лутвеневичей имя Ольгерда внесено без христианского⁶⁰. Получается, что прямые потомки Ольгерда не располагали крестильным именем Ольгерда, оно появилось под пером составителя Киево-Печерского помянника между 1481 и 1483 гг.

Итак, современные Ольгерду источники не дают оснований для предположения о переходе этого князя-язычника в православие. Впервые эта идея появляется только в конце XV в. в текстах, имеющих отчетливую идейную мотивацию. Текст Спиридона-Саввы, прославляющий княгиню Ульяну Александровну Тверскую, рисовал ее миссионером в языческой среде, воспитавшей своих детей в православии и добившейся обращения супруга. Помянник Киево-Печерского монастыря замышлялся как декларация древнего почитания обители со стороны православных князей Киева, Москвы и Литвы. Поскольку источники происходили из разных мест, они по-разному отвечали на вопрос об имени, данном Ольгерду при крещении. Первый предлагал имя Александр, второй — Дмитрий; оба варианта в равной степени мало достоверны, как сомнительно и само событие. Аргументы о переходе Ольгерда в православие, сформулированные к настоящему времени в историографии, представляют собой суждения, основанные на недоказанных предположениях. Ни борьба Ольгерда за независимость западнорусских епархий от московского митрополита, ни его браки с православными княжнами, ни строительство церквей в Великом княжестве Литовском в период его правления не могут сами по себе считаться свидетельством его православия.

чей, но ему здесь предшествуют имена князей Иоакима, Василия, Анании, Иоанна и Василия (Там же. С. 23).

⁵⁹ Там же. С. 11.

⁶⁰ Там же. С. 35.

Источники и литература

1. *Алексеев А. И.* «Спиридон рекомый, Савва глаголемый» (заметки о сочинениях Киевского митрополита Спиридона) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 5–16.
2. *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. СПб., 1890.
3. *Беспалов Р. А.* О письме Ольгерда патриарху Филофею // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 49–62.
4. *Вайткунскене Л.* К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V–XIII вв.) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 201–206.
5. *Ветловская В. Е.* Летописное осмысление княжеских пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Русский фольклор. Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Т. 24. С. 33–43.
6. *Вовин А. А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове в XIV–XV веках // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Т. 13 (23). С. 103–114.
7. *Войтович Л.* Князівські династії східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000. URL: <http://litopys.org.ua/dynasty/dyn09.htm> (дата обращения: 19.12.2015).
8. *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. 1996. [Вып.] 1. С. 76–110.
9. *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005.
10. *Дмитриева Р. П.* О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 440–445.
11. *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.
12. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия / *сообщ. С. Т. Голубев* // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1892. Кн. 6. Отд. 3. С. 1–88.
13. *Жиленко И. В., Кузьмин А. В.* Давид // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 562–563.
14. *Зимин А. А.* [Рец. на кн.:] Сказание о князьях Владимирских / сост.-ред. Р. П. Дмитриева. М., 1955. 214 с. // Исторический архив. 1956. № 3. С. 235–238.
15. *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.
16. *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
17. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5.
18. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. 1.
19. Книга жыццй і хаджэніяў: пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад., *прадм. і каментарыі А. [А.] Мельнікава.* Мінск, 1994.

О вероисповедании литовского великого князя Ольгерда

20. Куликаускаене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев // Советская археология. 1953. [Вып.] 17. С. 211–222.
21. Ливонская хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 81–155.
22. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 21995. Кн. 3. Т. 4.
23. Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990.
24. Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI века. М., 1971.
25. Огицкий Д. П. К истории виленских мучеников // Богословские труды. 1984. Вып. 25. С. 226–246.
26. Полное собрание русских летописей. СПб., 1843. Т. 2; СПб., 1848. Т. 4; СПб., 1851. Т. 5; СПб., 1856. Т. 7; М., 1910. Т. 23; Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1; М., 1949. Т. 25.
27. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / под ред. и с предисл. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
28. Псковские летописи. Вып. 1–2. М.; Л., 1941.
29. Русецкий А. В., Русецкий Ю. А. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года. Минск, 2001.
30. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1880. Т. 6. Приложения.
31. Стефанович П. С. Знать и военные слуги в социально-политической структуре древнерусского государства в X — первой трети XII в.: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
32. Хроника Быховца. М., 1966.
33. Strykowski M. Kronika polska, litewska, zródzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2.
34. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

А. В. Полетаев, Е. А. Полетаева

СТАРОПЕЧАТНЫЕ КНИГИ XVII–XVIII ВВ. В СОБРАНИИ ПРАВОСЛАВНОГО МУЗЕЯ ВЕРХОТУРСКОГО СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В статье представлены материалы по книжной археографии, знакомящие читателей с коллекцией старопечатных кириллических книг Православного музея Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря. Публикация содержит научное описание пяти наиболее ранних по времени типографского выхода старопечатных книг: двух кодексов XVII в. — «дониконовского» Евангелия Учительного, изданного на Московском Печатном дворе в 1633 г. и вышедшего после церковной реформы патриарха Никона Служебника с соборным свитком (М.: Печатный двор, 1668) и трех изданий XVIII в.: Евангелия, выпущенного Печатным двором в Москве в 1711 г., после упразднения Петром I русского патриаршества, Евангелия, напечатанного при Павле I в Московской типографии Святейшего Синода (М.: Синодальная типография, 1796) и изданной год спустя Библии (М.: Синодальная типография, 1797).

Ключевые слова: *Православный музей Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря, книжная археография, старопечатная книга XVII–XVIII вв.*

Музей при Свято-Николаевском монастыре был основан в 1996 г. по инициативе и при деятельном участии наместника обители игумена Тихона (Затёкина) и первого директора музея Раисы Николаевны Огарковой. Музейное собрание старопечатных книг и рукописей начало формироваться еще раньше — в 1995 г. К настоящему моменту музейный фонд насчитывает 56 книг старой печати (XVII–XX вв.) и 6 рукописей (XIX–XX вв.). Кроме того, среди редких книг музея наличествует несколько десятков экземпляров гражданской печати — книги Священного Писания (издания Синодальной типографии, Типографии Киево-Печерской лавры, «Российского библейского общества», «Британского и иностран-

ного библейского общества» и др.), святоотеческие, духовно-просветительские и исторические сочинения, церковная периодика XIX — начала XX вв. На большинстве книг имеются интереснейшие записи и штампы (о принадлежности книг Верхотурскому Свято-Николаевскому мужскому и екатеринбургскому Ново-Тихвинскому женскому монастырям, различным приходским церковным библиотекам и частным владельцам). Собрание продолжает пополняться за счет дарений от паломников, приезжающих в Свято-Николаевскую обитель из различных регионов России. В 2016 г. Православный музей Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря отмечает свое 20-летие, однако научное описание музейной книжно-рукописной коллекции началось совсем недавно. Мы представляем научное описание пяти наиболее ранних по времени типографского выхода старопечатных книг музея — кодексов XVII–XVIII вв. В дальнейшем надеемся опубликовать продолжение нашей работы по археографическому описанию рукописей, старопечатных изданий и книг гражданской печати данной музейной коллекции.

1. ВПМ РК 1п. ЕВАНГЕЛИЕ УЧИТЕЛЬНОЕ. М.: Печатный двор, 17. 03. 1633 (6. 10. 7140 – 17. 03. 7141). Михаил; Филарет.

2° [*]⁸ [1]⁸ – [74]⁸ [75]⁴ = л. 2 пустых, 1–6, [1 пустой (отсутствует)], 1–595 = 604 л. Строк на странице 22. Шрифт: 10 строк = 90 мм. Формат полосы набора: 30,8×11,4–13,0.

Орнамент: инициалы; заставки (инициалов 3 с 2 досок, заставок 3 с 3 досок).

Печать в две краски. Сигнатуры в центре нижнего поля первого листа тетради, фолиация в правом верхнем углу — кирилловскими цифрами.

Содержание:

Оглавление, л. 1–6 перв. сч.;

Поучение на притчу о мытаре и фарисее, л. 1–9 об. втор. сч.;

Поучение «в Неделю о блудном сыне», л. 9 об. – 20 втор. сч.;

Поучение «в Неделю мясопустную», л. 20–29 втор. сч.;

Поучение «в Неделю сыропустную», л. 29–39 об. втор. сч.;

Поучение «в 1-ю Неделю Великого поста», л. 39 об. – 55 втор. сч.;

Поучение «во 2-ю Неделю Великого поста», л. 55 об. – 64 втор. сч.;

Поучение «в 3-ю Неделю Великого поста», л. 64 об. – 75 об. втор. сч.;

Поучение «в 4-ю Неделю Великого поста», л. 75 об. – 84 втор. сч.;

Поучение «в 5-ю Неделю Великого поста», л. 84 – 92 втор. сч.;

Поучение «в Лазареву субботу», л. 92–97 об. втор. сч.;

Поучение «в Цветную Неделю», л. 97 об. – 103 об. втор. сч.;

Поучение «в Неделю Святыя Пасхи», л. 103 об. – 108 втор. сч.;

Поучение «в понедельник Светлыя Недели», л. 108–112 об. втор. сч.;

Поучение «в Фомину неделю», л. 112 об. – 121 втор. сч.;

Поучение «в Неделю святых жен мироносиц», л. 121 об. – 128 втор. сч.;

- Поучение «в Неделю о разслабленном», л. 128–136 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю о самаряныни», л. 136–148 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю о слепом», л. 148–156 втор. сч.;
- Поучение «на Вознесение Господне», л. 156–160 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю святых отец», л. 160 об. – 167 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю святых Пятидесятницы», л. 167–178 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 1-ю, всех святых», л. 178 об. – 185 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 2-ю», л. 185 об. – 191 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 3-ю», л. 191 об. – 198 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 4-ю», л. 198–206 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 5-ю», л. 206 об. – 214 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 6-ю», л. 214 об. – 224 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 7-ю», л. 224–230 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 8-ю», л. 230 об. – 236 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 9-ю», л. 236 об. – 245 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 10-ю», л. 245 об. – 253 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 11-ю», л. 253 об. – 260 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 12-ю», л. 260–266 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 13-ю», л. 266 об. – 271 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 14-ю», л. 271–277 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 15-ю», л. 277–282 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 16-ю», л. 282 об. – 288 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 17-ю», л. 288–295 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 18-ю», л. 295–301 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 19-ю», л. 301 об. – 310 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 20-ю», л. 310–316 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 21-ю», л. 316–325 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 22-ю», л. 326–337 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 23-ю», л. 337–344 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 24-ю», л. 345–351 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 25-ю», л. 351–360 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 26-ю», л. 360 – 367 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 27-ю», л. 367 об. – 375 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 28-ю», л. 375 об. – 383 втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 29-ю», л. 383 об. – 390 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 30-ю», л. 390 об. – 398 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 31-ю», л. 399–405 об. втор. сч.;
- Поучение «в Неделю 32-ю», л. 405 об. – 414 об. втор. сч.;
- «Месяца септеврия в 1-й день. Поучения на Владычни праздники и на памяти святых», Поучение «о добродетелех», л. 415 – 421 об. втор. сч.;
- «В той же день поучение второе», л. 421 об. – 425 втор. сч.;
- «В той же день поучение третье», л. 425 – 428 об. втор. сч.;
- «Месяца септеврия в 8-й день. Слово на Рожество Пресвятыя Богородицы», л. 428 об. – 432 об. втор. сч.;

Старопечатные книги XVII–XVIII вв. в собрании православного музея...

«Поучение в Неделю пред Воздвижением Честнаго Креста», л. 432 об. – 439 втор. сч.;

«Месяца того же в 14 день. Поучение на Воздвижение Честнаго Креста», л. 439–444 об. втор. сч.;

«Месяца октоврия, 26 день. Поучение на память святого великомученика Димитрия», л. 444 об. – 452 об. втор. сч.;

«Месяца ноемврия в 1 день. Поучение на память святых безсеребренник и чудотворец Козмы и Дамияна», л. 452 об. – 458 втор. сч.;

«Месяца того же в 13 день. Поучение на память иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго, се же и на память святого и равнаго апостолом царя Константина и матере его Елены», л. 458–468 втор. сч.;

«Месяца ноемврия в 21 день. Поучение на Введение в церковь Пресвятыя Богородицы», л. 468–475 втор. сч.;

«Поучение в Неделю святых праотец», л. 475 об. – 483 втор. сч.;

«Поучение пред Рождеством Христовым», л. 483–493 втор. сч.;

«Месяца декамврия в 25 день. Поучение на Рождество Господа нашего Иисуса Христа», л. 493–499 втор. сч.;

«Поучение в Неделю по Рождестве Христове», л. 499–506 втор. сч.;

«Месяца генваря в 1 день. На память святого отца нашего Василия. Поучение душеполезно ко иноком», л. 506–511 об. втор. сч.;

«Поучение в Неделю пред Крещением Господним», л. 511 об. – 516 об. втор. сч.;

«Месяца генуария в 6 день. Поучение на Крещение Господне», л. 517–525 об. втор. сч.;

«Поучение в Неделю по Крещении Господни», л. 525 об. – 533 втор. сч.;

«Месяца февруария в 2 день. Поучение на Сретение Господне», л. 533 об. – 538 об. втор. сч.;

«Месяца марта в 25 день. Поучение на Благовещение Пресвятыя Богородица», л. 538 об. – 542 об. втор. сч.;

«Месяца априля в 23 день. Поучение на память святого великомученика Георгия», л. 543–551 втор. сч.;

«Месяца июня в 24 день. Поучение на Рождество Иоанна Крестителя», л. 551–559 втор. сч.;

«Месяца августа в 1 день. Поучение о заповедех Божиих», л. 559–566 втор. сч.;

«Месяца августа в 6 день. Поучение на Преображение Господне», л. 566 об. – 575 втор. сч.;

«Месяца августа в 15 день. Поучение на Успение Пресвятыя Богородицы», л. 575–582 об. втор. сч.;

«Месяца августа в 29 день. Поучение на Усекновение главы святого Иоанна Предтеча», л. 582 об. – 591 втор. сч.;

Выходные данные, л. 592–595 втор. сч.

Библиография: Зернова, 95.

Сохранность: отсутствует пустой л. между 1–6 л. перв. сч. и 1–595 л. втор. сч.; отдельные листы закапаны воском и имеют надрывы.

Переплет: доски в коже с блинтовым тиснением (конец XVIII — начало XIX в.); застежки утрачены; на верхней крышке сохранились две бронзовые резные пластинки с пробоями, на нижней — две (из четырех) бронзовые резные, в виде сердечек жуковины; форзацные листы (по 2 спереди и сзади) и листы обклейки оборотных сторон досок современны переплету.

Записи: л. 10, 16, 18, 24, 27, 32 втор. сч., коричневыми чернилами скорописью XVII в.: «...сиречь Толко[вое] ... Гарасима Григорьева сына Шорина»*; л. 4 перв. сч., 2, 4, 6, 8, 10 втор. сч., темно-коричневыми чернилами скорописью XVII в.: «Сия книга ... Толковое попа Парфения Игнатьева сына ... (два слова нрзб.); 1 ф. л. полууставом конец XVIII — начало XIX в. киноварью (суриком): «Сия святая и богодухновенная кника (sic!) Поучительное Евангелие Иргинскаго завода жителя Ивана Григорьева Пономарева»; 4 ф. л., тот же поч., коричневыми чернилами: «Сия книга оуже напечатана (sic!) по сей год — то есть 1825-й и тако 195 лет»; л. 595 об. втор. сч., коричневыми чернилами скорописью XIX в.: «Сей святей книге по 1831-й год, значит, 197 лет»; 3 ф. л. об., тот же почерк: «Летопись: Патриар. Иосифъ преставился в лето от воплощенья Слова Божия в 1651-м году, а патриархъ Никонъ возведенъ на престол патриаршій в лето по Рожестве Христове в 1652-м году»; 1 ф. л. скорописью XIX в. коричневыми чернилами: «Продана сия служителемъ Матвѣемъ Пономаревымъ Артемью Малиновцову 1840 г. января 20 дня. Контрольеръ Пономаревъ»; на вложенном в книгу листке именной бумаги с типографским оттиском: «Адресъ для телеграммъ: Екатеринбургъ, Малиновцеву», коричневыми чернилами, скорописью нач. XX в.: «Сия богодухновенная книга Толковое Евангелие должно принадлежать после смерти моей сыну Ивану Флегонтычу Малиновцеву. Флегонтъ Малиновцевъ»; ниже приписка коричневыми чернилами скорописью XX в.: «+ сконч. 19. I. 23 г.»**; на об. 1 ф. л. стилизация коричневыми чернилами под скоропись XVII в., выполненная А. В. Полетаевым (1998 г.): «Сия святая богодухновенная книга, глаголемая Евангелие Учително дадена бысть Людмилою Юрьевой дочерью, Александровскою вдовою Володимеровича Хлебникова въ Верхотурской Николской монастырь при игумене Тихонъ з братьею лѣта 7506-го июня въ 1 день. И за ея бы, Людмилы, здравье и его, Александра, упокой, им, братье, Бога молить, и книгу сию из обители не вынести и не продать, и не заложить никуды во вѣки. Аминь»; на отдельных листах чернильные и карандашные пометы XVIII–XIX вв. типа «зри», пробы пера.

* Имя владельца книги Герасима Григорьевича Шорина хорошо известно историкам российского предпринимательства. Во второй половине 20-х гг. XVII в. он вошел в состав московской привилегированной купеческой корпорации «Гостинная сотня» (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 142, 253). «Вязмичи» Шорины, выдвинувшись в верхушку столичного купечества, становятся в первой половине XVII в. одной из авторитетнейших и богатейших его фамилий. Отец Г. Г. Шорина — «Гостинной сотни» торговый человек Григорий Семенович уже в начале XVII в. (по крайней мере, с 1610 г.) упоминается с высшим для купцов чином — «гость московский» (Там же. С. 77–79, 88, 214, 243).

** Владелец кодекса — екатеринбургский купец-старообрядец Флегонт Артемьевич Малиновцев, по всей видимости, скончался в русской эмиграции в Китае. По словам дарительницы кодекса Л. Ю. Хлебниковой (Екатеринбург), Евангелие наряду

с некоторыми другими книгами было приобретено в Харбине ее покойным мужем, где последний некоторое время работал на дипломатической службе при КВЖД. Харбинская «букинистическая легенда» отчасти подтверждается тем, что на рукописном Часовнике (ВПМ РК 17 р), также подаренном музее Л. Ю. Хлебниковой, переплетные крышки сделаны из экзотической породы дерева. Бумажная обклейка оборотной стороны нижней крышки отстает — на дереве видны пропечатанные китайские иероглифы (маркировка ящика, из которого, вероятно, сделана крышка переплета?).

2. ВПМ РК 2п. СЛУЖЕБНИК С СОБОРНЫМ СВИТКОМ. М.: Печатный двор, 08. 1668 (7176). Алексей; Иоасаф II.

4°. 17 2⁸ – 38⁸ [*]⁴ 1⁸ – 2⁸ = л. [1–4, 1 пустой (отсутствуют)] 1–302, [1 пустой (отсутствует)], 4 нн., 1–14, [15–16 (отсутствуют)] = 328 л. Строк 17 и 32. Шрифты: 10 строк = 85 и 50 мм. Формат полосы набора: 15,2-16,3×9,9-9,8.

Гравюры: 4 — дискос, чаша, просфора, крест (Л. 72 втор. сч.).

Орнамент: инициалы; заставки; концовки; рамки на полях (заставок 21 с 6 досок; концовок 11 с 4 досок; рамок на полях 19 с 5 досок).

Печать в две краски. Сигнатуры в центре нижнего поля первого листа тетради, фолиация в правом верхнем углу — кирилловскими цифрами.

Содержание:

«Устав священнослужения, сиречь како служит диакон со священником в Великой вечерни же и утрени, и литургии <...>», л. 1–20 об. втор. сч.;

Последование вечерни, л. 21–31 об. втор. сч.;

Последование утрени, л. 32 об. – 63 об. втор. сч.;

«Чин Священных и Божественных литургии <...>», л. 64–81 об. втор. сч.;

Литургия св. Иоанна Златоуста, л. 82–137 об. втор. сч.;

Указание о днях службы литургии св. Василия Великого («Знаменую, яко сия Божественная литургия Великаго Василия не глаголется всегда <...>»), л. 138 об. втор. сч.;

Литургия св. Василия Великого, л. 139–180 об. втор. сч.;

«Чин Божественных литургии преждеосвященных», л. 181–203 об. втор. сч.;

«Чин благословения колива, сие есть кутии <...>», л. 204–206 об. втор. сч.;

л. 207–208 об. втор. сч. — «Ведомо буди, яко во днеш седмицы по отпусе вечерни и утрени творим литию сице <...>»;

«Указ, како подобает глаголати отпусты во Владычни праздники и Богоматере, и во все лето», л. 209–212 втор. сч.;

Месяцеслов (сентябрь — л. 212 об. – 219 об.; октябрь — л. 219 об. – 223; ноябрь — л. 223 об. – 227; декабрь — л. 227–233; январь — л. 233 об. – 239 об.; февраль — л. 240–242 об.; март — л. 243–246; апрель — л. 246–248 об.; май — л. 248 об. – 253; июнь — л. 253 об. – 256 об.; июль — л. 257–261 об.; август — л. 261 об. – 266 об.), л. 212 об. – 266 об. втор. сч.;

Прокимны на Великий пост, л. 267–274 втор. сч.;

Прокимны на Светлую Седмицу, л. 274 об. – 285 втор. сч.;

«Прокимны и аллилуия воскресны, утрения и литургийныя на осем гласов», л. 285 об. – 288 об. втор. сч.;

«Прокимны и аллилуия дневнии», л. 289 об. – 291 втор. сч.;

«Прокимны и аллилуия общия святым, им же егда творим службу», л. 291 об. – 295 об. втор. сч.;

Благодарственные молитвы «по святом причащении», л. 295 об. – 299 об. втор. сч.;

Указатель дней «на разрешение поста Святыя Четырдесятницы, в кия дни разрешати на вино и елей», л. 300–302 об. втор. сч.;

«Отпусты дневнии во всю седмицу <...>», л. 1 нн. – 4 нн. об. втор. сч.;

Соборный свиток: «От свитка Освященнейшаго собора. О исправлении книги сея Соборника» — л. 1–8 об.; «От правил и повелений, яже предложиша на Освященном соборе блаженнейший и всесвятый кир Паисий <...>» — л. 9–14 об.), л. 1–14 об. трет. сч.

Библиография: Зернова, 321.

Сохранность: отсутствуют 1–4 л. перв. сч. и следующий за ними пустой л., пустой л. после 302 л. втор. сч., 15–16 л. трет. сч.; отдельные листы имеют надрывы.

Переплет: не сохранился; по проклейке корешка 3 прошивных жгутовых шнура.

Записи: на полях в месяцесловной части кодекса, коричневыми чернилами скорописью XIX в. календарные пометы: л. 222 втор. сч.: «Казанск[ая]» (22 октября); л. 245 втор. сч.: «НВ. 1828-го года Пасха Христова днесь» (25 марта); л. 246 втор. сч.: «1827-го года Пасха Христо[ва]» (3 апреля); л. 256 об. втор. сч.: «27-го іюня воспоминаніе победы, Богомъ дарованной Петру Вѣликому надъ шведскимъ королемъ Карломъ Двнатцатымъ» (27 июня); также в месяцесловной части от руки проставлены условные значки церковных праздников.

3. **ВПМ РК 20п. ЕВАНГЕЛИЕ.** М.: Печатный двор, 08. 1711 (7219). Петр I.

2°. 1¹⁺⁸ – 53⁸, [54⁸ – 56⁸ 57⁸⁺¹ (отсутствуют)] = л. 1 тит., 1–424, [425–457 (отсутствуют)] = 458 л. Строк на странице: 16–17, 25–26. Шрифт: 10 строк = 126, 82 мм. Формат полосы набора: 22,2–20,0×15,1–13,6.

Декор: Страницы в рамках из линеек и гравированных рамок.

Гравюры на меди: 4 с 4 досок — евангелисты (л. 13 об., 130 об., 208 об., 334 об.). В тексте распятие на л. 394 об.

Орнамент: инициалы; заставки; концовки; рамки на полях.

Печать в две краски. Сигнатуры в центре нижнего поля первого листа тетради, фолиация в правом верхнем углу — кирилловскими цифрами. Страницы в двойных линейных рамках.

Содержание:

Выходные данные, л. 1 тит. — л. 1 тит. об.;

Житие св. евангелиста Матфея («от Софрония»), л. 1;

Евангелие от Матфея, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 1 об. – 6;

«Ведомо буди, яко четыре суть Евангелия <...>», л. 6 об.;

«Сказание приемлющее всего лета число евангелское <...>», л. 6 об. – 8;

Оглавление Евангелия от Матфея, л. 8 об. – 10;

Предисловие Феофилакта Болгарского к Евангелию от Матфея, л. 10 об. – 12 об.;

Евангелие от Матфея, л. 14–122;

Житие св. евангелиста Марка (от св. Иеронима), л. 123–123 об.;

Евангелие от Марка, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 124–126 об.;

Старопечатные книги XVII–XVIII вв. в собрании православного музея...

Оглавление Евангелия от Марка, л. 127–128 об.;

Предисловие к Евангелию от Марка, л. 129–129 об.;

Евангелие от Марка, л. 131–198 об.;

Житие св. евангелиста Луки («от собрания Дорофея мученика, Тирскаго епископа»), л. 199;

Евангелие от Луки, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 199 об. – 203 об.;

Оглавление Евангелия от Луки, л. 204–206;

Предисловие к Евангелию от Луки, л. 206 об. – 207 об.;

Евангелие от Луки, л. 209 – 326 об.;

О св. Иоанне Богослове («от собрания Дорофея мученика и Тирскаго епископа»), л. 327;

Евангелие от Иоанна, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 327 об. – 330 об.;

Оглавление Евангелия от Иоанна, л. 331–331 об.;

Предисловие к Евангелию от Иоанна, л. 332–333 об.;

Евангелие от Иоанна, л. 335–423 об.;

«Сказание еже како на всяк день должно есть чести Евангелие <...>», л. 424–424 об.

Библиография: Зернова, Каменева, 100; Гусева, 262.

Сохранность: отсутствуют 425–457 л.

Переплет: Доски, обложенные парчой XIX в. (золотая нить по бархату светло-коричневого цвета). Изначально переплет был обложен малиновым бархатом — по капталу выступают фрагменты старого оклада. Реставрация переплета второй половины XX в.: форзацные листы (по 2 спереди и сзади), обклейка оборотных сторон крышек переплета.

4. ВПМ РК 3п. ЕВАНГЕЛИЕ. М.: Синодальная типография, 12. 1796 (7305)*. Павел; Синод.

1°. 1¹⁺⁶⁺¹⁺¹ 2⁸ – 8⁸ 9¹⁺⁶⁺¹ 10⁸ – 14⁸ 15⁶⁺¹⁺¹ 16⁸ – 22⁸ 23⁶⁺¹⁺¹ 24⁸ – 31⁸ 32⁴ = л.: 1 тит.**; 1–7, 1 гравюра, 8–70, 1 гравюра, 71–113, 1 гравюра, 114–180, 1 гравюра, 181–248 = 253 л. Шрифт: 10 строк = 126, 84 мм. Строк на странице: 24, 36. Формат полосы набора: 370×235–240.

Декор: Страницы в рамках из линеек и гравированных украшений.

Гравюры на меди: 4 с 4 досок — евангелисты (с тех же досок, что и в издании 1766 г.): Матфей, с подп: «Грид: подмастерья Василей Иконниковъ, ри: ученикъ Петръ Поповъ. 1766 года»; Марк, с подп: «Грид. ученикъ Семень Назаровъ, ри. ученикъ Петръ Поповъ. 1766 года»; Лука, с подп: «Грид. ученикъ Алексей Андреевъ, ри. ученикъ Иванъ Федоровъ. 1766 года»; Иоанн, с подп: «Грид: Степан Юфимовъ, ри. под. Семень Второвъ. 1766 года». В тексте на л. 212 об. — распятие.

Орнамент: инициалы, заставки, концовки, рамки на полях.

Печать в две краски. Сигнатура в центре нижнего поля первого листа тетради между рамок, фолиация в правом верхнем углу — кирилловскими цифрами.

Содержание:

Выходные данные, л. тит. — л. тит. об.;

Житие св. евангелиста Матфея («от Софрония»), л. 1;

Евангелие от Матфея, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 1 об. – 3 об.;

- «Ведомо буди, яко четыре суть Евангелия <...>», л. 4;
«Сказание приемлющее всего лета число евангелское <...>», л. 4–4 об.;
Оглавление Евангелия от Матфея, л. 5–6;
Предисловие Феофилакта Болгарского к Евангелию от Матфея, л. 6 об. – 7 об.;
Евангелие от Матфея, л. 8–66 об.;
Житие св. евангелиста Марка (от св. Иеронима), л. 67;
Евангелие от Марка, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 67 об. – 69;
Оглавление Евангелия от Марка, л. 69 об. – 70;
Предисловие к Евангелию от Марка, л. 70 об.;
Евангелие от Марка, л. 71–108;
Житие св. евангелиста Луки («от собрания Дорофея мученика, Тирскаго епископа»), л. 108 об.;
Евангелие от Луки, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 109–111;
Оглавление Евангелия от Луки, л. 111 об. – 112 об.;
Предисловие к Евангелию от Луки, л. 113–113 об.;
Евангелие от Луки, л. 114–176 об.;
О св. Иоанне Богослове («от собрания Дорофея мученика, Тирскаго епископа»), л. 177;
Евангелие от Иоанна, глава 1 (указатель или краткое содержание), л. 177 об. – 179;
Оглавление Евангелия от Иоанна, л. 179 об.;
Предисловие к Евангелию от Иоанна, л. 180–180 об.;
Евангелие от Иоанна, л. 181–227 об.;
«Сказание еже како на всяк день должно есть чести Евангелие <...>», л. 228–231;
Сказание субботам и Неделям Великого поста, л. 231 об. – 232 об.;
Сборник 12 месяцам, л. 233–246;
«Евангелия обща святым <...>», л. 246 об. – 247;
«Евангелия на всяку потребу различная», л. 247 об. – 248.

Библиография: Зернова, Каменева, 1228; Гусева, 302.

Сохранность: экземпляр полный.

Переплет: доски (вторая половина XX в.), обтянутые черным бархатом; на верхней доске прибиты штампованные позолоченные середник (Спаситель «с хоругвью») и наугольники (евангелисты), на нижней — штампованные позолоченные середник (Крест на Голгофе) и жуковины в виде наугольников; обрез позолочен с тиснением; перед нижней крышкой сохранился один форзацный лист (современен книге); обклейка крышек — бумага второй половины XX в.

Заниси: л. 248 об., коричневыми чернилами скорописью конца XVIII в.: «Митрофанъ» (вероятно, подпись работника типографии).

*Бумага с белой датой «1795».

** Тит. л.: «<...> Повелением <...> императора Павла Петровича <...> при супруге его <...> Марии Феодоровне, при наследнике его <...> Александре Павловиче и супруге его <...> Елисавете Алексиевне, при <...> великом князе Константине Павловиче, и супруге его <...> Анне Феодоровне, при <...> великом князе Николае Павловиче, и <...> великих княжнах Александре Павловне, Елене Павловне, Марии Павловне, Екатерине Павловне и Анне Павловне, благословением же Святейшаго Правительствующаго Сино-

МАКЕДОНСКО ПУКОВИЦЕ

ГЛАВА . 1 .

ПОНЕЖЕ ОУБѢ МНОЗИ НА-
 ЧАША ЧИНИТИ ПОВѢСТЬ
 ѿ ИЗВѢСТВОВАНИИ ВЪ
 НАСЪ ВЕЩЕХЪ : ИАКОЖЕ
 ПРЕДАША НАМЪ , ИЖЕ ИСПЕРВА САМО-
 ВИДЦИ И СЛУГИ БЫВШИИ СЛОВЕИ .

НА ЖТВО ЧТНАГО ПРТЕИ И КРТИТЕЛА
 ІѠАННА . НА ЛІТЪРГИИ .

да, напечатана книга сия Священное Евангелие, в <...> Москве, в лето от сотворения мира 7305, от Рождества же по плоти Бога Слова 1796 индикта 15, месяца декабря».

5. **ВПМ РК 50п. БИБЛИЯ.** Изд. 10-е. — М.: Синодальная типография, 12. 1797 (7306). Павел; Синод.

1°. [1]² 1⁸ – 4⁸ 5⁶ 1⁸ – 28⁸ 1⁸ – 25⁸ 26⁴⁺¹ 1⁸ – 20⁸ 21¹⁺⁴ = л.: 1 гравированный тит., 1 тит.*; 1–38, 1–224, [1–205, 1–165] = 634 л. Строк на странице: 53–54 (в 2 стлб.), ок. 66 строк. Шрифт: 10 строк = 60, 47, 84 мм. Формат полосы набора: 32,4-30,5×20,2-17,9

Декор: Страницы в двойных линейных рамках.

Гравюры на меди: 49 перед началом глав (с тех же досок, что в 9-м издании 1790 г.), гравированный тит. л. — с досок 1762 г. (под гравюрой: «Грид: подмастерье Василей Иконниковъ. 1762 год»).

Орнамент: заставки, инициалы, концовки, наборные украшения (колоннитулы в наборных украшениях).

Печать в одну краску. Сигнатуры в центре нижнего поля первого листа тетради, фолиация в правом верхнем углу внутри рамки — кирилловскими цифрами.

Содержание:

Выходные данные, л. тит. — л. тит. об.;

«Предисловие на первое Священныя Библии в 1663 году издание», л. 1–2 об. перв. сч.;

«Предисловие на издание с Библии лета 1751», л. 3–18 об. перв. сч.;

Примечание о редакторской работе по Новому Завету («По окончании освидетельствованием Ветхаго Завета, когда испытания ради, нет ли чего и в Новом, примечания достойнаго <...>»), л. 19–20 об. перв. сч.;

Оглавление, л. 21 перв. сч.;

Пояснение («Все священное писание разделяется в два Завета — во Ветхий и Новый <...>»), л. 21 об. – 23 об. перв. сч.;

«Краткое сказание» из Синописа («Иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, Божественнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета Синопис, сиречь краткое сказание <...>»), л. 24–38 об. перв. сч.;

Книга Бытие, л. 1–21 об. втор. сч.;

Книга Исход, л. 22–38 втор. сч.;

Книга Левит, л. 38 об. – 50 об. втор. сч.;

Книга Числа, л. 51–67 об. втор. сч.;

Книга Второзаконие, л. 68–83 втор. сч.;

Книга Иисуса Навина, л. 83 об. – 93 об. втор. сч.;

Книга Судей, л. 94–103 об. втор. сч.;

Книга Руфь, л. 104–105 втор. сч.;

1-я книга Царств, л. 105 об. – 118 об. втор. сч.;

2-я книга Царств, л. 119–130 втор. сч.;

3-я книга Царств, л. 130 об. – 143 об. втор. сч.;

4-я книга Царств, л. 144–156 втор. сч.;

Книга Паралипоменон, л. 156 об. – 182 втор. сч.;

1-я книга Ездры, л. 182 об. – 186 об. втор. сч.;

Книга Неемии, л. 187–192 об. втор. сч.;

2-я книга Ездры, л. 193–199 втор. сч.;

Книга Товита, л. 199 об. – 203 втор. сч.;

Книга Юдифь, л. 203 об. – 209 втор. сч.;

Книга Есфирь, л. 209 об. – 213 об. втор. сч.;

Книга Иова, л. 214–224 втор. сч.

Библиография: Зернова, Каменева 1242; Гусева, 113.

Сохранность: отсутствуют 1–205 л. трет. сч. и 1–165 л. четверт. сч.

Переплет: картон в коже с блинтовым тиснением (конца XVIII — начала XIX в.); тиснение середников — золотное (в середнике на верхней крышке композиция — Спаситель на престоле, на нижней — Богоматерь с Младенцем); на корешке оттиснуто название: «Біблія. Томъ А»; там же остатки бумажного ярлыка (надпись на нем не сохранилась); у верхней и нижней крышек по одному форзацному листу (современны книге); обрез золочен.

Записи и штампы: 1 ф. л., коричневыми чернилами скорописью конца XVIII — начала XIX в.: «№ 4-й. Василья Елизарова»; там же фиолетовыми чернилами наборный штамп (конца XIX — начала XX в.): «Верхотурской Николаевской монастырь. По реестру глава 1. № 5» (цифры вписаны в штамп от руки красными чернилами).

* Тит. л.: «<...> Повелением <...> государя нашего императора Павла Петровича всея России при супруге его <...> императрице Марии Феодоровне, при наследнике его <...> государе цесаревиче и великом князе Александре Павловиче и супруге его <...> Елисавете Алексиевне, при <...> великом князе Константине Павловиче, и супруге его <...> Анне Феодоровне, при <...> великом князе Николае Павловиче, и <...> великих княжнах Александре Павловне, Елене Павловне, Марии Павловне, Екатерине Павловне и Анне Павловне, благословением же Святейшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода. Библия, сиречь, книги Священнаго Писания, <...> от преждепечатанной 1663 года, в царствующем граде Москве <...> Напечатася ныне, десятым по исправлении тиснением, в царствующем великом граде Москве, в лето от создания мира 7306, от Воплощения же Бога Слова 1797, индикта 1, во второе лето мирнаго и благополучнаго государствования его императорскаго величества. Месяца декемврия, в Московской типографии».

Каталоги и литература

1. Зернова — Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: сводный каталог. М., 1958.
2. Зернова, Каменева — Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / сост. Зернова А. С., Каменева Т. Н. М., 1968.
3. Гусева — Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга. М., 2010.
4. Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 142, 253

А. К. Клементьев

**МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ
КОНСТАНТИНА ПЕТРОВИЧА СТРУВЕ (1900–1949),
В МОНАШЕСТВЕ АРХИМАНДРИТА САВВЫ,
БЛАГОЧИННОГО ТИПОГРАФСКОГО ИНОЧЕСКОГО
БРАТСТВА ПРП. ИОВА ПОЧАЕВСКОГО
В ЛАДОМИРОВОЙ В СЛОВАКИИ
(ПО ПИСЬМАМ РОДНЫМ И ДРУЗЬЯМ)**

В настоящей статье использованы материалы о среднем сыне академика Петра Бернгардовича Струве — Константине (1900–1949), в монашестве архимандрите Савве, благочинном Русского Типографского монашеского братства в селении Ладомирова в Словакии. Вводятся в научный оборот эпистолярные материалы К. П. Струве (архим. Саввы), его отца, матери и братьев из архива проф. Н. А. Струве. Используются также неизданные документы, происходящие из архива Типографского братства, архивов Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене, архива протопресвитера Б. А. Бобринского и других собраний.

В переписке К. П. Струве содержатся сведения о его обучения в Германии и Чехословакии, начале его церковно-просветительской деятельности, планах создания церковного издательства, объединяющего видных православных ученых эмиграции. В письмах содержатся подробнейшие описания процесса обучения и быта студентов первого курса Свято-Сергиевского института, доступная информация о котором крайне скудна, отзывы о преподавателях прот. С. Н. Булгакове, С. С. Безобразове, прот. Г. В. Флоровском, еп. Вениамине (Федченкове), Л. А. Зандере и других. Рассказывается и об истории возникновения студенческого Свято-Сергиевского братства и создании популярного в эмиграции журнала «Сергиевские листки», основанного по инициативе и при деятельном участии К. П. Струве. Уделено внимание межконфессиональным контактам студентов Свято-Сергиевского института. Рассказано о работе К. П. Струве в Православно-миссионерском зарубежном русском подворье в г. Белая Церковь в Королевстве Сербов, Хорватов

и Словенцев под руководством о. Иоанна (Шаховского), о подготовке К. П. Струве к принятию монашеского пострига под руководством известного архимандрита Амвросия (Курганова) в монастыре Мильково, где начинали свой путь многие известные иерархи Зарубежной Русской Церкви.

Последующая жизнь о. Саввы (с 1931 г. до самой кончины) связана с деятельностью Типографского братства в Ладомировой и редактированием газеты «Православная Русь», ставшей единственным в истории эмиграции общерусским православным периодическим изданием и в годы Второй мировой войны продолжавшей распространяться во многих странах русского рассеяния в силу совершенно особенного политического положения возникшего к тому времени независимого Словацкого государства.

Ключевые слова: архимандрит Савва (Струве), Петр, Антонина, Аркадий Струве, епископ Сергей (Королев), архимандрит Серафим (Иванов), Сергиевское подворье в Париже, богословское образование, журнал «Сергиевские листки», Карпатская Русь, газета «Православная Карпатская Русь», Православная Церковь в Словацком государстве, церковная эмиграция в период Второй мировой войны, православное просвещение, православное книгопечатание, церковная периодика.

В последние годы появилось несколько публикаций, посвященных истории Типографского монашеского братства, основанного знаменитым почаевским типографом, издателем «Русского инока» архиепископом Виталием (Максименко)¹. О судьбах же тех, кто составил первоначальную основу Братства, известно немного. В числе их и архимандрит Савва — Константин Петрович Струве, третий сын академика Петра Бернгардовича Струве, единственный из старшей братии, кто решил остаться в монастыре в условиях пребывания словацкой территории под контролем Красной армии².

¹ Kernašević M., Prot. Z kroniky farnosti Ladomírová // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 1968. № 9–12; 1969, № 1–4, 6–8, 10–12; 1970. № 1–12; Harbul'ova L. Ladomirovske reminiscencie. 1923–1944. Prešov. 2000. 127 s.; Бодданова Т. А., Клементьев А. К. Материалы к истории Типографского иноческого братства преподобного Иова Почаевского во Владимировой на Карпатах. К 85-летию основания // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник за 2007–2011 гг. Джорданвилль, 2011. С. 6–155; Они же. «Православная Русь» и Типографское иноческое братство преподобного Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2009. Вып. 37–38. С. 206–235.

² Все посвященные ему статьи почти целиком основаны на воспоминаниях его сотрудников, опубликованных после его кончины. См.: Данилец Ю. В. Архимандрит Савва

Родившись 11 октября 1900 г. в Петербурге, Константин Струве смог завершить среднее образование лишь в эмиграции, в русской гимназии Земгора в Моравской Тржебове, куда прибыл вместе с братом Аркадием в последние дни февраля 1922 г.³, быстро подготовился и сдал экзамены за весь курс, но не был уверен в целесообразности продолжения обучения. Уже в гимназии самое, кажется, яркое впечатление возникает у него от походного русского храма: «Церковь здесь очень хорошенькая, совсем простенькая, но есть иконостас — суконный старенький; немного икон. Служит очень хорошо батюшка Ктиторов (sic!), конечно, без диакона»⁴. В октябре 1922 года он все же начинает слушать лекции на теологическом факультете Гейдельбергского университета, где проучился недолго. Развлекается он не часто, театра не посещает, привлекают его концерты классической музыки. «Но в воскресенье собираемся пойти в кинем.[атограф] на большую фильму о Палестине. Я давно не хожу в эти институты, но теперь пойти интересно [...] Большую часть моей жизни составляет сейчас переписка. На неделе я пишу в исключительных случаях. Но все субботние и воскресные вечера посвящаю писанию писем. Поддерживаю связь с Россией: с няней, тетей Лелей, Гердами [...] На днях был на собрании сначала членов библиотеки, а потом студенческого союза. Преобладание еврейского элемента — и это очень грустно. В союз я не вступил, т. к. он, находясь в поводе у Центральных Студенческих организаций свято блюдет принцип аполитичности. А я считаю позором для русского зарубежного студента состоять в организации, боящейся открыто не признать Советскую власть. Ведь это тоже при-

(Струве) // Живой родник. 2010. № 9–10; *Он же*. Архимандрит Савва (Струве): штрихи до біографії // Православний літопис. 2010. № 5; *Он же*. Архимандрит Савва (Струве) // Троицкое наследие. Зима 2010–2011. № 4 (30). Джорданвилль, 2011; также см.: *Savčak Peter, prot. Ladomirovský podvižnik. O. Sávva Struve // Odkaz sv. Cyrila a Metoda. 2014. № 10. S. 17–19; № 11. S. 13–17; Id: «Pravoslávny teologický zborník». 2014. № XL (25). S. 100–109.*

³ Письмо К. П. Струве Ал. П. Струве от 12 марта 1922 г. (здесь и далее все письма П. Б. Струве, А. А. Струве, Аркадия П. Струве и Константина П. Струве (о. Саввы) друг к другу цитируются по подлинникам и копиям из архива Н. А. Струве. Париж). Здесь и далее все цитаты приводятся с сохранением авторской пунктуации и особенностей в написании имен собственных и отдельных слов. Зачеркнутые фрагменты текстов помещены в фигурных скобках. Все публикуемые фотографии также из архива Н. А. Струве, Париж.

⁴ Там же. О. Иаков Николаевич Ктитарев (1878–1953) был в это время помощником настоятеля русского храма святителя Николая в Праге.

миренчество, да еще не во имя России, а в интересах профессиональных, кот[орые] по большей части бывают интересами материальными. Об этом мне хочется написать»⁵. За работу он принялся, по-видимому, с удовольствием, хотя по-немецки не мог читать свободно: «Поэтому я лишён возможности читать книги богословского содержания»⁶, старательно занимался греческим языком, за современными русскими новостями следил, читая берлинские газеты «Руль» и «Дни», которые присылал ему брат Глеб Петрович, а брата Алексея просил присылать парижские «Последние новости» и «Звено», «особенно №№ в кот.[орых] есть что-нибудь о Церкви, [...] — я собираю все сведения о положении церкви для очерка на нем.[ецком] языке»⁷. Получал он и «Русские вести» из Гельсингфорса, и сам написал для них статью памяти адмирала А. В. Колчака⁸. Приходящие из разных концов Европы русские газеты систематически пересылал бывшим своим товарищам по гимназии. О России узнает и из книги своего деда: «По вечерам, за чаем быстро прочитываю несколько страниц воспоминаний о Сибири нашего деда В. Б. (Правильно: Б. В., то есть Бернгарда Васильевича (1827–1889). — А. К.) Струве, весьма интересных, поучительных и приятных для души»⁹.

Немецкие наставники удручали своим невежеством во всем, что касалось православия и Русской Церкви в особенности: «На последней лекции он (профессор кафедры Систематического богословия Robert Jelke (1882–1952). — А. К.) говорил о Православной Церкви, причем за пол часа успел рассказать о церквях: русской, мало-азиатской и балканской. О русской он сказал лишь о крещении Св. Руси, установлении Патриаршества, учреждении Св. Синода [...] Ни слова не сказал о Св. Патриархе, ни о восстановлении Патриаршества, ни о Поместном Соборе, ни о положении Церкви во время революции он ни слова не упомянул. Если он знает обо всём этом, то это в высшей степени возмутительно обходить молчанием главные Церковные события. [...] Я склонен предположить, что он вообще плохо осведомлён о русской Церкви. А потому почитаю своим долгом ос-

⁵ Письмо К. П. Струве Ал. П. Струве от 16 ноября 1922 г.

⁶ Там же.

⁷ Письмо К. П. Струве Ал. П. Струве от 21 марта / 3 апреля 1923 г.

⁸ См.: «Русские вести». № 200. 23 февраля 1923 г.

⁹ Письмо К. П. Струве Ал. П. Струве от 21 марта / 3 апреля 1923 г. См.: *Струве Б. В. Воспоминания о Сибири, 1848–1854.* СПб., 1889. 180 с.

ведомить его наилучшим образом. Сейчас мы с братом Аркадием сидим над составлением как бы записки о восстановлении патриаршества»¹⁰. Сперва он намеревается заняться «культурной пропагандой, вернее просто осведомлением немцев о Православной русской Церкви»¹¹, затем, в условиях возникшего в эмиграции острого книжного голода, мечтает создать русское церковное издательство и подготавливает программу возможных публикаций, указывая, что «смысл издания именно этих книг (Гоголя, Хомякова, Соловьева и пособий по истории христианской Церкви. — А. К.), а не учебников в том, что книги эти могут одинаково удовлетворить, как ученика, так и рядового беженца. В защиту этих книг я бы мог написать целую диссертацию»¹², и стремясь объединить вокруг этой работы видных русских деятелей: «Мне кажется следует домашним образом организовать подвижной “Комитет по изданию книг церковных и религиозно-духовного содержания”, в который пригласить от каждой валютной страны по одному влиятельному церковному человеку; он бы и занялся сбором денег среди, как русских так и местных, как православных, так и инославных. Без такого комитета, и самому трудно пускаться в поиски денег, и других совестно просить об этом. Имея же за спиной комитет, я лично сам бы решился приступить к изысканию средств среди богатых знакомых. Уверен, что т. обр., менее чем в месяц, будет собрана не только требуемая сумма, но нечто значительно её превышающее.

Для того, чтобы облегчить Вам подбор членов комитета мог бы указать на П. Ив. Новгородцева (Чехия), кн. Гр. Н. Трубецкого (Вена), прот. Рождественского или проф. Глубоковского (Балканы), В. Ив. Воутилайнена (Финляндия), Н. С. Арсеньева (Кенигсберг, но имеет соприкосновение с Литвой, валюта которой близка к американской). К сожалению сам никого не знаю, кто бы мог вооружиться на это дело в наиболее сильных (по валюте) странах: Англии, Америке, Дальнем Востоке, Италии, Испании, Швейцарии, Скандинавии. Б.[ыть] м.[ожет] Аркадий Альфредович¹³ сможет указать Вам кого-нибудь и в этих странах.

¹⁰ Письмо К. П. Струве А. В. Карташеву от 13 октября 1922 г. (Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского. Париж).

¹¹ Там же.

¹² Письмо К. П. Струве А. В. Карташеву от 23 января 1923 г. (Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского).

¹³ А. А. Борман.

Как только требуемая сумма будет собрана, можно будет приступить к печатанию первой книги. Но на этом не кончаются затруднения издания. Чтобы книги действительно распространялись и читались надо выпускать их по низкой цене, а библиотекам и школам посылать даром. Следовательно, окупать себя книги не будут»¹⁴.

Возглавить все дело он призывает того же А. В. Карташева: «Нам хотелось получить от Вас согласие 1) на редактирование (руководство!) изд-ва 2) на возглавление комитета по изысканию средств.

Комитет можно организовать т. обр. кроме Вас, Аркадия Альфредовича и меня в комитет вошли бы свящ. П. П. Извольский и Митрополит Евлогий. Аркадий Альфредович мог бы привлечь очень деятельного архимандрита Тихона. Этим Ваши заботы о комитете м.б. исчерпаны. Ибо приглашение дальнейших членов уже может исходить от нас. Я отлично знаю, как Вы завалены работой и потому всячески стараюсь, чтобы на Вашу долю выпало как можно меньше забот по изданию книг.

К редактированию библиотек творений можно привлечь Н. С. Арсеньева и Г. В. Флоровского.

Что касается меня лично, то по мере своих сил, опыта и знаний готов служить этому делу, и всю чёрную работу по изданию с радостью приму на себя.

Конечно, очень трудно организовать такое дело, как издание книг, живя в разных частях Европы, — но что ж делать — оставаться бездеятельным преступно!»¹⁵.

Приехав в Прагу, он включается в работу православных кружков молодежи, посещает богословские семинары и лекции, слушает о. Сергия Булгакова и Г. В. Флоровского, наставляет его и Пражский епископ Сергей (Королев), помогающий изучать богослужение. Еще в 1924 г. Константин вступает в переписку с о. Виталием Максименко и старается привлечь внимание эмиграции к просветительской работе Типографского братства среди обращающегося к православию униатского крестьянского населения Словакии, обращается, в частности, к давнему сотруднику своего отца А. В. Карташеву, последнему обер-прокурору Синода и министру исповеданий уже Временного правитель-

¹⁴ Письмо К. П. Струве А. В. Карташеву от 23 января 1923 г. (Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского. Париж).

¹⁵ Там же.

ства: «Ведомо ли Вам, что здесь в пределах Чехословакии имеется русская церковная типография?»

Из прилагаемого молитвенника — первого плода этой типографии¹⁶ — Вы увидите каковы ее задания и что она вообще из себя представляет. Добавить к этому могу немного. Прежде всего: архимандрит Виталий¹⁷ находится в ведомстве владыки Савватия¹⁸, архиепископа Пражского, живёт он в Словакии, в глуши в 60 верстах от железной дороги. Там у него как бы своё братство, около 6 православных церковных, образованных сотрудников. Кроме типографии им организовано 4 церковно-приходские школы частного характера т. к. по тамошним законам русские школы официально не допускаются. Недавно от архимандрита Виталия было получено радостное известие: результатом его просветительной деятельности явилось возвращение 7 русских униатов со священником во главе в лоно православной церкви.

Эти молитвенники отпечатаны в количестве 3000 экземпляров, но не могут быть продаваемы т. к. сперва необходимо получить разрешение на печатание книг, а оно стоит 4000 чешских крон {да возлагаются надежды на русскую колонию в}

Где их достать?

Пока, благодаря усилиям настоятеля местной церкви владыки Сергия¹⁹ собрано всего лишь 700 крон, да возлагаются надежды на русскую колонию в Америке. Америке (sic!)

Зная как Вы высоко цените благое начинание печатания русских церковных книг, решаюсь побеспокоить Вас с одной стороны оповещением о существовании дела, с другой стороны напоминанием о том способе собирания средств на печатание книг, о котором писал Вам ещё в прошлом.

Не думаете ли Вы что было бы очень полезно, если бы владыка Евлогий обратился бы ко всем православным русским приходам в западной Европе с предложением произвести тарелочный сбор на печатание

¹⁶ Молитвослов. Вышний Свидник. Русская православная типография на Маковице. 1924. 66+2 с.

¹⁷ Архимандрит Виталий (Максименко) — основатель Типографского братства в Ладомировой.

¹⁸ Архиепископ Пражский и вся Чехословакии Савватий (Врабец, † 1959), кандидат богословия Киевской духовной академии.

¹⁹ Епископ Сергей (Королев).

богослужбных книг. Не сомневаюсь, что таким образом будет собрана сумма, значительно превышающая необходимые 3300 чешских крон.

Затем мне известно, что архимандрит Тихон²⁰ настоятель православной церкви в Берлине собрал с отдельных богачей и промышленников большую сумму денег на постройку храма Божьего в Берлине. Нельзя ли было бы через его посредство обратиться к этим богачам за милостыней на дело Христова просвещения. Если Вы считаете это удобным, я бы сам написал архимандриту Тихону, благо он меня немного знает. {Ибо} Может быть Вы испросите мне у владыки Евлогия благословение на такое обращение к архимандриту Тихону, ибо исполню это с охотой и смирением»²¹.

В Праге он много общается с православной русской молодежью, здесь, судя по всему, оформляется намерение получить систематическое богословское образование: «Здесь человек 10, а м. б. и больше незаметно подготовляющихся к пастырской деятельности. Много здесь кружковой работы, но серьезного богословского образования ни эта кружковая работа, ни отдельные курсы и лекции профессоров дать не могут. Отец Сергей Булгаков читает очень интересный курс лекций «Учение о Церкви», — это нечто в роде курса догматического богословия, но бессистематично и потому заменить его не может. Далее отец Сергей ведёт семинар по «Новозаветному и ветхозаветному учению о Царстве Божьем». Оно, конечно, очень интересно и существенно, но уж очень философски, а главное нам то важнее сначала иметь чёткое и полное представление о Св. Писании Нового Завета вообще и каждой книге его в отдельности.

Г. В. Флоровский начал свои беседы по истории древней {древней} церкви, но пока это лишь введение в историю церкви или же философия истории церкви. Ценнее то, что я нашёл здесь кой-какие русские книги. Владыка Сергей снабдил меня хорошим руководством по догматическому богословию — Николина и учебником Знаменского по истории русской церкви. Имеется здесь и Голубинский.

Но самое ценное это великопостные Богослужения по монастырскому уставу. Здесь есть возможность пройти все степени церковного слу-

²⁰ Архимандрит Тихон (Лященко), будущий архиепископ Берлинский. См.: Богданова Т. А., Клементьев А. К. Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Джорданвилль, 2006. С. 141–170.

²¹ Письмо К. П. Струве А. В. Карташеву от 6 апреля 1924 г. (Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского).

жения и хорошо изучить богослужебный устав. Владыка Сергей служит с большой любовью и в этом отношении для нас церковной молодёжи он совершенно не заменим. В Праге я воочию убедился в том, что церковная молодёжь действительно есть, а потому вопрос о духовной академии или могущих заменить её богословских курсах (хотя бы не по организации, а по характеру учебного плана по существу) — вопрос насущный и живой. А то ведь многие богословы или пастыри по призванию принуждены заделываться филологами, юристами, а то и техниками»²².

Несистематические занятия в Праге и желание получить все же богословскую подготовку приводят его в открывшийся в Париже Свято-Сергиевский богословский институт, куда он и поступает в числе первых студентов, переехав вместе с родителями в Париж, где, начиная с июня 1925 года, его отец редактирует газету «Возрождение». С этого момента Константин деятельно участвует в работе редакции, пишет статьи на церковно-общественные темы и рецензии на новые книги. После ухода П. Б. Струве в августе 1927 года из «Возрождения» Константин продолжает публиковаться и в других возглавляемых его отцом газетах — «Россия» и «Россия и славянство».

Мать сразу старается настроить Константина на серьёзную работу: «Тебя приняли в Академию и ты должен теперь считать своим долгом кончить ее, взять от нее все, что можно. И то, что там легкомысленная публика обязывает тебя еще больше»²³. Учение ему явно нравится с самых первых дней²⁴ и письма братьям и родителям полны рассказов о жизни этого первого курса Сергиевского института: «...моя главная работа заключается в напряженном внимании на лекциях. Ибо время помимо лекций отнимают занятия греч.[еским] яз.[ыком] и всякие привходящие неожиданные дела, да обслуживание библиотеки. Утром лекции идут до обеда — обед же поздний. После обеда до вечерни промежуток времени совсем небольшой какие-нибудь 3 часа с небольшим — у меня они почти целиком уходят на занятия по греч.[ескому] яз.[ыку]. Конечно и это мне в пользу. Но я смотрю на знание древних языков к[а] к служебное не имею к ним склонности, в совершенстве их знать всё

²² Письмо К. П. Струве А. В. Карташеву от 6 апреля 1924 г.

²³ Письмо А. А. Струве К. П. Струве от 8/21 сентября 1925 г.

²⁴ 17 августа 1925 г. Антонина Александровна пишет: «Очень рада, что ты доволен лекциями в Академии».

равно не буду. Убеждаюсь какой я плохой преподаватель, какой я раздражительный и так плохо разъясняю, а главное так не уверен в себе, так сомневаюсь в себе. Часто бывает что и знаю, а думаю, что ошибаюсь и спешно смотрю в грамматику.

Вчера видел папочку — он был здесь на собрании братства, сидел с 5 до 8 ½ вечера. Я его проводил до трамвая — это уже второй раз что вижу его в подворье, а на дому не застаю»²⁵.

Далее он описывает пострижение своего соученика Андрея Елпидинского, будущего миссионера и автора воспоминаний о жизни в Индии: «В прошлое воскресенье, утром за литургией рукоположили Георгия Николаевича (Шумкина. — А. К.), а вечером постригли в монахи А. Як. Елпидинского, члена Свято-Троицкого братства. Чин пострижения произвел на меня большое впечатление. Сам по себе чин очень умиротелен. Во время пострижения, которое началось на утрени после Великого Славословия, все стояли с зажжёнными свечами. Постригаемого волокли в одной рубахе по полу из притвора через всю церковь двое монахов: о. архимандрит и иеросхимонах Марк. На амвоне стоял Владыка Евлогий и вопрошал постригаемого, лежавшего пред ним. Тот отвечал глухо Ей Богу содействующу, Владыко святыи. [...] потом само пострижение, потом облачение во всё монашеское всеоружие. Владыка совершал чин спокойно и благоговейно»²⁶.

«А во вторник мы перебираемся в домик напротив. Я расстаюсь со своими друзьями; что же делать, как это ни грустно, надо устраиваться, т.[ак] чтобы занятия шли продуктивно. А в том домике мы будем жить наверху в отдельной комнате 6 человек: Дима Клепинин, Гриша Свечин, Андреев (новый, с Волыни), Григорьев, я и Терешкевич из Софии, который был у Вас на Смихове в 1923 г.

В том же этаже {будет жить} еще одна проходная комната на 5 человек. А внизу комната для монахов т.[ак] наз.[ываемая] «Парижская Фиваида». А в самом низу в подвальном этаже рабочая библиотечная комната. Полки будут стоять в аудиториях.

У нас теперь читают лекции Бердяев по истории русской мысли и Вышеславцев по эллинистической философии. Для меня это не больно приятно, трата времени, которое так дорого и которого для самостоятельных занятий здесь совсем не предполагают. В этом отношении трудно учиться

²⁵ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 21 ноября 1925 г.

²⁶ Там же.

здесь»²⁷. Однако явное содействие свыше устрояемому учебному заведению Константин отмечает уже несколько дней спустя: «А сегодня новое знамение: во время обедни приносят о. архимандриту в алтарь письмо из франц. [узского] министр.[ерства] — известие, что мин.[истр] финансов слагает с Подворья все пошлины, которые {требовали с} были наложены на ящики с церк.[овной] утварью, облачениями, иконами и богослуж.[ебными] книгами, уже около 2х месяцев лежащие{ми} на границе. Вещи эти митр. Евлогий вывез с собою из Киссингена для Серг.[иевского] Подворья. Во всех этих вещах, особенно в богослуж.[ебных] книгах Серг.[иевское] Подворье испытывает большую нужду — и вот милостью Богоматери — такое известие к[а]к раз в праздник Введения и в момент служения.

Живем под Богом и странно становится за себя, за всех нас, что так скверно ходим пред Богом»²⁸.

В эти же дни храм подворья преобразается на глазах студентов: «Эту неделю мы без литургии, вечерню и утреню служим в трапезной. Дело в том что в церкви устанавливали новый иконостас, который {буд} уже росписывает (sic!) Стеллецкий. Он живет во второй аудитории — странный он человек — день и ночь — двери настежь и окна настежь и т.[аким] обр.[азом] он спит. Маленькой, юркенкой (sic!) целый день возится и малюет. Иконостас высокий трехэтажный мне не по душе — я как-то отвык от таких иконостасов — когда низкий иконостас, как-то теплее на душе, ближе {то} священнодействие алтаря. Покамест это голая белая стена, зубчатая: только контуры образов Спасителя и Богоматери. Стены красятся в темноголубой цвет. На этот иконостас и вообще на оборудование церкви пожертвовала 80 тысяч frs великая княгиня Мария Павловна, которая была в Подворье в четверг и сидела у нас на лекции по литургики (sic!)»²⁹.

«Меня потому так и тянуло в монастырь, — продолжает Константин в первый день нового, 1926 года, — что я всегда смотрел на него к[а]к на возможность стать твёрдым, сосредоточиться. В этом отношении меня и огорчает Подворье, что там ни в какой мере нет того, чего я искал»³⁰.

Но учение его идет весьма успешно — по древнегреческому языку, бывшему для большинства студентов труднопреодолимым препятстви-

²⁷ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 14 ноября 1926 г.

²⁸ Письмо К. П. Струве к А. А. Струве и Л. П. Струве от 21 ноября 1925 г.

²⁹ Там же.

³⁰ Письмо К. П. Струве П. Б. Струве от 1 января 1926 г. / 19 декабря 1925 г.

ем, Константин получает высший балл, а «каноника и литургика — тоже не очень сложные науки», хотя и признает, что «у нас еще такая не подходящая для занятий обстановка, что в усвоении курса успеваешь вдвое меньше того, что прошел бы в иных условиях, вернее в иной среде. Ибо условия совсем не плохие есть теплое помещение и освещение, но коллеги мои совсем не умеют напряженно работать»³¹, «меня огорчает то, что начальство наше всё попускает, {публи} студенты распускаются. По отдельности студенты работают, есть очень даже симпатичные. Но в отношении общего, в отношении других они тоже попускают, в то время к[а]к нужно противостоять этой распушенности. Но как противостоять, когда само начальство {не предпринимает} почти никаких мер не предпринимает. А кроме того {если} противостояние со стороны студентов вызывает недоброжелательное друг ко другу отношение»³².

Из соучеников он более всего сходится с теми, кто вскоре станут наиболее заметными русскими церковными работниками в Париже — с о. Георгием Шумкиным, «с моими учениками по греч.[ескому] языку Димой Клепининым и Т. А. Бобровским, с кн. Яшвилем и еще двумя наиболее серьезными из нашей братии полковником Ал. Ив. Греве и Ив. Ив. Егоровым. Они и самые старшие: одному 30, другому 33. Первый наш старшина по учебной части, он много читает, вообще человек развитой; каждый день берет у меня газету («Возрождение». — А. К.). Егоров — старшина церковный, очень любит книги, скопил здесь немалую библиотечку. Он человек ровный, смиренный, спокойный, очень аккуратный, корректный. За неделю до Рождества приехал сюда из Сербии Спасский — очень милый офицер человек знающий, хороший филолог, учившийся в Нежине в историко-филологич.[еском] Институте»³³. Новые курсы также ему нравятся: «Был здесь В. В. (Зеньковский. — А. К.) и, надо отдать ему справедливость, прочел ряд очень поучительн[ых] интересных и {ясных} отчетливых лекций по введению в философию. Хорошо тоже преподает логику Л. Ал. Зандер»³⁴.

В первый день нового, 1926 года Константин Петрович подробно пишет отцу о своем отношении к происходящему в России и в окру-

³¹ Письмо К. П. Струве матери и братьям 1 января 1926 г. / 19 декабря 1925 г.

³² Письмо К. П. Струве А. А. Струве и Л. П. Струве от 19 января 1925 г.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

жающем мире и, несмотря на усиленное стремление сосредоточиться в первую очередь на церковном делании, не высказывает никакой отстраненности от политической, общественной жизни, определенно отказываясь от безмолвного упования на то, что все само собою устроится: «Новый год ощущаю именно теперь когда его встречают здесь на Западе. Ибо в политической жизни, а мы русские все к ней обращены, и горе тому, кто не будучи монахом, не обращён к ней, эта грань проходит именно теперь. Хорошо ли или плохо это, но это так и с таким фактом надо считаться. В том однако смысле не надо придавать большого значения этой грани, к[а]к и всякой поминке, к[а]к и всякому торжеству, в том говорю смысле, что нам надо отвыкать от громких ожиданий, и привыкать {к надежде за} к мысли, что надежда на спасение России заключается в будничной напряженной работе.

Новый 1926 год уже наступил и ничего другого не хочу желать тебе и Аденьке, всем друзьям, всем русским, думающим о России, как наступления момента деятельной борьбы за родину. Ибо и теперь ощущаю, к[а]к ощущал это и раньше, что Россия будет спасена нашими усилиями, усилиями верных ее сынов, конечно, с Божьей помощью. Сегодня, читая о заседании Цека, я особенно остро ощутил в нынешних правителях России бесов и стыд за то, что мы до сих пор терпим это бесовское нахождение (sic!). Без крестного знамения, без призывания славнейшего имени Господа Иисуса, этот род лукавый не побеждается. Но надо чтобы молитва Церкви, ее готовность к крестному пути и призыв к терпению и страданиям сопряглись с усилием русских людей как зарубежных, так и там пребывающих. Как Царство Божье нудится, так и Россия только усилием будет взята. И как наивно думать, что из таких бесов к[а]к Зиновьев и Крупская могут выйти сносные правители России»³⁵.

Константин исполняет обязанности помощника библиотекаря института: «Сегодня суббота и каждый из нас несёт своё послушание. У меня послушание не тяжелое, но хлопотливое и требующее {боль больших} забот и времени — вот и сегодня разбирал и переписывал книги»³⁶. Книжное собрание только начинает формироваться, и он полтора-два часа в день занят составлением карточного каталога при том, что распписание жизни подворья все же весьма сурово: подъем в 6.30 утра, в 7.00

³⁵ Письмо К. П. Струве П. Б. Струве от 1 января н. ст. 1926 г.

³⁶ Письмо К. П. Струве А. А. Струве и Л. П. Струве от 16/29 ноября 1925 г.

благовест на утреню, лекции с 8.30 до 13.30, вечерня в 16.00, свободного времени для занятий 3 часа в день³⁷. Время он действительно бережет, и даже на заседания начавшего работу «Русского зарубежного съезда» «решил не ходить, ибо каждому из нас надо делать свое дело, оставаться на своем месте. Для меня Съезд не зрелище, а рабочий кабинет, и зрителям там не место»³⁸.

Летом Константин много пишет для «Возрождения» и готовится поехать в Базель в конце августа — заниматься русским языком с проф. Фрицем Либом, бывшим социалистом, готовым за эти занятия предоставить комнату, питание и деньги на необходимые расходы: «С этим профессором надо беседовать о православии, удовлетворять его потребности понимать православие. [...] У него одна из самых богатых богословских библиотек в Швейцарии»³⁹. За два месяца пребывания в Базеле и сам город и его обитатели «пришлись мне по душе»⁴⁰, сообщает Константин отцу 19 октября. Посетил он и базельскую галерею, отметив, что питает «симпатию только к религиозной и портретной живописи»⁴¹.

Вернувшись 23 октября в Париж, где его встретили «приветливо и было радостно увидеть друзей», Константин продолжает слушать лекции и записывается в два семинара из предложенных шести — к о. Сергию Булгакову по догматическому богословию, где разбирают творения Иоанна Дамаскина, и к А. В. Карташеву, по истории Древней Церкви, где разбирают «Историю Церкви» Евсевия Кесарийского⁴². Особое внимание он намеревается уделить в наступившем учебном году древним языкам⁴³.

15 декабря за литургией рукополагают во иеродиакона монаха Иоанна (кн. Шаховского), позже сыгравшего в жизни Константина немалую роль, а сам он сильно возмущен статьей Бердяева в «Пути», «которая может только повредить делу митр. Евлогия. Он в ней в непристойных выражениях поносит Балканских иерархов»⁴⁴. [...] статья эта в среде

³⁷ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 22 января / 4 февраля 1926 г.

³⁸ Письмо К. П. Струве П. Б. Струве от 28 марта / 10 апреля 1926 г.

³⁹ Письмо К. П. Струве П. Б. Струве от 27 июня / 10 июля 1926 г.

⁴⁰ Письмо К. П. Струве П. Б. Струве от 6/19 октября 1926 г.

⁴¹ Там же.

⁴² Письмо К. П. Струве А. А. Струве и Л. П. Струве от 21 октября / 3 ноября 1926 г.

⁴³ Письмо К. П. Струве А. А. Струве и Л. П. Струве от 22 октября / 4 ноября 1926 г.

⁴⁴ Т. е. Архиерейский Синод РПЦЗ в Сремских Карловцах в Королевстве СХС.

студентов вызвала очень сильное негодование. Тоном статьи очень возмущен и о. Сергей»⁴⁵.

9/22 декабря в его письмах впервые заходит речь о подхваченном гриппе и вынужденном пребывании в постели⁴⁶. Для Константина, до поступления в Институт долгие месяцы проводившего рядом с больным туберкулезом братом Львом и, возможно, от него заразившегося страшной в те годы болезнью, грипп этот становится роковым, и он уже никогда не сможет полностью выздороветь. Готовясь к экзаменам за курс истории Церкви по немецким и французским учебникам, Константин «рад был убедиться в том, что франц.[узский] яз.[ык] вспоминается лучше чем я думал, да и немец.[кий] не так уж мною забыт. Сюда приехал В. В. Зеньковский, читает курс лекций по введению в философию — читает он интересно, содержательно и очень ясно»⁴⁷.

Странное поведение епископа Вениамина (Федченкова), знакомого всей семье Струве еще по Крыму, и его уход из института в разгар учебных занятий также отражены в письмах: «У нас много событий. Живем мы последние недели в напряженной атмосфере ожидания роковых событий в церковной жизни.

Уехал от нас еп. Вениамин. В последнее время я с ним внутренне как бы примирился, в последние дни бывал у него и много беседовал, простились тепло.

Но сам по себе уход его в настоящий момент конечно является ударом по митр. Евлогию. Хотя еп. Вениамин уехал заранее с очень малой, но все-таки надеждой {если не} способствовать если не примирению, то хотя бы смягчению окончательного решения в Карловцах. Поступил он, к[а]к сам говорил нам, по совести; к[а]к епископ не может он пережить разделения Церкви и считает, что и митр. Евлогий должен смириться; хотя он считает митр. Евлогия более правым. Верно про него сказал мне один прихожанин Витвеницкий, кот.[орый] м.[жду] пр.[очим] тебя знает: “это мятущаяся душа”⁴⁸

⁴⁵ Письмо К. П. Струве А. А. Струве и Л. П. Струве от 2/15 ноября 1926 г.

⁴⁶ Письмо К. П. Струве А. А. Струве и Л. П. Струве от 9/22 – 11/24 декабря 1926 г.

⁴⁷ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 15/28 декабря 1925 г.

⁴⁸ Схожую характеристику еп. Вениамина приводит в своем дневнике и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архим. Киприан (Керн): «Раньше еще знали мы, что 16/29 XII минувшего года в Сергиевском Подвории еп. Вениамин и о. Сергей

Пока во главе Института стоит о. Сергей. Они с С. С. Безобразовым только что вернулись из Англии, куда ездили на англо-русскую христ.[ианскую] конференцию. Эта поездка имела значение и для Института в том смысле, что англичане обещали поддерживать и в 1927 г. также как помогали в прошлом году. Вернулся из Англии и мой друг Дима Клепинин, обвороченный англичанами, особенно их смирением. Напишу Вам об этом подробнее, а если удастся свидеться расскажу.

Что касается до моего здоровья то чувствую я себя крепко, стараюсь соблюдать режим, питаюсь усиленно, ежедневно съедаю $\frac{1}{4}$ ф.[унта] масла в день (sic!); посещаю не все лекции, не встаю на утреню»⁴⁹.

Начинающийся туберкулез заставляет Константина много времени уделять своему здоровью: «Решение папы отправить меня в Италию к Вам (т. е. к матери и брату Льву. — А. К.) совсем не огорчило меня. Меня только тревожит вопрос, как это возможно осуществить при скудости папиных средств. Стипендия моя ведь очень незначительна. Но здесь во Франции по-видимому устроиться нельзя. А {зале} дешевле трудно или даже нельзя. А залечить недуг, пока это не поздно, необходимо. Это я хорошо понимаю. Ибо какой из меня будет работник если я буду всё время хворать. Вот я и теперь уже выведен из нормальной жизни: не хожу в церковь по утрам, многих лекций совсем не посещаю, не соблюдаю постов. Хочется поскорее вернуться к обычной студенческой жизни на Подворьи. А это возможно только если сейчас уже подкрепиться на свежем воздухе.

Булгаков говорили проповеди о борьбе с большевиками и о несоответственности такой борьбы и после и о юдофобстве. Еп. Вениамин говорил о недопустимости юдофобства потому де, что “ненависть’ осуждение великого народа еврейского есть плевков в лик Божией Матери”.

Ну что тут сказать. Весь стиль и облик бедного еп. Вениамина налицо. Таков он! Помню как он в Крыму кричал † Врангелю: “Ты Петр и на камени сем...”, как он громил масонов и безбожников, потом говорил в Сербии, что армия была наша некрещеная, ведь он же на коленях просил М. Антония уйти на покой, умывал ноги кадетам в Билећи (sic!), ездил к м. Евлогию, после видения во сне п.[атриарха] Тихона летел скорей в Карловцы и каялся перед м. Антонием, потом [?] теперь снова к парижанам и наконец “плевков в лик Божией Матери!..” [...] Помню, как перед своим постригом я стремился просить именно его принять меня под старческое руководство. Благовременно отвел Господь...». (Дневник архим. Киприана (Керна). 1928 год. Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже).

⁴⁹ Письмо К. П. Струве А. А. Струве и Л. П. Струве (без даты).

Радует меня мысль, что увижу уже скоро Вас дорогие мои. Леву я уже более 1 ½ лет не видел, да и тебя матушка около года.

Конечно очень огорчительно расставаться с Подворьем, с храмом Божиим и с друзьями особенно с Димой. В отношении же занятий я думаю в Меране будет не хуже книги я собою возьму (sic!), и здесь ведь я почти и не читал, ибо пять часов лекции, которые мне приносят очень мало пользы отнимают большую и лучшую часть дня. [...]

Но я должен оговориться, что больному особенно (туберкулезному) учиться здесь очень трудно, условия совсем не подходящие»⁵⁰.

Возникшее зарубежное внутрицерковное разделение затрагивает и Сергиевское подворье: «У нас на Подворье все крепко стоят за митр Евлогия и останутся ему верны. В воскресенье митр. Евлогий служил литургию на Rue Daru и вся наша братия ездила туда, составив из себя 4 команды на случай если кто-нибудь устроит скандал: были слухи, что правые хотят сорвать ризы с Митрополита, к[а]к запрещенного архиерея. А во дворе стоял наряд галлиполийцев. Но все прошло благополучно. Из студентов Института нашелся один⁵¹, который последовал за Карловацким Синодом и д. б. покинуть Институт. Очень хороший ревностный 29 летний мальчик. [...] Есть в Институте и неуверенные в правде митр. Евлогия, вернее такие которые считают, что и Карловацкий Синод и митр. Евлогий одинаково неправы и становятся на точку зрения высказанную в Возрождении кн. Григор.[ием] Ник.[олаевичем] [Трубецким] — что это конфликт между иерархами и нам церковному народу, поскольку нас не спросились {нече} не надо на него обращать внимание, а продолжать жить в Церкви, к[а]к до сих пор жили все православные христиане. [...] Митрополит настроен очень миролюбиво, очень бодр и кроток. А еп. Вениамин действительно поступил скверно. Там он принял место ректора Богословских курсов в Белой Церкви, которые созданы к[а]к бы в противовес нашему Институту⁵². А здесь прощаясь он объясняет нам, что одной из причин его отъезда является то, что ему к[а]к монаху, к[а]к аскетически настроенному человеку, очень тяжела власть инспектора Института. Студенты чувствуют себя обманутыми

⁵⁰ Письмо К. П. Струве от 15 января 1927 г.

⁵¹ Григорий Алексеевич Свечин. Все же окончил институт одновременно с К. П. Струве в 1929 году.

⁵² Курсы эти не оставили заметного следа в истории Зарубежной Русской Церкви.

и не стесняются в выражениях по отношению к еп. Вениамину»⁵³. Письмо это Константин пишет уже сильно больным. Он подолгу не встает с постели в общежитии института, опекаемый товарищами, преподавателями, отцом и братьями Алексеем и Аркадием: «А после всенощной пришел о. Сергей и собралась вся братия. Служили молебен о здравии болящих Константина и Льва: очень хорошо помолились. Мне было это очень отраднo»⁵⁴. Заболевание оказалось не воспалением легких, но туберкулезом, о чем Константин, вынужденный покинуть общежитие института, писал матери десять дней спустя: «...т.[а]к как наличие процесса определил у меня Манухин, то мы отнесли к этому с недоверием. Но на самом деле Манухин не ошибся»⁵⁵.

11 марта Константин оставляет институт и переселяется в Вильжюиф (Villejuif), а 17-го отправляется в туберкулезный санаторий в Обюр (Aubure) около Страсбурга, где не прекращает занятий, рассчитывая «вернуться ещё к экзаменам к концу мая. Ибо ведь у меня все очень не значительное»⁵⁶. «Погода у нас унылая, — сообщает он матери две недели спустя, — но на душе у меня бодро, читаю с увлечением новую книгу о. Сергия о Богоматери “Купина Неопалимая”, очень сильно она написана. А потому и испытываю удовлетворение от сильного и убедительного человеческого слова о предмете Божественном. О. Сергей пишет очень умно и остро и замечательно верно угадывает и обнаруживает неправильности, очень даже большие погрешности католичества в его учении о Богоматери. Эта почта обогатила сегодня меня — я теперь буду получать все издания YMCA Press для рецензии. Ибо то, что посылается в Возрождение погибает на столе у Семенова и Бормана — и я не получаю книги и рецензии не появляется в газете. По утрам с увлечением занимаюсь греческим — это так увлекательно, что иной раз и оторваться бывает трудно. [...] Вот и вчера думал написать тебе вечером, но сначала увлекся греческим текстом, а потом сон одолел»⁵⁷.

Не имея поблизости православного храма, Константин часто посещает местную католическую церковь, просит брата прислать ему ка-

⁵³ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 2/15 февраля 1927 г.

⁵⁴ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 2/15 февраля 1927 г.

⁵⁵ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 24 февраля / 9 марта 1927 г.

⁵⁶ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 2/15 марта 1927 г.

⁵⁷ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 17/30 марта 1927 г.

толический молитвенник: «Я не хочу терять возможности опытно и тщательно ознакомиться с римским культом, каковой потом может и не представиться. А для богослова такое знание весьма полезно, не говоря о том, что меня эта область просто интересует»⁵⁸. В июне к нему присоединяется безнадежно больной брат Лев, и Константин, несмотря на болезнь, отдает ему много времени и сил, а в начале июля к ним приезжает мать⁵⁹.

В марте в Софии разгорается скандал вокруг русской посольской церкви святителя Николая и епископа Лубенского Серафима (Соболева), дикие выходки которого вызывают открытое противостояние большей части прихода. В ответ на просьбу одного из предводителей этой группы прихожан, проф. Д. Д. Крылова, о помещении в «Возрождении» публикации с разъяснением происходящего Петр Бернгардович пересылает Константину все полученные материалы и тот, предостерегая отца от прикосновения к приходским интригам, пишет совершенно нейтральную статью «Церковные нелады в Софии»⁶⁰.

Константин живо откликается на убийство 7 июня 1927 г. в Варшаве советского дипломата и одного из царевубийц Войкова русским гимназистом Борисом Ковердой и вместе с братом Львом составляет письмо для помещения в «Возрождении»: «А я пожалел, что папа не поместил в газете наше с Левою письмо о Коверде: оно было очень выразительно и я думаю способствовало притоку пожертвований»⁶¹. По санаториям он путешествует до возобновления учебных занятий, к которым был допущен 10 октября 1927 г.⁶² Несмотря на успешный вроде бы курс лечения и надежду по возвращении на подворье в целях экономии «на первое время [...] поселиться в общем дортуаре, раз бацилл не найдено»⁶³, ему приходится нанимать отдельную комнату вплоть до окончания Института.⁶⁴

⁵⁸ Письмо К. П. Струве Арк. П. Струве от 28 марта 1927 г.

⁵⁹ Письмо К. П. Струве Арк. П. Струве от 19 июня / 2 июля 1927 г.

⁶⁰ *Струве, Константин*. Церковные нелады в Софии. [Рукопись].

⁶¹ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 9/22 июня 1927 г.

⁶² Личное дело К. П. Струве (Картотека. Административный архив Свято-Сергиевского православного богословского института. Париж. Сведения предоставлены протопресвитером Б. А. Бобринским).

⁶³ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 6/19 сентября 1927 г.

⁶⁴ Там же.

В конце 1927 г. воспитанниками Богословского института было основано, «по мысли студентов А. И. Греве (ныне Еп. Никон) и К. П. Струве»⁶⁵ студенческое братство имени прп. Сергия при Парижской высшей духовной школе по примеру Московской духовной академии. «К. П. Струве и был его первым выборным Старостой. Первоначальной целью Братства было объединение студентов наличных и будущих. Она осложнилась впоследствии задачами миссионерскими»⁶⁶, — вспоминал Л. А. Зандер. Внешнее служение этого Братства Православной Церкви выразилось в деятельности «по четырем линиям: 1) Издательско-просветительной, 2) Религиозно-педагогической, 3) Больничной (посещение госпиталей) и 4) Богослужебной (панихиды на кладбищах). Издательство Братства возникло из скромной попытки иметь свой маленький печатный листок духовного содержания. Этой инициативой Братство обязано К. П. Струве (скончавшемуся архимандриту Савве) и А. И. Греве (ныне епископ Филадельфийский Никон в САСШ). [...] На собранные по подписному листу 600 франков был выпущен к Рождеству 1927 г. первый номер журнала под скромным названием “Сергиевские Листки”. Номер посвящен был русским матерям. Затем, только за два первых года было выпущено 33 номера размером от 16 до 28 страниц в количестве 50.000 экземпляров. Издание стало популярным во всей эмиграции»⁶⁷. Создают студенты и братскую «Библиотеку имени умученного митрополита Вениамина». Начало 1928 г. ознаменовано деятельной подготовкой этого нового церковного журнала. Возможно, в связи с этим 20 ноября Константина освобождают от обязанностей помощника библиотекаря⁶⁸.

«Сергиевские листки» выходят нерегулярно, по мере поступления средств (16 номеров в первый год издания, 10 — в 1929 году, по 12 — в 1930, 1931, 1932, 1933, 1934 и 1935 гг., по 3 — в 1936 и 1937 гг. и по одному в 1938 и 1939 гг.), и Константин ведет всю канцелярию журнала, находя участие в самых неожиданных людях и местах. Одним из его помощников становится Печерский епископ Иоанн (Булин), взявшийся

⁶⁵ Зандер Л. А. Духовно-воспитательная работа Богословского института. (Авторизованная машинопись. С. 12. Частное собрание. Париж).

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Карташов А. В. Студенческое братство имени преп. Сергия Радонежского. (Рукопись. Частное собрание. Париж).

⁶⁸ Личное дело К. П. Струве...

распространять журнал в Эстонии и регулярно доставлявший Братству вырученные от продажи очень скромные средства. Предпочтение отдается элементарности и наглядности — разъяснению православного богослужения, истории Церкви и праздников, рассказам о святых и современных подвижниках. Константин Петрович настолько строг при отборе материала, что отказывается принимать даже статьи собственных преподавателей, в частности В. Н. Ильина, чьи писания представляются ему отвлеченными и заумными: «Вашу статью мы не поместили. В ней не мало блестящих отдельных мыслей, богословски обосновывающих церковное понимание поста. Но в целом она написана сухо и несвязно, а мы ставим своею целью, в меру сил своих, на страницах С. Л. давать связные по возможности живые повествования о праздниках»⁶⁹. Такой подход к материалу приносит осязаемый результат, и «Листки» расходятся невиданными для духовных изданий эмиграции тиражами⁷⁰. А некоторых из отвергнутых авторов редакторы приглашают к еще более тесному сотрудничеству, и уже 27 декабря 1928 г. К. Струве (староста Братства) и Вл. Кульман (секретарь Братства, будущий епископ Мефодий) уведомляют того же В. Н. Ильина, что «Братство имени преп. Сергия Радонежского при Православном Богословском Институте в Париже» радо будет «считать Вас, в случае Вашего согласия, другом-сотрудником нашего Братства»⁷¹.

Кроме «Листков» Братство издает несколько брошюр, в числе которых — небольшую книжку А. И. Грече «Смерти нет», получившую значительный спрос и до наших дней издающуюся во многих странах

⁶⁹ Письмо К. П. Струве В. Н. Ильину от 8 февраля 1928 г. (Частное собрание. Париж). «...вот еще сюрприз от этого идиота К. Струве. Я ему хорошо ответил», — записал Ильин в дневнике в ночь с 22 (9) на 23 (10) февраля (Дневник В. Н. Ильина за сентябрь 1927 — август 1928 гг. Частное собрание. Париж). Черновик ответа сохранился (Там же).

⁷⁰ Согласно «Сравнительной таблице годового тиража «Сергиевских листков», за время сотрудничества К. П. Струве тираж составлял: 1928 г. — 15 600 экз. (за 15 месяцев), 1929 г. — 13 000 экз.; 1930 г. — 20 700 экз.; 1931 г. — 26 400 экз. и распространялся в 32 странах и множестве французских колоний на всех континентах (Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского. Париж). Позднейшая статистика приведена в «Сергиевских листках» № 11–12 (85–86) 1934, с. 12–13, 21. Тираж «Возрождения» — едва ли не самой читаемой в свободном мире в те годы русской газеты — при редакторстве П. Б. Струве не превышал 17 000 экз.

⁷¹ Письмо К. П. Струве и Вл. Н. Кульмана к В. Н. Ильину от 27 декабря 1928 г. (Частное собрание. Париж).

значительными тиражами без указания авторства. В 1930 г. из советской России Братство нелегально получило текст службы «Всем святым, в земле Российской просиявшим», который был вскоре издан. В советской России служба эта, возобновленная решением Всероссийского Собора 1917–1918 гг., была напечатана только в 1946 г. В особых случаях Братство производило «бесплатную раздачу своих изданий. Так, за 6 месяцев 1930 г. было роздано 1600 бесед, 1200 экз. “Сергиевских Листков”, более 200 открыток, иконок и крестиков. Расходы по издательству были только на типографию, экспедицию и почту. Вся литературная и техническая работа велась членами Братства и сотрудниками совершенно бесплатно»⁷². Религиозно-педагогический отдел Братства начал работу в 1929 г., и «его задачей было обслуживание духовных нужд русских учащихся, в особенности детей. В этом деле Братство пользовалось также и методом заочного преподавания, для чего ими печатались (на машинке) на отдельных листах русская грамматика, выборные места из произведений русских писателей, русские песни»⁷³. Из-за финансовых обстоятельств этот отдел Братства просуществовал лишь несколько лет, успев разослать до 250 русских книжек и до 1500 экземпляров молитвенников, Евангелий, Библий и других изданий. «Деятельность больничной комиссии Братства, существующей со времени возникновения Братства, сводится к удовлетворению духовных и материальных нужд русских беженцев, по преимуществу больных, в Париже и его окрестностях. Духовная помощь заключается в совершении разного рода церковных треб, раздаче книг духовного содержания, крестиков и иконок. С первых лет работы Братства Студенты священники, иеромонахи и певцы взяли на себя подвиг даровых панихид в родительские субботы и в Радоницу на парижских кладбищах, где раскиданы могилы преимущественно бедных русских»⁷⁴, — отмечал А. В. Карташев.

По-видимому, уже в это время Константин воспринимает всю работу своей семьи как своего рода наследственное служение ко благу Отечества, что очевидно из строк его поздравления ко дню рождения отца, которого он благодарит «за то ратное дело, которое Ты ведешь как русский воин и на страницах Возрождения, и в общественной деятельности, и в той незаметной никому неведомой и невидимой но нами пред-

⁷² *Карташов А. В.* Студенческое братство...

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

чувствуемой работе, которая с помощью Господа Бога и возвратит нас на родную землю»⁷⁵.

1927–1928 учебный год сложился, по-видимому, неуспешно, во всяком случае 30 июня 1928 г. решено было оставить студента К. П. Струве на второй год⁷⁶. Середину лета он проводит у монахов-траппистов в древнем монастыре Семи Источников (Abbaye Notre Dame de Sept-Fons) в департаменте Алье (Allier), в Оверни, где семеро студентов Богословского института (Л. А. Гринченко, Агищев, В. Палашковский, Тимченко, Шимкевич, Струве, седьмой не назван), изучают латинский язык и отдыхают, пользуясь удивительно щедрым гостеприимством братии, что было большой удачей для не всегда сытых студентов-беженцев: «Обед исключительно обилен, вкусен и сытен. Пища здесь не уступает санаторской. Это конечно только для гостей. Сами монахи не едят ни рыбы, ни яиц. Обед из 3х или 4х блюд. [...] Пьют красное вино, вкусное с особым привкусом. [...] Отношение к нам о. Станислава самое предупредительное: все мы заметили, что он не охотно заговаривает на богословские темы, не охотно отвечает на наши вопросы касательно монастыря, не отзывается даже на наши просьбы о книгах, особенно богослужебных, совсем не напоминает нам о церкви и даже скорее отвлекает нас от посещения богослужений — всё это вероятно для того чтобы избежать упреков будто он хочет нас завлечь. И обратно во всех житейских вещах он исключительно предупредителен, всё время спрашивает не надо ли чего-нибудь, озабочен, чтобы мы не уставали, не мало ли нам еды и т. п., есть ли у нас мыло, марки и т. д. Всячески подчеркивает, что его задача — дать нам хороший отдых. Ко мне он особенно предупредителен, зная, что я был болен»⁷⁷. К концу июля он возвращается в комнату на подворье.

На Успение Константин сообщает Антонине Александровне: «Поздравляю тебя, дорогая моя Матушка с светлым Праздником — у нас в эти дни особенно хорошо: в {пятницу} субботу освятили русские колокола и теперь Миша Яшвиль с наслаждением трезвонит во все положенные моменты, в начале службы, на шестопсалмии, на 4 песни и на литургии, на каждом часе и во время пения Достоинно и праведно. Колокола повесили на брусках на дворе, пока их 5, сравнительно небольших.

⁷⁵ Письмо К. П. Струве П. Б. Струве от 26 января / 8 февраля 1927 г.

⁷⁶ Личное дело К. П. Струве...

⁷⁷ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 21 июня / 4 июля 1928 г.

Колокольный звон придает большое благолепие церковным службам и возбуждает к молитве. В субботу утром я отстоял обедню, пообедал и поехал на Voussaint повидаться с Глебом, сначала зашел к Кульманам. [...]

В субботу вечером я был на всенощной у нас на Подворьи; обедаю я на Подворьи у Сумци за 5 frs, а ужинаем и пьем чай по вечерам самостоятельно, то в одной то в другой компании. В воскресенье утром я был на rue Daru и довольно удачно распродал наши Листки № 11 около 60 экз. Вернувшись пообедал, поспал и хотел писать тебе письмо, но не нашел чернил, а вечером писать у нас неудобно: я живу в запретном домике и — еродиевом — там нельзя жечь электричества. Потому так и вышло, что до сих пор не собрался написать тебе. В понедельник, т. е. вчера с утра засел с Ф. Г. Спасским за проверку наших денежных и экспедиционных дел, незаметно проработал до самого обеда, а после обеда занимались самой экспедицией, почти до самой службы. Вчера вечером была торжественная всенощная с чтением акафиста, а сегодня обедня с крестным ходом: у нас ведь Успенский придел: в нем и служили сегодня отец Сергей, о. Никон, о. Лев иеромонах в сослужении с о. Львом и о. Андреем. А теперь Вечером сегодня в 7 ч. будет замечательный чин погребения Богоматери, напоминающий службу Великой субботы (вечера великого пятка). Я всего раз был на этой службе 3 года тому назад: 2 года как я уже не бывал на Успение в храме Божиим»⁷⁸.

В сентябре 1928 г. он живет в парижской квартире родителей, в одиночку готовит их вещи к отправке в Белград, куда они намерены перебраться, разбирает архив Петра Бернгардовича и редакционную переписку «Возрождения» и «России», распродает ненужные вещи⁷⁹. По-видимому, в октябре окончательно возвращается на подворье завершать последний год своего учения. В феврале 1929 г. умирает в Давосе Лев Струве.

На Пасху 1929 г. Константин старательно приглашает на Сергиевское подворье семьи братьев Глеба и Алексея, особенно заботится о том, чтобы все его многочисленные маленькие племянники попали на пасхальную вечерню для детей, устраиваемую в храме подворья⁸⁰.

Завершение обучения в институте (Константин был выпущен 26 июня 1929 г. как окончивший полный курс с правом на диплом 1 степени⁸¹)

⁷⁸ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 15/28 августа 1928 г.

⁷⁹ Письмо К. П. Струве А. А. Струве от 8/21 сентября 1928 г.

⁸⁰ Письмо К. П. Струве Е. А. Струве от 15/28 апреля 1929 г.

⁸¹ Личное дело К. П. Струве...

совпадает с получением приглашения от иеромонаха Иоанна (Шаховского), основавшего в г. Белая Церковь в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев Православно-миссионерское зарубежное русское подворье св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова и Православно-миссионерское книгоиздательство при нем. Секретарем издательства становится К. П. Струве. Однако туберкулезный процесс не оставляет его, и август Константин проводит в Давосе, а в Сербию направляется в начале осени 1929 года.

27 сентября 1929 г. он сообщает супруге брата: «Теперь вот я уже на новом месте: в маленьком провинциальном городке, таком уютном и симпатичном. И мне здесь хорошо, по душе. Работа интересная и её много. С о. Иоанном приятно и отрадно работать. Живу я обособленно, в небольшой комнатке (вход со двора). Питаюсь в одной русской семье, где относятся ко мне очень радушно, кормят сытно и вкусно, по-русски. Каждый день бывает литургия — с нее собственно и начинается день — в 7 ч. [асов] утра. Русская колония здесь порядочная, довольно культурная: ведь здесь два учебных заведения, в каждом из них своя домашняя церковь»⁸².

В широко распространявшейся в эмиграции листовке «Церковное обращение к русскому зарубежью» устроители нового книгоиздательства призывали жертвовать на построение русского храма и обустройство совершенно нового учреждения — миссионерской библиотеки, «которая бы посылала бесплатно, на прочтение, книги по различным религиозным вопросам во все страны, города и деревни русского рассеяния». С 1 января 1928 по 1 января 1930 г. книгоиздательство уже выпустило 19 брошюр и книг и 28 листовок на сумму в 1 500 долларов США тиражом более 35 000 экз., а на подворье работало несколько человек «на монашеских условиях, без денежного вознаграждения». Распространялась литература в 38 государствах Старого и Нового Света преимущественно через добровольных сотрудников-помощников из 20 стран, и лишь малая ее часть — через книжные магазины.

Стремление к просвещению юношества побуждает о. Иоанна (Шаховского) и Константина Струве предложить Сербскому патриарху принять участие в издании переведенной уже на сербский язык известной в дореволюционной России книги «Моя первая Священная история», содержащей в себе Священную историю Ветхого и Нового Заветов,

⁸² Письмо К. П. Струве Е. А. Струве от 14/27 сентября 1929 г.

«рассказанную особым привлекательным для детей, живым языком выгодно отличающимся от сухой схоластичности школьного учебника. Но главную ценность книги представляют 70 гравюр и рисунков в тексте, что для детей особенно важно. Мы выпустили эту книгу в прошлом году на русском языке, для нашей эмиграции и она целиком разошлась несмотря на сравнительно дорогое для беженца издание. [...]

Мы с радостью и готовностью взяли бы осуществить это издание, если бы Ваше Святейшество благословило бы нам дать временную ссуду, на осуществление этого плана. Мы бы обязались возвратить полученную сумму в течение нескольких месяцев, ибо успех книги был бы несомненно обеспечен. Русское издание в 2000 экз. нам стоило 28000 динар, на хорошей бумаге, с прекрасным внешним видом книги. Сербское издание, конечно надо было бы осуществить в гораздо большем количестве экземпляров»⁸³.

На запрос патриарха о целесообразности этого издания управляющий монашеской школой в монастыре Раковица русский епископ Митрофан (Абрамов) отвечал, что сам не читал этой книги и не может судить о ее пригодности для преподавания в сербских школах, а также ничего не знает о миссионерско-книгоиздательской работе подворья. Еп. Митрофан указывал, что в случае необходимости Священную историю можно издать в типографии его монастыря и без каких-либо субсидий. Ответ патриарха русским типографам оказался неблагоприятным...⁸⁴

3/16 февраля 1930 г. Константин Петрович писал брату Алексею: «Господь указал мне путь — иноческое служение Ему Единому посреди мира. Сегодня ночью я еду в монастырь, где пробуду около полгода (sic!) и, если будет Божие благословение, приму там иноческий постриг. Для меня это событие — величайшая радость, в этом вижу великую милость Господа ко мне грешному. [...]

С этого дня между нами уже не может быть мирских отношений. Я остаюсь служить Господу посреди мира, но должен жить так как будто в миру меня нет. Будем помнить друг друга молитвенно»⁸⁵.

Сотрудничество К. Струве с редакцией газеты «Православная Карпатская Русь», одним из редакторов которой он станет несколько

⁸³ Письмо о. Иоанна (Шаховского) и К. П. Струве Сербскому патриарху Варнаве (Росичу). (Частное собрание. Сербия).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Письмо о. Саввы (Струве) брату А. П. Струве от 3/16 февраля 1930 г.

лет спустя, было в это время, по-видимому, уже налажено. Во всяком случае, при 16-ом номере «Православной Карпатской Руси» от 15 августа 1930 г. рассылается отпечатанный в Париже четырехстраничный рекламный проспект «Сергиевских листков» и других изданий Свято-Сергиевского братства при Богословском институте.

* * *

Пребывание Константина в руководимом ставшим уже известным в русском рассеянии игуменом Амвросием (Кургановым) Мильковском монастыре близ городка Свилайнац было непродолжительным, о чем впоследствии о. Савва горько сожалел, вспоминая об этих днях своей жизни в письме к епископу Сергию (Королеву): «Я тянулся к иночеству еще будучи студентом, но не удовлетворяла меня мысль принять монашество на студенческой скамье; я искал монаст.[ырской] жизни и с этой целью отправился в Югославию, и там жил у о. Иоанна (кн. Шаховского. — А. К.) в Белой Церкви. И вот в ночь с 20 на 21 декабря о. Иоанну приснился или явился во сне Свят. Иннокентий Ирк.[утский] и он принял это за знак и сказал мне, что воля Божия есть, чтобы я принял монашество. А я ему в ответ: “благословите”. Написал он письмо Вл. Антонию и в результате его я пять месяцев проходил монашеское послушание в Мильковом монастыре. И скажу, что это мое пребывание в монастыре, когда я пас коров и читал сочинения еп. Игнатия Брянчанинова, дало мне в жизни больше чем все факультеты»⁸⁶. Здесь он впервые, наверное, сталкивается с незнакомой прежде стороной монашеского жития: «Старец Амвросий всячески старался привязать меня к родителям. Он звал их на мой постриг, а мне казалось это неуместным и потому я просил их не приезжать, а Адичка (брат о. Саввы Аркадий Петрович Струве, секретарь еп. Сергия (Королева). — А. К.) звал. И вот мать, не желая меня огорчать, не приехала, но известила о том настоятеля. Я уже ждал, когда за мной придут, чтобы вести меня в церковь и в это время прилетает ко мне в келию разгневанный о. Амвросий и ругает меня последними словами “в монахи хочет, а свою волю проявляет”. И взял, постриг отменил и брата отправил домой со словами: “пока родители не приедут, Константина не постригу”»⁸⁷, — рассказывал о. Савва еп. Сергию (Королеву).

⁸⁶ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г.

⁸⁷ Там же.

В день именин П. Б. Струве Константин Петрович был рукоположен во диакона в храме Мильковского монастыря «и уже служил за обедней, т. е. читал очень хорошо и проникновенно последнюю ектению»⁸⁸. «После пострижения и рукоположения во иеродиаконы, вернулся я к о. Иоанну. Но несчастливо было мое иеродиаконство: все время одолевало меня уныние, леность, какая-то прозорливость»⁸⁹. Вскоре его рукополагают в иереи и он возвращается в Белую Церковь: «У меня теперь с момента моего священства много и иных забот — вот служу по субботам и воскресным дням в корпусной церкви для юношей кадетов»⁹⁰. В отсутствии настоятеля о. Савве приходится «его замещать во всей работе»⁹¹, а по возвращении о. Иоанна (Шаховского) из Женевы доклад патриарху Варнаве о намерении швейцарцев помочь русским заграничным церковным организациям подписывают все сотрудники миссионерского подворья — о. Иоанн, о. Савва, диакон Владимир Ульянов и Федор Лисснер(?)⁹².

Как вспоминал о. Савва, «приблизительно через 3 месяца о. иером. Иоанн, совершив Бож.[ественную] Литургию, позвал меня в алтарь и перед престолом Божиим сказал мне: “есть воля Божия, чтобы Вы ехали к о. Виталию на Карпаты”. И снова я ответил “благословите”. Написано было письмо ко Вл.[адыке] Антонию, был я рукоположен во иеромонаха и через 3 месяца приехал на Карпаты во Владимирову и с тех пор не переставал благодарить Господа Бога, что Он привел меня к этой западной веточке русского народа, с которой я сросся духовно и не хотел бы разлучаться аж до смерти»⁹³. Но даже еще до знакомства с Ладомировским братством он, кажется, радовался своему предстоящему перемещению:

⁸⁸ Письмо без подписи от 16 июля 1930 г. Алексею П. Струве

⁸⁹ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г. Здесь стоит отметить, что постоянное ощущение голода, на которое о. Савва жаловался в течение последних двух десятилетий своей жизни и которое склонен был рассматривать как тяжелое искушение, с которым считал нужным бороться немыслимой строгости постами и почти что полным голоданием, было, вероятно, проявлением приостановленного лечением, но не прекратившегося туберкулезного процесса, ставшего причиной его ранней кончины.

⁹⁰ Письмо о. Саввы (Струве) Е. А. Струве от 15/28 ноября 1930 г.

⁹¹ Письмо А. А. Струве (без начала) 1930 г.

⁹² Письмо патриарху Сербскому Варнаве от 28 декабря 1930 г. (Частное собрание. Сербия).

⁹³ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г.

«Благодарю Господа за свое белоцерковское житъе, но радуюсь и предстоящему переезду в Карпатскую Русь. В скором времени отец Иоанн уедет в Швейцарию, я дождусь его возвращения и тогда сам двинусь в Чехию»⁹⁴.

По приезде в монастырь в январе 1931 года о. Савва включается в работу издательства и типографии, участвует в наборе первой части «Великого сборника» — самого значительного из изданий Братства, осуществленного в продолжение нескольких лет. Он становится единственным на то время профессиональным журналистом из числа братии, поэтому его участие в издании газеты «Православная Карпатская Русь» (в техническую редакционную коллегию которой формально он вошел не сразу) стало ценнейшей находкой для Братства. С появлением о. Саввы на страницах газеты начинают регулярно перепечатываться материалы из лучших периодических православных изданий, выходящих в разных концах света — в Маньчжурии, Болгарии, Северной Америке. Прежние интересы о. Саввы также находят отражение в кратких заметках⁹⁵. Не порывает он связей и с Богословским институтом и Свято-Сергиевским студенческим братством в Париже⁹⁶.

Уже 15 апреля выходит первая подписанная о. Саввой статья о намерении создать при Братстве духовную семинарию: «Большим преимуществом Владимировой является также возможность тесного соприкосновения с Миссией. Уже то обстоятельство существенно, что учителями семинарии будут богословски образованные священники-миссионеры, которые и в лекциях, а еще больше в непосредственной беседе и, наконец, в совместной миссионерской работе по селам [...] смогут дать учащимся больше, нежели профессора городской семинарии»⁹⁷. Братство рассчитывало на серьезную финансовую помощь из САСШ, однако в феврале 1932 г. извещало, что в то время как американские евреи за месяц собрали более миллиона долларов на помощь соплеменникам в Европе, православные «на русскую семинарию за год едва собрали 2.000 долл.»⁹⁸

⁹⁴ Письмо о. Саввы (Струве) Е. А. Струве от 15/28 ноября 1930 г.

⁹⁵ Например, см.: Борьба фашистов с папистами в Италии // Православная Карпатская Русь. 1 августа 1931. № 15. С. 3.

⁹⁶ О приеме в Православный богословский институт в Париже // Православная Карпатская Русь. 1 сентября 1931. № 17. С. 4.

⁹⁷ *Иеромонах Савва*. Почему мы начали ставить семинарию во Владимировой [9 марта 1931 г.] // Православная Карпатская Русь. 15 апреля 1931 г. № 8. С. 2–3.

⁹⁸ Жидовская едность и русская небалость (sic!) // Православная Карпатская Русь. 15 февраля 1932. № 4. С. 2.

Сам основатель «Православной Карпатской Руси» и профессиональный церковный журналист — архимандрит Виталий (Максименко) получил назначение на епископскую кафедру в Детройт: «Уходя он оставляет для братства в Ладомировой чудный храм, большой типографский корпус, где помещается две машины, братская церковь, канцелярия Братства, склад, настоятельские покои и человек десять братии. Второй корпус, старый, где вначале помещалась типография, там теперь: — кухня, пекарня, трапезная братская и кельи остальной братии. Маленькая хатка с двумя кельями служит для эконома кладовкой и кельей для жилья. Сарай для двух коров и при нем братская баня. Чудная новая странноприемная (sic!), которая во время праздников вместила совершенно свободно двух епископов, имевших хорошие комнаты каждый, двух архимандритов и почти всех священников из Пряшевской Руси. Здесь отличная пасека в 21 улей. Одним словом, слава Богу, все как следует, хорошо. [...] заместитель владыки Виталия оказался достойным своего начальника: отец архим. Серафим хотя и меньше имеет духовного опыта, чем вл. Виталий, но любовь к делу Божию все покрывает. Он до самозабвения трудится во славу Божию и готов за всякий листик монастырской бумаги, или какого бы то ни было другого предмета, пойти в бой. [...] здесь имеется четыре человека с высшим образованием, настоятель и игумен даже с двумя высшими дипломами, остальные с средним и только 3–4 с домашним, — отмечал архим. Феодосий (Мельник), — но и те здесь образуются, ибо постоянное общение с образованными и высоко-религиозными людьми оставляет свой отпечаток, а кроме того, постоянные чтения и работа с книгами дают свой результат»⁹⁹.

Можно предположить, что в Ладомировой о. Савва обретает, наконец, то, к чему стремился с детства, — здесь реализуется его мечта о систематическом издании религиозной литературы, находят приложение и отмечавшиеся всеми знавшими его педагогические способности (вероятно, унаследованные от его деда по матери — крупнейшего петербургского педагога Александра Яковлевича Герда), и здесь же он попадает в обстановку настоящего русского монастыря, которую так надеялся ощутить на Сергиевском подворье в годы учебы в Париже.

Новая жизнь действительно существенно отличалась от всего, что можно было в те годы встретить в русских церковных центрах Европы. Очень впечатляющее описание ежедневного распорядка Ладомиров-

⁹⁹ Отдельная вырезка из газеты «Царский вестник» (Частное собрание).

ской обители оставил посетивший ее келейник митрополита Антония и большой приятель о. Саввы архим. Феодосий (Мельник): «Встают они в 3 ½ часа, на вставание и сборы дается двадцать минут, через двадцать минут звонит звонок на колокольне, и все должны собраться в церковь. После звонка ровно через пять минут приходит настоятель, на него надевают мантию, и служащий иеромонах принимает благословение и начинает полунощницу. Если же кто-либо опоздал и пришел после настоятеля, то тут же наказывается, ставится на поклоны по усмотрению настоятеля. Поэтому порядок идеальный, все стараются не опаздывать, ибо класть по 2–3 десятка поклонов не так то легко... Читается Полунощница, утренние молитвы, а после них настоятель читает поучение. По окончании поучения все идут прикладываться к святыням, имеющимся у них: Крест с частицею древа от Животворящего Креста Господня из Иерусалима, мощи от главы св. Иоанна крестителя и св. Великомученика и Целителя Пантелеймона, икона Преподобного Иова Почаевского с его же мощами и другие святыни. К этим святыням прикладываются по старшинству с пением: [...] и вся братия прикладывается и становится по чину; здороваясь, иеромонахи целуются рука в руку, а остальная братия, принимая благословение от иеромонаха, и так становятся все в ряд. Затем поют тропарь Почаевской иконе Божьей Матери, составленный блаженнейшим владыкой Антонием: [...]. Этот тропарь поется с большим воодушевлением, а затем вся братия за исключением служащего иеромонаха, певца и пономаря, с пением тропаря Преподобному Иову идут в типографию и там пред иконою Преподобного Иова, в которую вложены часть св. мощей, присланную от Почаевской Лавры (sic!), читается коленопреклоненная молитва настоятелем и на этой молитве поминается все чиноначалие: — Патриарх Сербский Гавриил, Председатель Русского Заграничного Синода, весь Синод, Мукачевско-Пряшевский епископ и владыка архиепископ Виталий поминается как Авва и строитель братства, к нему применено особое наименование: Высокопреосвященнейшего Владыку и отца нашего Архиепископа Виталия, а затем все братство поименно, потом сотрудников, а затем уже благодетелей поминают довольно долго.

По окончании молитвы поют величание Преподобному, прикладываются по чину и помазуются елеем от лампадки преподобного, а те, кто не пойдет на литургию, принимают антидор и святую воду, и на пять минут

расходятся по кельям переодеться, собираясь уже в другом помещении, трапезной, для общего послушания. Общее послушание состоит в том, что все садятся за фальцовку книги, или календаря, или газеты, и так до 8 часов утра все работают молча, читая каждый про себя Иисусову молитву, а во главе стола сидит настоятель и читает что-либо из душеполезного чтения, или из пролога, или Толковое Евангелие, или же из Творений св. Отцов. А иногда читает братии интересные письма из дальних стран, если там есть что-либо поучительное для братии. После общего послушания бывает завтрак, довольно просто приготовленный, но вкусно: суп и чай, к чаю положено 2 куска сахару, хлеб черный, своей выпечки, иногда бывает вкусным, а иногда не совсем, во всяком случае, жить и работать Господеви можно. После завтрака, братия идет всяк на свое определенное послушание: наборщики и машинисты в типографию, делопроизводители в канцелярию, экспедитор в свой склад. Одним словом, всяк на дело свое. Ровно в 12 часов звонят на обед. Обед бывает из двух, а иногда даже из трех блюд; обед сытный, но совершенно постный, а в посты даже без постного масла, как положено по церковному уставу. После обеда час отдыха и приведения в порядок своей кельи и себя для чтения и письма. В два часа опять на послушание до шести часов вечера. В 4 часа вечерня, на которую идут только служащий, чтец, пономарь и гости. В 7 часов ужин. После ужина перерыв на 10 минут и все до одного идут в церковь на Правило. Там читается Малое повечерие, вечерние молитвы, полный помяник из Псалтири, где поминают всех. По окончании вечерних молитв поют: Пред святою твоею иконою и идут всяк в свою келью, молча. Так что по-моему все устроено вполне сносно, нет переутомления и нет свободной минуты, что очень полезно и душеспасительно для монаха. Ложатся около 10 часов. Кроме обычных рядовых служб у них служатся акафисты: Преподобному Иову, в типографии, пред иконою с мощами, по воскресным дням, Великому мученику и целителю Пантелеймону по средам, Честному Кресту по пятницам и пред иконой Почаевской Божьей Матери по субботам. Служатся эти акафисты всегда соборно и на них присутствует все братство. За этими службами опять поминаются все: начальство по чину, братство, благодетели и сотрудники, по всему миру рассеянные. Настроение молитвенное и благоговейное. Братия сейчас подобралась один в одного, все сознательно работают, трудятся на почве Христовой. Имеется у них один архимандрит, один игумен, пять иеромонахов, один иеродиакон, два монаха иподиакона,

два рясофорных монаха и человек десять послушников, есть у них регент, который устроил неплохой хорик из местных сельских парней и девушек, которые поют по воскресным и праздничным дням в большом храме при монастыре. Он же заведывает (sic!) и библиотекой братства.

Я подробно остановился на описании братства, так как считаю, что оно теперь является единственным в мире братством, которое во смирении пребывает, о себе не говорит много, а делает большое чисто русское православное дело, печатая богослужебные книги, окормляя нашу Зарубежную Церковь, издает календарь с указаниями уставными, что является для всякого пастыря, не имеющего под рукой церковного устава, большой помощью. Они издают религиозную газету и Детство во Христе, что тоже многим, как взрослым, так и деткам приносит утешение»¹⁰⁰.

Несмотря на жизнь в отдаленном и достаточно диком районе Чехословакии о. Савва не порывает связей с семьей и деятельно участвует в жизни родителей и братьев, в 1931 г. советует брату Алексею назвать новорожденного сына Сергием, в честь преп. Сергия Радонежского, а в крестные позвать о. Мефодия Кульмана, поскольку тот сможет оказывать хорошее влияние на мальчика¹⁰¹. Впрочем, мальчика назвали Никитой...

2 октября 1931 г. Собор Сербской Церкви избрал выпускника Петроградской духовной академии и профессора богословского факультета Белградского университета Дамаскина Грданички († 1969) на Карпаторусскую кафедру с титулом Мукачевского и Пряшевского — он стал первым постоянным епископом на Карпатской Руси после 12-летнего перерыва. До этого Сербскую Церковь представляли лишь делегаты-епископы, оставлявшие на время свои епархии и более полугода на Карпатской Руси не задерживавшиеся.

Общие впечатления о. Саввы от первого года пребывания в Ладомировской миссии сохранились в письме его Ф. Либу: «Скажу только несколько слов о характере нашей деятельности именно в этом крае. Народ здесь бедный материально и одинокий духовно, заброшенный и забитый, нуждающийся в пастырском сострадании, в отеческой заботе. Чехи, хотя и освободили карпаторусский народ от мадьярского ига, но сами не дают ему полной свободы и относятся к нему свысока, как к низшей расе. До сих пор в этом крае нет своей русской школы. В школах

¹⁰⁰ Отдельная вырезка из газеты «Царский вестник» (Частное собрание).

¹⁰¹ Письмо о. Саввы (Струве) А. П. Струве и Е. А. Струве 1931 г.

детей учат на словацком языке, родной речи они не слышат. Мне приходится учить детей соседнего села одновременно и русской грамоте и Закону Божьему. Православных детей — 28 человек, от семи и до тринадцати лет, а на эти занятия дают всего два часа в неделю. Что поделать?

Народ, можно сказать, в большинстве православный, но медленно возвращается в Православную Церковь. И вот почему: нет церквей. Старые церкви (некоторые из них построены ещё православными и освящены православным епископом), хотя бы всё село {перешло} вернулось в Православие, остаются в распоряжении униатского епископа, таков существующий закон. А строить новую церковь, народу, при его бедности, не по силам.

Вот, в шести верстах отсюда, за горою есть село Доброслава, жители ея (sic!) душою православные, а до сего дня остаются в унии, потому что не имеют средств построить православную церковь. Там есть один православный. В прошлое воскресенье два наших священника ходили в это село и служили Литургию в избе этого православного. Всё село собралось к этой избе, больше 80 человек её наполнило и все были очень рады. Да и к нам в церковь постоянно приходят крестьяне из униатских сел, сами заказывают службы, привозят своих больных.

Униатские священники в большинстве люди не идейные, грубые, думающие лишь о прибытке, старающиеся выжать всё, что только можно с населения.

В этом отношении здесь богатое поле деятельности, но нас мало, а у нас много работы и внутри нашей миссии, ибо мы живем своим рабочим типографским трудом. Сами священники (иеромонахи) начиная с начальника Миссии Архимандрита Виталия всю типографскую работу: набор, печатание, фальцовка, брошюровка — всё сами производят. Живем мы слава Богу дружно и мирно, тихо. Большая стоит перед нами задача — построить духовную школу, в которой бы дети здешнего народа получали бы хорошее общее образование и духовное воспитание и выходили бы из нее образованными пастырями. Много уже сделано в этом направлении: {много сре} средства собираются в Америке, на эти деньги выпалили (выжгли) уже 100 000 кирпичей и привезли камень. К осени первый корпус (здание) будет готово. А пока мы и в нашей тесноте ведем занятия с послушниками и и (sic!) типографскими учениками.

У меня здесь три ученика воспитанника 12 и 15-летние мальчики, двух из них я сам привез сюда из далёкой глухой деревни. Мальчики

простые, чистые сердцем, восприимчивые, учатся охотно. Жажда знаний вообще в детях сильна — вот почему так нужна здесь школа. Народ хотя и бедный материально, но богатый духовно, ибо крепко верующий и совестливый. Здесь много хороших народных обычаев, в том числе и общецерковное пение.

Мы не ведем никакой борьбы ни с католиками ни с униатами, а просто тихо помогаем народу возвращаться к родной вере. Наше главное орудие — пастырская сострадательность и участие к нуждам народа»¹⁰².

В июне 1932 г. о. Савва пишет о кончине известного миссионера и издателя газеты «Колокол» о. В. М. Скворцова, особо отметив давнишнее его мудрое выступление ещё на страницах «Колокола» о совершенной недопустимости массового обращения в православие галичан-униатов, предлагавшегося тогдашним обер-прокурором В. К. Саблером¹⁰³.

Участие же к нуждам местных обитателей проявлялось и в заботе о русских детях, для которых еще к Рождеству 1930 г. обителью была впервые устроена елка, ставшая ежегодным заметным культурным событием в жизни неизбалованных обитателей окрестных сел. Спустя год, на Рождественские праздники 1931 года миссия «старанием собратий своих иеромонахов Иова и Саввы, которые собрали через своих знакомых нужные средства, устроила две “елки”»: одну во Владимировой, в помещении миссийной друкарни (типографии. — А. К.) для детей из сел Владимировой, Вагринца и К.[райнего] Черного; а другую в с. Медвежьем, на которой присутствовали и дети из Крайней Порубки. [...] Это уже второй год устраивается Миссией “елка”. Помимо радости для детворы, она является единственным русским детским праздником в нашем краю»¹⁰⁴, — общала «Православная Русь». В сборах средств на устройство елок не раз помогала и Антонина Александровна Струве, мать о. Саввы¹⁰⁵.

В августе 1932 г. Антонина Александровна приезжает в гости к о. Савве. «Дорогой мой Родитель! В четверг 11го августа жду Родитель-

¹⁰² Письмо о. Саввы (Струве) Ф. Либу от 7/20 декабря 1931 г. (Архив Ф. Либа. Базель).

¹⁰³ *Иеромонах Савва*. Памяти старца-миссионера В. М. Скворцова // *Православная Карпатская Русь*. № 12. 15 июня 1932. С. 3.

¹⁰⁴ «Елки» Православной миссии // *Православная Карпатская Русь*. № 2–3. 1 февраля 1932. С. 5–6.

¹⁰⁵ *И. Савва* Пожертвования на Елку // *Православная Русь*. 6 декабря ст. ст. 1936. № 23 (205). С. 6 (А. А. Струве пожертвовала 20 динар); Список пожертвований на елку // *Православная Русь*. 1940. № 3. С. 5 (А. А. Струве передала собранные ею 200 динар).

ницу. Хочу условиться о твоём приезде. Когда будет удобнее. Дело в том, что на будущей седмице [2/15 августа] я должен буду выехать по делам на Карпатскую Русь (к Епископу) и пробуду там по-видимому до самого Успения. Думаю, что лучше бы тебе приехать сюда тогда, когда я буду уже дома, т. е. после Успения 15/28 августа.

29/авг. — 11 сент.[ября] у нас большое торжество Отпуст, сходятся люди с разных сел. Это своего рода народное движение и тебе будет интересно его посмотреть. Т.[ак] что мне хотелось бы, чтобы Вы с Мамой остались до этого дня. Можете жить и дольше, но я сам то сразу после 11/IX выеду в Прагу, т. к. мне надо торопиться на сборы в Швейцарии и Франции. Мы в настоящее время очень нуждаемся в средствах. [...] Ты мне можешь оказать большую помощь, т. к. мне предстоит составлять воззвания на немецком и франц.[узском] языках, которые будут отпечатаны. [...] Маме я снял маленькую комнатку в крестьянской семье за 30 ц.»¹⁰⁶.

15 августа 1932 г. выходит заметка о. Саввы о его парижском знакомом и сотруднике по Сергиевскому братству Александре Шевченко, успешшем потрудиться в 1931 г. наборщиком I части «Великого сборника» в Ладомировской типографии и умершем в Париже от туберкулеза 25 июня¹⁰⁷.

В сентябре 1932 г. о. Савва намеревался по делам Миссии проехать во Францию и, если получится, в Англию и просил брата Аркадия помочь в получении визы. В результате Петр Бернгардович Струве обратился за помощью к В. А. Маклакову.

Уже 11 августа о. Савва благодарит отца за визу во Францию, «что ты сам хлопотал по-видимому независимо от Ади и потому я так скоро получил её. В связи с твоими планами, я меняю свои, а именно вернусь с Карпатской Руси раньше, числа 12го августа (25 авг.), хорошо бы тебе приехать в двадцатых числах августа. На Успение мы все с крестьянами пойдем крестным ходом в Люцину — это приход о. Василия Соловьева, твоего слушателя по Юридич.[ескому] Факультету, бывшего псаломщика в Праге. Туда — 80 верст. А Вы бы с Мамой могли поехать на автобусе. Туда сходитесь народ — несколько тысяч человек православных и около 10 тысяч униатов. Приходят из Галиции вместе с священниками. И Вам обоим было бы интересно посмотреть это народное явление»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Письмо о. Саввы (Струве) П. Б. Струве от 8 августа 1932 г.

¹⁰⁷ I. С. † Александр Шевченко // Православная Карпатская Русь. 15 августа 1932. № 16. С. 4.

¹⁰⁸ Письмо о. Саввы (Струве) П. Б. Струве от 11 августа 1932 г.

17 августа он советует заболевшему отцу не торопиться с приездом, благодарит за содействие в изготовлении клише для печатаемого календаря и сообщает, что вернется в обитель к 23 августа, «т. к. спешу поскорее быть с Мамой; оставил её на попечение нашей братии. Как будто ей нравится у нас, а наша братия уже успела полюбить ее и привязаться к ней»¹⁰⁹.

Петр Бернгардович, однако, так и не приехал в обитель, и 5 сентября о. Савва сообщает, что в будущую среду выезжает в Прагу: «Буду пытаться кое-что собрать в Праге, хотя бы себе на дорогу до Парижа. Поеду либо прямо в Париж, либо через Швейцарию — это решу в Праге, будет зависеть от сбора в Праге. Очень надеюсь увидеть тебя в Праге, если до того времени не свидимся у нас во Владимировой. Маме здесь как будто хорошо она отдыхает и набирается сил, со всеми уже подружилась. Вчера ходила ко мне на приход, а оттуда мы приехали на телеге. [...] И она проводив меня ещё отдохнет здесь, ибо чувствует себя как дома и к ней привыкли здесь. Мне кажется ей не следует ехать в Париж — она там будет волноваться и вообще в городе и в заботах растратит тот запас здоровья, который она приобрела здесь. Лучше Маме вернуться из Праги прямо в Белград [...] Я бы рад был увидеть в Праге Ант.[ония] Васильевича [Флоровского] и побеседовать с ним по вопросам истории Карпатской России»¹¹⁰.

Вследствие этой поездки во Францию, исключительно благодаря проповедническому дарованию о. Саввы, Ладомировское братство, а с ним и вся Зарубежная Церковь обогатились ценнейшим приобретением... Вдохновленный рассказами о. Саввы о первобытном почти монашеском житье на Карпатской Руси, к Братству решил присоединиться молодой художник из Ниццы Кирилл Пыжов, а его брат всерьез задумался о том же. Рассказы о том, что, наслушавшись о. Савву, «братья Пыжи как сдурели», долго развлекали русских обитателей Лазурного берега, а Кирилл Пыжов впоследствии стал известен всему православному миру как архимандрит Киприан из Джорданвилля — талантливейший иконописец и акварелист, создатель собственной зарубежной иконописной школы...¹¹¹ Слушатели о. Саввы отмечали, что изысканно

¹⁰⁹ Письмо о. Саввы (Струве) П. Б. Струве от 17 августа 1932 г. из Мукачева в Прагу.

¹¹⁰ Письмо о. Саввы (Струве) П. Б. Струве от 5 сентября 1932 г.

¹¹¹ См.: Киприан (Пыжов), архим. Мои воспоминания // Православная Русь. 1992. № 1,

одетый, высокий красавец-иеромонах оставлял у аудитории совершенно незабываемое впечатление... Его слова глубоко запали и в душу двенадцатилетнего графа Бориса Бобринского... В августе 2015 г. заслуженный декан Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже протопресвитер Борис Алексеевич Бобринской писал нам: «О. Савву я встретил в 1934 г. в русской колонии около Биаррица. Он посещал эту колонию и привозил с собой мощи св. Пантелеймона. Ему сказали, что молодой мальчик думает о священстве. Он мне тогда подарил молитвослов для мирян, который я до сих пор храню. Там есть дарственная надпись, которую я Вам высылаю. Это было мне благословение на весь мой церковный путь служения Богу»¹¹². Надпись гласила: «Боголюбивому отроку Борису Бобринскому в молитвенное благословение на церковное служение Богу. / “Пою Богу моему дондеже есмь” (Пс. 103). / С любовью во Христе иеромонах Савва с Карпатской Руси. 1934 г.»¹¹³

Важной стороной работы Ладомировской миссии была подготовка кандидатов в священники, недостаток которых остро ощущался в Карпатской Руси. С первых лет существования Миссии архим. Виталий мечтал о создании при ней духовной трудовой школы типа Александровской миссионерской семинарии (в Ардоне, около Владикавказа, где он в свое время преподавал).

В мае 1932 г. о. Савва подробно рассказывал о планах создания трудовой пастырской школы при Миссии, о своих пеших странствиях в сотне километров от Ладомировой между селами Снина, Стакчин и Ладомиров, в котором нет православного храма и три десятка православных семей видят православного священника лишь 2–3 раза в год.

«Это такая школа, в которой учащиеся сами своим личным трудом оправдывают свое содержание и учение: часть дня хлопцы будут работать в церковной типографии, остальную часть дня молиться и учиться. [...] Сама же работа не тормозит учения, а наоборот способствует развитию в них грамотности. Это лучший диктант»¹¹⁴.

2; Богданова Т. А., Клементьев А. К. Материалы к истории... С. 14–15.

¹¹² Письмо протопресвитера Б. А. Бобринского А. К. Клементьеву.

¹¹³ Молитвослов для мирян. (Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского. Париж).

¹¹⁴ *Иеромонах Савва*. Как утвердить православие на Пряшевской Руси // Православная Карпатская Русь. 15 мая 1932. № 10. С. 2–3.

В том же № 10 «Православной Карпатской Руси» впервые появляется фотографическое изображение о. Саввы и других братьев Миссии «У св. Врат Миссионерской Обители во Владимировой»¹¹⁵ на фоне храма — в тексте посвященной истории создания и современной работе Ладомировской миссии обширной статьи «В чем призвание карпаторусского народа», подписанной «Пастырь-печатникъ I. С.» и принадлежащей, без сомнения, тому же о. Савве¹¹⁶.

О. Савва был в числе деятельных участников создания новой семинарии, постройку здания для которой Братство намеревалось осуществить в течение 1932 года.

Однако у местной церковной власти это начинание поддержки не находило, о чем свидетельствовал архим. Серафим (Иванов): «Нашу миссию также понемногу стараются посадить в клетку и превратить в обыкновенный монастырь.

О семинарии мысль приказано официально оставить, но что больше всего, весьма косятся и на нашу идею трудовой пастырско-миссионерской школы, мечту, которую уже 10 лет вынашивает в сердце о. А. Виталий, чтобы хоть перед смертью ее осуществить.

Эта школа должна быть организована на особых началах, подробно о которых мы пишем в очередном № 10 нашей газеты «П.[равославная] К.[арпатская] Русь» Она предназначена для обслуживания не только Карпат, но имеет целью подготавливать миссионеров и для будущей Руси Освобожденной»¹¹⁷. Братство стремилось «подготавливать самоотверженных проповедников-миссионеров, не боящихся ни голода, ни холода, не претендующих на плату, церковный дом, землю и т. п. А только такие и смогут ширить православие»¹¹⁸.

В 1933 г. о. Савва вторично отправляется за границу на сборы средств для обители, одолжив 200 крон у одного из благодетелей, каковые лишь в 1936 г. удалось выплатить из монастырских средств. Эта его поездка с мощами св. Пантелеимона вызывает благодарный отклик

¹¹⁵ Там же. С. 5.

¹¹⁶ Там же. С. 4–6.

¹¹⁷ Письмо о. Серафима (Иванова) неустановленному архиерею. (Частное собрание. Сербия).

¹¹⁸ Там же.

прихожан храма в Бийанкуре (Billancourt), близ Парижа, где настоятельством знакомый ему со студенческих времен о. И. Н. Ктитарев¹¹⁹.

* * *

В связи с отъездом в США архиепископа Виталия (Максименко), который оставался пожизненным руководителем Братства, определена была новая система управления Братством. Согласно постановлению духовного собора обители от 6/19 сентября 1934 г., заместителем братства назначался игумен Серафим (Иванов), благочинный иеромонах Савва (Струве) назначался помощником заместителя, а братским духовником стал Афонского Пантелеимонова монастыря иеросхимонах Кассиан (Корепанов). «Сии три составляют Духовный Собор старцев и решают все дела Братства, представляя их на утверждение Руководителю»¹²⁰. О. Савва во всем старался соблюдать строгие правила общежития, установленные архиеп. Виталием (Максименко), и когда, учитывая чрезмерную усталость братии, подумывали изменить порядок чтений за трапезой, то он высказал мнение «о нецелесообразности прекращения чтения за трапезой» и столь убедительно обратился к братии, что решено было «за обедом продолжать чтение и во время чая, а за вечерней во время чая вести духовную беседу общую»¹²¹.

В течение 1934 г. состав редакции «Православной Руси» менялся трижды. В № 8 от 25 апреля издателем газеты назван епископ Виталий (Максименко), ответственным редактором — Н. И. Бойко и техническим редактором — игумен Серафим (Иванов). С № 19 от 2 октября впервые обозначен состав редакционной коллегии, в которую теперь был включен и о. Савва (Струве), в качестве одного из четырех технических редакторов (трое других — игумен Серафим, иеромонах Кассиан и А. П. Дехтерев¹²²), временным издателем назван игумен Серафим, а от-

¹¹⁹ *И. Ветвеницкий*. Святыня миссии в Бианкуре (sic!) во Франции // Православная Карпатская Русь. № 9. 1 мая 1933. С. 4.

¹²⁰ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 1 от 6/19 сентября 1934 г. (Архив монастыря прп. Иова Почаевского. Мюнхен).

¹²¹ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 8 от 24 октября 1934 г.

¹²² Александр Дехтерев, один из самых заметных молодых церковных авторов, писавших для юношества, начал печатать свои рассказы в газете с № 5 от 1 марта 1933 г. Вскоре он станет убежденным сторонником выдвижения о. Саввы в заместители Братства. По-видимому, это приведет впоследствии к его отъезду из Ладомировой. Скон-

ветственным редактором — Н. И. Бойко. И, наконец, в № 22 от 15 ноября обозначены только издатель — Н. И. Бойко и техническая редакционная коллегия в неизменном составе.

В феврале 1935 г. значительная часть связанных с постройкой храма и типографии долгов Братства была погашена (о. Савва выступал одним из кредиторов Братства, которое к февралю 1935 г. оставалось должным ему 1 600 крон), в связи с чем задумались об обновлении типографского оборудования и «постановили: считать желательным приобрести: 1) золотильную машину 2) некоторое количество 10пунктового шрифта 3) нож и пресс 4) машину для иллюстрированных изданий — и для этой цели считать желательной поездку кого-либо из членов Братства иеромонахов со Святынями: Св. Крестом и мощами Целителя Пантелеимона в Братиславу и Прагу»¹²³. Значительная часть работы по организации персонала типографии также лежала на о. Савве.

19 февраля 1935 г. о. Савва изъявил желание «поехать на седмицу в Братиславу хлопотать о подданстве. Постановили: благословить о. Савву ехать в Братиславу, но обязательно с ковчежцем Целителя Пантелеимона и вернуться в Чистый Понедельник»¹²⁴. В том же заседании «слушали: мнение о. Саввы о том, что желательно единообразие в головных уборах за трапезой. Постановили: на воскресную {трапезу} и праздничную трапезу всем {обяза} монахам обязательно являться в клобуках, а также петь перед трапезой “Отче наш..”, а после “Достойно есть..”».

В марте 1935 г. о. Савва предложил пригласить из Праги в обитель опытного регента К. В. Соболева с целью улучшения монастырского пения¹²⁵. Протоколы духовного собора Ладомировской обители содержат множество примеров тому, как последовательно и настойчиво стремился о. Савва к сохранению и совершенствованию внутреннего распорядка жизни монастыря. В том же заседании «по предложению и. Саввы постановили для улучшения благолепия и благочиния монастырского переходить из типографии в храм зимою, а летом из храма в типографию в порядке старшинства с пением соответствующих песнопений, а также добавить молитвенные воззвания к ап. Андрею, свят. Григорию и Афанасию,

чался он в 1959 г. архиепископом Виленским и Литовским.

¹²³ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 19 от 6 февраля 1935 г.

¹²⁴ Там же. Протокол № 20 от 19 февраля 1935 г.

¹²⁵ Там же. Протокол № 23 от 20 марта 1935 г.

{священно}муч. Дионисию и Харлампию и муч. Параскеве. Постановили, чтобы о. Благодичинный следил за постановлениями Духовного Собора, иначе самые собрания Духовного Собора теряют смысл и авторитет».

Когда 1 мая 1935 г. о. Савва просил предоставить ему недельный отпуск для поездки к епархиальному архиерею, то отпустить его решили и с тем, «чтобы он постарался найти на Карп.[атской] Руси подходящих для Обители послушников»¹²⁶. В том же заседании, по его предложению, решено было «считать ношение подрясника и в рабочее время для всех послушников обязательным», причем «провести сие правило в жизнь и следить за исполнением его» поручили опять же о. Савве.

И без того нелегкое материальное положение обители усугублялось церковно-административными неурядицами и стремлением Мукачевско-Пряшевского епископа Дамаскина, в чьем ведении формально пребывало Ладомировское братство, максимально дистанцироваться от Сербской Патриархии, к которой относилась Мукачевско-Пряшевская епархия. Эти архиерейские домогательства в 1935 г. отразились на судьбе о. Саввы тяжким испытанием, после чего его отношения с частью старшей братии стали уже совсем не легкими: «В 1935 г. был представлен я к сану игумена, — писал впоследствии о. Савва епископу Сергию (Королеву), — В это же время Арх. Виталий приказал арх. Серафиму взять канонский (sic!) отпуск, который еп. Дамаскин с удовольствием ему выдал, желая избавиться от нежелательного беспокойного субъекта. Но арх. Серафим, получив канонский отпуск, преспокойно положил его в карман и остался во Владимировой. Это был ловкий ход арх. Виталия, который хотел сохранить свое духовное гнездо от вмешательства еп. Дамаскина. А в монастыре в это время была очень тяжелая обстановка. У о. Серафима обострилась его нервная экзема псориаз, он неистовствовал, пускался часто врукопашную с послушниками и всем от этого было очень не по душе. И тогда у о. Алексия Дехтерева возникла мысль сделать меня настоятелем, воспользовавшись тем обстоятельством, что Вл. Дамаскин должен был на Введение возвести меня в сан игумена. По дороге, когда мы ехали в Мукачево, он убедил меня принять не только сан, но и монашество, ибо иначе и он и от. Кассиан (в то время братский духовник. — А. К.) и еще другие убегут из Обители. Цenia их обоих и скорбя сам о беспорядках, я согласился и принял от Вл. Дамаскина не только сан, но и власть игумена. Но

¹²⁶ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 29 от 1 мая 1935 г.

была большая ошибка Еп. Дамаскина, что, дав мне бумажный декрет, он забыл мне вручить посох. Ну и приехал я с бумажкой, а она мне мало что помогла. Если бы был посох, я бы ударил им оземь и закричал: “Я тут законный настоятель, а не ты”. Большая часть братии была на моей стороне и возможно, что я бы и удержался. А как не было у меня посоха и он мне в ответ: “ты игумен, да неумен, я два факультета кончил, а ты один и у меня жезл архимандричий”. Так я и смяк и пришлось уступить и попал я между двух огней. Вл. Дамаскин не мог простить мне послушание, не утверждал меня настоятелем прихода, и три года я не получал госуд.[арственного] жалования. А арх. Серафим и его правая рука от. Иов считали меня до самого своего отъезда предателем. Особенно донимал меня от. Иов. При всяких недоразумениях и конфликтах он резко меня останавливал: “Помните, о. Савва, что Вы голоса здесь не имеете, Вы — предатель и это пятно с Вас не смоеся никогда; как Ваш батюшка, начав революцию, разложил Россию, так и Вы хотели разложить наш монастырь”»¹²⁷.

3 июля 1935 г. игумен Серафим заявил, «что иером. Савва должен представлять отчет о своих расходах[,] получаемые от крестин деньги на службы передавать казначею и от него брать авансом на свои расходы»¹²⁸, каковое предложение было принято духовным собором.

Принадлежность к одной из самых известных семей в русской эмиграции в монастыре также не прощалась, о чем о. Савва писал епископу Сергию: «Еще до принятия монашества я всегда понимал и считал, что фамилия монаху все равно что корове седло¹²⁹. [...] А кто возился и носился с моей фамилией, так это, иг.[умен] Серафим, но тоже по-своему. Когда ему надо было перед важными гостями похвастаться каких он имеет знаменитостей в Обители, так он выносил из своего арсенала и Львова (т. е. архимандрита Нафанаила, князя Львова. — А. К.) и Струве, а когда надо было выругать и унижить Савву, тогда сыпались на него

¹²⁷ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г.

¹²⁸ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 32 от 3 июля 1935 г.

¹²⁹ Впрочем, сам о. Савва писал своему отцу до принятия монашества: «Храню и, верю, сохраню навсегда глубокую тебе благодарность, признательность за то, что нашу твоё имя, за то что есмь твой сын и не только по крови, но духовно ощущаю себя твоим сыном. Мне трудно поведать тебе свою преданность и любовь и только в письме решаюсь это сделать, но как бы хотелось не только поведать их, но и исповедывать; сколько не учусь всё себя ещё таким слабым, не способным ощущаю». (Письмо К. П. Струве П. Б. Струве от 1 января 1926 / 19 декабря 1925 г.).

разные эпитеты: “анархист”, “революционер”, “социалист”, “марксист” и т. под. А что касается до моей привязанности к родителям, мне всегда казалось, что я к ним слишком холоден и не внимателен и я в этом именно каюсь, когда читал инок.[еское] исповедание грехов»¹³⁰.

В октябре 1935 г. о. Савва, стремившийся не допускать в обители злоупотребления спиртными напитками, настаивал на ограничении братии выхода за монастырские ворота, и решено было «по вечерам не разрешать отпуска ни в будние, ни в воскресные, ни в праздничные дни»¹³¹.

О. Киприан (Пыжов), впервые увидевший о. Савву в Ницце и благодаря его влиянию поступивший в обитель вместе с братом и отцом, вспоминал в конце жизни, что о. Савва с большим сожалением отзывался о грубости нравов и малоразвитости местного населения, считая, что молодых крестьян-послушников следует отдавать под присмотр людей, могущих воспитать в них умение к более тонкому и гармоничному восприятию окружающего мира. Возможно, поэтому 3/16 января 1936 г. о. Савва предложил назначить старшим воспитателем послушников именно о. Киприана (Пыжова), и решено было «перевести о. Киприана в келии послушников и устроить ему там уголок за ширмой»¹³². О. Савва всячески заботился и об условиях гигиены, что было труднодостижимо в сельских условиях, оборудовал умывальники в келии послушников и внутри помещения типографии. Участвовал он и в организации работы типографии, и в том же заседании духовный собор рассмотрел «предложение о. Саввы поскорее перевести на церковно-славянский шрифт Василия Джунана и дать ещё кого-нибудь из послушников. Постановили: Василий Джунан встанет на церковно-славянский шрифт после Крещения, а через 2 недели {после} поставить на набор Вел. Сборника послушника Георгия»¹³³.

На нем постоянно лежат заботы по воспитанию послушников и организации их быта: 14/27 января 1936 г. в заседании духовного собора «4. Слушали: предложение иг. Саввы о том, что необходимо упорядочить {надзор} воспитательный надзор за младшей братией. Постановили: на-

¹³⁰ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г.

¹³¹ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 41 от 30 октября 1935 г.

¹³² Там же. Протокол № 45 от 3/16 января 1936 г.

¹³³ Там же.

значить дежурными воспитателями: игум. Савву, м. Алексия, м. Киприана, м. Иова и м. Владимира с тем, чтобы каждый из них дежурил один день в седмицу, а о. Киприан два дня, а в воскресные дни по очереди все кроме о. Игумена. 5. Слушали: предложение иг. Саввы предоставить о. Алексию какую-то самостоятельную пионитарную (sic!) власть над провинившимися {из} хлопцами. Постановили: предоставить м. Алексию (Дехтереву. — А. К.) право наказывать следующие наказания: дежурства по мойке посуды вечером и в воскресные дни и оставлять без отпуска в воскресные дни. [...] 7. Слушали: предложение иг. Саввы о том что необходимо улучшить положение п. Димитрия, {который ст} келия которого заливается водою. Постановили: углубить канаву»¹³⁴.

Последствия особенностей взаимоотношений игумена Серафима (Иванова) с братией также приходится улаживать о. Савве... Во всяком случае, из принятого в отсутствие о. Саввы постановления духовного собора от 4 марта 1936 г. узнаем, что «обсуждали: печальное происшествие с о. Кассианом (монастырским духовником, приехавшим с Афона. — А. К.). Постановили: поручить о.о. Савве и Антонию побеседовать с о. Кассианом и уговорить его: 1) принять прощение о. Серафима; 2) с понедельника начать служить; 3) подождать возвращения о. Саввы и вместе с ним поехать к Архиепископу». Кто именно это «обсуждал», не ясно — под протоколом стоит подпись одного о. Саввы¹³⁵.

«Уговорить» монастырского духовника о. Савве, судя по всему, не удалось, и 30 марта по старому стилю «Православная Русь» известила о том, что в четверг на пятой седмице Великого поста после Великого Андреева стояния 1936 г. иеромонах Кассиан оставил Ладомировское братство «и отбыл в Белград, направляясь на свою иноческую родину св. Афон. Два года тому назад прибыл он к нам на временное послушание помочь нам духовно в нашем сиротстве без любимого нашего Владыки и Отца Архиепископа Виталия»¹³⁶. Несмотря на определенно обозначенный в этой публикации конечный пункт странствия о. Кассиана, он отчего-то на четыре года задержался в Успенской Почаевской лавре, и «после захвата и разорения лавры большевиками, благодаря имеющему-

¹³⁴ Там же. Протокол № 46 от 14/27 января 1936 г.

¹³⁵ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 51 от 4 марта 1936 г.

¹³⁶ Возвращение на Афон иеросхимонаха Кассиана // Православная Русь. 30 марта ст. ст. 1936. № 6 (188). С. 7.

ся у него греческому паспорту, получил возможность выехать из СССР и ныне возвратился в свое монашеское отечество, св. гору Афонскую»¹³⁷.

Независимое поведение игумена Серафима (Иванова) и его подчеркнутая преданность основателю и перемещенному архиерейским Синодом РПЦЗ в США архиепископу Виталию (Максименко) вызвала неприкрытую вражду со стороны епархиального архиерея, к которому, несмотря на предшествующие события, был послан в марте 1936 г. с целью поиска взаимоприемлемого компромисса именно о. Савва (хотя первоначально намеревались «ехать в Мукачево для переговоров с правящим Архиереем» о. Савва вместе с игуменом Серафимом¹³⁸)... Миссия его не увенчалась успехом, и архиерей вновь потребовал от него занять пост настоятеля обители: «Игумен.[ен] Савва докладывает о результатах своей поездки в Мукачево, а именно что Еп. Дамаскин его не принял и через секретаря Епарх.[иального] Управления предъявил требования: 1) {ч} что {прима} пока он не примет от Архим. Серафима настоятельство и пока сам о. Архимандрит не уедет в Америку Архиерей о. Игумена не примет, а когда это {соверши} будет исполнено то только через 3–4 месяца после того о. Игумен может рассчитывать быть принятым Архиереем. А о. архимандриту не разрешается в Епархии и фелони на себя надевать.

По обсуждении создавшегося положения постановили: 1) о. Архимандриту немедленно ехать к Патриарху, просить его заступничества, от Дух. Собора послать обратиться к Его Святейшеству с просьбой взять нас под свою защиту 2) если обращение к Патриарху не поможет о. Архимандриту проехать в Болгарию и там позондировать почву, не дадут ли нам какой-нибудь монастырь в пользование. 3) Одновременно обратиться к Архиеп. Виталию за указаниями как действовать. 4) о. Савва донесет Архиерею о временном отъезде о. Архимандрита и будет просить Вл. Дамаскина ради предстоящих праздников обождать с прещениями до получения ответа от Архиеп. Виталия»¹³⁹.

Положение сделалось действительно угрожающим, и в заседании духовного собора Братства 17/30 марта 1935 г. единогласно «утверждается поездка Архим. Серафима в Сербию, послание Духовного Собора Па-

¹³⁷ Возвращение схиигумена Кассиана на Афон // Православная Русь. 1 августа ст. ст. 1940. № 15 (294). С. 6.

¹³⁸ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 49 от 7/26 февраля 1936 г.

¹³⁹ Там же. Протокол № 52 [между 4 и 17/30 марта 1935 г.].

триарху Варнаве и удостоверение о. Архимандриту от Дух.[овного] Собора в том что он уполномочен вести переговоры в Сербии и Болгарии.

Предложено иг. Савве запросить иг. Иоанна Шаховского о монастыре в Болгарии.

По просьбе о. Архимандрита постановлено: 1) дать обещание перед св. мощами преп. Иова быть всем в единении; 2) после повечерия в его отсутствие совершать молебен перед мощами преп. Иова о благополучии поездки; 3) часто писать арх. Серафиму в Сербию.

Вопросы принципиальные обсуждать на Дух. Соборе в расширенном составе.

Что касается до расходов: в пределах до 200 кр. о. Савва может сам давать распоряжения, а выше этой суммы {на} расписка должна быть скреплена подписью и м. Антония.

Почту вскрывают иг. Савва совместно с м. Иовом.

О. Алексия (Дехтерева, особенно настойчиво выступавшего за настоятельство о. Саввы. — А. К.), если он пожелает уехать, не удерживать.

Архимандриту желательно из Сербии проехать в Болгарию, снестись с м. Стефаном, арх. Серафимом»¹⁴⁰. Таким образом о. Савва постепенно усваивает себе роль церковного дипломата и искателя компромиссов, явно наследуя в этом своему отцу.

В апреле 1936 г. положение обители остается неопределенным, и о. Савве поручается «выяснить в Праге возможности, нельзя ли там снять виллу на случай переезда», ему же «благословляется в Праге купить посуду и недостающий шриффт»¹⁴¹.

Упросить еп. Дамаскина не налагать прецедентов на бурного архимандрита Серафима (Иванова) о. Савве, кажется, все же удалось, и Братство все-таки осталось на своем месте, а обстановка несколько успокоилась...

О. Савва же усвоил достаточно своеобразную для инока форму поведения, оставляя себе право распоряжаться личными средствами по своему усмотрению, и 22 июня 1936 г. заявил собору, что за полученные на его личные нужды от частных жертвователей 1000 франков, положенные им в банк, «даст в них отчет Архиеп. Виталию по его приезде»¹⁴². Деньги свои

¹⁴⁰ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 53 от 17/30 марта 1935 г.

¹⁴¹ Там же. Протокол № 56 [без даты].

¹⁴² Там же. Протокол № 61 от 22 июня 1936 г.

о. Савва тратил и на самые разнообразные общественные дела, и в декабре 1940 г. к имеющимся в распоряжении Братства 400 кронам на устройство елки для крестьянских детей «прилагает 100 кр. от себя»¹⁴³.

В апреле 1936 г. о. Савва помещает в «Православной Руси» материалы о митрополите Арсении (Стадницком) и об основателе Пастырского училища в Болгарии архиепископе Царицынском Дамиане (Говорове)¹⁴⁴. В том же сдвоенном № 7–8 (189–190) «Православной Руси» от 25 апреля 1936 г. в последний раз обозначена техническая редакционная коллегия: архимандрит Серафим, игумен Савва и инок Алексей (Дехтерев). С № 9 (191) от 5 мая 1936 г. названы лишь технические редакторы: архимандрит Серафим и игумен Савва, на плечи которых на годы целиком ложится предпечатная подготовка каждого выпуска.

№ 1 1937 г. открывается статьей о. Саввы с призывом присоединиться к Братству и всемерно помогать ему в деле укрепления православия. О. Савва констатировал очевидную успешность работы братии с тех пор, как «пришел во Владимирову в старенькой ряске с узелком в руках Архимандрит Виталий и принялся мастерить свой печатный кораблик. Годы напряженного труда не прошли для него даром. Под поднятый им парус собралась дружная команда»¹⁴⁵. В том же номере о. Савва извещает читателей о тяжелой болезни настоятеля Братства — игумена Серафима (Иванова) и о почти чудесном его спасении от едва не приведшего к смерти тяжелого воспаления легких. Эта заметка — единственная публикация в газете, подписанная «Игумен Савва с братией»¹⁴⁶.

В апреле о. Савва, сообщая о смерти митрополита Петра Крутицкого, обращает внимание читателей на то, что Синод в Москве «неизвестно за что объявляет этого святителя-исповедника раскольником и будто бы даже запрещает его в священнослужении, а Митр. Сергию усваивается звание Местоблюстителя Патриаршего Престола»¹⁴⁷.

¹⁴³ Там же. Протокол № 145 от 13 декабря 1940 г.

¹⁴⁴ *Игумен Савва*. Новые молитвенники у Престола Божия за страждущую Русь. Митрополит Арсений (переп. из России). И. С. Архиепископ Дамиан // Православная Русь. 25 апреля ст. ст. 1936. № 7–8 (189). С. 7.

¹⁴⁵ *Игумен Савва*. Под наш парус! // Православная Русь. 20 января 1937 г. № 1–2 (207–208). С. 1–2.

¹⁴⁶ *Игумен Савва с братией*. Милость Господня над нами // Православная Русь. 20 января 1937 г. № 1–2 (207–208). С. 9.

¹⁴⁷ *Игумен Савва*. Скорбная весть // Православная Русь. 8 апреля 1937 г. № 7 (213). С. 1, 6.

В конце мая 1937 г. в Ладомирову приезжает И. С. Шмелев, получивший к тому времени уже мировую известность как автор «Солнца мертвых» — жуткого свидетельства о жизни Крыма в первый год после захвата его большевиками.

«Здесь тишина райская и ласковость. Дышу после Парижа-Праги. Обитель — исключительное явление русского духа на чужбине. И народ — удивительный, по б.[ольшей] ч.[асти] — прошли сквозь огонь войны. С таким “крещением” — крепки зело. Вы-то, конечно, знаете, а для меня — свет нежданный. [...] В воскресенье читаю инокам и каким-то приглашенным местным русским и карп[ато]-рос.[сам] — свое “Слово” о Пушкине. Побуду здесь м.б. еще дней 8–10, а там, через Прагу, во свояси. Здесь — молитва, труды. Не знаю, чего больше. Одно входит в другое, — невиданная мною гармония, — ответ Валаама, но мягче, прощче»¹⁴⁸, — писал Шмелев еп. Сергию (Королеву). Писатель и сам участвовал в работах Братства: «Пожалел нас Иван Сергеевич — почитал нам кое-что из своего во время общих послушаний. Сидит братия вечером, фальцует. И под шелест складываемой бумаги льется чудесное неподражаемое мастерское чтение. Что и говорить, где уж тут спориться работе. Заслушаешься — не до нее»¹⁴⁹, — свидетельствовал архимандрит Серафим.

22 мая / 4 июня в пятницу в Ужгороде Шмелев говорил о Пушкине в Русском доме, в субботу вечером открыл речью, передававшейся по радио, «торжественную Академию, посвященную Русской Культуре». В воскресенье вместе с шествием в 4000 человек и 11 оркестрами участвовал в закладке памятника А. С. Пушкину. Вечером того же дня вместе с А. П. Ладинским, путешествующим по Карпатской Руси в качестве корреспондента «Последних новостей», отправились в православный девичий монастырь в Липше, где около 100 инокинь из Карпатской Руси. Во вторник состоялся вечер Шмелева в Мукачево, и он через Прагу возвратился в Париж¹⁵⁰.

О. Савва сопровождает писателя в поездке по Карпатской Руси: «...со всеми он здесь подружился и ему очень понравилось у нас, — общал о. Савва матери, — А потом мы с ним путешествовали в Ужгород,

¹⁴⁸ Письмо И. С. Шмелева еп. Сергию (Королеву) от 22 мая 1937 г.

¹⁴⁹ *Архим. Серафим*. Гость дорогой // Православная Русь. 20 мая ст. ст. 1937 г. № 10(216). С. 2.

¹⁵⁰ И. С. Шмелев на «Днях русской культуры в Карпатской Руси» // Православная Русь. 5 июня ст. ст. 1937 г. № 11 (217). С. 4–5.

в Липецкий женский монастырь и в Мукачево. [...] Шмелев хочет поселиться у нас навсегда. Надо поддержать в нем это желание»¹⁵¹. Желание это Шмелев почти осуществил уже после окончания новой войны, договорившись о переезде в Джорданвилль, куда перебралось к тому времени Ладомирское братство. И лишь скоропостижная смерть в Покровской обители в Бюсси-ан-От в Бургундии, куда он приехал отдохнуть, помешала его новой встрече с монастырем прп. Иова.

* * *

В 1937 г. о. Савва предлагает своему брату Алексею стать представителем монастырского издательства в обмен на предоставление товара со скидкой в 30 %¹⁵². Прежде те же функции осуществлял магазин Сияльского, с которым у монастыря постоянно возникали финансовые тяжбы. Через брата о. Савва заказывал и медицинские советские издания для монастырской амбулатории.

В 1938 году удается организовать приезд в обитель епископа Сергия (Королева), которого сопровождал его секретарь — Аркадий Струве¹⁵³. На о. Савву ложатся в этом году все заботы по подготовке Владимирских торжеств 17 июля, в отсутствие настоятеля Братства, в чем ему помогает брат Аркадий¹⁵⁴, который сообщает ожидающим его приезда родителям: «От. Савве нелегко справиться без архимандрита. Зато отсутствие последнего облегчило приезд Владыки. Поэтому я выеду только 21 с.[его] м.[есяца], а в Белград приеду 23-го»¹⁵⁵.

«Торжества в Ладомирове прошли удачно, — сообщает Аркадий отцу, — отчасти благодаря отсутствию архимандрита (о. Серафима (Иванова). — А. К.). От. Савва очень устал, но справился со своей задачей и даже несмотря на усталость произнес на кладбище краткое, но сильное слово»¹⁵⁶. Отъезд еп. Сергия из обители планировался на 22 сентября¹⁵⁷.

¹⁵¹ Письмо о. Саввы (Струве) А. А. Струве от 4/17 июня 1937 г.

¹⁵² Письмо о. Саввы (Струве) А. П. Струве от 18/31 октября 1937 г.

¹⁵³ Удачная фотография еп. Сергия (Королева) с Арк. П. Струве, о. Саввой, о. Филиппом Гарднером и другими братьями и трудниками помещена в: Троицкое наследие. № 4 (30). Зима 2010–2011. Джорданвилль, 2011. С. 14.

¹⁵⁴ Письмо о. Саввы (Струве) П. Б. Струве от 9 июля 1938 г.

¹⁵⁵ Письмо Арк. П. Струве П. Б. Струве от 13 июля 1938 г.

¹⁵⁶ Письмо А. П. Струве П. Б. Струве от 30 июля 1938 г.

¹⁵⁷ Письмо о. Саввы (Струве) А. А. Струве от 3/16 сентября 1938 г.

Слева направо: Алексей, Лев, Глеб, Константин и Аркадий Струве. Париж

О. Сава в распятом о. Киприаном (Пыжовым) храме в Ладомировой. За его спиной главная святиня обители — мощи св. Пантелеимона, с которыми о. Сава путешествовал по Европе, собирая средства на Тимозафское братство. 1936 г.

О. Савва, Антонина Александровна, Аркадий Петрович и Петр Бернгардович Струве в квартире П. Б. Струве. Белград, апрель 1939 г.

О. Савва и Аркадий Петрович Струве на улице в Белграде. Апрель 1939 г.

Тогда же печатается в монастырской типографии написанная о. Саввой брошюра «Вера и язык. Светлой памяти карпаторусских будителей о. Иоанна Раковского и о. Евгения Фенцика»¹⁵⁸.

В конце сентября о. Савва сообщает матери, что собирается посетить родителей в Белграде и задержаться «на месяц или полтора немного подлечиться, а то становлюсь каким-то инвалидом»¹⁵⁹.

В дни написания этого письма жизнь в Чехословакии ощутимо изменилась, была объявлена мобилизация: «Мне удалось проводить в Свиднике всех своих “запасных”. Пошло их с 3х сел в один день свыше 25 человек. Дружески простились мы и с о. Десидерием Шудиком, униатским (sic!) священником, и доктора призвали и машину его забрали. Автобусы теперь не ходят, но почту мы получаем, только задерживается она в цензуре [...] Эти дни посылаем наших послушников к одиноким солдаткам помогать им пахать, сеять и картофель собирать; но продолжаем и нашу наборную работу»¹⁶⁰.

30 октября 1938 года во главе Мукачевско-Пряшевской епархии становится кандидат богословия Московской духовной академии епископ Владимир (Раич; † 1956). Хиротонию совершили патриарх Сербский Гавриил, первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий и великие заступники и покровители русских беженцев епископ Нишский Досифей (Васич) и епископ Бачский Ириней (Чирич).

В самом конце 1938 г. о. Савва все же удается выбраться к родителям, о чем «Православная Русь» извещает в первом номере нового, 1939-го года: «О. Игумен Савва благополучно добрался до Югославии, где и проходит курс лечения. Пишет, что его здоровье поправляется. Слава Богу! К Пасхе надеется возвратиться домой»¹⁶¹.

Белградский «Царский вестник» «в связи с предстоящей 9 марта лекцией в русском Доме Игумена Саввы “Духовный лик Карпатской Руси”» поместил напоминание о том, что «с осени 1932 г. по август 1934 года о. Савва совершил миссионерское путешествие по Западной Европе, объехав русское рассеяние в Швейцарии, Франции, Англии, Бельгии,

¹⁵⁸ *Савва, игумен*. Вера и язык. Светлой памяти карпаторусских будителей о. Иоанна Раковского и о. Евгения Фенцика. Владимирова. Русская православная миссия, 1938. 10 с., илл.

¹⁵⁹ Письмо о. Саввы (Струве) А. А. Струве от 16/29 сентября 1938 г.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Братская хроника // Православная Русь. № 1 (255). 5 января 1939 г. С. 8.

Голландии и Германии и везде читал лекции о Карпатской Руси, об этом удивительном русском уголке. В Белград о. Савва приехал по своим делам, но, уступая желанию студентов-богословов, согласился поделиться своими знаниями и впечатлениями от К. Руси, особенно тем богатым своим материалом о страданиях русского народа за веру православную, который собран им непосредственно из уст народа. Лекция будет богато иллюстрирована световыми картинами»¹⁶².

Поездки с монастырскими святынями совершают с этой поры другие братья обители — иером. Иов (Леонтьев)¹⁶³, а позже архим. Нафанаил (Львов).

Долгое отсутствие о. Саввы из монастыря в связи со служением на сельских приходах, по-видимому, помогало переносить непростую обстановку внутри Братства, причем в своей пастырской работе он не останавливался перед даже очень ощутимыми лишениями, едва ли совместимыми с состоянием его здоровья.

* * *

Еще 7 октября 1938 г. правительство Чехословакии под давлением Германии предоставляет автономию Словакии, а 8 октября — и Закарпатской Украине. Главой правительства словацкой автономии стал католический священник Йозеф Тисо, выпускник семинарии в Нитре и Венского университета, один из умеренных лидеров Словацкой Народной партии.

После того как 9 марта 1939 г. сохранявшие верность пражскому правительству части чехословацкой армии заняли территорию Словакии, Й. Тисо направился в Берлин, где 13 марта встретился с канцлером А. Гитлером, который вынудил его заявить о независимости Словацкой Республики. Словацкий парламент провозгласил независимость 14 марта, а на следующий день германские войска оккупировали Богемию и Моравию. 26 октября 1939 г. Й. Тисо стал президентом Словацкой Республики.

Премьер-министром стал Войтех Тука (Vojtech (Béla) Tuka), венгр по происхождению, бывший профессором в Будапеште и Братиславе и одним из лидеров радикального крыла Словацкой Народной партии и сторонником тесного союза с Германией.

¹⁶² К лекции о Карпатской Руси // Царский вестник (отдельная вырезка).

¹⁶³ Миссионерская поездка [о поездке по Словакии с частицей мощей св. Пантелеимона иеромонаха Иова (Леонтьева), начиная с 22 декабря 1939 г.] // Православная Русь. 1939. № 24. С. 8.

Новое государство признали многие страны, в том числе Швейцария, Испания, Венгрия, Италия, Япония, Маньчжурская империя, Китай, Эстония, Литва, Хорватия, Советский Союз, Сальвадор, Ватикан.

Таким образом, Ладомировское Типографское братство оказалось на территории нового государства с населением в 2 миллиона 650 тысяч человек, в течение последующих шести лет существовавшего в тесном союзе с Германской империей и под ее защитой. Этот вынужденный союз позволил Словакии в течение почти всей Второй мировой войны сохранять государственную независимость и основные гражданские свободы для большинства населения. На ее территории находилось крайне незначительное число германских военных, не вмешивавшихся во внутреннюю жизнь государства.

Находясь в центре охваченной войною Европы, Братство получило единственную в своем роде возможность для продолжения своей миссионерской работы. В семье о. Саввы судьба Чехословакии вызывала большую тревогу, отразившуюся в переписке Петра Бернгардовича и его сыновей.

«Совершаются великие события, смысл которых мы не можем еще уразуметь в настоящее время, — говорил митрополит Анастасий 29 августа 1940 г. во время посещения обители в Ладомировой. — Перевертывается страница всемирной истории. Прежний мир колеблется на чашке весов и как бы изживает себя; нам кажется по временам, что уже секира лежит пред корнем бесплодного дерева всей современной гордой культуры, забывшей вечные заповеди Христовы»¹⁶⁴.

После раздела Польши и присоединения к Советскому Союзу Западной Белоруссии и Украины, стран Прибалтики, а после Советского нападения на Финляндию — и Карельского перешейка «замолк призывный гул большого Почаевского колокола в плененной безбожниками Лавре, как замолк он на Валааме, Коневце, Печорах и во всех других русских Обителях, так-сяк еще существовавших в Польше и Прибалтике. Только с Карпатских гор, почти с самого порубежья советского, слышится еще звон монастырских колоколов и, о чудо, сей звон малых колоколов достигает иногда слуха русских людей, живущих в самых удаленных концах мира»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Слово, произнесенное высокопреосвященным митрополитом Анастасием в обители преподобного Иова Почаевского во Владимировой в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа 1940 г. // Православная Русь. 1940. № 23 (303), 1/15 (sic!) декабря. С. 3.

¹⁶⁵ С. Верин [архмандрит Серафим (Иванов)]. Неделя с первосвятителем // Православ-

Обитель в Ладомировой осталась фактически единственным настоящим русским монастырем в свободной от большевиков части Европы. Типография, основанная более трехсот лет назад преп. Иовом Почаевским, дала жизнь обители в Ладомировой, и возможно, существеннейшую часть своей миссии иноческое братство исполнило именно во время войны.

* * *

21 октября / 3 ноября 1939 г. достигнуто было соглашение между архиепископом Берлинским Серафимом (Ляде) и епископом Пражским Сергием (Королевым) о разделении полномочий в отношении приходов в «Великогермании и Протекторате»¹⁶⁶, в связи с чем редакция в статье «Богомудрое решение» полагала, что «есть основания надеяться, что Сербский Архиерейский Синод передаст Преосвященнейшему Архиепископу Серафиму православные приходы на Словакии, ибо, в силу сложившихся политических обстоятельств, ими из Мукачева, как доселе, управлять почти невозможно»¹⁶⁷.

11/24 ноября 1939 г. в монастырь приехал с Цейлона архим. Нафанаил (кн. Василий Владимирович Львов), 33 лет, который окончил Богословский факультет в Харбине «и там же был пострижен в иночество Архиепископом Нестором. Вместе с Владыкой (Нестором. — А. К.) они в Харбине издавали очень популярный в тех краях журнал “Вера и Жизнь”, пока тот существовал»¹⁶⁸, — извещала «Православная Русь». Последнее утверждение не соответствовало действительности, поскольку редактором и составителем журнала являлся Хайларский епископ Дмитрий (Вознесенский). Тем не менее, с приездом о. Нафанаила в редакцию газеты вошел новый талантливый автор, уже с последнего номера 1939 г. ставший третьим техническим редактором издания¹⁶⁹.

Ежегодная елка в 1939 г. вновь не обходится без о. Саввы: «В типографском помещении воцарилась елка, вытеснив кассы со шрифтом
ная Русь. 1940. № 18–19 (298–299), 1 октября / 20 сентября. С. 1.

¹⁶⁶ Соглашение между архиепископом Серафимом и епископом Сергием // Православная Русь. 5 ноября ст. ст. 1939 г. № 21 (275). С. 1.

¹⁶⁷ Богомудрое решение // Православная Русь. 5 ноября ст. ст. 1939 г. № 21 (275). С. 1.

¹⁶⁸ Богомудрое решение...

¹⁶⁹ Первая публикация о. Н. Львова была подписана псевдонимом, который он использовал в течение всей последующей жизни: *Александр Нельской*. Отец Михей // Православная Русь. 1939. № 24. С. 5–6.

и другие типографские принадлежности. [...] живо и весело была разыграна маленькая пьеса “Дедушка Мороз”, напечатанная в Рождественском номере “Детства и Юности во Христе” [...] О. игумен Савва, настоятель Ладомировского прихода, сам раздавал подарки: никто так хорошо, как он не знает всех детей и их сложного родства»¹⁷⁰.

В августе 1940 г. Архиерейский Синод РПЦЗ разрешил создание двухгодичных пастырско-богословских курсов во главе с архим. Серафимом (Ивановым) с двумя отделениями — пастырским и богословским, в основу программы курсов полагалась программа дореволюционных духовных семинарий в несколько сокращенном виде, открытие курсов намечалось на октябрь 1940 г.¹⁷¹, и старшая братия обители сразу обратилась к коллегам с предложением сотрудничества: «При Братстве преп. Иова открываются богословско-пастырские курсы. Среди нашей братии в наличности три человека с высшей богословской квалификацией, дающей возможность быть преподавателями богословских предметов на курсах. Но все мы трое чрезвычайно переобременены своей текущей работой. Поэтому нам насущно нужно еще, хотя бы одно, а по возможности два, лица с высшим богословским образованием для занятия должностей преподавателей на открываемых курсах»¹⁷². Однако неожиданное обретение Словакией государственной независимости и последовавшая вскоре война в Европе помешали исполнению этих планов в полной мере.

* * *

И в годы войны (которая, впрочем, почти до самого ее завершения мало ощущалась в формально союзной Германии, а фактически почти нейтральной Словакии) участие о. Саввы в издательской и редакционной работе братства было весьма активным, несмотря на приходское служение. 12 февраля 1941 г. обсуждали возможность издания учебника Закона Божия, проект которого поручили разработать архим. Серафиму (Иванову), архим. Нафанаилу (Львову) и игумену Савве (Струве)¹⁷³. 12/25 марта 1941 г. о. Савва ввиду перегруженности типографской ра-

¹⁷⁰ Отчет о Рождественской елке в Братстве преп. Иова // Православная Русь. 1940. № 3. С. 5.

¹⁷¹ См.: Богданова Т. А., Клементьев А. К. Материалы к истории... С. 28–33.

¹⁷² Архимандрит Серафим, архимандрит Нафанаил, игумен Савва. Коллегам: богословам и ученым // Православная Русь. 15 августа ст. ст. 1940. № 16 (295). С. 4.

¹⁷³ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 149 от 12 февраля 1941 г.

ботой получил разрешение за собственные средства нанять Ю. Германа для набора и печатания очередного «Владимирского листка»¹⁷⁴.

30 апреля / 13 мая 1941 г. духовный собор обсуждал «общее положение в связи с усилением слухов о возможности военной опасности»¹⁷⁵, будущее Типографского братства представлялось неясным...

В случае необходимости эвакуации решено было разбиться на две группы. В первую были включены архимандрит Серафим, игумен Филимон, иеромонах Иов, иеромонах Антоний (Ямщиков), иеромонах Николай, иеродиакон Виталий (Устинов), инок Тихон, послушник Николай, Димитрий Михайлович Пыжов, инок Владимир и Лев Павлинец, во вторую — архимандрит Нафанаил (Львов), игумен Савва (Струве), игумен Игнатий (Чокина), иеромонах Киприан (Пыжов), монах Сергей (Ромберг), иноки Афанасий (Демчик) и Мефодий, В. Г. Винокуров, А. П. Белонин, Б. Ф. Пеллит и Александр Кривопустов. Тогда же постановили поминать за богослужением «страждущий православный русский народ», а желающим «разрешить поминовение по более пространной формуле, предложенной о. архим. Серафимом “и всех верных чад Пр.[авославной] Рус.[ской] Церкви, во отечестве, рассеянии, изгнании и заточении сущих”»¹⁷⁶.

Спустя месяц в заседании духовного собора архимандриту Серафиму на время военного положения были предоставлены (по его просьбе) полномочия «немедленно единолично решать необходимые вопросы, не собирая Дух. Собора», в состав коего к тому времени входили: настоятель обители архимандрит Серафим (Иванов), архимандрит Нафанаил (Львов), игумен Савва (Струве), игумен Филимон (Никитин), иеромонах Иов (Леонтьев), иеромонах Киприан (Пыжов), иеромонах Антоний (Ямщиков)¹⁷⁷.

* * *

В апреле 1941 г. духовный собор обсуждал «вопрос об заместителе настоятеля ввиду того что ныне после официального прекращения дипломатических отношений между Словакией и Югославией о. ар. Серафим и о. ар. Нафанаил могут быть заключены в конц.[ентрационный] Лагерь» и постановил, «что, т. к. о. и. Савва будучи настоятелем прихо-

¹⁷⁴ Там же. Протокол № 152 от 12/25 марта 1941 г.

¹⁷⁵ Там же. Протокол № 159 от 30 апреля / 13 мая 1941 г.

¹⁷⁶ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 159 от 30 апреля / 13 мая 1941 г.

¹⁷⁷ Там же. Протокол № 161 от 23 мая / 5 июня 1941 г.

да и состоя в подчинении о. прот. В. Соловьева не имеет возможности быть одновременно заместителем настоятеля, не может быть таковым и о. иг. Филимон, то назначить заместителем о. иер. Иова»¹⁷⁸.

В мае 1941 г. именно о. Савве поручают вступить в переписку с отличавшимся известными странностями в поведении настоятелем русского братиславского прихода игуменом Михаилом (Диким) по поводу намерения монастыря открыть подворье в столице Словацкого государства. Писать следовало так, «чтобы в письме отразилось полное единодушие Дух.[овного] Собора по этому вопросу и чтобы ни одна часть письма его не могла бы быть использована против мысли о подворье»¹⁷⁹.

Начавшееся военное противостояние Германии и советской России дало братству новые обширные возможности для проповеди слова Божия, на этот раз — на огромных территориях самой России, занятых германской армией.

В середине августа 1941 г. о. Савва и игумен Серафим в заседании духовного собора снова вынуждены договариваться: «Слушали выяснение недоразумения возникшего между о. архимандритом Серафимом и о. игуменом Саввой. О. игумен Савва признал для себя обязательным подчиняться о. архимандриту Серафиму во всех делах, кроме приходских. В приходских же делах имеющих соприкосновение с обительскими [...] как то о совместном служении, о домике Е. С. Подгаецкого и под. [обных] совещаться. О. архим. Серафим высказал пожелание, чтобы о. иг. Савва принимал возможно большее участие в братских богослужениях. И в свою очередь обещал всегда елико возможно идти навстречу пожеланиям о. Саввы в его приходской и просветительской работе. Таковыми заявлениями недоразумение было полностью исчерпано»¹⁸⁰. Подпись о. Саввы в качестве члена духовного собора последний раз встречается под протоколом № 165 от 2 сентября 1941 г. Затем, вплоть до 5 ноября (№ 169), для нее оставляют место, так и оставшееся незаполненным. Вероятно, в это время о. Савва, живущий на приходе в Межилаборце, редко бывает в обители...

В условиях нового политического устройства Европы и административных изменений в жизни Православной Церкви в союзной Германской

¹⁷⁸ Там же. Протокол № 156 от 28 марта / 10 апреля 1941 г.

¹⁷⁹ Там же. Протокол № 159 от 30 апреля / 13 мая 1941 г.

¹⁸⁰ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 164 от 1/14 августа 1941 г.

империи Словакии духовный собор поручает «о. иг. Савве высказать на благочинническом собрании пожелание, чтобы прав.[ославные] приходы на Словакии вошли в подчинение В.[ысокопреосвященному] Архиепископу Серафиму (Берлинскому архиепископу Серафиму (Ляде). — А. К.)»¹⁸¹.

8 февраля 1942 г. о. Савва сообщал еп. Сергию (Королеву), что живет на приходе в Межилаборце, где к нему присоединился о. Игнатий Чокина и где они принимаются «за постройку свято Владимирского храма» — первого Владимирского храма в Карпатах. «В обители теперь тяжело и с топливом и со средствами, но печатание продолжается. По родному приходу тоскую, но душевно здесь мне легче спокойнее, мирнее и полезнее. От родителей получил письма через о. Иоанна (кн. Шаховского, находившегося в Берлине. — А. К.) и писал уже им, а теперь прошу Вас это письмецо переслать 72-летнему рожденнику (т. е. Петру Бернгардовичу Струве. — А. К.)»¹⁸².

В 1942 г. П. Б. Струве с женой узнают из письма игумена Серафима (Иванова), что обитель занимается печатанием «молитвенников и евангелий для очищенных от большевиков областей. Уже отпечатали и послали 30000 молитвенников и пятьдесят тысяч евангелий. Кроме того закончили на престольное Евангелие на церковно-славянском языке. Работы много, но работа радостная. [...] Кроме того мы отпечатали антиминские платы, которые по освящении их в Берлине были отправлены в Минск, Смоленск и Орел, а равно и в другие местности»¹⁸³.

В августе 1942 г. духовный собор рассмотрел вопрос «о том что о. Савва выдал известные удостоверения задним числом. Постановили выразить ему категорическое порицание и предупредить что если еще раз он совершит подобное, то будет исключен из Братства»¹⁸⁴. О каких именно документах шла речь, не ясно...

13/26 августа в 3 часа утра в Ладомировском монастыре в присутствии всех манатейных монахов был совершен тайный постриг в великую схиму любимого о. Саввой давнего его знакомца протоиерея

¹⁸¹ Там же. Протокол № 166 от 3/16 сентября 1941 г.

¹⁸² Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 апреля 1942 г.

¹⁸³ Письмо игумена Серафима (Иванова) А. А. Струве из Ладомировой в Париж от 29 сентября 1942 г. Подробнее о работе Братства в это время см.: *Богданова Т. А., Клементьев А. К. Материалы к истории...* С. 45–102.

¹⁸⁴ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 178 от 23 июля / 5 августа 1942 г.

Сергия Четверикова, духовника Русского студенческого христианского движения: «Доколе возможно после того он останется в нашей обители а зимой уедет в Братиславу. Окончательно поселиться он хочет в Валаамском монастыре. От. Сергей получил полный канонический отпуск от М. Евлогия и дал обещание не занимать в дальнейшем никаких административных [постов]»¹⁸⁵.

В последнем декабрьском № 23–24 (№ 350–351) «Православной Руси» 1942 года о. Савва в последний назван в числе технических редакторов газеты. После этого в издании наступил вынужденный пятимесячный перерыв, а в № 1–2 за 1943 г., вышедшем 28 мая / 6 июня, упомянуты только два технических редактора — архимандриты Серафим и Нафанаил.

В мае 1943 г. уличенный в хищении богослужебных сосудов и ранее прославившийся склонностью к спиртному и безнравственным поведением прот. Иоанн Иванов пишет донос на обитель, о чем сообщается 8/21 мая 1943 г. в заседании духовного собора:

«Слушали сообщение о. архим. Серафима о том, что на обитель поступил донос в Главное вельительство жандармерии в Братиславе с обвинениями в том, что о. Серафим незаконно получает конгрую за о. Савву, что монастырь не платит налогов и утаивает свои доходы, что о. Савва воспитывает детей из словацких сел в русском духе и не позволяет им учиться по словацки, что о. Серафим злоупотребляя своим словацким паспортом, действует во вред Слов.[ацкому] государству, что о. Серафим и о. Иов незаконно посылают посылки в Братиславу и зарезали теленка без разрешения. Донос напечатан на машинке о. Нафанаила лицом не знающим словацкого и местн.[ого] русского языка, но знающим русский литературный, т. к. там все время проскальзывают чисто русские выражения.

Выясняется, что около того времени когда мог быть писан донос о. И. Иванов брал у о. Нафанаила его английскую машинку, и приблизительно в то же время высказывал угрозы по адресу о. архим. Серафима. Знания о. И. Иванова в словацком языке соответствуют стилю доноса, как и русские выражения его. Лишь о. Иоанн восстановлен и против о. Серафима и против о. Саввы. Допросившие о. Иоанна жандармы в ответ на вопрос о. Серафима он ли написал донос, сказали, что они «обещали ему

¹⁸⁵ Там же. Протокол № 179 от 8/21 августа 1942 г.

не говорить этого». Совокупность улик не оставляет никакого места сомнению в том что донос написан прот. И. Ивановым. На повечерии.

{Постановили Во время} о. архим Серафим сообщил братии о доносе и предложил тому кто это сделал принести покаяние Дух.[овному] Собору обещая за сие снисхождение.

Во время обсуждения сего прот. И. Иванов пришел на заседание Дух.[овного] Собора, но не для принесения покаяния, а высказывая протест против по его мнению несправедливого к нему отношения.

Постановили: протоиерея И. Иванова немедленно удалить из обители и одновременно о всем сообщить о. прот. В. Соловьеву с ходатайством о производстве расследования и {наложении} о принятии мер пресечения к пр. И. Иванову впредь до окончания расследования и епископского суда. Сообщение передать через о. архим. Нафанаила и о. иером. Виталия которые командированы на благочиннический съезд духовенства в г. Межилаборцы 12–25 с.[его] м.[есяца.]

*А. Серафим
А. Нафанаил
Игум. Филимон
Иеромонах Иов
Иеромонах Киприан*¹⁸⁶.

Выдвинутые прот. И. Ивановым обвинения могли бы иметь очень серьезные последствия для монастыря, если бы не однозначно лояльная властям позиция всего Братства, до такой степени очевидная, что «велитель жандармов в Свиднике без всяких обиняков сообщил им (архим. Серафиму (Иванову) и прот. В. Соловьеву. — А. К.), что о. И. Иванов сознался что донос написан им»¹⁸⁷.

Согласно протоколу духовного собора от 16/29 августа 1943 г., «суд над прот. И. Ивановым запрещенном (sic!) в священнослужении от 13–23/VIII (sic!) назначен в составе о. прот. В. Соловьева, о. иг. Саввы и свящ. О. А. Романецкого. О. иг. Савва и св. о. А. Романецкий прибыли в обитель для расследования. Духовный собор задает им вопрос: считают ли они решение своего суда окончательным и не подлежащим (sic!) утверждению. Они отвечают, что этого они не знают, т. к. присланы лишь для расследования. Возникает вопрос: давать ли в таком случае наказания. Постановляется: наказания давать, но если суд признает свое ре-

¹⁸⁶ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 190 от 8/21 мая 1943 г.

¹⁸⁷ Там же. Протокол № 191 от 14/27 мая 1943 г.

шение окончательным, обжаловать его перед Митрополитом (sic!)»¹⁸⁸. Разбирательство затянулось надолго, о. Савва, включенный в число судей по этому вопросу, высказывался о ни у кого не вызывавшей сомнения вине прот. Иванова достаточно неопределенно, а впоследствии, в письме еп. Сергию (Королеву), и вовсе склонен был оправдывать прот. И. Иванова...

В 1942–1944 гг. о. Савва состоял настоятелем прихода в селении Межилаборци и подолгу отсутствовал из монастыря. 7 декабря 1943 г. духовным собором решено было, «что о. иг.[умен] Савва должен будет официально перейти в Ладомирову. Постановляется что поселившись в обители, он обязан будет ходить к повечерию, по возможности ходить к полунощнице не опаздывать к трапезам в трапезную, в случае же опоздания будет лишен трапезы, должен будет во время пребывания в Ладомировой исполнять все требы и служить по крайней мере раз в неделю»¹⁸⁹.

Еще весной 1943 г. Берлинский митрополит Серафим (Ляде) отдал распоряжение настоятелю Братства о. Серафиму (Иванову) «в случае прихода сюда большевиков, взяв с собой главные святыни, всей братии уходить всеми возможными путями»¹⁹⁰, а к весне 1944 г. было подготовлено два плана эвакуации, зависевших от скорости вторжения красных в Словакию, причем, согласно последнему плану внезапной эвакуации, о. Савве поручалось нести монастырские ценности — «антиминс, большой ковчежец с мощами Целителя Пантелеимона и малый чемодан со священными сосудами и воздухами»¹⁹¹. Учитывая однозначно прогерманскую ориентацию Братства в течение всех военных лет и его целенаправленную деятельность именно по *религиозному просвещению* русского населения в занятых германской армией областях (то есть действительно активнейшую антисоветскую работу на формально советской территории, где, согласно советским представлениям, продолжали действовать советские законы), отказ от эвакуации несомненно можно было приравнивать к сознательному самоубийству... Указанием для

¹⁸⁸ Книга протоколов духовного собора... Протокол № 201 от 16/29 августа 1943 г.

¹⁸⁹ Там же. Протокол № 206 от 24 ноября / 7 декабря 1943 г.

¹⁹⁰ Там же. Протокол № 204 от 18 сентября / 1 октября 1943 г.

¹⁹¹ План эвакуации, утвержденный духовным собором Типографского братства. Машинопись с подписями-автографами членов духовного собора и печатью обители прп. Иова. (Архив монастыря прп. Иова Почаевского. Мюнхен).

эвакуации всей обители решено было считать взятие Перемышля большевиками, причем настоятель братства и настоятели приходов должны были уходить в последнюю минуту.

Сейчас достаточно сложно определить, когда именно и в силу чего о. Савва изменил свое первоначальное решение, но 7/20 июля 1944 г. в протокол заседания духовного собора обители было записано, что «по добровольному согласию не уходит и остается настоятелем обители и приходов игумен Савва», а с ним послушник Афанасий, трудник Лев и некоторые сотрудники Братства из числа мирян. Не едущим выдавали на руки по 2–3 тысячи крон¹⁹². 16/29 июля в виду взятия Перемышля постановили «всей братии во главе с иером. Иовом в понедельник 18/31 июля покинуть Обитель за исключением о. Нафанаила [Львова] и о. Виталия [Устинова]»¹⁹³. О. Савве оставляли второй ковчежец с мощами великомученика Пантелеимона и маленький образ прп. Иова Почаевского с частицей его мощей. Однако 17/30 июля 1944 г. духовный собор был созван в отсутствие настоятеля архим. Серафима по просьбе о. Саввы, который протестовал против эвакуации почти всего имущества братства, в особенности «чисто церковного, библиотеки и ремней от машины. По настойчивой просьбе о. Саввы постановлено оставить икону Почаевской Божией Матери (оригинал) и отделить маленькую частичку от мощей св. пророка, предтечи крестителя Господня Иоанна»¹⁹⁴. На следующий день большая часть Братства покинула Ладомирову и переселилась в заранее подготовленное помещение на окраине Братиславы. Далее путь их лежал в Германию, Швейцарию и Соединенные Штаты. 2/15 августа 1944 г. П. Б. Струве сообщал из Праги сыну Аркадию в Париж, что «о. Савва кажется, останется на месте»¹⁹⁵.

15 ноября 1944 г. в Ладомирову вошли части Красной армии. Селение сильно пострадало от советских налетов, особенно досталось территории монастыря — от типографского корпуса и прочих зданий остались лишь стены. Погибли четыре печатных станка, двигатель, оборудование для изготовления клише, расплавился шрифт и сторе́ло огромное количество готовых книг и брошюр¹⁹⁶. По окончании военных действий о. Савва

¹⁹² Книга протоколов духовного собора... Протокол № 217. 7/20 июля 1944 г.

¹⁹³ Там же. Протокол № 218 от 16/29 июля 1944 г.

¹⁹⁴ Там же. Протокол № 219 от 17/30 июля 1944 г.

¹⁹⁵ Письмо П. Б. Струве Арк. П. Струве от 2/15 августа 1944 г.

¹⁹⁶ Шкурла М. 3 історії Ладомирського монастиря // Науковий збірник державного

подготовил документ о понесенном обителю ущербе, составившем, согласно его подсчетам, 1 миллион 714 тысяч крон. От монастыря уцелели только храм и дом доктора Подгаецкого, погибло или было расхищено более трех тысяч томов разных изданий на сумму в 570 тысяч крон¹⁹⁷.

В Ладомирской остались игумен Савва, экспедитор Братства монахов Вячеслав (Нестеренко) и престарелый послушник Василий Винокуров. По свидетельству прот. М. Кернашевича, в течение двух месяцев боев немецких войск и наступавшей Красной армии о. Савва скрывался вместе с местными жителями в окрестных лесах и в течение этого времени сберегал великие святыни¹⁹⁸. К этому времени относятся, вероятно, достигшие Парижа ложные слухи о гибели о. Саввы.

В течение длительного времени о. Савва, в меру своих способностей, оказывал врачебную помощь местному населению, вовсе лишенному ее... Он считал это занятие тяжелым искушением, несколько раз от него отказывался, но, в последний раз «вернувшись во Владимирову, когда не было во всем округе ни доктора, ни аптеки, невольно из сострадания стал снова возвращаться к медиц.[инской] практике»¹⁹⁹. Результаты лечения не всегда бывали успешными из-за отсутствия должного ухода за больными в семьях, но о. Савва всегда винил в неудачах себя, горько сокрушался о смерти маленькой девочки в соседнем селе: «Приехал Владыка, я засуетился, забыл, не сбегал в соседнее село, узнал что девочке лучше, успокоился, а через несколько дней она умерла»²⁰⁰.

О. Савва получал упреки за то, что не помешал о. Серафиму (Иванову) вывезти из Ладомирской почти все имущество типографии и монастырской ризницы, но отвечал, что не мог помешать этому, поскольку монастырь обладал правами юридического лица и потому, что сам он пребывал во время отъезда братии из монастыря в Лаборце, где оказывал медицинскую помощь раненному партизану: «Не мог я оставить этих лесных ребят без помощи и буквально до последнего дня бегал как

музею українсько-руської культури у Свиднику. 20. Пряшив, 1995. С. 76.

¹⁹⁷ Кернашевич М., прот. З хроніки прихода Ладомирова // Заповіт св. Кирила и Мефодія. Орган Православної Церкви. 1969. № 11. С. 253.

¹⁹⁸ Кернашевич М., прот. З хроніки прихода Ладомирова // Заповіт св. Кирила и Мефодія. Орган Православної Церкви. 1969. № 10. С. 228.

¹⁹⁹ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г.

²⁰⁰ Там же.

угорелый по Лаборцу ища доктора, инструменты и лекарства для раненого партизана в лесу. [...] Потому я и приехал только накануне отъезда братии, но все же кое что из Святынь отвоевал»²⁰¹. Оставленное имущество типографии, по словам о. Саввы, он и священники о. Мефодий и о. Соловьев «могли бы спрятать в подпол и тогда бы имели и теперь уже типографию и могли бы выпустить календарь для народа на новый год»²⁰². Последними же, по словам о. Саввы, владела лишь злоба, и они лишь затеяли тяжбу из-за оставшегося имущества, в результате чего вернувшийся в обитель иеромонах Виталий (Устинов) (будущий митрополит и Первоиерарх РПЦЗ. — А. К.) добился составления официального инвентаря имущества и принятия его под охрану нотариусом, «а Савва уже не мог притрагиваться»²⁰³. Оба священнослужителя были запрещены митрополитом Серафимом (Ляде), а о. Савва назначен администратором в покинутую братией обитель, «и так стал он козлом отпущения, как говорят на бедного Макара все шишки валяются»²⁰⁴. 7 сентября 1944 г. о. Савва был назначен благочинным приходов Восточной Словакии.

В 1945 г. вернувшийся из неволи архиепископ Мукачевский и Пряшевский Владимир (Раич; † 1956) возвел о. Савву в сан архимандрита и назначил настоятелем фактически не существовавшего уже монастыря. По возвращении в Ладомирову жители хотели избрать о. Савву главою Окружного национального комитета. Мысль о возрождении монастырской жизни в Ладомировой не оставляет о. Савву, оказавшегося почти в полном одиночестве: «Теперь я воодушевляюсь мыслью обновлять здесь монастырь, но на чисто духовных монаст.[ырских] началах и с целью служения народу. [...] Если переживем эту тяжелую зиму, тогда весной, аще будет на то благословение архиерейское, приеду в Прагу со св. мощами Целителя Пантелеимона пособирать на монастырь, ибо со средствами у нас очень туго». Туго стало, вероятно, не только со средствами, что можно заключить из следующих строк: «Нет ли у Вас лиш-

²⁰¹ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г. Отметим, что в Словацком государстве, обретшем независимость лишь в силу союза с Германией, отнюдь не подавляющее большинство населения поддерживало повстанцев, и подобное содействие им со стороны о. Саввы было для него действительно очень опасно.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

ней иконки преп. Сергия Радонежского. Моя пропала, немцы все мои иконки выбросили в помойную яму и я потом не все нашел»²⁰⁵.

11 сентября 1945 г. в Ладомирской собрался собор православного духовенства, созванный епархиальным администратором прот. Ю. Кузаном для решения дальнейшей судьбы Чехословацкой Православной Церкви. Единогласно было постановлено выйти из юрисдикции Сербской Церкви и присоединиться к Русской Православной Церкви. Вскоре о. Савва едет в Прагу, где дает согласие на выдвижение своей кандидатуры в епископы. Но почти сразу горько раскаивается в данном согласии, о чем пишет епископу Сергию (Королеву): «Какой я ужасный шаг в своей жизни сделал, какой я легкомысленный и необдуманый, не прочувствованный поступок сделал в Праге, когда, почти без всякого сопротивления, допустил своим сотоварищам выставить свою кандидатуру во епископы»²⁰⁶. О. Савва спрашивал мнения еп. Сергия: «От Вас я хочу совета, как мне поступить, если на меня, вроде того как Вл. Владимир приехал, как снег упадет страшное известие о хиротонии, могу ли я после всего бывшего в Праге отказаться и должен ли?, или должен принять это как волю Божию, хотя и чувствую себя не пригодным и неподготовленным». Однако к 14 декабря он сообщал, что «чаша сия миновала меня по кр.[айней] мере на 99 процентов»²⁰⁷. Вероятно, о. Савва не понимал, что появление нового епископа-эмигранта, да еще носящего фамилию его отца, в управляемой из Москвы Чехословацкой Православной Церкви едва ли было возможно в то время, когда уже и от всеми любимого епископа Сергия (Королева) старались избавиться любыми способами...

12 октября 1945 г. Аркадий Струве известил Л. А. Зандера: «Не так давно, через Прагу, я узнал, что брат мой, игумен Савва, жив и вернулся в Ладомирскую. В Праге от него было письмо оттуда от августа с. г. — Перед тем о судьбе о. Саввы до нас дошли очень печальные слухи, которые нашли себе подтверждение в письме архимандрита Серафима, находящегося теперь в Женеве. Последний сообщал, что в момент его отъезда из Братиславы там говорили о гибели о. Саввы во время бомбардировки гор. Пряшева. В виду того, что слух этот распространился и по Парижу (я сам кое-кому показывал письмо арх. Серафима), я прошу Вас в вашем бюлле-

²⁰⁵ Письмо о. Саввы (Струве) еп. Сергию (Королеву) от 1/14 декабря 1945 г.

²⁰⁶ Письмо о. Саввы (Струве) еп. Сергию (Королеву) от 8 декабря 1945 г.

²⁰⁷ Письмо о. Саввы (Струве) еп. Сергию Королеву от 1/14 декабря 1945 г.

тене сообщить, что о. Савва жив»²⁰⁸. И уже в ноябрьском номере «Вестника церковной жизни» Л. А. Зандер сообщал: «Из Словакии получены сведения, что игумен Савва (Струве) не пожелавший оставить свою паству и не покинувший Словакии, жив и благополучен и вернулся из Пряшева (куда было эвакуировано население Ладомирова) обратно в Ладомирово»²⁰⁹.

Вскоре последовало и свидетельство о жизни о. Саввы, направленное в Париж кем-то из посетивших его знакомых: «Из Борово, невозможного грязного села, расположенного в 4 км от Межилаборца в сторону к польской границе. Правда кругом живописный и спокойный карпатский ландшафт, но сама деревушка расположена в ложине, притом в свое время почти вся выгорела и теперь всюду идет стройка. Красиво на пригорке стоит маленькая униатская церковка. Отец Савва живет на краю деревни у одного из самых бедных мужиков (о. Савва жил у крестьянина Андрея Скалы. — А. К.), к тому же больного. Изба состоит из 2^х комнат. В одной, в которой нет пола (или пол “земляной”) помещается церковь, вернее молельня т. к. нет иконостаса, но есть престол, жертвенник и по стенам развешаны иконы. В другой комнате — с деревянным полом — 2 кровати, лавки, стол, плита, шкаф — тут живут хозяин с семьей (жена и 2 дочки). В дворике заросшем грязноватой травой и со следами пожарища хлев и кухня в отдельном сарайчике без наст.[оящего] окна, в которой большая “русская” печь и кровать без матраца, на ктрй (sic!) спит о. Савва. Такова обстановка в кот.[орой] я встретил о. Савву. Когда я приехал он был в церкви, где как я потом узнал он и проводит и почти весь день и почти всю ночь. Он совершает каждодневно литургию и весь уставный круг богослужений, а кроме того еще молится сам. [...] в течение 2х месяцев он питался одними только просфорами, а при мне во вторник и среду ел утром — после обедни сухие просфоры (от чая отказывался), а вечером вареный картофель безо всего. Конечно его язвы на ногах не могут зажить при таком питании. Возможно, что уже несколько месяцев он не ест ничего горячего и не ест никакого жира и ничего сладкого. [...] Я ему привез кое-что, в том числе рис, но он почти сердито заявил, что рис ему вреден, т. к. “запирает”, и что вообще своего режима он менять не будет». Впрочем, при последовавшем в тот же день расстройстве пищеварения о. Савва «не служил и попросил чтобы я ему

²⁰⁸ Письмо Арк. П. Струве Л. А. Зандеру от 12 октября 1945 г.

²⁰⁹ Вестник церковной жизни. Париж. № 4. Ноябрь 1945 г. С. 3.

сварил рис и какао, что я и сделал»²¹⁰. Склонность к аскетизму о. Савва проявлял и ранее. Аскетизм, по-видимому, относился в первую очередь к нему самому и, кажется, он не слишком усердствовал в строгости к младшей братии, так что духовник афонский иеромонах Кассиан особо просил «поручить о. Савве строже держать хлопцев, чтобы они не опаздывали на молитву».

Сведения о дальнейшей судьбе о. Саввы и о состоянии его здоровья достаточно противоречивы. По свидетельству о. Михаила Курятника, который 20 апреля 1948 г. перевез о. Савву в Ладомирову (не ясно — из села Борово или из психиатрической лечебницы, куда, по словам о. Михаила, местные жители поместили о. Савву и откуда тот просил его забрать) и заботился о нем, в последние годы жизни тот принял на себя подвиг юродства²¹¹, ни с кем не общался, жил в храме в Ладомировой, где молился и днем, и в ночное время: «Чувствует себя лучше, чем в Борове. Молится каждый день Богу иногда и ночью, т. е. целыми днями молится в храме. Ест мало и то только постное. А что он писем не пишет, не удивляйтесь, он вообще никому не пишет, а что нужно пишу за него я. Жалованье получает с 1. I. с.[его] года. Из священников здесь о. Савва и я, и еще сельские граждане поселились по войне из-за разбитых домов»²¹².

Другое объяснение необычному поведению о. Саввы можно найти в свидетельстве о. М. Кернашевича о том, что тот подвергался постоянной травле со стороны местной просоветской провокаторши²¹³.

До Парижа в это время доходили слухи о психическом нездоровье о. Саввы, однако фактических подтверждений этому так и не появилось, а сам о. Савва написал в последний год своей жизни по меньшей мере два очень подробных письма епископу Сергию (Королеву), могущих свидетельствовать лишь о его чрезвычайно ответственном отношении к своему монашеству: «В храме есть прекрасный большой образ Спаса Нерукотворенного, возле которого я обычно и молюсь и когда удастся с утра (когда здешний священник служит на буднях, я обычно за псаломщика пою) после Литур-

²¹⁰ Письмо без даты, подпись неразборчива.

²¹¹ Воспоминания о. Михаила Курятника // Православный путь. Джорданвилль, 1984. С. 54–56.

²¹² Письмо о. Михаила Курятника Екатерине Кульман от 15 июня 1948 г.

²¹³ Кернашевич М., прот. З хроніки прихода Ладомирова // Заповіт св. Кирила и Мефодія. Орган Православної Церкви. 1969. № 11. С. 253.

гии настроиться на молитву и провести целый день нерассеянно в молитве, в чтении псалтыри и акафистов, чувствую себя как на Фаворе. И бывают дни благодатные, когда так молиться никто тебя не смущает и не мешает. Переписки я уже давно ни с кем не веду, даже и собственному брату не пишу, но за всех, имена которых сохранила мне память, молюсь и за здравие и за упокой...» Особый грех о. Савва усматривал в отвлечении от молитвы для неумеренного принятия пищи, занимавшего часто продолжительное время, в чем калялся своему любимому наставнику, поясняя: «Вам, Владыко святой, может быть и смешно и чудно слышать эти признания от 48-летнего уже седеющего монаха, да еще облеченного архимандричьим саном. И мне стыдно в том признаваться, но делаю это, чтобы себя облегчить и найти у Вас поддержку, ибо верю в Вашу молитву. [...] Ни в студенческие годы, ни за то короткое время, что пробыл я на послушании в монастыре Мильковом, ни в годы пастырской деятельности не ощущал я приступов этой страсти [...] Правда мучило меня за короткие месяцы это “чревобесие” когда я вернулся из монастыря в мир к отцу Иоанну (кн. Шаховскому в Белую Церковь. — А. К.) иеродиаконном. Но с тех пор как принял я благодать пастырства, Господь меня хранил от этой страсти. [...] Да, мое большое несчастье в жизни в том было, что я слишком мало побыл послушником в монастыре»²¹⁴.

12 марта 1949 г. Е. Кульман сообщала своему сыну архим. Мефодию, что «о. Савва от мясопуст.[ной] нед.[ели], когда был еще в церкви и приобщался св. Таин, лежит без движения, к[а]к о. Мих[аил] выражается, на своей смертной постели»²¹⁵. Через день, говоря о последовавшей кончине о. Саввы, она добавляла: «Очень его жалеем, особенно, что скончался и болел без единой родной души, единого русского человека возле себя, впрочем, он очень любил о. Михаила, котор.[ый] насколько мог, заботился о нем. [...] по всей вероятности это был туберкулез, закончившийся гангреной правой ноги. [...] О. Савва уже в ноябре предчувствовал свою скорую кончину. Теперь он просил кланяться всем, кто его знает»²¹⁶. 29 марта 1949 г. она же писала сыну: «О. Михаил написал мне, что о. Савва болел и умер п.[отому] ч[то] сам хотел этого, хотел пострадать. Ногу он свою отморозил и у него сделалась гангрена. Пришедший доктор сказал, что можно было бы помочь, отняв ногу, но т. к. о. Савва представлял из себя только кожу и кости, то он бы не перенес

²¹⁴ Письмо о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) от 22 июня ст. ст. 1948 г.

²¹⁵ Письмо Е. Кульман архим. Мефодию (Кульману) от 12 марта 1949 г.

²¹⁶ Письмо Е. Кульман архим. Мефодию (Кульману) от 14 марта 1949 г.

операции и умер бы под ножом. О. Михаил говорил, что о. Савва уже три года питался одной картошкой вареной или печеной или тертой без всякого масла, ел раз за 2 дня, а иногда и раз в 2 недели, все время молился или у себя или в церкви, о. Михаил считает его величайшим подвижником [...]»²¹⁷

Еще одно свидетельство оставил в письме тому же архим. Мефодию (Кульману) священник Олег Иванов из Вышнего Орлика: «В ночь на вчера 1–14 марта отошел ко Господу о. Савва. Подробностей не знаю, да и какие там подробности — давно уже медленно догорал. На него очень подействовала смерть матери. С тех пор он начал хиреть, а война, эвакуация, одиночество на развалинах монастыря окончательно сломили его»²¹⁸.

О. Савва скончался в воскресенье, в ночь с 13 на 14 марта 1949 года, в половине второго, в монастыре в Ладомировой. Предсмертное духовное завещание о. Саввы, составленное в Чистый четверг 12/25 февраля 1949 г., было оглашено в храме после отпевания 15 марта и позже опубликовано вместе с его фотографией и отчетом о погребении на кладбище любимого им монастыря²¹⁹. Могила его в последние годы стала местом паломничества православной молодежи Словакии.

Сентябрь 2015,
Bussy-en-Othe

Источники и литература

1. *Harbul'ova L.* Ladomirovske reminiscencie. 1923–1944. Prešov. 2000. 127 s.
2. *Kernašević M., Prot. Z kroniky farnosti Ladomírová // Odkaz sv. Cyrila a Metoda.* 1968. № 9–12; 1969, № 1–4, 6–8, 10–12; 1970. № 1–12.
3. *Savčák Peter, prot. Ladomirovský podvižník. O. Sávva Struve // Odkaz sv. Cyrila a Metoda.* 2014. № 10. S. 17–19; № 11. S. 13–17. Id.: «Pravoslávny teologický zborník». 2014. № XL(25). S. 100–109.
4. *Александр Нельской [Нафанаил (Львов), архим.] Отец Михей // Православная Русь.* 1939. № 24. С. 5–6.
5. *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* «Православная Русь» и Типографское иноческое братство преподобного Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2009. Вып. 37–38. С. 206–235.
6. *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Джорданвилль, 2006. С. 101–198.

²¹⁷ Письмо Е. Кульман архим. Мефодию (Кульману) от 29 марта 1949 г.

²¹⁸ Письмо о. О. Иванова архим. Мефодию (Кульману) от 15 марта 1949 г.

²¹⁹ Вестник Православного Экзархата Московской Патриархии в Чехословакии. 1 апреля 1949. № 7. С. 33–34.

7. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Материалы к истории Типографского иноческого братства преподобного Иова Почаевского во Владимировой на Карпатах. К 85-летию основания // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник за 2007–2011 гг. Джорданвилль, 2011. С. 6–155.
8. Богомудрое решение // Православная Русь. 5 ноября ст. ст. 1939 г. № 21 (275). С. 1.
9. Борьба фашистов с папистами в Италии // Православная Карпатская Русь. 1 августа 1931. № 15. С. 3.
10. Братская хроника // Православная Русь. № 1 (255). 5 января 1939 г. С. 8.
11. Вестник Православного Экзархата Московской Патриархии в Чехословакии. 1 апреля 1949. № 7. С. 33–34.
12. [Зандер Л. А.] Православная Церковь за рубежом // Вестник церковной жизни. Париж. № 4. ноябрь 1945 г. С. 3.
13. Ветвеницкий И. Святыня Миссии в Бианкуре во Франции // Православная Карпатская Русь. № 9. 1 мая 1933. С. 4.
14. Возвращение на Афон иеросхимонаха Кассиана // Православная Русь. 30 марта ст. ст. 1936. № 6 (188). С. 7.
15. Возвращение схигумена Кассиана на Афон // Православная Русь. 1 августа ст. ст. 1940. № 15 (294). С. 6.
16. Воспоминания о. Михаила Курятника // Православный путь. Джорданвилль. 1984. С. 54–56.
17. Данилец Ю. В. Архимандрит Савва (Струве): штрихи до біографії // Православний літопис. 2010. № 5. С. 22–23.
18. Данилец Ю. В. Архимандрит Савва (Струве) // Живой родник. 2010. № 9–10. С. 40–46.
19. Данилец Ю. В. Архимандрит Савва (Струве) // Троицкое наследие. Зима 2010–2011. № 4 (30) Джорданвилль, 2011. С. 72–80.
20. «Елки» Православной миссии // Православная Карпатская Русь. № 2–3. 1 февраля 1932. С. 5–6.
21. Жидовская едность и русская недбалость // Православная Карпатская Русь. 15 февраля 1932. № 4. С. 2.
22. Зандер Л. А. Духовно-воспитательная работа Богословского института. (Авторизованная машинопись. Частное собрание. Париж).
23. И. С. Шмелев на «Днях русской культуры в Карпатской Руси» // Православная Русь. 5 июня ст. ст. 1937 г. № 11 (217). С. 4–5.
24. Ильин В. Н. Дневник (сентябрь 1927 — август 1928 гг.). (Рукопись. Частное собрание. Париж).
25. I. C. † Александр Шевченко // Православная Карпатская Русь. 15 августа 1932. № 16. С. 4.
26. К лекции о Карпатской Руси // Царский вестник. Белград. (Отдельная вырезка. Частное собрание).
27. Карташов А. В. Студенческое Братство имени преп. Сергия Радонежского. (Рукопись. Частное собрание. Париж).
28. Кернашевич М., прот. З хроніки прихода Ладомирова // Заповіт св. Кирила и Мефодія. Орган Православної Церкви. № 10, 1969. С. 228, № 11, 1969. С. 253.

Материалы к жизнеописанию Константина Петровича Струве (1900–1949)...

29. *Киприан (Керн), архим.* Дневник. 1928 год. (Рукопись. Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института. Париж).
30. *Киприан (Пыжов), архим.* Мои воспоминания // Православная Русь. 1992. № 1(1454), С. 12-13; № 2(1455), С. 12-13.
31. Книга протоколов духовного собора. (Рукопись. Архив монастыря прп. Иова Почаевского. Мюнхен).
32. Личное дело К. П. Струве (Картотека. Административный архив Свято-Сергиевского православного богословского института. Париж).
33. Миссионерская поездка // Православная Русь. 1939. № 24. С. 8.
34. Молитвослов. Вышний Свидник. Русская православная типография на Маковице. 1924. 66+2 с.
35. О приеме в Православный богословский институт в Париже // Православная Карпатская Русь. 1 сентября 1931. № 17. С. 4.
36. Отчет о Рождественской елке в Братстве преп. Иова // Православная Русь. 1940. № 3. С. 5.
37. Письма Е. Кульман архим. Мефодию (Кульману) от 12 марта, 14 марта, 29 марта 1949 г.
38. Письма К. П. Струве А. В. Карташеву 1922–1923 гг. (Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского. Париж).
39. Письма о. Саввы (Струве) епископу Сергию (Королеву) 1942–1945 гг. (Архив Н. А. Струве. Париж).
40. Письма о. Саввы (Струве) П. Б. Струве. (Архив Н. А. Струве. Париж).
41. Письма о. Саввы (Струве) А. А. Струве 1937–1938 гг. (Архив Н. А. Струве. Париж).
42. Письмо А. П. Струве П. Б. Струве от 30 июля 1938 г. (Архив Н. А. Струве. Париж).
43. Письмо Арк. П. Струве Л. А. Зандеру от 12 октября 1945. (Частное собрание. Париж).
44. Письмо Арк. П. Струве П. Б. Струве от 13 июля 1938 г. (Архив Н. А. Струве. Париж).
45. Письмо И. С. Шмелева еп. Сергию (Королеву) от 22 мая 1937 г. (Архив Н. А. Струве. Париж).
46. Письмо игумена Серафима (Иванова) А. А. Струве из Ладомировой в Париж от 29 сентября 1942 г. (Архив Н. А. Струве. Париж).
47. Письмо К. П. Струве и Вл. Н. Кульмана к В. Н. Ильину от 27 декабря 1928 г. (Частное собрание. Париж).
48. Письмо о. Иоанна (Шаховского) и К. П. Струве Сербскому патриарху Варнаве (Росичу). (Частное собрание. Сербия).
49. Письмо о. Михаила Курятника Екатерине Кульман от 15 июня 1948 г. (Частное собрание. Париж).
50. Письмо о. О. Иванова архим. Мефодию Кульману от 15 марта 1949 г. (Частное собрание. Париж).
51. Письмо о. Саввы (Струве) Ф. Либу от 7/20 декабря 1931 г. (Архив Ф. Либа. Базель).
52. Письмо о. Серафима (Иванова) неустановленному архиерею. (Частное собрание. Сербия).
53. План эвакуации, утвержденный духовным собором Типографского братства. Машинопись с подписями-автографами членов духовного собора и печатью обители прп. Иова. (Архив Монастыря прп. Иова Почаевского. Мюнхен).

54. Русские вести. № 200. Гельсингфорс, 23 февраля 1923 г.
55. С. Верин [*Серафим (Иванов), архим.*] Неделя с Первосвятителем // Православная Русь. 1940. № 18–19 (298–299), 1 октября /20 сентября. С. 1.
56. Савва, игум. Новые молитвенники у Престола Божия за страждущую Русь. Митрополит Арсений (переп. из России). И. С. Архиепископ Дамиан // Православная Русь. 25 апреля ст. ст. 1936. № 7–8 (189). С. 7.
57. Савва, игум. Под наш парус! // Православная Русь. 20 января 1937 г. № 1–2 (207–208). С. 1–2.
58. Савва, игум. Пожертвования на елку // Православная Русь. 6 декабря ст. ст. 1936. № 23 (205). С. 6.
59. Савва, игум. с братией. Милость Господня над нами // Православная Русь. 20 января 1937 г. № 1–2 (207–208). С. 9.
60. Савва, игум. Скорбная весть // Православная Русь. 8 апреля 1937 г. № 7(213). С. 1, 6.
61. Савва, игум. Вера и язык. Светлой памяти карпаторусских будителей о. Иоанна Раковского и о. Евгения Фенцика. Владимиров. Русская православная миссия, 1938. 10 с., илл.
62. Савва, иером. Как утвердить православие на Пряшевской Руси // Православная Карпатская Русь. 15 мая 1932. № 10. С. 2–3.
63. Савва, иером. Памяти старца-миссионера В. М. Скворцова // Православная Карпатская Русь. № 12. 15 июня 1932. С. 3.
64. Савва, иером. Почему мы начали ставить семинарию во Владимировой [9 марта 1931 г.] // Православная Карпатская Русь. 15 апреля 1931 г. № 8. С. 2–3.
65. Серафим, архим. Гость дорогой // Православная Русь. 20 мая ст. ст. 1937 г. № 10(216). С. 2.
66. Серафим, архим., Нафанаил, архим., Савва, игум. Коллегам: богословам и ученым // Православная Русь. 15 августа ст. ст. 1940. № 16 (295). С. 4.
67. Слово, произнесенное Высокопреосвященным митрополитом Анастасием в обители преподобного Иова Почаевского во Владимировой в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа 1940 г. // Православная Русь. 1940. № 23(303), 1/15 декабря. С. 3.
68. Соглашение между архиепископом Серафимом и епископом Сергием // Православная Русь. 5 ноября ст. ст. 1939 г. № 21(275). С. 1.
69. Список пожертвований на елку // Православная Русь. 1940. № 3. С. 5.
70. Сравнительная таблица годового тиража «Сергиевских листков». (Рукопись. Собрание протопресвитера Б. А. Бобринского. Париж).
71. Струве, Константин. Церковные нелады в Софии. (Рукопись. Частное собрание. Париж).
72. [Групповой фотоснимок 1938 г.] // Троицкое наследие. № 4(30) Зима 2010–2011. Джорданвилль, 2011. С. 14.
73. Феодосий (*Мельник*), архим. По Карпатской Руси // Царский вестник. Белград. (Отдельная вырезка. Частное собрание)
74. Шкурла М. 3 історії Ладомирського монастиря // Науковий збірник державного музею українсько-руської культури у Свиднику. 20. Пряшів, 1995. С. 76.

ПУБЛИКАЦИИ

«ДА БЛАГОСЛОВИТ ГОСПОДЬ ПЛОДЫ ТРУДОВ ТВОИХ НА ПОЛЬЗУ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВНОЙ НАУКИ...» (ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ВИНОГРАДОВА К А. А. ДМИТРИЕВСКОМУ)

В публикации представлены письма профессора Казанской духовной академии протоиерея Николая Петровича Виноградова к другу и соученику по академии Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому. Письма охватывают период с 1893 по 1927 г. В них освещаются проблемы развития богословской науки и учебного процесса Казанской духовной академии в стабильный период ее деятельности (1893–1898), особенности духовно-академической жизни в мятежный период российской истории начала XX в. (1907–1916), судьбы членов казанской духовно-академической корпорации в послереволюционный период, после прекращения деятельности академии (1925–1927). К письмам протоиерея Н. Виноградова присоединено письмо его вдовы Раисы Никандровны 1928 г. с описанием кончины и погребения супруга. Публикуемые письма находятся в архивном фонде А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и продолжают цикл публикаций архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью знаменитого русского литургиста.

Ключевые слова: *протоиерей Николай Петрович Виноградов, Алексей Афанасьевич Дмитриевский, Казанская духовная академия, высшее духовное образование, богословская наука.*

Автором большей части публикуемых писем является профессор Казанской духовной академии протоиерей Николай Петрович Виноградов, адресованы они его другу и соученику по академии Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому.

Протоиерей Николай Петрович Виноградов (11.05.1855–21.03 (03.04)1928)¹ был представителем казанской духовно-академической когорты и носителем ее традиции. Он родился в семье священника Вятской губернии и прошел традиционный путь сына российского клирика: окончил Вятскую ДС (1876) и КазДА (1880). В академии он учился на богословском отделении, причем очень успешно: при окончании за написанную на 3-м курсе диссертацию «Догматическая система святого Григория Богослова» получил не только ученую степень кандидата богословия, но и премию митрополита Литовского Иосифа (Семашко)². По завершении полного академического курса Н. П. Виноградов был определен преподавателем латинского языка в Нижегородское ДУ, но уже через год был приглашен в родную академию и после защиты диссертации *pro venia legendi* и двух пробных лекций³ с 19 августа 1881 г. неотступно пребывал на академической кафедре латинского языка и его словесности⁴. Статус Николая Петровича менялся в зависимости от духовно-академической ситуации и личных успехов: начав свою академическую деятельность приват-доцентом, после введения нового академического Устава 1884 г. он стал исполняющим должность доцента.

Однако деятельность Н. П. Виноградова не ограничивалась непосредственно учебным процессом, но сопрягалась, с одной стороны, со священным служением, с другой, — с административной работой.

¹ С датой рождения протоиерея Николая, указанной в именной статье в «Православной энциклопедии», — 11 мая 1852 г. (Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 524) — согласиться трудно, ибо сам о. Николай указывает в публикуемых письмах, что родился в 1855 г. (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 48), а в его послужном списке, составленном в 1910 г., указан возраст протоиерея Николая — 55 лет (РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 52 об.).

² Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии (далее: ПЗС КазДА) за 1881 год. Казань, 1882. С. 358.

³ Тема диссертации *pro venia legendi* «О косвенной речи (*oratio obliqua*) в первых двух книгах “Истории” Тита Ливия»; лекций: «О Тите Ливии» и «Разбор 1-й оды Горация к Мecenату».

⁴ ПЗС КазДА за 1881 год. С. 175–176.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

3 июля 1883 г. Николай Петрович венчался с дочерью известного казанского протоиерея Никандра Александровича Переверзева (1829–1883), законоучителя 1-й Казанской гимназии, настоятеля гимназического Крестовоздвиженского храма и священника Казанско-Богородицкого женского монастыря. Правда, сам протоиерей Никандр скончался незадолго до этого — 15 апреля 1883 г., и Н. П. Виноградов взял на себя заботы о всей семье. Его невесте — Раисе Никандровне — на момент венчания не было еще 17 лет (родилась 28 июля 1866 г.)⁵. Их брак, насколько можно понять по письмам, был счастливым, хотя и бездетным. Раиса Никандровна напишет уже после кончины мужа, что он относился к ней «скорее по-отечески»⁶. Вскоре после венчания Н. П. Виноградов был определен на место тестя законоучителем в 1-ю Казанскую гимназию, а через полтора месяца, 15 августа 1883 г. рукоположен архиепископом Казанским и Свияжским Палладием (Раевым) во священника к гимназической Крестовоздвиженской церкви⁷.

Но академия оставалась главной ценностью в жизни о. Николая, и он упорно не оставлял своей учебной, а по мере возможности и научной деятельности. После защиты 14 июня 1887 г. магистерской диссертации⁸ и утверждения в степени 26 октября того же года он был утвержден в должности доцента⁹, что укрепило его академический статус. Но обилие епархиальных должностей не позволяло отдаться полностью науке — на это о. Николай жалуется другу в своем первом письме 1893 г. Назначенный в 1888 г. членом уездного отделения епархиального Училищного совета, о. Николай на следующий год стал его председателем, а в 1890 г. был назначен председателем Совета Казанского ЕЖУ¹⁰.

Указом Синода от 12 декабря 1894 г. о. Николай был удостоен звания экстраординарного профессора и назначен инспектором академии с возведением 26 декабря того же года в сан протоиерея и условием оставления сторонних — вне академии — обязанностей¹¹.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 53.

⁶ Письмо Р. Н. Виноградовой к А. А. Дмитриевскому от 19 апреля (ст. ст.) 1928 г. (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 388. Л. 2).

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 52 об. – 53.

⁸ *Виноградов Н., свящ.* Догматическое учение св. Григория Богослова. Казань, 1887.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 53 об. – 54.

¹⁰ Там же. Л. 54 об. – 55.

¹¹ Там же. Л. 55 об. – 56.

Тем не менее, протоиерей Николай и в дальнейшем занимался активной просветительской деятельностью, не ограничиваясь стенами академии. Так, в 1906–1917 гг. он состоял членом совета казанского миссионерского Братства святителя Гурия, а в 1912–1917 гг. — и секретарем совета¹².

Но, конечно, главным предметом попечения о. Николая была академия. Он исполнял инспекторские обязанности на удивление долго, пережив на этом посту смену нескольких ректоров, тяжелые для всей России и для духовной школы 1905–1906 гг., введение и отмену в академиях Временных правил, разработку и введение нового Устава 1910 г. Во всех этих ситуациях на инспектора падала максимальная нагрузка и ответственность: именно он являлся главным ответчиком за студентов перед начальством, основным виновником в глазах студентов за вводимые строгости, связующей инстанцией между ректором и преподавательской корпорацией. Видимо, о. Николай, несмотря на все его переживания и горести, справлялся со всеми этими проблемами достаточно успешно.

Указом Синода от 3 марта 1908 г. протоиерей Николай был удостоен звания заслуженного экстраординарного профессора. Однако Устав духовных академий 1910 г. строго предписывал профессорам «по выслуге 30 лет духовно-учебной службы» оставлять службу при академии — правда, с возможностью «при желании и с разрешения Святейшего Синода» участвовать в заседаниях Совета с решающим голосом и выполнять поручения Совета¹³. Поэтому протоиерей Николай, прослуживший к 1910 г. как раз 30 лет, несмотря на нежелание оставлять любимое дело, был вынужден, как и прочие «ветераны», подать прошение об увольнении и был освобожден от должности с начала 1910/11 уч. г. Однако Устав позволял уволенным на пенсию профессорам по ходатайству Совета и с разрешения Синода продолжить преподавание «по освободившейся с оставлением сим профессором службы при академии кафедре», но не более, чем на год и с окладом «не выше доцентского»¹⁴. Так как подготовленного преемника о. Николаю по кафедре латинского

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 55 об. – 56.

¹³ Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. Устав православных духовных академий. § 89–90 // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание (далее: ПСЗ III). Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274. С. 420.

¹⁴ Там же. § 91. С. 420.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

языка и его словесности не было, это право указом Синода от 12 ноября 1910 г. было даровано и ему¹⁵.

Сменить о. Николая должен был выпускник КазДА 1910 г. Александр Мотрохин, оставленный при кафедре латинского языка профессорским стипендиатом. Однако этого не произошло — как считала корпорация, по воле ректора академии преосвященного Алексия (Дородницына)¹⁶, — и протоиерей Николай преподавал вплоть до лета 1914 г. И в эти годы он не ограничивался исключительно академической деятельностью. Так, он был одним из инициаторов создания и руководителем открытых Высших женских богословских курсов, открытых в Казани 5 ноября 1911 г. С января 1912 г. о. Николай состоял благочинным церковей при казанских духовно-учебных заведениях.

В июле 1915 г. о. Николай стал настоятелем собора Казанского Богородичного девичьего монастыря, где служил вплоть до кончины. В этом служении он находил утешение: «Служи — сколько хочешь и когда хочешь, молись — беспрепятственно и досыта»¹⁷. Но академия с ее столь сложными и столь любимыми хлопотами все же не отпускала о. Николая: он продолжал читать лекции, иногда служить в ее храме и жить ее интересами. После революции и национализации в 1919 г. зданий КазДА протоиерей Николай с другими профессорами академии продолжил читать студентам лекции частным образом на квартирах, и в марте 1921 г. вместе с ректором КазДА епископом Чистопольским Анатолием (Грисюком) и другими преподавателями был арестован за нарушение знаменитого декрета ВЦИК от 23 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» и содержание незарегистрированного учреждения. Несмотря на приговор — год заключения условно, — о. Николай вместе со своими коллегами учредил в ноябре 1921 г. Богословский институт, просуществовавший до 1923 г.

В письме Раисы Никандровны описаны последние дни жизни протоиерея Николая — скончался он 21 марта (3 апреля) 1928 г. Отпевание совершал сонм учеников о. Николая: два казанских викария — епископы Чебоксарский Афанасий (Малинин) и Спасский Варсонофий (Лузин) — и 53 священника...

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 59 об. – 60.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 37.

¹⁷ Там же. Л. 39 об. – 40.

В отличие от «казанского домоседа» протоиерея Николая, А. А. Дмитриевский в период, охваченный письмами, вел очень активный образ жизни. Будучи вплоть до 1907 г. профессором КДА, он неоднократно совершал путешествия по православному Востоку и в Европу, неустанно собирая, изучая и описывая литургические рукописи. В 1907 г., став секретарем Совета Императорского православного Палестинского общества (ИППО), он еще более приблизился к любимому им Востоку и смог даже помогать своим знакомым, бывшим коллегам и студентам совершать паломнические и ученые поездки — просьбы об этом есть и в письмах протоиерея Николая. Наконец, письма захватывают и два последних периода жизни А. А. Дмитриевского — астраханский (1919–1922) и петроградский (1923–1929). В это время Алексею Афанасьевичу удалось вернуться к профессорской деятельности, а в Петрограде — и к преподаванию любимой истории христианского богослужения на Высших богословских курсах. Здесь 30 декабря 1927 г. был отпразднован и 45-летний юбилей научной деятельности Алексея Афанасьевича, о котором говорится в письмах протоиерея Николая.

Последний раз друзья виделись летом 1927 г., когда А. А. Дмитриевский приезжал в Казань: об ожидании этой поездки говорится в последнем письме протоиерея Николая от 16 марта 1927 г., об исполнении этого ожидания — в письме Раисы Никандровны от 19 апреля (ст. ст.) 1928 г. Это была прощальная встреча, и надо надеяться, что им удалось, как и мечтал протоиерей Николай, «побеседовать «усты к устам»¹⁸.

Через два года, 10 августа 1929 г., отошел ко Господу и А. А. Дмитриевский¹⁹.

* * *

Публикуемые письма датируются 1893–1928 гг., по временным периодам и содержанию их можно разбить на три части: 1893–1898 гг. (письма № 1–4); 1907–1916 гг. (письма № 5–21); 1925–1927 гг. (письма № 22–25), к последним примыкает и письмо вдовы протоиерея Николая Раисы Никандровны 1928 г. Переписка, неоднократно «замиравшая», возоб-

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 49 об.

¹⁹ О выяснении точной даты кончины А. А. Дмитриевского см.: Акишин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии. 2011. № 15. С. 257–259.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

новлялась к 17 марта (по ст. ст.) — церковной памяти Алексия, человека Божия, именинам А. А. Дмитриевского. К этому дню протоиерей Николай, подводя итоги прожитого, отчитывался в них старинному другу.

Видимо, не все письма о Николая сохранились — об этом свидетельствуют и временные лакуны, и содержание писем. Однако и они позволяют не только дополнить некоторыми нюансами судьбу одного из старейших профессоров КазДА и историю их отношений с А. А. Дмитриевским, но и понять «изнутри» драматические повороты жизни академии и взаимоотношения в ее корпорации.

Каждый из выделенных блоков писем о Николая требует особого комментария.

Письма 1893–1898 гг. отражают еще относительно благополучный период жизни КазДА, и проблемы, волнующие автора, связаны в основном с учебной и научной деятельностью и внутренними отношениями в корпорации: защиты диссертаций, составление рецензий, празднование юбилеев, выборы почетных членов. Однако в этом благополучии выявляются проблемы духовно-академической жизни в ее стабильном состоянии. Одна из них, которой посвящено публикуемое письмо № 1, — занятие научными исследованиями, их непростое совмещение с учебными трудами, священным служением и многочисленными дополнительными епархиальными послушаниями. А. А. Дмитриевский, посвятивший всю жизнь служению Церкви богословской наукой, не щадивший сил и никогда не ослабевавший в этом служении, был примером и укором для всех своих друзей и соработников.

Еще одна важная тема, затрагиваемая в письмах этого периода, — академическое управление, взаимоотношения ректоров с преподавательской корпорацией и студентами. В 1895 г. многолетний ректор КазДА протоиерей Александр Поликарпович Владимирский, занимавший эту должность с 1871 г. и ставший для всех учащихся и учащихся добрым «папашей», был заменен молодым архимандритом Антонием (Храповицким), в свои 32 года уже успевшим побывать инспектором СПбДА (1889–1890) и ректором Санкт-Петербургской ДС (1890–1891) и МДА (1891–1895). Эта смена была очень знаменательной: в России начался новый этап укрепления в духовной школе ученого монашества. С одной стороны, он принес вдохновение, привлекшее молодую плеяду ревнующих о церковном служении и духовном совершенстве. С другой сторо-

ны, появление на ректорских должностях молодых монахов, имевших начальственные права по отношению к более опытным и состоятельным в научном отношении профессорам, привносило в духовно-академическую сферу немалые проблемы. Эти проблемы отражены в письмах протоиерея Николая.

Письма протоиерея Николая 1907–1916 гг. полны переживаний, связанных с событиями и обстановкой в высшей духовной школе в крайне непростой период ее истории. Завершился острый всплеск нестроений, связанных с первой русской революцией, однако мятежный дух не покинул академию. Святейший Синод, вынужденный в конце 1905 — начале 1906 г. утвердить «автономию» духовных академий в виде так называемых «Временных правил»²⁰, в 1908–1909 гг. старался вернуть ситуацию к прежнему порядку. С этим была связана назначенная Святейшим Синодом ревизия духовных академий, о которой идет речь в письмах протоиерея Николая № 7–9. В КазДА ревизию проводил архиепископ Арсений (Стадницкий), и последствия ее болезненно переживались преподавательской корпорацией, что отразилось в письмах о Николая²¹: внесение в жизнь духовных академий «официального порядка» оказалось крайне непростым — принимаемые меры приводили иногда к противоположным последствиям, и прецеденты этого болезненного процесса ярко запечатлены в письмах.

Наконец, в письмах 1925–1927 гг. представлены картины Казани, пережившей революционные бури и учившейся жить в новых — советских — условиях. Академия не действовала, на месте церкви был устро-

²⁰ 26 ноября 1905 г. Святейшим Синодом были установлены «главные основания» академической жизни в новых условиях; 25 января 1906 г. был изъяснен порядок применения этих правил к академической жизни; 21 февраля 1906 г. Учебный комитет при Святейшем Синоде представил результат согласования «главных оснований» с Уставом духовных академий 1884 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 186 (отд. 1, ст. 2). Д. 486. Л. 1–1 об.).

²¹ 11 марта 1908 г. Высочайшим указом по предложению обер-прокурора П. П. Извольского была назначена ревизия всех четырех духовных академий. Ревизорами были назначены архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) (в КДА) и архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий) (в три других академии); в сентябре 1908 г. им в помощь был определен архиепископ Псковский Арсений (Стадницкий), которому была поручена ревизия КазДА. Отчеты ревизоров обсуждались в Синоде в начале 1909 г.; окончательный доклад «О мероприятиях к благоустройству духовных академий, на основании отчетов по ревизии оных» был выработан и принят на заседании Синода 15 июня 1909 г.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ен клуб, в главном корпусе печальным парадоксом разместился «Татарский университет». Богословский институт, призванный хотя бы в какой-то степени заменить академию, «хотя и не закрыт, но уже 2-й год не функционирует за неимением средств»²². Бывшие профессора бедствовали: кому-то удалось найти «советскую службу», кто-то сидел без места и голодал. В письмах есть подробности о разорении монастырей, захвате казанских церквей обновленцами. Но по-прежнему 8 (21) ноября корпорация КазДА в лице уцелевших преподавателей праздновала академический день — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

* * *

Публикуемые письма содержатся в архиве А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 253. Ед. хр. 387, 388). Всего сохранилось 25 писем протоиерея Николая Виноградова 1893–1927 гг. общим объемом 57 рукописных листов и одно письмо его вдовы Раисы Никандровны от 19 апреля (2 мая) 1928 г.

Все письма — подлинники, автографы. В публикации все письма расположены в установленной хронологической последовательности, а не в том порядке, в котором они хранятся в ОР РНБ. Так как датирована только часть писем протоиерея Николая, время написания остальных определено, исходя из содержания.

1. Письмо № 8 (л. 56–57 об.), не имеющее авторской датировки, отнесено к весне 1909 г., ибо речь идет о последствиях ревизии КазДА, проведенной осенью 1908 г. архиепископом Псковским и Порховским Арсением (Стадницким). При этом протоиерей Николай поздравляет А. А. Дмитриевского с Пасхой (которая в 1909 г. праздновалась 29 марта), что позволяет уточнить дату письма: после 29 марта, но не позднее 6 мая. Поэтому это письмо помещено между письмом от 12 марта 1909 г. (№ 7; л. 16–17 об.) и письмом от 14 сентября 1909 г. (№ 9; л. 18–19 об.).

2. Письма № 11–13 (л. 50–51 об.; 52–53 об.; 54–55 об. соотв.), не имеющие авторской датировки, отнесены к весне (№ 11 и 12) и лету (№ 13) 1910 г., исходя из их содержания: А. А. Дмитриевский совершает путешествие по православному Востоку (декабрь 1909 г. — август 1910 г.), новый Устав духовных академий представлен на Высочайшее рассмотрение (№ 11 и 12) и уже готов ко введению в действие (№ 13).

²² ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 43.

Поэтому эти письма помещены между датированными самим автором письмами от 12 января 1910 г. (№ 10; л. 20–21 об.) и от 20 августа 1910 г. (№ 14; л. 22–23 об.). Дополнительными указаниями для порядка писем являются: в письме № 11 — ожидание протоиереем Николаем от А. А. Дмитриевского «ответного письма на мое письмо, отправленное... в январе» (л. 50); в письме № 12 — упоминание двух, уже посланных в Иерусалим (л. 52); в письме № 13 — уже состоявшийся указ Синода от 21 июля и только ожидаемое 15 августа введение в действие Устава (л. 54–54 об.).

Во вступительной статье и примечаниях к письмам используются принятые сокращения названий духовных школ: СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия, МДА — Московская духовная академия, КДА — Киевская духовная академия, КазДА — Казанская духовная семинария, ДС — духовная семинария, ДУ — духовное училище, ЕЖУ — епархиальное женское училище.

Для составления вступительной статьи и комментариев были использованы протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии (с 1913 г. Императорской) (ПЗС КазДА) за 1893–1914 гг. и некоторые архивные источники из Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Кроме того, учитывались труды дореволюционных и современных исследователей: *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования (1870–1892). Казань, 1892; *Харлампович К. В.* Казанская духовная академия новая: 1842–1907 гг. // Православная богословская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1907. Ст. 702–854; Чествование бывшего инспектора академии прот. Н. П. Виноградова // Православный собеседник (далее: ПС). 1911. № 10. С. 489–490; *Сове Б. И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды (далее: БТ). 1968. Сб. 4. С. 39–84; *Журавский А. В.* КазДА на переломе эпох (1884–1921 г.). Дисс. ... к. и. н. М., 1999; *Он же.* Виноградов Николай Петрович, прот., проф. КазДА // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 524; *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX в. М., 2009; *Она же.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012; *Аки-*

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

шин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии. 2011. № 15. С. 249–267; памятные статьи и некрологи.

Наконец, привлекались статьи из Электронной базы ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» (http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans?notextdecor).

Вступительная статья, публикация и примечания Н. Ю. Суховой

1. ПИСЬМА ПРОТ. НИКОЛАЯ ВИНОГРАДОВА К А. А. ДМИТРИЕВСКОМУ

№ 1 от 7 марта 1893 г. Казань. Л. 1–2 об.

л. 1

Любезнейший Алексей Афанасьевич!

Сердечно поздравляю тебя с днем ангела¹ и желаю тебе паче всего здоровья, в котором ты так нуждаешься при своей неукротимой страсти к науке и литературе. Еще тебе чего пожелать? Естественнее всего, конечно, блестящих успехов в твоих ученых занятиях. Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Св[ятой] Церкви и духовной науки. При соединил бы к этому еще одно пожелание, но едва ли оно будет тобою принято, напротив, не обратилось бы мне с твоей стороны в упрек, еще горший прежнего, каким ты подарил меня в день моего ангела². Посему не пожелаю, а выскажу только, как свое мнение: не мешало бы тебе несколько убавить энергии в твоей ученой деятельности, при твоей, как ты пишешь, плотской немощи. Наука — море великое и пространное, всего его не выхлебаешь, и чем торопливее и жаднее будешь хлебать, тем скорее захлебнешься; осторожность, необходимая всюду, потребна

л. 1 об. и в научных трудах. || Ты уже, кажется, немножко надорвал свои силы неумеренными занятиями и, вне всякого сомнения, сожалеешь об этом; а что будет дальше? Чем больше будут пребывать годы, тем чувствительнее будут сказываться результаты небрежения здоровьем. Будешь сильно каяться в ошибках и увлечениях научными трудами, но уже не воротись. Я, конечно, отнюдь не против этих трудов, но всею есть мера; тем более, что торопиться нам некуда: что нам предназначено, того никто у нас не отнимет, и рано или поздно оно будет нашим; по моему мнению, лучше позднее получить предмет желания и дольше им обладать, нежели скорее получить, но не долго им пользоваться... Но об этом довольно: знаю, что тебя ничем не убедишь; а, пожалуй, такими

¹ 17 марта по ст. ст. — церковная память Алексия, человека Божия, именины А. А. Дмитриевского.

² 6 декабря по ст. ст. — церковная память святителя Николая Мирликийского, именины протоиерея Николая.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

рассуждениями вызовешь с твоей стороны новую филиппику, которую ты во всяком случае не поленишься настрочить ранее моих именин и уже не только не в именинном тоне, а прямо в ругательном: вот, скажешь, сам ничего не делает, и других тянет туда же.

Ну, дружище, угодил же ты ныне мне 6-го декабря своим письмом! Как ныне я ни скуп на письма, а тебе хотел немедленно же по получении твоего «поздравительного» письма писать целую апологию; только какое-то — не помню — дело остановило меня, и я должен был отложить тебе письмо до более свободного времени. ||Письмо твое — це- лый обвинительный акт против меня и многих других доцентов и даже э[кстра]-ординаров нашей Академии. Не беру на себя защиту других, но себя хочу все-таки хотя сколько-нибудь защитить от твоих суровых нападков и столь решительного приговора, по которому я нравственно должен был бы оставить Академию и довольствоваться более скромным званием учителя.

Не буду оправдываться в том, что я после своей магистерской в литературном отношении в печати не произвел почти ничего. Это — совершенная правда, хотя справедливость требует сказать и о том, что после магистерской написано мною и хранится пока в рукописях у меня столько, что может составить в печати другую магистерскую. Далее: ты знаешь, что мои лекции в Академии, читанные в первые годы моей службы, терпимы были, только как лекции ученого филолога-новичка, нельзя же ими было пробавляться дальше, хотя это «дальше», по обстоятельствам, тебе хорошо известным, продолжилось до самого окончания моей магистерской; теперь долг требовал писать если не все, то большую часть лекций вновь. На это разве мало нужно времени? Между тем это — такой труд, который в печать пустить я не могу. Наконец, сколько времени я убил и доселе убиваю || в этих комиссиях и подкомиссиях, ко- торые тебе так ненавистны! А кто тут виноват? — Уж никак не я. Неужели ты думаешь, что я сам залез в эти советы, комитеты и отделения? Я не думал лезть туда, напротив, отбояривался от них всеми силами, зная, что они отнимут у меня время, столь дорогое для меня и в Академии, и в гимназии. Всему вина — ряса, не будь ее — не был бы я связан никакими епархиальными обязанностями. Ты, как не облеченный в эту духовную тогу, конечно, и представить себе не можешь, сколько зависимости с ней соединено. Я еще не состою на епархиальной службе, и то мне «заве-

ща понести» столько епархиальных даровых и нелегких епархиальных должностей; а что бы было, если бы я был еще приходским священником?... Спросишь ты: как же случилось, что на меня взвалили столько обязанностей, совершенно чужих моему положению? Очень просто: архиерей призвал, сначала просил, потом убеждал, а затем приказал быть посему — и только. Противоречить раб владыке разве решится?... Все это было устроено преосв[ященным] Павлом³; теперь у нас Владимир; пытаюсь всячески сложить с себя хотя некоторые посторонние должности, но не знаю, удастся ли. А тяжело, тяжело мне приходится: поработай как по 7 должностям! Поверь, что я теперь уже совсем не тот, что был прежде. Работаю целые дни и ночи, имея в своем распоряжении для отдыха не более 5 часов в сутки; и это продолжается теперь уже 3–4 года; 2 года не видал даже и ваката. Какое же здоровье вытерпит? А нашим || л. 1 владыкам до этого и дела нет. Новый наш архипастырь даже сказал мне, что нужно работать до положения живота...

Остается одно из двух: или ссориться с архиереем, или действительно «положить живот». Что будет дальше, сообщу тебе.

Хотелось бы еще о многом поговорить с тобой, но за крайним недосугом отлагаю до другого письма.

До свидания!

Твой друг иерей Н. Виноградов.

Супруга моя тебе шлет нижайший поклон и приветствие.

Тот же.

№ 2 от 16 ноября 1895 г. Казань. Л. 3–6 об.

л. 3 Любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Исполняю твою просьбу — пишу тебе до декабря, пока ты еще не сел за «именинное» мне письмо. Поговорить есть о чем и — хотелось бы поподробнее, да сейчас сижу за работой для публичной лекции в читальне св. Владимира. Посему ограничусь хотя немногим, наиболее интересным.

Сначала отвечу на твои вопросы. Относительно молчания нашей Академии на юбилее Д. В. Пospехова я добился только одного: все мне говорили, что мы и не знали точного времени юбилея, да и юбилярто нам почти неизвестен ничем, кроме 50-летнего служения в Акаде-

³ Павел (Лебедев), архиепископ Казанский и Свяжский (29.09.1887–23.04.1892).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

мии; потому никому и в голову не приходило посылать поздравление⁴. А Фаворову было послано Антониево приветствие потому, что он был предварен о предполагавшемся юбилее начальством Киевского университета⁵. Кстати: как мало || ценят в университетах профессоров бого- л. 3 об. словия, — зри из следующего. В нашем университете по поводу юбилея Фаворова было сделано в Совете проф[ессором] Н. К. Миловидовым предложение об избрании его «почетным членом»⁶. Но увы! Поднялись такие крики и протесты, что предложение сразу же провалили. Между тем тут же чуть не единогласно избрали какого-то вольного инвалида, не оказавшего университетской науке и 10-й доли того, что сделано почетным о. прот[оиереем] Фаворовым. Наша Академия, впрочем, кажется, достаточно искупила свою ошибку к Поспехову, избрав его своим почетным членом в заседании 27 октября «во внимание к его многолетней службе в Академии и ученым трудам». Тогда же были избраны: Ловягин, прот. П. Смирнов, преосв[ященные] Димитрий (Подольский) и Макарий⁷.

⁴ Поспехов Дмитрий Васильевич (1821–1899) — выпускник КДА (1845), магистр богословия; с 1845 г. бакалавр, с 1851 г. экстраординарный, с 1853 г. ординарный профессор КДА по кафедре философии; с 1874 г. доктор богословия. В сентябре 1895 г. праздновалось 50-летие духовно-учебной деятельности Д. В. Поспехова.

⁵ Фаворов Назарий Антонович (1820–1897), протоиерей — выпускник КДА (1845), магистр богословия; в 1845–1859 гг. преподавал в КДА Священное Писание, патристику, церковное красноречие. С 1859 г., по принятии священного сана, был назначен профессором богословия Киевского университета святого князя Владимира; с 1862 г. доктор богословия. В сентябре 1895 г. праздновалось 50-летие духовно-учебной деятельности протоиерея Назария. «Антониево приветствие» — от имени ректора КазДА архимандрита Антония (Храповицкого).

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936), архимандрит — выпускник СПбДА (1885), в том же году принял постриг; преподаватель гомилетики, литургики и каноники в Холмской ДС (1886), преподаватель (1887) и инспектор (1889) СПбДА, ректор Санкт-Петербургской ДС (1890), МДА (1891), КазДА (1895), с 1897 г. в сане епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 1899 г. — епископа Чистопольского, викария той же епархии; с 1900 г. епископ Уфимский и Мензелинский.

⁶ Миловидов Николай Константинович (1844–1896), протоиерей — выпускник Нижегородской ДС (1866) и КазДА (1870); с 1887 г. профессор богословия Казанского университета и священник университетской Крестовоздвиженской церкви.

⁷ Ловягин Евграф Иванович (1822–1909) — выпускник СПбДА (1847), в ней же бакалавр греческого языка (1847), экстраординарный (1853) и ординарный (1857) профессор математики, после 1869 г. — профессор греческого языка и его словесности; с 1894 г. на пенсии.

Что сказать о нашей Академии при новом начальстве⁸? Жизнь и деятельность год идет почти так же, оживившись разве немного. Наш о. ректор, видимо, занят больше студентами, чем профессорами. Последние, кажется, снискали себе у него все или почти все полное доверие, и он ни мало не наблюдает за ними. Из всех их пользуется его особым уважением и любовью П. В. Знаменский⁹. Кстати: ты спрашиваешь о судьбе П[етра] Васильевича? Дело его уже давно отправлено в Синод с ходатайством — оставить его при Академии || с доцентским жалованьем. Но до сих пор нет ни ответа, ни привета. Между тем, Академия взвалила на него новую тяжелую ношу: при решении вопроса о переформировании нашего журнала и «Известий» все остановились на мысли — сделать редактором изданий одного П[етра] Васильевича; стали его упрашивать,

Смирнов Петр Алексеевич (1831–1907), протоиерей — выпускник МДА (1854), в ней же бакалавр церковной археологии и еврейского языка (1854); священник церкви св. равноапостольной Марии Магдалины в Императорском Вдовьем доме (1859), протоиерей (1874); законоучитель в ряде московских учебных заведений; настоятель Исаакиевского собора (1886), председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде (1897–1905).

Димитрий (Самбикин Димитрий Иванович; 1839–1908), архиепископ — выпускник Воронежской ДС (1861) и СПбДА (1865), магистр богословия; преподаватель общей и русской церковной истории, литургики и канонического права в Воронежской ДС (1866), священник Рождество-Богородицкой (Пятницкой) церкви в Воронеже (1867); ректор Тамбовской ДС в сане протоиерея (1872), затем архимандрита (1877); ректор Воронежской ДС (1881). В 1887 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии; в том же году епископ Балтский, викарий Подольской епархии; с 1890 г. епископ Подольский и Брацлавский; с 1896 г. епископ Тверской и Кашинский, с 1898 г. архиепископ. С 1904 г. доктор церковной истории; с 1905 г. архиепископ Казанский и Свияжский.

Макарий (Невский Михаил Андреевич, урожденный Парвицкий; 1835–1926), епископ — выпускник Тобольской ДС (1854); сотрудник Алтайской духовной миссии (1855), принял монашество (1861), был наместником Чулышманского Благовещенского миссионерского монастыря (1864); член казанского Братства свт. Гурия; начальник Алтайской духовной миссии (1883–1891). В 1884 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии, с 1891 г. епископ Томский и Семипалатинский (с 1895 г. Томский и Барнаульский), с 1906 г. архиепископ; с 1908 г. Томский и Алтайский. В 1912–1917 гг. митрополит Московский и Коломенский, с 1917 г. на покое в Николо-Угрешском монастыре; с 1920 г. пожизненный митрополит Алтайский на покое.

⁸ В 1895 г. новым ректором КазДА стал архимандрит Антоний (Храповицкий).

⁹ Знаменский Петр Васильевич (1836–1917) — выпускник (1860) и ординарный профессор КазДА по кафедре русской церковной истории; доктор богословия (1873).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

он согласился и теперь работает крепко над «оживлением» умиравшего «Собеседника». Прочие профессора живут по-прежнему. На днях (20 ноября) праздновалось 25-летие Ф. А. Курганова¹⁰; 16 или 28 декабря предстоит юбилей М. И. Богословского¹¹. 1-го декабря готовим подарки известному служаке при библиотеке А[лександр]у Гавр[илович]у Яковлеву¹²: студенты, кажется, поднесут ему 100-рублевый % билет, а профессора пока еще не решили ничего определенного. Не поленись писнуть ему строк 5–6 — будет чрезвычайно тронут твоим вниманием. Спросил об отношениях ректора ко мне? В наших отношениях не произошло пока никаких перемен: живем и действуем довольно дружно и согласно. Спасибо ему, — меня поддерживает сильно и пока студентов не распускает. При своей доброте и простоте с ними довольно строг и настойчив (по крайней мере, на словах) в требованиях относительно исполнения более или менее важных правил и инструкций. И, надобно правду сказать, только || при его содействии мне удастся постепенно во- л. 4 об. дворять порядок в разных отношениях между студентами и ослаблять довольно глубоко внедрившиеся в последнее время пороки. Мелочи, правда, он не любит и пропускает без всякого внимания; зато в вещах крупных журит студентов немилосердно, не прибегая, впрочем, к каким-либо строгим и вредным мерам. Доверием между студентами пользуется большим, и влияние его на них несомненно. Ввиду всего этого незаметно, а в действительности несомненно наши студены постепенно подтягиваются. Только вот что: едва ли они не подозревают во всех распоряжениях о. Антония действий инспектора, и на последнего что-то начинают посматривать не совсем прямо, а в некоторых случаях даже просто, обходя его, обращаться прямо к ректору. Уж не болтает ли он им чего-нибудь неподобного на мой счет?.. В некоторых случаях как будто проглядывает у него мысль, что он не разделяет вполне моих требований по отношению к студентам на почве инструкций, а предпочитает

¹⁰ Курганов Федор Александрович (1844–1920) — выпускник (1870) и ординарный профессор КазДА по кафедре общей церковной истории; доктор богословия (1881).

¹¹ Богословский Михаил Иванович (1844–1915) — выпускник (1870) и ординарный профессор КазДА по кафедре Священного Писания Нового Завета; доктор богословия (1895).

¹² Яковлев Александр Гаврилович — казанский мещанин; с 1870 г. состоял вольнонаемным служителем при библиотеке КазДА в статусе младшего сверхштатного помощника библиотекаря, с 1900 г. — 2-го сверхштатного помощника.

им воздействие на «внутреннего человека». Потом нельзя не заметить, что из помощников моих он более сближается с Колокольцевым¹³, который на все смотрит сквозь пальцы и никогда ни о чем мне не доложит; между тем как своего прежнего любимца (Васильевского¹⁴), который относится к своим обязанностям гораздо строже и добросовестнее, теперь держит от себя подальше. Да и частные его домашние беседы со || л. 5 студентами, вероятно, не обходятся без тех или других замечаний по адресу инспекции. Время покажет все, а теперь я пока доволен его, по крайней мере, открытыми действиями. Думаю также, что после своих злоключений в Московской Академии и ввиду результатов ревизии последней Нечаевым (он уже знает, что все беспорядки и расшатанность той Академии взвалили на него)¹⁵ едва ли он решится дать свободу и распустить студентов нашей Академии. Наконец и я, при всей своей сдержанности, зорко блюду и не стесняюсь иногда заявлять что следует. Ну, об этом пока довольно.

В заключение несколько слов о 8-м ноября¹⁶. Праздник наш прошел ныне довольно весело и оживленно. После архиерейского служения, по обычаю, был акт, на котором была прочитана довольно интересная речь А. В. Говоровым¹⁷, потом, после гимна свв. Кириллу и Мефодию, прочитаны были мною извлечения из отчета. Речь почему-то не вызвала со стороны студентов ни единого аплодисмента, и лектор, ужасно обиженный этим, заподозрил студентов в демонстративном отношении к нему за то, что он ставил строго отметки на проповедях. Студенты же отри-

¹³ Колокольцев Вениамин Васильевич (1867–1952) — выпускник Нижегородской ДС (1889) и КазДА (1893), исполнял обязанности помощника инспектора; с 1897 г. магистр богословия. После революции служил учителем русского языка, затем переехал в с. Починки и вскоре в Нижний Новгород.

¹⁴ Васильевский Владимир Петрович — выпускник Казанской ДС (1882) и КазДА (1886), по окончании академии исполнял обязанности помощника инспектора.

¹⁵ Имеется в виду ревизия МДА, проведенная в 1895 г. членом Учебного комитета П. И. Нечаевым. На основе его отчета Синодом был издан критический указ с перечислением замеченных недостатков в административной, финансовой, учебной и воспитательной сторонах жизни академии. Корпорация и Совет МДА сочли часть замечаний несправедливыми и высказали протест.

¹⁶ 8 ноября ст. ст. — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, престольный праздник и актовый день КазДА.

¹⁷ Говоров Алексей Васильевич — выпускник (1879) и экстраординарный профессор КазДА по кафедре гомилетики и истории проповедничества; магистр богословия (1887).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

цают это и объясняют свое поведение сделанным раз навсегда распоряжением || ректора не хлопать. Не ясно, что-то сомнительно. Но вообще л. 5 об. вышло что-то не особенно приятное. Я в своем отчете, между прочим, воздавая должное заслугам А. П. Владимирского¹⁸, порядочно распостранился по его адресу на публичном торжестве. Воспользовавшись этим, наш владыка Владимир¹⁹, по окончании акта, обратился с речью к почтенному старцу, уже бывшему прежде предметом оваций и теперь вновь получившему торжественное заявление признательности ему со стороны Академии, и пожелал ему, чтобы все, сказанное о нем в отчете, постоянно памятовалось в Академии, и чтобы и впредь появление его в Академии всегда было так же радостно приветствуемо, как появление красного солнышка. Старик заплакал и не мог ничего возразить в ответ. А каков «истый-то киевлянин»! Как он умеет замазывать глаза! А тятенька по своей простоте, конечно, и доселе ничего не знает и не подозревает, глубоко веруя в искренность владыки. Академия же действительно сохраняет к нему прежние симпатии, и появление его в ней всегда приветствуется самым радостным и живейшим образом и профессорами, и студентами. Я думаю, ты уже читал в ноябрьской книжке «Собеседника» прощание студентов с бывшим о. ректором. Надобно заметить, что оно описано очень правдиво, только что речи, сказанные студентами, предварительно несколько были сглажены о. Антонием, да опущено, что маститый гость был встречен в храме студентами пением входного «Достойно». «Папенька» ни за что не согласился пропустить этого в печать из своих обычных || опасений и осторожности. И теперь л. 6 все еще боится, как бы ни посмотрели где-нибудь на это студенческое его чествование косо и не подумали, что все это — результат распущенности им студентов. А посещает он нашу Академию нередко, иногда и служит (когда о. Антоний уезжает в собор). 8-го ноября также служил,

¹⁸ Владимирский Александр Поликарпович (1821–1906) — выпускник КазДА (1846), был оставлен в академии, в 1847 г. принял священный сан; с 1850 г. профессор богословия, логики и психологии Казанского университета, настоятель университетского храма (1851), декан историко-филологического отделения философского факультета (1857–1861), затем историко-филологического факультета (1865); ректор КазДА (1871–1895), профессор и по кафедре основного богословия (1871–1884), по кафедре введения в круг богословских наук (1884–1886).

¹⁹ Владимир (Петров Иван Петрович; 1828–1897), архиепископ Казанский и Свияжский (07.05.1892–02.09.1897).

и как всем нам было приятно видеть его «первенствующим» после владыки: так невольно все и переносились мыслями ко временам его ректорства. На обеде того же дня он опять был предметом необыкновенно оживленных оваций со стороны профессоров. Старик так расчувствовался, что пустился было ораторствовать, но после 3-х — 4-х фраз не мог ничего придумать, и, качая бокалом, только и сказал: «ну, сами знаете!...». Эффект был полный, и зал огласился громогласным многолетием и ура! Владыка на обеде был также чрезвычайно весел и шутил немало. Мне, между прочим, пожелал в особом тосте «покойной ночи», очевидно намекая на поведение студентов в «Михайлов день», особенно когда единовременно с профессорским пением многолетий за обедом слышалось пение и студентов, бывших в комнатах, отделенных от ректорских только дверями (ведь теперь часть приемной ректорской квартиры уступлена о. Антонием || студентам — священникам и диаконам, а с будущего года предполагается и остальные ректорские комнаты отдать под больницу, сам же о. Антоний хочет переселиться поближе к студентам в главный корпус, где сейчас больница).

Что еще тебе написать? О нашей Академии я уже, кажется, сказал все. Теперь разве поговорить о других лицах? Поздравил ли ты Преосвящ[енного] Антония Финляндского 27 окт[ября] с 25-летием?²⁰ Наша Академия послала ему адрес и преподнесла роскошный архиерейский служебник. Ответил владыка самым теплым письмом. Инспектор Московской академии о. Кирилл с 8 ноября уже на новом месте — в Казани²¹; виделись мы с ним, но пока мало говорили, отложили беседу до первого свидания в более благоприятное время. Первые шаги его деятельности, после столь ненавистного эмиссара Филарета²², одобряют; не знаю,

²⁰ Архиепископ Финляндский Антоний (Вадковский) 27 октября 1895 г. праздновал 25-летие духовно-учебной деятельности — с 1870 г., когда он по окончании КазДА был оставлен в этой академии приват-доцентом по кафедре пастырского богословия и гомилетики.

²¹ Кирилл (Лопатин Константин; 1868–1900), архимандрит — выпускник Вятской ДС (1889) и КазДА (1893); при окончании академии пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха и назначен инспектором Санкт-Петербургской ДС; с 1894 г. — инспектор МДА; с 1895 г. ректор Казанской ДС; с 1899 г. — ректор Астраханской ДС.

²² Филарет (Никольский Гавриил Петрович; 1858–1921/1922), архимандрит — выпускник Костромской ДС (1880) и СПбДА (1891); при окончании академии пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха; инспектор Тифлисской ДС (1891); ректор Казанской ДС (1892–1895), затем Тульской ДС (1895–1898). В дальнейшем епископ

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

что будет дальше. Известный тебе Ив[ан] Андр[еевич] Яхонтов просился было в смотрители Сарапульского училища, а попал, знаешь, куда? — инспектором Вятской семинарии²³. Не знаю, как это случилось, и что-то будет он делать со своим горячим характером в такой многолюдной и довольно беспокойной семинарии, предшественник его — Миловский будто бы совершенно незаслуженно подвергся стеклобитию, просто по каким-то недоразумениям; убрали было его куда-то далеко, да заступлением своего родственника (Керского) он спасся от ссылки, получил смотрительское место в Сарапуле²⁴. Вот как, нашего брата — инспекторов-то — и впрягают. Мальчишки набездельничают, а инспекторов наказывают... Просто ведь беда!.. Ну, пора мне и закончить || свое, не в меру получившееся болт- л. 3
ливым, письмо и ждать теперь от тебя интересного письма. Смотри, не поленись написать побольше, — в долгу не останусь..

Прощай же и будь здоров и счастлив! Моя супруга тебе шлет низкий поклон и глубочайшее почтение.

Твой искренний протоиерей Н. Виноградов.

№ 3 от 17 ноября 1896 г. Казань. Л. 7–8 об.

Любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 7

Думаю, что ты сильно сердисься и бранишь меня за то, что я до сих пор оставлял твое июньское письмо без ответа. Но погоди: выслушай мои объяснения, и тогда, быть может, смягчишь гнев твой. Я получил твое письмо, можно сказать, уже на пути в Крым, или, вернее сказать, — совсем собравшись, выезжал из Казани. Можно было бы, конечно, написать тебе в дороге, но я считал совершенно бесполезным посылать тебе письмо, в котором не имел возможности сообщить тебе о том, о чем

Киренский, викарий Иркутской епархии (1898–1904); Глазовский, викарий Вятской епархии (1904); Вятский и Слободский (1904–1914); Астраханский и Енотаевский (1916–1918); архиепископ Самарский и Ставропольский (1920–1921).

²³ Яхонтов Иван Андреевич (1848–1906) — выпускник Владимирской ДС (1877) и КазДА (1881); инспектор Вятской ДС (1895).

²⁴ Миловский Сергей Николаевич (1861–1911) — выпускник КДА (1884), смотритель, инспектор Вятской ДС, смотритель Клевакинского и Сарапульского ДУ. Керский Сергей Васильевич (1831–1903) — выпускник КазДА (1854); в 1867–1883 гг. был членом-реvisorом Учебного комитета при Святейшем Синоде; с 1883 г. помощник управляющего Канцелярией Синода, с 1892 г. ее управляющий.

- л. 7 об. главным образом ты просил меня, т[о] е[сть], об отзывах || рецензентов о твоей докторской²⁵. Отзывов этих я так и не видал до ваката, ибо они не были циркулированы между членами Совета, а в видах ускорения дела заслушаны были в заседании лишь одни заключения. Не знаю их я и доселе, а потому не могу тебе о них и сказать; будет время — доберусь до них, почитаю и тогда напишу. А сейчас почему бы не написать? — спросишь ты. Скажу тебе по всей правде: со времени приезда из Крыма (в половине сентября) и до последнего момента дел у меня было так много, что о каких-либо посторонних заметках и подумать было некогда. Ремонт, затеянный в Академии не раньше, как пред моим возвращением с ваката, прием и устройство студентов, юбилей папеньки, наконец,
- л. 8 8 ноября с поручением || мне актовой речи — все это, взятое вместе с обыденными обязанностями и хлопотами инспектора, думаю, хорошо представит тебе мое положение, и ты вполне согласишься, тут мне было не до письма и не до рецензий. Я едва поспел вовремя покончить свою речь, которую, по твоему совету, начал не рано. Теперь же спешу поделиться с тобой сведениями о нашей Академии и посылаю тебе только актовую книжку, в которой ты найдешь и мою неискусную речь и отчет о состоянии нашей Академии за истекший год. К нему следовало бы присоединить описание папенькиного юбилея, но это описание ты прочтешь в декабрьской книжке «Правосл[авного] собеседника», и, может быть, получишь и отдельный экз[емпляр] от самого юбиляра, который
- л. 8 об. взялся издать описание торжества и || всех поднесенных ему адресов и приветствий на свой счет. А я только скажу, вообще, что юбилей был отпразднован блестящим образом и превзошел, по выражению самого юбиляра, всякие его ожидания. Старец был в полнейшем восторге и растроган до последней степени. На днях, к довершению его радости, получил он еще «Александра Невского»²⁶ и теперь уже на верху блаженства.

Что еще написать тебе? Вот новость уже самых последних дней: не далее как вчера и наша Академия произвела двух монахов: приняли пострижение два студента, один (4 курса) из вдовых священников, а другой (2 к[урса]) — из молодых наших питомцев; оба приняли монаше-

²⁵ Весной 1896 г. А. А. Дмитриевский подал в Совет КазДА на соискание ученой степени доктора церковной истории: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Тулика. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы» (Киев, 1895).

²⁶ Орден святого благоверного князя Александра Невского.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ство, видимо, по убеждению и влечению, хотя, конечно, не без влияния о. Антония²⁷. Сообщу, кстати, и другую новость: наш П. В. Знаменский, несмотря ни на какие просьбы, отказывается от редакторства «Собеседника» и вместо него с января избран С. А. Терновский²⁸.

Ну, а ты как поживаешь? Профессором или все еще доцентом? Что выездил за границу? Не поленись написать мне. В долгу не останусь. Теперь пока прощай! Супруга моя тебе кланяется.

Искренно уважающий тебя, твой закадычный — протоиерей Н. Виноградов.

№ 4 от 10 марта 1898 г. Казань. Л. 9–11 об.

Дорогой и неизменный друг мой, Алексей Афанасьевич!

л. 9

Мой сердечный привет тебе со днем твоего Ангела и искреннейшее пожелание всех благ, наипаче же доброго здоровья, благоденствия, во всем благого поспешения, на враги же победы и одоления и проч., и проч., и проч.!

Душевно благодарю тебя за твое обычное дружеское поздравление меня в день 6 декабря, к которому ты ныне сделал еще некое и «при-

²⁷ Постриг приняли: студент 4-го курса священник Никодим Захарьевич Троицкий (в постриге Нафанаил) и студент 2-го курса Валентин Мефодиевич Лебедев (в постриге Варсонофий).

Нафанаил (Троицкий; 1864–1933), митрополит — выпускник Донской ДС (1886), в 1886–1887 гг. студент КДА, в 1888 г. был рукоположен во священника; овдовев, в 1893 г. поступил в КазДА; по окончании академии был преподавателем Таврической ДС, ректором Олонечкой и Тамбовской ДС; в 1904 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии; с 1908 г. епископ Уфимский и Архангельский, с 1912 г. Архангельский, с 1919 г. архиепископ; с 1921 г. Харьковский, с 1924 г. митрополит; в начале 1927 г. временно управлял Воронежской епархией, в том же году был уволен на покой. Варсонофий (Лебедев; 1872–1912), иеромонах — выпускник Тверской ДС (1899) и КазДА (1903); по окончании академии назначен помощником наместника Казанского Спасо-Преображенского монастыря и руководителем Миссионерских курсов при академии; незадолго до смерти ему был предложен епископский сан, от которого он отказался из-за болезни.

См.: Антоний (Храповицкий), архим. Мучительная раздвоенность. Слово, сказанное при пострижении в монашество студентов Казанской духовной академии 4-го курса: священника Никодима Троицкого (Нафанаила) и студента 2-го курса Валентина Лебедева (Варсонофия) // Русский инок. 1913. № 8. С. 494–498.

²⁸ Терновский Сергей Алексеевич (1848–1916) — выпускник КДА (1871), профессор кафедры древнееврейского языка и библейской археологии КазДА; доктор церковной истории (1898).

ложение» в форме брошюр, заинтересовавших меня до такой степени, что я прочитал их, не отрываясь — «за один присезд». Прочие экземпляры их я передал по назначению и в ответ шлю тебе «спасибо» от всех адресатов, не исключая и Ильи (Степаныча)²⁹, который, несмотря на тяжелое впечатление, только что полученное им от твоей рецензии на алмазовский труд, начатый в ноябрьской книжке «Трудов Киевской л. 9 об. Академии»³⁰, || все-таки проронил два-три слова похвалы по твоему адресу: «талантливый и неутомимый труженик!.. Только бы ему умерить порывы ученого самолюбия и нетерпимости к другим: он думает, что только бы ему одному и работать в его области, другой не смеет и носу совать, и требует, чтобы другие писали, не делая никаких ошибок... Это очень жаль!..» В последнем отношении ему вторил и твой «знаменитый» рецензент (Нарбеков³¹), хотя со времени диспута Прокошева (еще в прошлом году)³² дружба между этими двумя учеными мужами кончилась, и теперь Илья едва подает руку своему прежнему протезе. Ну, брат, и здорово же ты разделяешь своего коллегу! Едва ли он мог ожидать такой детальной проверки и обличения своих грехов! Нам, сторонним зрителям, приходится только удивляться твоей внимательности, настойчивости, трудолюбию и придирчивости: надобно же, ведь взять на себя проверку такого огромного труда на месте по первоисточникам! Слышу, слышу за каждой строчкой твоей критики и с нетерпением жду выводов и заключения, какими ты в конце концов разразишься по адресу избиваемого твоего противника... Но вот, не дальше, как на днях,

²⁹ Бердников Илья Степанович (1839–1915) — выпускник (1864) и ординарный профессор КазДА по кафедре церковного права; доктор богословия (1881).

³⁰ Дмитриевский А. А. Тайная исповедь в исследовании проф. А. И. Алмазова: (Критический этюд) // Труды Киевской духовной академии. 1897. № 11. С. 419–425; № 12. С. 623–638.

³¹ Нарбеков Василий Андреевич (1863 — после 1925) — выпускник Владимирской ДС (1883) и КазДА (1887).

Речь идет о рецензии на докторскую диссертацию А. А. Дмитриевского: *Нарбеков В.* [Рец.] // Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1896 г. Казань, 1897. С. 263–297.

³² Прокошев Павел Александрович (1868 — после 1922) — выпускник КазДА (1892); был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре церковного права; преподавал в Вологодской ДС. В дальнейшем профессор церковного права Томского университета, доктор церковного права (1914).

Речь идет о магистерском диспуте П. А. Прокошева, состоявшемся 19 октября 1895 г.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

узнал я, что и твоя «докторская» удостоилась милостивого внимания такого авторитета, как Н[иколай] Фомич, который будто бы написал рецензию в «Византийском временнике» || и рассылает отдельные оттиски л. 10 по своим друзьям³³; посмотрим, что он написал, а теперь пока я слышал от Нарбекова, что рецензия написана очень сдержанно и деликатно. Ну, трудись, трудись на славу Божию и на пользу науки: ты ведь для науки и создан, не будучи связан никакими узами — ни Гамалея, ни комиссий, ни общества и т. п.

А я, многогрешный, «связан есмь воистину многими тяжкими узами во еже не возвести главы моя»³⁴. Еще не так давно питал я надежду, что, попривыкнув немножко к инспекторским обязанностям, наверно найду возможность поработать пером, и, как тебя известил, уже и начал было. Да нет, видно, человек предполагает, а Бог располагает: то, что намерен был написать и напечатать в 98-му году, дай Бог написать к 99-му...

Точно нарочно: сначала разразилась надо мной беда семейная, а потом взвалили на меня массу хлопот по Академии, отнявших у меня весь вакат. Дело вот в чем: с весны прошлого года довольно серьезно прихворнула моя благоверная; нервное расстройство, развившееся на почве малокровия, достигло таких размеров, что пришлось отправить ее на || кумыс л. 10 об. (в Уфимскую губ.), где она и прожила два летних месяца с Ю[лией] Никандровной. А я остался в Академии, так как о. ректор брал отпуск и жил в одном из монастырей Казанской епархии. Каково мне было жить одиноко-

³³ Красносельцев Николай Фомич (1845–1898) — выпускник (1870) и профессор КазДА по кафедре церковной археологии и литургики; с 1889 г. экстраординарный профессор церковной истории Новороссийского университета в Одессе; доктор церковной истории (1893).

Речь идет о рецензии: *Красносельцев Н. Ф.* [Рец. на]: Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Туллка. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895 // *Византийский временник*. Т. 4. 1897. С. 587–615.

³⁴ Неточно пересказанная цитата из «Молитвы Манассии, царя иудейского» — текста, включенного в библейские списки перевода LXX, а из него перешедшего в славянский и русский переводы; во 2 Пар 36, после 23 стиха: «(8) Слячен есмь многими узами железными, во еже не возвести главы моя, и несть ми ослабления: зане прогневах ярость Твою (9) и лукавое пред Тобою сотворих: не сотворивый воли Твоя и не сохранивый повелений Твоих, поставих мерзости и умножих претыкания».

В православном богослужении эта молитва читается в дни Великого поста на великом повечерии.

му? — можешь представить сам. Пришлось в первый раз после женитьбы разлучиться с супругой на столь продолжительный срок, притом томиться в неизвестности ее положения и исхода болезни... О, это было для меня настоящею пыткой, и я метался как угорелый!.. Между тем в Академии назначен был миссионерский съезд³⁵; нужно было спешить с ремонтом и приготовлениями к съезду, — дел было пропасть; начался съезд — хлопот и беспокойств прибыло: встречай начальство, принимай и устраивай членов съезда (а их было свыше 200 человек) и т. д.; потом провожай всех и вновь приводи Академию в порядок ко времени приезда студентов. Вот тут и занимайся ученой работой! Да тут не удавалось даже и прочитать почти ничего. Между тем вакат кончился; стали съезжаться студенты, значит, началась обычная работа по устройству их и наблюдению. Наконец, к сентябрю все по-видимому пришло в порядок: и супруга моя возвратилась в добром л. 11 здоровье, и студенты были устроены; || только бы приступить к делу, как вдруг скончался наш владыка Владимир, и назначена была хиротония нашего ректора, а вместе с тем возложено было на него управление епархией, а на меня — исполнение обязанностей ректора; хотя и. д. инспектора и был назначен Будрин³⁶, но фактически пришлось мне работать и за ректора, и за инспектора, ибо и. д. инспектора ездил в Академию только читать свои лекции. Так дело продолжалось до половины ноября, когда приехал к нам новый владыка, забравший почти все в свои руки и предоставивший своему викарию мало чего, так что он может свободно совмещать ректуру с викариатством и по-прежнему проводить все вечера со студентами... Так почти до самых Святков я был в горниле искушений и не знал покоя, ни днем, ни ночью, дрожа за порядок и спокойствие в Академии... Наконец, все миновало благополучно и я, вздохнув посвободнее, с нового года возвратился к своей, прерванной почти на год, работе и теперь иногда пописываю, хотя, к великому сожалению, часто отрывают меня разного рода делишки, то вол- л. 11 об. нующие и дающие сосредоточиться (а ты знаешь мой || характер: уж что делать, так делать, а то лучше все прочь!..), то требующие внимания, бдительности и хлопот. Не знаю, что делать, а хочется, очень хочется писать, пока энергия еще не прошла и материал собран в достаточном количестве. Если уж не для докторской, то, по крайней мере, так бы — попечататься,

³⁵ III Всероссийский миссионерский съезд, проходивший в Казани летом 1897 г.

³⁶ Будрин Евлампий Андреевич (1842–1919) — выпускник (1866) и профессор КазДА по кафедре догматического богословия; доктор богословия (1888).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

а там, быть может, написавшись, царапнуть бы и на доктора, только, конечно, наперед оставивши инспекторство и уединившись куда-нибудь в уголок академической слободки... Думается, что на свободе можно бы написать, ибо другие пишут же и получают не только докторство, а даже и премии; право, при нашем нынешнем ректоре можно за грош приобрести и то, и другое, — так и тянет за уши всякого мало-мальски пишущего: Юнгеров — доктор, Несмелов — доктор не ныне, так завтра (за «Науку о человеке»), Благовидов — тоже (за «Обер-прокуроров»)³⁷; мало того: все они несомненно получают и премии по 600 руб. Вот как работают наши-то!.. А ты пишешь, что не нарождаются вновь могиканы в нашей Академии?!.. Только я да еще некие из старцев нашего времени сидят сложивши ручки и не видят того, что суют нам почти насильно. Вот за нас-то обидно. Ну да, авось, еще не все пропало...

Что еще написать тебе? Тебя и всю вашу Академию поздравляю с новым ректором и инспектором (только сегодня из письма Саблера нашему ректору узнали мы о новых переменах в Вашей и Московской Академиях³⁸); не долго, вероятно, высидит и наш ректор в Казани; а на его место (боимся) как бы не назначили Молчанова³⁹, которому, яко-

³⁷ Юнгеров Павел Александрович (1856–1921) — выпускник (1879) и профессор КазДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; в 1897 г. получил степень доктора богословия (диссертация: «Книга пророка Амоса: Введение, перевод и объяснение. Казань, 1897»).

Несмелов Виктор Иванович (1863–1937) — выпускник (1887) и доцент КазДА по кафедре метафизики; в 1898 г. получил степень доктора богословия (диссертация: «Наука о человеке (Т. I: Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни. Казань, 1898»).

Благовидов Федор Васильевич (1865 — после 1911) — выпускник (1889) и доцент КазДА по кафедре русской гражданской истории; с 1900 г. доктор церковной истории (диссертация: «Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия» (Казань, 1899; 2-е, перераб., изд.: 1900)). В 1909 г. покинет КазДА и будет директором Тифлиских женских высших курсов.

³⁸ 5 марта 1898 г. был уволен от должности ректор КДА епископ Каневский Сильвестр (Малеванский), в тот же день на его место был назначен архимандрит Димитрий (Ковальницкий), с 28 июня епископ Чигиринский, викарий Киевской митрополии.

7 марта 1898 г. был уволен от должности ректор МДА архимандрит Лаврентий (Некрасов), 13 марта на его место был назначен архимандрит Арсений (Стадницкий), с 26 февраля 1899 г. епископ Волоколамский, викарий Московской митрополии.

³⁹ Алексей (Молчанов Алексей Васильевич; 1853–1914), архиепископ — выпускник Вятской ДС (1876), учитель начальной земской школы, псаломщик в Вятской епархии,

бы, обещано, по принятию им монашества, ректорство в которой-либо Академии.

В заключение два слова о 2-х твоих товарищах. А. В. Попов про-
л. 9 должна плодиться: недавно у него опять || приращение в семействе. А
какова кажется, на твой взгляд, его актовая речь, сопровождавшаяся
(необъяснимыми) довольно слышными аплодисментами студентов?..
Другой твой коллега Маврикий (ныне — Мефодий) был в Казани и го-
стил с неделю (проездом в Питер): довольно серьезный архиерей, хотя
очень некрасивый и несуразный; пить якобы перестал⁴⁰.

Ну, довольно. Теперь пиши ты; не мешало бы нам переписываться
почаще; пиши, я отвечать буду. Супруга моя тебе посылает низкий по-
клон и привет.

Твой неизменный протоиерей Н. Виноградов.

10 марта 1898 г.

заведующий сельским земским училищем. В 1883 г. женился, но поступил в КазДА, был рукоположен во священника к академической церкви; окончил академию (1887), с 1888 г. магистр богословия (дисс.: «Св. Киприан Карфагенский и его учение о Церкви»), с 1887 г. законоучитель казанских гимназий. В 1897 г. овдовел, в сентябре 1899 г. был пострижен в иночество и назначен ректором в Казанской ДС в сане архимандрита; 20 июля 1900 г. стал ректором КазДА, с 9 сентября в сане епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. С 1905 г. епископ Таврический и Симферопольский, с 1910 г. Псковский и Порховский, с 1912 г. Тобольский и Сибирский, с 1913 г. экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский.

⁴⁰ Однокурсники А. А. Дмитриевского по КазДА: Алексей Васильевич Попов и Маврикий Львович Герасимов.

Попов Алексей Васильевич (1856–1909) — выпускник Вятской ДС (1878) и КазДА (1882); по окончании академии и недолгого преподавания в родной Вятской ДС в 1883 г. был избран помощником инспектора КазДА; в том же 1883 г. магистр богословия, с 1884 г. доцент по кафедре пастырского богословия и педагогики, в 1890 г. перешел на освободившуюся кафедру теории словесности и истории иностранных литератур, в 1895 г. был избран экстраординарным профессором. С 1903 г. доктор богословия, с 1904 г. ординарный профессор.

Мефодий (Герасимов Маврикий Львович; 1856–1931), митрополит — выпускник Томской ДС (1878) и КазДА (1881; уволился после 3-го курса со званием «действительного студента»); служил в Алтайской духовной миссии, в 1885 г. приняв монашество и сан иеромонаха; в 1892 г. по особому ходатайству архимандрита Макария (Невского) был удостоен степени кандидата богословия; с 1893 г. начальник Алтайской миссии. С 1894 г. епископ Бийский, викарий Томской епархии; с 1898 г. епископ Забайкальский, с 1912 г. Томский и Алтайский, с 1914 г. Оренбургский, с 1918 г. архиепископ. В 1919 г. эмигрировал вместе с Белой армией, в 1922 г. возглавил новую Харбинскую епархию, с 1929 г. митрополит.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

№ 5 от 14 марта 1907 г. Казань. Л. 12–13 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич! л. 12
Сердечнейший привет с днем Ангела и пожелание тебе крепкого здоровья, благополучия и исполнения всех твоих благих намерений прими от меня и супруги моей.

Слышно, что с исполнением 25-летия по академической службе ты намерен перебраться из матери русских городов в северную столицу на пост секретаря Совета Палестинского общества. «Да исправит Господь стопы твоя!» Киевская Академия несомненно пожалеет об уходе талантливого, неутомимого и плодотворнейшего ученого профессора, заменить которого достойным преемником скоро едва ли ей удастся. Со стороны и нам до боли жаль || такого лишения в вашей Академии. Но мы л. 12 об. утешаемся той мыслью, что с уходом из Академии ты не бросишь своей излюбленной науки, будешь продолжать свою славную работу и не перестанешь дарить церковную археологическую и литургическую науку новыми ценными вкладами. Материала у тебя собрано, вероятно, еще не на один десяток лет работы. — А нам грешным приходится «тереть свою лямку» еще и еще. Тяжела ныне административная служба, — достается и сверху, и снизу; но что делать? Будем терпеть и ждать лучшего. Скоро ли, в самом деле, дадут нам что-нибудь определенное, выяснят и упрочат наши отношения к учащейся молодежи? Правда, в нашей Академии нет особенных нестроений, дела идут, по-видимому, гладко; но все же следовало бы кое-что выбросить и вымести, да и из студентов || (по-л. 13 жалуй, и из профессоров) кой-кого вышибить. Эти проклятые сходки, под именем «освободительного движения» получившие какое-то право гражданства, с дикими резолюциями и требованиями студентов вносят большую смуту и беспорядки и в учебном и в дисциплинарном отношении. Инспекторские и даже ректорские распоряжения совершенно игнорируются. Мало того: даже в Совет предъявляются ультиматумы, напр[имер], об отказе студентов писать проповеди, одно из семестровых сочинений, держать экзамены дважды по предметам, читаемым два года, и т. п. Хорошо, что Совет в этих случаях дает единодушный и твердый отпор. Но что вы будете делать против такого рода явлений, как систематическое уклонение от богослужений и молитв, шатание по ночам, прием посторонних лиц в номерах чуть не во всякое время дня и ночи, и т. п.? Тут всякое малейшее замечание || начальства вызывает л. 13 об.

целую бурю и жалобу студентов на стеснение их свободы и коллективное заявление о неприемлемости распоряжений начальства. Конечно, в этих случаях можно бы идти напролом и настаивать на своем, но можно ли так действовать, когда наперед знаешь, что в результате будет один скандал и создается прямая невозможность положения инспекции? Да что тебе говорить об этом, когда ты сам отлично знаешь, что значит стать на путь борьбы со студенчеством. Это значит: лучше уходить со службы. Пусть бы это так, но дело-то от этого ничего не выиграет. Вот и приходится терпеть, довольствуясь лишь тем, чего достигаешь мягкими и деликатными увещаниями и дружескими советами и просьбами. Еще можно бы кое-что поделаться, если бы была хотя какая-нибудь поддержка со стороны ближайшего начальства. Но наш владыка-ректор⁴¹ способен только все портить и разрушать, а созидать и устроить не может решительно ничего: потребует, накричит, пригрозит, а когда придет пора за это разделяться, спрячется в кусты от всего откажется (даже с клятвой: «видит Бог — не говорил...» и т. п.) и вся взвалит на других. Вот человек-то! Ты немало писал мне о нем, а теперь мы увидели в нем еще больше всякого рода дряни. Это положительно несносный человек, знающий только себя и свои личные интересы; грязный и беспорядочный в домашнем быту, грубый и крайне невыдержанный в обращении с другими, ленивейший и совершенно беспамятный, крайне непостоянный, сумасброд, каких мало; понятно, что при таких нравственных достоинствах он || давно уже потерял всякое доверие и авторитет; студенты его терпеть не могут; из профессоров с младшими он давно уже разошелся, а теперь отшатнулась от него и старшая партия ввиду его непостоянства и фальшивости. Казанское духовенство его прямо не выносит за его надменность и грубость, монахи от него бегут. Единственный человек, у которого он лижет руки и с которым всячески старается ладить, — это архиепископ⁴²; но не знаю, надолго ли.

Но довольно. Пиши, пожалуйста, если есть у тебя что нового.

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

⁴¹ Алексей (Дородницын), епископ Чистопольский и ректор Казанской духовной академии (05.09.1905–17.01.1912).

⁴² Димитрий (Самбикин), архиепископ Казанский и Свияжский. Подробнее о нем см. прим. 7.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

№ 6 от 12 марта 1908 г. Казань. Л. 14–15 об.

Дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

л. 14

От всего сердца я и Раиса Никандровна приветствуем тебя со днем твоего Ангела и желаем тебе на новом месте и в новой службе неизменного здоровья и таких же блестящих успехов, какими по всей справедливости ты стяжал себе неувядаемую славу и громкое имя своими научными трудами и профессорской деятельностью. Да поможет тебе Бог!

«Первое твое послание из хладного Питера» в декабре мною получено и не без утешения прочитано даже не один раз. Да, Киев сумел оценить тебя и воздать тебе по твоим заслугам: так теплы и торжественны были там твои проводы!.. Ну, да ведь поработал и ты там немало. Дай Бог всякому другому сделать столько и так, сколько и как сделано тобой за 25 лет. Конечно, твои труды, понесенные там, не умрут никогда. А я все-таки опять тебе повторю свое глубочайшее сожаление об оставлении тобой профессорской и ученой деятельности: при своей недюжинной голове и необычайной || энергии ты, без сомнения, мог бы еще много, л. 14 об. много поработать для академической науки. Не знаю, чем тебя прельстил Питер, уж не деньгами ли? Но ведь ты никогда не был сребролюбив и нужды твои, при отсутствии потомства, едва ли больше моих... Разве почет? Но едва ли Питер даст тебе его больше, чем Киев. Впрочем, что об этом толковать? Тебе самому это виднее и понятнее. — А что, вышло описание твоего юбилея и провод? Конечно, когда выйдет, не забудешь прислать нам. Потом, ты обещал прислать мне какие-то книжки для задачи по назначению; доселе я не получил ничего. Не потерялись ли? — По поводу твоего отзыва об «архиерейском доме» Покровского скажу тебе, что у нас эта книга ни в каком случае не прошла бы «на доктора», несмотря даже на всякие меропрятия со стороны П. В. Знаменского⁴³.

⁴³ Покровский Иван Михайлович (1865–1941) — выпускник (1895) и профессор КазДА по кафедре русской церковной истории; доктор церковной истории (1907).

Монография И. М. Покровского, представленная на соискание степени доктора церковной истории в Совет КДА: «Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. Казань, 1906» с дополнительным очерком «Средства и штаты архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г.». Автор получил искомую степень доктора, несмотря на критический отзыв одного из рецензентов — А. А. Дмитриевского (см.: [Отзыв на книгу И. М. Покровского «Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906»] //

Удивляемся, как это вы дали докторство, разделив книгу — что называется — «под орех»? Объясняем «стараниями Знаменского и вашего Голубева». А жаль, что вы пропустили эту дрянь под какими бы то ни было предложениями. Работы-то Покровского, конечно, не завидны; но и сам-то он, как человек, прескверный и в нашей корпорации едва терпимый; прегордый, заносчивый, грубый и дерзкий, крайне искательный и при этом не гнушающийся никакими средствами, сплетник, каких мало; человек весьма неблагодарный; и вот посмотрим, что он сделает, когда прочитает ваши рецензии. Пользуясь близостью к Знаменским, он по-
л. 15 старался всячески || поссорить их с Академией (тут очень помогала ему и достойная его супруга, — мещанка и баба-сплетница и совсем неразборчивая в средствах); покойная Антонина Мих[айловна] до того была зла на Академию, что и глаз в нее не казала и всех ругала дураками⁴⁴. И П[етр] Васильевич, вполне поддавшийся Покровским, теперь потерял уже почти всякую симпатию к своей Almae Matris. Этого мало. Как ученый и близкий к архиепископу Димитрию человек, Покровский и его успел вооружить против Академии, наговорив ему всякой всячины. Но довольно об этом. Поговорим об Академии.

Хвалиться состоянием нашей Академии под «глупым водительством» нашего ректора не приходится. Сей бурбон ухитрился вооружить против себя всю Академию — и профессоров, и студентов, — так что теперь, несмотря на партийность, все сходятся в одном общем желании: как можно скорее «проводить» куда-нибудь «ненавистного Алексия». Понимает это и сам он и ужасно тяготится своим положением, но что поделаешь, когда его никуда не берут! Несчастлива наша Академия от его дикого характера, но не счастливее будет и епархия, на какую он угодит. В самом деле, ведь груб он, как мужик, непостоянен, как ветер, бессовестен и бесчестен до невозможности. Старики-профессора совершенно уже отвернулись от него, молодые только ссорятся с ним и редкий Совет проходит без стычек и брани; студенты потеряли к нему всякое до-
л. 15 об. верие. Да, и действительно, || какое тут доверие может быть, когда он постоянно отрекается от своих слов и вынудил всех, кто его знает, во всем

Извлечения из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1907/08 уч. г. Киев, 1908. С. 177–190).

⁴⁴ Знаменская Антонина Михайловна († 14.02.1906) — супруга П. В. Знаменского (см.: Некролог // Казанский телеграф. 15 февраля 1906. № 3912).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

брать от него письменные документы. Да и это никогда не помогает. Ведь хватило же у него совести учинить на диспуте Дьяконова такую вещь: не читая, он пропустил к произнесению речь диспутанта, а когда эта речь оказалась слишком резкою и Совет потребовал по поводу ее объяснений от ректора, последний заявил, что он выпустил резкие места речи, а диспутант прочел их самовольно; на самом же деле ничего этого не было, а пробовал выйти сухим из воды; сам владыка отобрал речь у диспутанта после диспута, разметил ее, как ему было угодно⁴⁵. «Колокол»⁴⁶ был прав, как в этом случае, так и в истории «выражения сочувствия редакторам упраздненной «Ц[ерковно]-общ[ественной] жизни»⁴⁷, хотя наш владыка страха ради и отмежевался пред обер-прокурором Синода. Придирки и гонения за последнее время обрушились со стороны ректора и на инспекцию. Требования и распоряжения предъявляются просто невыносимые, а когда дело доходит до неприятностей, от всего отказывается. В Совете 1 июня он выступил даже с жалобой на инспекцию, что она распустила студентов (это в смутное-то время, когда начальство ничего не могло поделать не только в высших, но и в средних заведениях!..) и ничего ему не доносит. Пришлось с документами в руках и фактами доказывать несправедливость жалобы и заставить расхившегося владыку взять жалобу назад. Недавно повторилась такая же история в профессорской комнате: и тут пришлось уличать его во лжи и некорректности его действий его же документами и свидетельскими показаниями. Раз начались стычки и враждебные отношения у меня с этим бурбоном, сам понимаешь, каково теперь мое положение. Я терпелив, и действительно долго терпел всякие козни и оскорбления, но ведь и терпению бывает предел. Если не

⁴⁵ Дьяконов Константин Петрович (1876 — после 1924) — выпускник Ярославской ДС (1897) и КазДА (1901); по окончании академии преподавал в Хреновской церковно-учительской школе, затем в Казанской ДС. После революции преподавал в Казанском соединенном промышленном училище. В 1924 г. арестован и приговорен к трем годам лишения права проживания в 5 крупных городах.

Речь идет о защите К. П. Дьяконовым магистерской диссертации «Духовные школы в царствование императора Николая I» (Сергиев Посад, 1907), которая состоялась 20 декабря 1907 г.

⁴⁶ «Колокол» — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге (Петрограде) в 1905–1917 гг.

⁴⁷ «Церковно-общественная жизнь» — еженедельный журнал, издававшийся при КазДА в 1905–1907 гг. Редакцию составляли профессора академии: Л. И. Писарев, протоиерей А. В. Смирнов, М. А. Машанов, К. Г. Григорьев.

л. 14 а уберут скоро нашего ректора, думаю, лучше сложить с себя инспектуру, а то убьешь и последнее-то || здоровье. Боюсь только одного: попадет инспектура, вероятно, одному из либералов — противников дисциплины, и тогда прощай всякий порядок в Академии. Утешают меня и профессора, и студенты своим сочувствием, и это меня пока поддерживает. Впрочем, наш «Алексий» чинит неприятности не мне одному, и не одной Академии. Все духовенство в Казани просто ненавидит его. Оба викария⁴⁸ — особенно Андрей — не знают, как с ним жить: во всем им перечит и всячески унижает. Соблазн большой, когда ссорятся архиереи. А наш архиепископ серьезно заболел (воспалением) и едва ли встанет. Жаль старца!

Ну, пока прощай. Преданный тебе твой друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 7 от 12 марта 1909 г. Казань. Л. 16–17 об.

л. 16 Любезнейший и дорогой Алексей Афанасьевич! Накрепко-дружеский привет со днем твоего Ангела и задушевное пожелание здоровья, благополучия и всяких милостей от Бога шлем тебе я и Раиса Никандровна. Лавры да украшают тебя и в дальнейшем пути шествия твоего по обширному полю научной и церковно-общественной деятельности!..

А мне, смиренному и неключимому рабу, подобает, видимо, уже «малиться». Насколько радостно, бодряще и утешительно для меня было твое дружеское письмо «к 6-му декабря», настолько печально, скорбно несимпатично мое настоящее к тебе «именинное» послание. Прости, ради Бога, что под влиянием переживаемого унижения и подавленного настроения пишу и тебе мою «ламентацию». Ведь «у кого что болит, тот про то и говорит». Впрочем, ты, наверное, по дружескому мне сочувствию, немало также заинтересован моей судьбой, и теперь, когда там, в Питере пред твоими глазами треплют родную нашу Академию, и в частности твоего «старого приятеля», болеешь сердцем, недоумеваешь, как все сие могло случиться, и поняв дело, если бы представилась возможность, помог в беде. ||

⁴⁸ Кроме преосвященного ректора КазДА — епископа Чистопольского Алексия (Дородницына; 1905–1912) — викариями Казанской епархии в 1908 г. были: епископ Чебоксарский Михаил (Богданов; 1907–1914) и епископ Мамадышский Андрей (Ухтомский; 1907–1911).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

Не знаю в подлинности всего, что делается в Синоде относительно нашей Академии, — ни от кого не получал ни строчки, а другие члены нашей корпорации, осчастливленные доставлением сведений путем частных писем, таинственно молчат и лишь немного что открывают своим коллегам. Но в газетах уже «пронесли яко зло» имена некоторых профессоров, в том числе и меня, причем мне будто бы Синодом решено «поставить на вид неаккуратное исполнение прямых обязанностей относительно лекций». Вот уж чего я никак не ожидал! Мне бы очень хотелось знать мотивы такого постановления, представленные, конечно, ревизором преосв[ященным] Арсением⁴⁹. Лекций я не пропустил буквально ни одной за все время службы; работал и по языку, и по его литературе столько, сколько мог. Ревизор был у меня только на одной лекции, — по языку; и лекция, по моему собственному сознанию, была сказана с одушевлением и составлена по всем новейшим комментариям; на литературе почему-то он не счел нужным у меня быть. Откуда и чем быть недовольным моими лекциями? — решительно недоумеваю. Предполагаю одно: в заблуждение могла ввести ревизора представленная мною программа — та самая, которую я даю студентам для подготовки к экзаменам, она составлена по книге «Лекций Модестова»⁵⁰ в видах облегчения студентам подготовки, о чем мною и сказано было в примечании к представленной ревизору программе. Преосв[ященный] ревизор, конечно, мог подумать, что я по этой книге и читаю лекции, не имея своего собственного курса лекций и своей программы. Если это так, то приходится констатировать печальное и в высшей степени досадное недоразумение. А я || лично был введен в заблуждение — вместе с некоторыми и другими профессорами — нашим ректором, который на наш запрос: какие представлять программы ревизору? — пространные — конспективные, или короткие — ответил: «давайте те, которые представляются на экзамен и идут в Совет». Что теперь делать? Хотел было я писать преосв[ященному] Арсению, но счел неудобным, пот[ому] что не знаю, эта ли действительно указана им вина за мной, а потом едва ли было бы удобным делать ему запрос на основании только «газетных известий». Если же действительно мотив моей неаккуратности в лекци-

⁴⁹ Речь идет о ревизии КазДА, проведенной архиепископом Арсением (Стадницким).

⁵⁰ Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. СПб., 1888.

ях выставлен этот, то я готов в свое оправдание и для разъяснения дела представить не только свою собственную программу, но и самые лекции. А хотелось бы мне снять с себя выставленное против меня тяжкое обвинение и — не только в видах собственного личного успокоения, но и в интересах вообще академических; ведь сообрази, братец, каким соблазном должно быть это обвинение для студентов: тот, кто должен быть примером аккуратности в лекциях, обвиняется в нарушении «прямых обязанностей»!.. Конечно, авторитет будет в корне подорван. И ничего хорошего уже не жди. А ведь студенты только того и ждут, как бы на что-либо опереться в оправдании своих неаккуратностей. Вот о чем я теперь скорблю и тужу, опустив свою голову.

Не знаю, что ждет меня еще по части «инспекторской». Никто ничего не пишет... Хотя бы ты, А[лексей] Афанасьевич, по старой дружбе, черкнул мне, что тебе известно. Ведь ты теперь — у самого источника л. 17 об. синодских деяний и, конечно, осведомлен точно о || всех состоявшихся или предполагаемых постановлениях. Удели же мне несколько минут твоего драгоценного времени. Как ни благополучно сошла ревизия нашей Академии в воспитательном отношении, однако и в том отношении приходится ждать «только одних замечаний и выговоров». Если студенты выдержали себя за время ревизии, то ведь в счет будут нам поставлять лихие времена «освободительного движения» с отголосками их до последнего времени. Но тут уже приходится отвечать не за свою вину, а за время и обстоятельства, против которых не только инспекторская, но и всякая власть оказалась бессильной. Конечно, и тут нам будут «ставить на вид» и бездействие, и слабость, и снисходительность и проч., но справедливо ли — это другой вопрос. Чтобы иметь в этом отношении справедливые суждения, нужно было непременно быть свидетелями того, что происходило в академиях в годы «освободительного движения». Тогда приходилось заботиться лишь о том, чтобы самому остаться живым и Академию сберечь от полного закрытия, быть может, навсегда. И я лично, без преувеличения скажу, сделал все, чтобы достигнуть того и другого. Вот когда оказалась особая нужда в «терпении» и «осторожности». Богу одному известно, что только я тогда не вытерпел и от оголтевших студентов, и от профессоров-либералов, и однако ж не дал ни малейшего повода к обвинению меня в резких или несправедливых отношениях к кому-либо. Самую лучшею для меня наградой было

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

признание и со стороны студентов, и со стороны профессоров, что я «вынес на себе всю Академию». Теперь пусть судят меня, как хотят, а я останусь навсегда при своем глубоком убеждении, что сделал для своей Академии все, что только мог, если же что допустил с теперешней точки зрения «незаконное», то уступая лишь силе времени и обстоятельств. Не удивлюсь, если и буду осужден: после войны ведь легче судить героев, чем в то время, когда они грудь свою подставляют под пули... Может быть, «поставят на вид» || некоторые и теперешние недочеты у студентов, но ведь угар проходит не скоро, — отголоски «освободительного угара», конечно, есть и сейчас, но уже слабые и — Бог даст! — скоро исчезнут, особенно если высшая власть твердо поведет дело оздоровления Академий и поддержит нас в урегулировании академической жизни. л. 16

Но довольно. Всего не напишешь. Надобно говорить долго. Приезжай, друг, летом к нам в Казань, и тогда наговоримся досыта. А теперь до свидания.

Глубоко преданный тебе твой старый друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 8 [Пасха 1909 г.; между 29 марта и 6 мая] Казань. Л. 56–57 об.

Любезнейший и дорогой друг, Алексей Афанасьевич! л. 56
Взаимно приветствую тебя со Светлым Христовым праздником и от всего любящего сердца желаю тебе нескончаемых светлых радостей в твоей жизни и плодотворной деятельности.

Не знаю, как тебя благодарить за твою любезность — скорое утешение в постигшей меня неудаче. Благодаря точному сообщению нужных мне сведений по ревизорскому отчету, я уже теперь не в темном лесу, а представляю все дело с достаточной ясностью. Синодское постановление (если оно действительно состоялось) касательно || замечания л. 56 об. мне по поводу «неаккуратного исполнения мною прямых обязанностей», очевидно, имеет в виду мои «инспекторские» обязанности, а не профессорские, ибо в отношении к последним, как видно, ревизор ограничился выражением лишь своего взгляда на дело постановки древних языков в Академии вообще, — взгляда отнюдь не обязательного, пока не будет изменено положение дел в Академии высшей властью; теперь же как, напр., я могу совсем не читать истории римской литературы, а заниматься только чтением со студентами святоотеческих творений, когда

мне при поступлении на кафедру лат[инского] языка дана программа л. 57 совсем другого рода? При том мнение ревизора еще подлежит || оспариванию, ибо кто бы с ним согласился из людей, специально занимающихся классическими языками? Допустить его — значит, обречь наших студентов почти на полное невежество в языкознании. Разве можно понимать язык, не имея понятия об его литературе? И разве можно читать правильно свв. отцов, не искусившись в чтении классических писателей? Потом откуда это взял ревизор, что я читаю две лекции недельных по литературе и одну — по языку? Ведь ему только было сказано, что я читаю на двух курсах по одной лекции на каждом из них по литературе и по одной — по языку. Напрасно он, побывав у меня только на одной лекции по языку, совсем не поинтересовался лекциями по литературе; тогда бы он увидел, в чем дело, а также убедился бы в том, какого сорта л. 57 об. лекции читаются || по литературе и как они необходимы для уяснения самого языка, представляющего столько различий у разных классических писателей. Ну да об этом что теперь толковать? Остается только жалеть по поводу слишком поверхностного отношения ревизора к моему предмету и лекциям. Как бы то ни было, Синод, я полагаю, едва ли на основании высказанного ревизором личного сомнения мог заключить о «неаккуратном исполнении мною прямых обязанностей» по профессуре. Очевидно, замечание его относится к инспектуре. Но и здесь уже ли мои прямые обязанности заключаются только в том, чтобы я стоял за богослужениями со студентами (2-е замечание ревизора о несоответствии будто бы записей в журнале с действительностью — простое недоразумение, разъясненное нами ему на месте?). Потом, зачем ему понадобилось переиначивать мои объяснения по этому вопросу? Ведь я говорил ему, что почитаю «неудобным» стоять за богослужением со студентами потому, что служу каждый праздник и воскресенье и, следовательно, должен готовиться к служению. Какое же может быть приготовление к служению Литургии среди студентов, постоянно то приходящих, то уходящих, притом требующих внимательного наблюдения и сведений об отсутствующих в церкви и т. п.? Да и педагогически, коли студенты будут отлично знать, в чем проходит у инспектора в церкви приготовление к службе?.. Нет, не на это следовало бы обратить ревизору внимание, а на нечто другое — более серьезное. Ему следовало бы расследовать, какие меры я принимаю к упорядочению студентов || в раз- л. 56

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ных отношениях? И вот тут-то он бы узнал, что я обо всем докладывал ректору и просил его прибегнуть к тем или другим мерам. А наш ректор не хотел пальцем двинуть, напротив, от трусости перед студентами постоянно уступал им и был всегда крайне неустойчив и непостоянен. Да что о нем говорить, когда он ни разу не бывал у студентов в номерах, в столовой и т. п.? Теперь же, очевидно, все свалил на меня и нажаловался на меня ревизору, а сей, не разобравшись, признал меня «небрежным»! Ведь это же ни на что не похоже. Ну, об этом еще поговорим с тобой, а говорить тут нужно много и долго. А теперь это не совсем к месту.

В июне, вероятно, будешь ты дома. Если Раиса Никандровна и поедет жить на дачу, то недалеко от Казани. Милости просим к нам — будем рады видеть тебя с твоею «благоверной» у себя. За книги благодарю. Посланное тобою раздал по назначению.

Пока довольно. До крайности недосуг — писал второпях, прости. Преданный тебе твой друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 9 от 14 сентября 1909 г. Казань. Л. 18–19 об.

Любезнейший и дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 18

Позволь, прежде всего, принести тебе и дражайшей твоей половине — очаровательнейшей Анастасии Ивановне — глубочайшую благодарность за любезное поздравление моей «благоверной» 5-го сентября⁵¹. Хотелось тотчас же послать вам ответную телеграмму, но, ввиду твердого намерения в скором времени писать тебе письмо, я отложил исполнение своего желания. Между тем дела, и дела неотложные, день за день отвлекали меня от письма, и я только сейчас взялся за перо, чтобы написать тебе.

Возвращаясь к моменту прощания с вами у нас. Да, ты был прав в том, что на пристани я уже вас || не застаю и увижу только дымок пара- л. 18 об. хода: я приехал на пристань, когда только что отвалил «Любимовский», на котором вы, без сомнения, уехали. Но ведь вы хотели ехать на «Меркурьевском», а он пришел лишь ½ часа спустя после вашего отбытия⁵².

⁵¹ Память святой мученицы Ираиды (Раисы) Александрийской († ок. 308 г.), празднуемая 5/18 сентября.

⁵² Пароходство Любимовых, основанное пермским коммерсантом И. Ф. Любимовым (1806–1864), развитое его сыном И. И. Любимовым (1838–1899), а после его кончины — его наследниками.

Пароходное общество «Кавказ и Меркурий», образованное в 1858 г. по инициативе

Значит, и я был прав в моем соображении заставить вас, еще раз взглянуть на вас и потом уже проститься. Вся вина в твоей торопливости и беспокойстве и недоверчивости к уверениям других. Твоя супруга оказалась спокойнее и в данном случае корректнее тебя. Не знаем, что с вами было дальше, — как вы путешествовали до Москвы, каковы были проводы в Тироль, как и долго ли продолжалось твое «соломенное вдовство», и т. д. Только от Егорова вместе с поклоном от тебя я получил сведения о твоем возвращении в Петербург. Бедняга Егоров и по сие время без места⁵³.

л. 19 Не знаю, || поступит ли по моей рекомендации преподавателем в Епархиальное Елабужское женское училище?

Мы, возвратившись с дачи 11-го августа, окунулись в свою обычную трудовую жизнь. Раиса Ник[андровна] возится со своей «воскресной школой», записалась на женские курсы, работает в разных «бедных» приютах и т. п.; а богословские курсы опять-таки не открыты. Наш ректор решительно воспротивился и не дозволил профессорам читать на курсах лекции; дело сдано архиепископом в комиссию, а эта, по всей вероятности, похоронит еще не родившиеся курсы. Впрочем, некая искра надежды еще есть: только уберут куда-нибудь нашего бурсака, и тогда профессора вздохнут свободнее. Слухи идут из Петербурга, что наш Алексей — первый кандидат на имеющую открыться кафедру; уже готов и проект передвижения: Новгородский Гурий — на покой, на его место — Антоний Волинский, на Волян — Николай Варшавский, в Варшаву — Арсений Псковский, а в Псков — Алексей Чистопольский⁵⁴; не

Н. А. Новосельского путем слияния волжского речного общества «Меркурий» и каспийского морского «Кавказ».

⁵³ Егоров Николай Андреевич — выпускник Курской ДС (1894) и КазДА (1898; XXXIX курс).

⁵⁴ Гурий (Охотин Николай Васильевич; 1828–1912), архиепископ Новгородский и Старорусский (1900–1910), с 1910 г. на покое.

Антоний (Храповицкий), епископ Волинский и Житомирский (1902–1914), с 1906 г. архиепископ; с 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский, с 1917 г. митрополит; с 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий; с 1921 г. в эмиграции, возглавлял Русскую Православную Церковь Заграницей.

Николай (Зиоров Михаил Захарович; 1851–1915), архиепископ Варшавский и Привисленский (1908–1915).

Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 1862–1936), епископ Псковский и Порховский (1903–1910), с 1907 г. архиепископ; с 1910 г. архиепископ Новгородский и Старорусский, с 1917 г. митрополит; с 1933 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

приискав только еще никого на место ректора нашей Академии (за назначением Феодора — в Московскую⁵⁵). Есть ли тут какая-нибудь доля правды — тебе больше известно, чем нам — казанцам. ||

Начавшийся учебный год всем в Академии дал довольно работы: у л. 19 об. большинства профессоров прибавилось лекций, при усилении контроля со стороны начальства; о студентах и говорить нечего: заставили и на лекции ходить, и сочинения писать, и дисциплину соблюдать. И, слава Богу, пока дело налаживается и идет спокойно и в порядке. Синодальный указ возымел свое действие, — заставил всех стать на свое место и работать⁵⁶. Инспекции, конечно, достается трудненько, но что же делать? Мы уже безропотно несем свое иго, только бы Бог благословил дело наше успехом и водворил в Академии безмятежие, мир и благочестие. Порядки, при поддержке свыше, вводить можно, только нужна бдительность и настойчивость. «Три изгнанника» — профессора подчинились приказу беспрекословно (впрочем, Благовидов и Потехин ездили в Петербург хлопотать и, конечно, ничего не выехали)⁵⁷. Теперь дано движение делу о их пенсиях: на днях появится ходатайство о назначении им полных пенсий, но не знаем, дадут ли, ввиду нехватки у них нескольких месяцев службы. Лекции их поделены между наличными профессорами, причем лекции по русской гражд[анской] истории взялся читать Покровский, — и это тот самый, который не имеет порядочных лекций по своей-то церковной истории и который никогда не слышал русской гражд[анской] истории, так как был студентом словесной группы. Мало того, ему дозволено читать вместо 4-х 3 лекции и к экзамену давать студентам не свои лекции, а готовые книги. Вот что значит быть рецензентом «докторской» ректора!..

⁵⁵ Феодор (Поздеевский Александр Васильевич; 1876–1937) — выпускник КазДА (1902), назначенный 19 августа 1909 г. ректором МДА, а 21 августа — епископом Волоколамским, викарием Московской митрополии.

⁵⁶ Указ Святейшего Синода от 18 июня 1909 г., предписывавший Советам духовных академий ряд мер по улучшению организационной, учебной и воспитательной деятельности (см.: Журналы заседаний Совета МДА за 1909 г. Сергиев Посад, 1910. С. 219–230).

⁵⁷ Указом Синода от 18 июня 1909 г. ряду профессоров духовных академий, получивших по тем или иным причинам неблагоприятные отзывы в отчетах ревизоров, было предложено в месячный срок подать прошения об увольнении от службы. Из КазДА в этот список вошли ординарный профессор Ф. В. Благовидов и экстраординарные профессора священник Иоанн Попов и А. Н. Потехин.

Не менее незаконны действия нашего ректора по отношению к другому его рецензенту — Н. И. Ивановскому. Указом Св[ятейшего] Синода Ивановскому и Богословскому, как прослужившим свыше 30 лет, воспрещено далее состоять членами Правления. Невзирая на это, наш || л. 18 ректор — тот самый, который раньше постоянно твердил о незаконном занятии членства в Правлении Ивановским и который, вероятно, сообщил об том ревизору, — сначала единолично, а потом настоял и в Совете возбудить ходатайство об оставлении Иван[овско]го и Бог[ослов]ского членами Правления хотя до 1 янв[аря] 1910 г. А в других случаях он настаивает ни на йоту не отступать от Устава и указов. Что же Совет? — конечно, молчит пред грозным и властным владыкой.

Но пока довольно! Буду ждать от тебя письма с новостями. А теперь прости! Нижайший поклон и глубокая благодарность тебе и любезнейшей Анастасии Ив[ановне] от Раисы Никандровны и от меня.

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

№ 10 от 12 января 1910 г. Казань. Л. 20–21 об.

л. 20 Дорогой и любезнейший Алексей Афанасьевич!
Думаю, что ты уже достиг и обитаешь во св. граде Иерусалиме. Посему пишу тебе туда, пишу не скоро, так как, по словам Ив. Ив. Спасского (?), ты по пути на Восток хотел кое-где остановиться и погостить. Прежде чем приступить к делу, хочу несколько пред тобой оправдаться в моем молчании в течение ноября, когда я всеми силами порывался написать тебе по поводу кончины А. В. Попова⁵⁸. Я был введен в заблуждение письмом Жузе (вероятно, тебе известного нашего практиканта арабского языка)⁵⁹, который в то время из Иерусалима написал мне, что тебя ждут на Востоке в качестве грозного ревизора в половине ноября; я и вообразил, что тебя в Петербурге числа с 10-го ноября уже нет. Только Ив. Ив. Спасский вывел меня из заблуждения⁶⁰, и я собрался было на-

⁵⁸ А. В. Попов скончался 9 ноября 1909 г.

⁵⁹ Жузе Пантелеимон Крестович (1870–1942) — араб по происхождению, присланный из Сирии в Россию для получения богословского образования; окончил три курса в МДА (1895), выпускник КазДА (1896); практикант при кафедре арабского языка и истории и обличения магометанства.

⁶⁰ Спасский Иван Иванович — выпускник КазДА (1886); деятель ИППО, после революции остался в Палестине, в 1926 г. переехал в Америку.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

писать тебе, но подумавши: о чем буду писать и зачем, когда к тебе из Казани ехал Спасский, заручившийся сведениями по всем частям и, в частности, об обстоятельствах смерти А. В. Попова? — я отложил свое намерение до первого удобного случая. 8-го декабря получил я твое поздравительное письмо, за которое приношу тебе глубокую благодарность и, узнав о твоем скором отъезде из || Петербурга, решил уже л. 20 об. писать письмо на Восток. Итак, оставь свои претензии на меня, если таковые у тебя, по словам Спасского, были.

Теперь к делу. Ты просил меня написать тебе поподробнее об А. В. Попове? Постараюсь сообщить тебе все, что мне известно.

Из Анапы А[лексей] В[асильевич] вернулся в самом конце сентября, несколько поправившись, но ненадолго. Чтение лекций — да еще с прибавкой одной новой — скоро его утомило, и он в половине октября заболел весьма уже серьезно: 14 октября, когда он, после 2-х лекций и с именин о. Н. А. Сердобольского⁶¹, вернулся домой, с ним случился сердечный припадок, осложнившийся еще грудной жабой, — тут он едва не умер. Кое-как бедного отходили. И в Анапе, и в Казани ему советовали оставить службу; но он не соглашался подавать в отставку из опасения лишиться полной пенсии. Даже после ужасного припадка, когда его уверяли и даже показывали письмо митроп[олита] Антония с обещанием исходатайствования полной пенсии, больной не решался подать прошение, а лишь на всякий случай дал на белом листе свою подпись и плакал, когда ему кто-либо говорил об отставке (так ему хотелось еще жить и служить!..) Однако ж в виду скорой катастрофы без его ведома белый лист был заполнен прошением об отставке, которое 5-го ноября заслушано в Совете, и начато дело о пенсии. Но пока врачебное отделение собиралось освидетельствовать больного, он 9-го ноября в || 3 ч. утра скончался в ужасных мучениях и со страшным криком. Нуж- л. 21 но заметить, что болезнь А[лексея] В[асильевича], сопровождавшаяся страшными болями и страданиями, сильно измучила и истерзала всю его семью, не знавшую покоя 3 недели ни днем, ни ночью; поэтому со смертью его и жена, и дети его почувствовали себя как-то легче и спо-

⁶¹ Сердобольский Николай Александрович (1856 — после 1918), протоиерей — выпускник Казанской ДС (1878) и КазДА (1881; XXIII курс; вышел после 3 курса в звании действительного студента). Служил священником в казанском Варваринском храме (1885–1918). Именины 14 октября (27 октября по н. ст.) — память преподобного Николы Святоши, князя Черниговского, Печерского чудотворца, в Ближних пещерах (1143 г.).

койнее. Утром 9-го ноября, в похмелье после своего праздника, все профессора и студенты поражены были известием о смерти А[лексея] В[асильевича], хотя и не неожиданным. Сочувствие к почившему было общее и весьма большое. Начались, конечно, хлопоты, молитвы и приготовления к погребению усопшего; все старались чем-либо помочь и выразить свое сочувствие осиротевшей семье. И на дому, и в церкви, и на кладбище, — везде видно было у всех неподдельное и теплое участие в почившем. Погребение было торжественное. Наговорено было немало речей, и профессорами (впрочем, только двумя — Царевским и Никольским⁶²), и студентами. Замечательно при этом, что А[лексея] В[асильевича] был охарактеризован и расхвален почти исключительно, как добрый, отзывчивый, прекрасный и глубокий человек, но весьма мало было сказано о нем, как ученом, и о его ученой и профессорской деятельности: очевидно, затруднились найти и указать особенные заслуги и характерные черты в этой его деятельности. Это затруднение уже со всею ясностью обнаружилось, когда зашла речь о составлении некролога А[лексея] В[асильевича]. Из профессоров никто не взялся писать его, прямо заявляя, что об А[лексее] В[асильевиче], как о человеке, писать легко, но как о профессоре — весьма трудно; можно, конечно, кое-что написать об его || литературных трудах, но о профессуре ровно ничего не могут сказать даже ближайшие слушатели его лекций по теории словесности и истории иностранных литератур, не говоря уже о педагогике и пастырском богословии. Да и сам почивший А[лексея] В[асильевича] не раз, будто бы, признавался, что по теории словесности он может еще кое-что сделать, но по другой науке — ничего; читал же он — кого ни спросить, все время только «о прекрасном». Между тем, материала, по словам его приближенных, у него собраны целые вороха; видимо, он собирался еще немало работать для своей науки, но увы! — смерть помешала... Средств после себя А[лексея] В[асильевича] не оставил ровно никаких. Говоря просто — нечем было ему и похорониться;

⁶² Царевский Алексей Александрович (1855 — после 1925) — выпускник (1878) и профессор КазДА по кафедре русского языка и словесности; доктор богословия (1899). Никольский Николай Васильевич (1878–1961) — выпускник КазДА (1903), преподаватель чувашского языка, истории и этнографии чувашей на миссионерских курсах при академии (чуваш по происхождению). В дальнейшем профессор Казанского университета, Восточного педагогического института, Марийского педагогического института, доктор исторических наук, этнограф.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

мало того — у некоторых членов его семьи не оказалось даже достаточного теплого платья и обуви. Профессорская корпорация пришла на помощь, выдав бедной вдове пособие из Мих[аило]-Архангельского попечительства 100 р. И устроил подписку на 100 р., да П. В. Знаменский дал 50 р. Теперь идет дело о пенсии: хлопчем о полной в 3000 р. (за 30 лет службы, хотя 3-х лет не хватает), но неизвестно пока — дадут ли. Положение сирот вообще незавидное: старшая дочка — Александра, хотя и просватана за ныне окончившего у нас курс, но жених едва ли уже не впопятную, — писать пишет, но в Казань из Харькова не едет, несмотря на вызовы О[льги] Ивановны. Невеста серьезно расхворалась и, по уверению врачей, ее сильное нервное расстройство может пройти лишь при условии благополучного исхода брачного дела, в противном случае грозит смертельная опасность. Другая дочка, испросив у умиравшего отца благословение на монашество, собралась в монастырь; сын — Кирилл, студ[ент] университета, болеет ревматизмом и, кажется, должен еще на год остаться в университете. Вот все, что могу сообщить тебе о Попове.

Других новостей у нас пока, кажется, нет. И. Ст. Бердников привез нам, кажется, все, что только делалось в Комиссии и Подкомиссии по составлению Устава⁶³. Теперь мы услаждаемся чтением этих работ. Конечно, и теперь || отчасти можно судить о предстоящей реформе в л. 20 Академии, но окончательно и определенно можно будет говорить лишь после синодальных определений, о коих сейчас нам еще неизвестно. Наш ректор 6-го января уехал в Петербург на совещание по вопросу о положении мусульманства в Приволжье.

От души желаю тебе успехов в трудном и ответственном деле ревизии. Раиса Никандровна тебе низко кланяется. Наш нижайший поклон очаровательной и незабвенной Анастасии Ивановне. Часто и с удовольствием вспоминаем о вас.

Твой искренний друг и почитатель протоиерей Н. Виноградов.

⁶³ Речь идет о работе Комиссии по составлению нового Устава духовных академий, созданной в Петербурге по указу императора от 3 марта 1909 г. и работавшей, с перерывом на летние каникулы, на протяжении всего 1909 г. В состав комиссии было вызвано по одному представителю от каждой академии, от КазДА — И. С. Бердников.

№ 11 [весна 1910 г.] Казань. Л. 50–51 об.

л. 50 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Пишу тебе это письмо на авось: найдет оно тебя на Востоке или нет — не знаю. Ждал, ждал от тебя ответного письма на мое письмо, отправленное тебе в январе, но так и не дождался. Одно из двух: или ты не получил того письма, или у тебя так много ревизорских дел, что не остается и ничуть времени на беседу с друзьями. Пред днем твоего Ангела я страшно колебался — писать или не писать тебе «традиционное» письмо, и решил не писать, ибо вернее всего, что оно тебя не найдет и, следовательно, поздравление с разными «благожеланиями» останется втуне. Да и дел срочных и неотложных было по горло, так что если прежде сидел до 3-х часов ночи, то в последнее время досиживаюсь очень часто до 5-ти часов утра. Теперь, сваливши с плеч хотя часть этих дел и получив маленькое облегчение, спешу черкнуть тебе хотя уже после твоих именин, чтобы поделиться с тобой своими академическими новостями и тебя вызвать хотя на короткое письмо. Если это письмо получишь к Пасхе, то прими от нас сердечный привет со Светлым Христовым Воскресеньем. ||

л. 50 об. Январь ознаменовался в нашей «*almae matris*» небывалым событием, случившимся совершенно *ex abrupto*: студенты наши, решительно без всякого вызова со стороны начальства, демонстративно не ходили на обеды и ужины 3 дня, предъявив чисто мальчишеские требования частью дисциплинарного, частью экономического свойства: 1) чтобы их не будили по утрам на молитвы (инспектор и помощники его не ходили бы по спальням); 2) чтобы их по ночам не стесняли записями для отлучек из Академии и чтобы инспектор не встречал сам поздно ночью возвращающихся в Академию; 3) чтобы вечерняя молитва совершалась не в столовой (где они д[олжны] были присутствовать все), а в церкви (куда можно было ходить и не всем); 4) выдавать к вечернему чаю по порции белого хлеба; 5) дозволить пить чай во всякое время и для того кипятить куб с утра 7 ч. и до 12 ч. ночи; 6) вместо платья казенного выдавать на руки деньги; 7) удалить эконома, и т. п. Это случилось в отсутствии ректора, который уезжал на весь январь в Петербург для участия в совещательной комиссии при Министерстве внутренних дел по вопросу о приволжских инородцах. Студенческие требования встретили со стороны начальства, конечно, решительный отказ. Приняты были всевозможные л. 51 меры к прекращению беспорядка и со стороны Правления, и со || сторо-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ны Совета и архиепископа, и наши мятежники смирились, давши собственноручные подписи в том, что приносят искреннее раскаяние в своем поступке и впредь обязуются беспрекословно подчиняться правилам Академии и распоряжениям начальства. О совершившихся событиях, конечно, было донесено в Синод, откуда пока еще не получено никаких по этому делу распоряжений. Думаю, судить меня не будут за то, что согласно последнему синодальному указу, я всячески старался водворять и поддерживать порядок в Академии и поблажек студентам не допускаю, хотя делаю это сдержанно и не круто. А студентам не мешало бы сделать острастку, дабы впредь неповадно было им прибегать к голодовкам и забастовкам. Напрасно архиепископ пошел на некоторые компромиссы и сделал распоряжение о выдаче (даже в его счет) студентам белого хлеба к вечернему чаю и о перенесении вечерней молитвы из столовой. Теперь они воображают, что все-таки кое-чего добились. Впрочем, в других отношениях в результате голодовки явилось больше строгостей и ограничений, хотя наш ректор, по приезде из Петербурга, к нашему общему удивлению, стал гораздо слабее и снисходительнее к разным неисправностям студентов и в учебном, и в дисциплинарном отношении. Вот тут и служи. Видимо, наш владыка ждет себе какой-нибудь кафедры. Очень уж торопил рецензию своей «докторской», потом, когда дело его прошло благополучно в Совете, еще скорее поспешил представлением || его л. 51 об. в Синод. С другой стороны. Идут вести, что еще посидит наш ректор на своем посту, ибо теперь в Синоде нет его протезе — Волынского Антония. Да последний теперь, говорят, в Синоде потерял всякое значение и доверие. Причина тому — его давешний лживый отчет о Киевской Академии, который — как, наверное, тебе уже известно, киевские профессора в своей печатной отповеди разделали так, что от него не осталось почти ничего⁶⁴. Пытается теперь он защищаться в газетках, но ничего, кроме пустой болтовни, у него не выходит. Очевидно, налетел со сво-

⁶⁴ Речь идет о ревизии, проведенной архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) в КДА весной 1908 г. Критический отчет о ревизии, опубликованный преосвященным Антонием, и ответ на него корпорации КДА см.: *Антоний [(Храповицкий)]*, архиеп. Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909; Правда о Киевской духовной академии: Вынужденный ответ на изданную архиепископом Волынским Антонием брошюру «Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года». Киев, 1910.

им «пресловутым отчетом». Удивительно, как он любит лгать и чернить всех, кто почему-либо не нравится. От И. Ст. Бердникова мне удалось узнать, что Волынский архипастырь позволил себе проехаться и на мой счет, — даже в заседании Синода, а так как действительных обвинений у него не оказалось, он прибег к клевете, извращению фактов и даже измышлению. Вот уже действительно следовало бы повесить на одной веревке с нашим «Алексием», тоже удивительным лгуном и клеветником.

Что мне тебе написать? Нового в нашей Академии особенного ничего нет. Все живы и здоровы. Ольга Ив[ановна] Попова получила полную пенсию. Как ни крепилась, но все же в конце концов оказалась сильно расстроенной. Расстройство выражается недовольством всем и всеми. Этим только и можно объяснить то, что она, вопреки общему желанию, не позволила печатать приготовленного некролога А. В. Попова, обидевшись, что в нем А[лексей] Васильевич представлен не тем, чем был, и что об его ученой и профессорской деятельности сказано мало и совсем не то. Пришлось редактору «Собеседника» ограничиться коротенькой записочкой о А[лексее] В[асильевиче] и лишь напечатать одни «слова» и «речи» при его погребении⁶⁵. ||

л. 50 О новом Уставе Академий известно нам лишь то, что он уже поставлен в Синоде (с большими изменениями сравнительно с проектом комиссии) и теперь представляется на Высочайшее рассмотрение. Впрочем, тебе об этом, наверное, кто-нибудь уже написал из Петербурга подробно.

Пока довольно. Супруга моя тебе низко кланяется. А где твоя благоверная? Если с тобой, то шлем ей мы оба по нижайшему поклону, храня о ней самые лучшие и приятные воспоминания.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 12 [весна 1910 г.] Казань. Л. 52–53 об.

л. 52 Дорогой друг, Алексей Афанасьевич!
Ты окончательно удивляешь меня своей молчаливостью. Три письма я послал тебе (одно в Петербург и два в Иерусалим), а от тебя получил только одно обычное — именинное к 6-му декабря. Что с тобой? Ужели твоя грозная ревизия поглощала у тебя все время — до минуты? Ужели

⁶⁵ См.: Профессор Алексей Васильевич Попов († 9 ноября 1909 г.) // ПС. 1910. Т. I. С. 523–550.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ты и сейчас так занят, что «отчетом» или др. делами, что у тебя нет и 10 минут черкнуть мне что-нибудь из новостей последних дней в синодальных сферах? А мы — провинциалы — теперь очень и очень интересуемся разными «движениями» и «решениями». В частности, и я, неключимый раб, глубоко заинтересован не только обще-академическими делами, но и своими личными, находящимися на рассмотрении Синода.

Новоиспеченный Устав, как тебе, конечно, уже хорошо известно, сильно всколыхнул все Академии, особенно же нашу в отношении к составу профессоров: все старики могут оставаться на службе только на один год, а потом и из Академии вон. Этот неожиданный параграф Устава страшно обидел наших «заслуженных» старцев и заставил || их крепко л. 52 об. подумать над тем, как бы продлить действительную их службу еще годика на 3. Комиссия, работавшая над вопросом о замещении кафедр по новому Уставу, выработала и представила в Совет проект, по которому введение Устава в нашей Академии в данном отношении потребует времени *minimum* 3 года, если не допускать весьма чувствительных ущербов и в научном, и в практическом отношениях: 13 кафедр, действительно, в один или два года заместить достойными кандидатами — особенно из последних 5–6 выпусков — не легко. Советом принят и уже давно в Синод отправлен этот проект, но какова его судьба — нам пока ничего не известно, и мы продолжаем волноваться.

Твой покорнейший слуга и почитатель тоже не считает себя вне опасности скоро очутиться за бортом: 18-го августа и мне исполнится 30 лет службы, и я так же должен искать себе преемника, а сам через год убираться из Академии. Что же делать? Вне велений Устава не будешь: уйду, ничтоже вопреки глаголя. Но нельзя не выразить своего крайнего сожаления и нельзя не принимать никаких мер к устройению своей будущей судьбы, благо есть люди, которые не отказываются посодействовать ее благоустройению. Вот когда, друг мой, приходится особенно жалеть о том, что я не торопился со соей «докторской», увлекшись инспекторством и отдавши этой службе решительно все время, остававшееся от лекций, я все откладывал окончание «докторской», надеясь еще послужить несколько годков если не инспектором, то профессором, чтобы все-таки || уйти л. 53 со службы «ординарным». Теперь же — увы! — совершенно неожиданно подкативший Устав застал меня врасплох, и я должен уходить «э[кстра]-ординарным». 30 лет профессорской и 16 инспекторской — и за все это

пенсия «э[кстра]-ординарного»!.. Не досадно ли и не обидно ли? Наши прошлогодние изгнанники, не прослужившие и 25 лет, получили полные пенсии (Потехин — даже за 20 лет!), а я, старый служака, переживший военное положение и не раз бывавший в отчаянном бою за спасение чести, и теперь должен уходить с пенсией э[кстра]-ординарного!.. Правда, я еще далеко не инвалид и могу служить где угодно. Но куда пойдешь? Ведь не в приходские же священники, а более у нас в Казани мест нет! Вот так положение!.. Входя в мое положение и всячески стараясь его облегчить, мои добрые сослуживцы — поголовно весь Совет — решил войти чрез нашего владыку в Синод с ходатайством о возведении меня в и. д. ординарного, в тех, конечно, видах, чтобы при уходе моем со службы мне дали пенсию ординарного. Не знаю, будет ли иметь успех это представление, давно уже посланное в Синод. Если да, то это будет для меня большим утешением. Тормоза, по-видимому, не предвидится ни в одной инстанции; даже мой всегдашний недоброжелатель — наш ректор — и тот с такой готовностью принялся за это дело, хотя немало и подпакостил в самой форме представления: написанное большой группой профессоров и составленное л. 53 об. весьма сильно и горячо, заявление ему не понравилось, — очевидно || потому, что выставляемые все мои заслуги по инспекторству шли вразрез с его прежними рекомендациями обо мне и ревизору Арсению, и Антонию Волынскому, и еще кое-кому в Синоде, — и он насильно изменил заявление профессоров, значительно его смягчив и урезав. Архиепископ наш отнесся ко мне с полным сочувствием, в Синоде, кажется, также теперь нет у меня врагов (вроде Антония Волынского). Жаль, очень жаль только, что митроп[олит] Антоний отсутствует и не может оказать свое высокое содействие. Но на все воля Божия: буду ожидать себе милость. А тебя усерднейше попрошу в данном случае тоже сделать для меня, елико возможно. Как? — Это уж ты сам лучше меня сообразишь. Больше мне обратиться совсем не к кому, а момент, как ты видишь, критический. Другой вопрос, касающийся тоже моего положения и в Казани не разрешимый никем. Как профессор, с исполнением 30-летия я остаюсь, по решению Совета, на год, но о службе инспектора в Уставе нет ни слова (ни в старом, ни в новом). Спрашивается: могу ли я далее оставаться инспектором или одновременно должен уходить и из инспекторов? По-видимому, с прекращением штатной профессорской службы д[олжна] кончаться и инспекторская служба. Но у нас рассуждают иначе: раз инспекторская

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

служба, по Уставу, бессрочная, значит нет оснований меня удалять с нее, и она, как нештатная, не препятствует получению пенсии; все дело теперь в том, что по новому Уставу, мне придется читать не 4, а только 2 лекции, и по одному из богословских предметов. Где правда? — решительно недоумеваю. А потому опять решаюсь просить тебя, Ал[ексей] Аф[анасьевич], не найдешь ли возможности поговорить с кем-нибудь в Синоде по этому недоуменному вопросу и хотя коротенько черкнуть мне. Ведь для меня этот вопрос существенно важный, и я после ваката должен буду располагать собой непременно сообразно с тем или иным решением именно этого вопроса. Общее желание || нашей Академии, не исключая даже и л. 52 ректора, то, чтобы я непременно остался инспектором хотя на этот год — ввиду введения нового Устава; и я готов еще поработать для родной, и как бы трудно мне не было. Но дело не от нас зависит, а от воззрений на него высшей власти. Я давно уже запрашивал об этом письмом митроп[олита] Антония, но, очевидно, по оказии он ответа дать не мог.

Пока довольно. Жду твоего ответа. И от Раисы Никандровны и от меня нижайший поклон тебе и незабвенной Анастасии Ивановне.

Любящий тебя протоиерей Н. Виноградов.

№ 13 [конец июля — начало августа 1910 г.] Казань. Л. 54–55 об.

Любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 54

Сто раз тебе спасибо за твое дружеское опасение обо мне и за твое интереснейшее письмо. Еще прежде твоего письма полученный нами указ от 21 июля возвестил нам об отказе в ходатайстве обо мне академического Совета. Значит, когда уже состоялось определение Синода, никакие хлопоты делу помочь не могли, и я совершенно напрасно утруждал тебя своею запоздалою (где я только не запаздывал, сколько раз терпел из-за своего кунктаторства⁶⁶!) просьбою: извини, пожалуйста. Однако ж отказ Синода поразил не только меня, но и всех в Академии: все || были л. 54 об. почти уверены в успехе ходатайства, и вдруг... Теряемся в объяснениях печальному исходу дела... Никто не может мириться с указанием на 66-й пар[аграф] нового Устава⁶⁷, ибо еще не настало время действия это-

⁶⁶ От латинского глагола *cunctare* — медлить: *cunctator* — «медлитель».

⁶⁷ Согласно § 66 Устава духовных академий 1910 г. профессора академий должны иметь ученую степень доктора богословских наук; Устав же 1884 г. позволял преподавателей небогословских наук в академии, имеющих степень магистра богословия, определять

го Устава (он войдет в силу только с 15 авг[уста]); было бы правильнее указать на старый Устав, но и — вернее — указ, коим отменялось примечание, позволявшее преподавателей светских наук возводить в и. д. ординарного хотя бы и со степенью магистра, но ведь действие этого указа на практике допускало исключения, на которые и было указано в представлении Совета. Что же? Значит, исключения эти для одних (прослуживших инспекторами 2–3 года) допустимы, для других же (прослуживших 15–16 лет) нет?!.. Где же правда в «Святейшем» Синоде? Или, быть может, дело объясняется простой случайностью: не случилось меж-
л. 55 ду членами Синода ни одного, знающего || меня и мою службу; но ведь представление целого учреждения, на глазах коего прошла моя служба, кажется, может быть, достаточным ручательством справедливого просимого. Жаль, конечно, что не было при решении моего дела митрополита Антония; думаю, он сумел бы отклонить синодских «книжников» и «законников» от столь холодного и безучастного отношения к старому служаке, жертвующему инспекторской службе всем — научными интересами, и спокойствием, и здоровьем. И теперь теряющему право на достаточное обеспечение конца своей жизни лишь благодаря внезапному определению высшей власти о прекращении его службы. Ну, что же делать? Раньше возбуждать обо мне ходатайство Совет находил неблагоприятным, потому что не было у нас вакансии ординарного; а теперь, с выходом на пенсию Юнгера, вакансия открылась, и для меня не требовалось никакой новой ассигновки, да и я никому не становился поперек дороги; дожидаться же возвращения митрополита в Петербург
л. 55 об. значило уже || совсем опоздать с представлением ибо 18 авг[уста] я должен буду подавать прошение об отставке и пенсии. Теперь остается еще одна надежда: не признает ли Синод возможным дать мне усиленную пенсию во внимание к продолжительной и тяжелой моей инспекторской службе, если Совет будет возбуждать о том ходатайство, конечно, в своей ко мне особой милости. А я думаю, что Совет по поводу моего прошения об отставке и пенсии (в начале сентября) возбудит это ходатайство. Конечно, для меня весьма удивительно, если я на условиях, тобою прописанных со слов митроп[олита] Флавиана, останусь инспек-

на вакантные кафедры ординарных профессоров со званием исполняющего должность ординарного профессора (Высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. Устав православных духовных академий. § 45. Прим. // ПСЗ III. Т. IV. СПб., 1887. № 2160. С. 234).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

тором, но долго ли я или нет прослужу при настоящих тяжелых условиях с введением нового Устава, — сказать трудно; а о какой-же-нибудь приходско-поповской службе и помышлять в мои годы нечего; да у нас в Казани мало-мальски подходящей мне совсем и нет. Но и при всем этом я не подумал бы «вздыхать»: ведь нас всего двое — проживем и на пенсию «э[кстра]-ординарного». Дело в том, что на наших руках две сиротских семьи, из коих одну нужно «пристраивать», а другую только еще отдавать в ученье; отказать в своей помощи — значит, прямо бросить их на произвол судьбы, а их всех 7 человек. Но «никто как Бог». Наши старцы-профессора, кажется, все уже свыклись с мыслью об отставке: год еще послужить — и уйти; только Ф. А. Курганов никак не м[ожет] успокоиться и ужасно волнуется, ничуть не желая никому уступить своей кафедры. А большую суматоху в нашей Академии произвело новое распоряжение о частичном введении учебной части. У нас ведь уже избраны и представлены до 5 новых преподавателей из прошлых стипендиатов. Что же им делать, если их предметы ныне еще || не будут л. 54 введены? Потом, где взять в следующем году еще 5–6 новых доцентов с уходом «старцев»? Придется, вероятно, пустить на академ[ические] кафедры людей с убогой ученостью; а работы-то и от профессоров, и от студентов требуется вдвое больше и серьезнее теперешней. Трудно и вообразить, что только будет в «новых Академиях».

Но довольно. Помоги тебе Господь одолеть тяжелый и серьезный труд по составлению отчета. Раиса Никандровна тебе низко кланяется. От нас обоих пренизкий поклон незабвенной Анастасии Ивановне.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 14 от 20 августа 1910 г. Казань. Л. 22–23 об.

Любезнейший и дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

л. 22

Настоящее письмо пишу тебе по настойчивой просьбе одного из моих сослуживцев — э[кстра]-орд[инарного] проф[ессора] Василия Ивановича Протопопова⁶⁸. Сей господин, оставаясь ныне по новому Уставу на год без лекций (по библейской истории), надумал спутешествовать вместе со своей супругой с научными целями на Восток (в Иерусалим). Командировка Св. Синодом ему дана, но в субсидии отказано; Совет Академии

⁶⁸ Протопопов Василий Иванович (1868 — 1920-е) — выпускник (1894) и экстраординарный профессор КазДА по кафедре библейской истории; магистр богословия (1896).

также дать ему ничего не может; отказано даже в пособии из Михайло-
л. 22 об. Архангельского попечительства. В этих критических || обстоятельствах он решился прибегнуть к твоему высокогуманному и просвещенному содействию. По словам нашего доцента Е. Я. Полянского, ты в свое время оказал ему неоценимые услуги, устроил его в Палестине наилучшим образом⁶⁹. Не найдешь ли возможным что-нибудь сделать и для Протопоповых? Люди они очень хорошие и вполне заслуживают помощи и содействия в своем добром намерении. Они хотели бы и самолично обратиться к тебе со своею просьбой, но по незнакомству стесняются и во всяком случае предпочли заручиться пред тобой чьей-либо рекомендацией. Знаю, что тебе сейчас не до сторонних хлопот, ввиду сложной и от-
л. 23 ветственной работы по твоей командировке, но, || быть может, и найдешь несколько минут черкнуть куда следует, чтобы по твоему авторитетному слову им оказано было на Св. Земле возможное гостеприимство и удобство. Ехать они хотят в предстоящем сентябре, невзирая на угрожающую эпидемию холерную и чумную.

О себе писать теперь много нечего. 18-го сего августа скромно отпраздновал свой 30-летний юбилей и сопричислился к сверхштатным старцам — «изгнанникам». Горько, конечно, я плакал ввиду предстоящего прекращения профессорской службы, но не безутешно, уповая на продолжение службы инспекторской, срока коей в Уставе не указано, и желая воспользоваться указанием митроп[олита] Флавиана, о котором
л. 23 об. ты мне писал. По || поводу же отказа в и. д. ординарного не особенно и жалею. Вскоре после твоего письма я получил письмо от Дм. Никаноровича Беликова, который писал мне, что уважение ходатайствам Совета об и. д. ординарного едва ли и могло бы иметь практическое значение, ибо, при строгой законности обер-прокурора, мне все равно бы не дали пенсии ординарного. Гораздо, будто бы, и вернее рассчитывать на успех ходатайства об усиленной пенсии при уходе в заштат с указанием на продолжительную инспекторскую службу. Не знаю только, решится ли наш Совет на это новое ходатайство; члены Совета, впрочем, безусловно все желают возбудить это ходатайство, но ведь может же заартачиться один ректор, и — делу конец... Надежда, конечно, на Бога и добрых людей. Жаль, что

⁶⁹ Полянский Евлампий Яковлевич (1872 — после 1932) — выпускник (1904), доцент, профессор на кафедре древнееврейского языка и библейской археологии (1910). В 1908 г. был командирован на год в Палестину для подготовки к кафедре (ПЗС КазДА за 1908 г. С. 14–15, 136).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

сейчас нет у нас архиепископа — уехал на Кавказ до 12-го сент[ября]; да и митроп[олит] Антоний вернется в Петербург еще не скоро.

В Академии сейчас работа уже началась: новичков, сверх казеннокоштных 18, приехало 33; начались экзамены, распределение лекций, составление программ и т.п. Начало учебных занятий с 1-го сент[ября]. Посмотрим, что-то даст новый Устав, который, благодаря усердию нашего ректора, у нас вводится сполна не только на 1-м, но и на 2-м и на 3-м курсах.

Но довольно. Нижайший поклон тебе от Раисы Никандровны. Наш общий пренизкий поклон || (л. 22) наилюбезнейшей и незабвенной Анастасии Ивановне. Кстати: напиши, Бога ради, когда день ее Ангела? Я, простите, забыл, в октябре, декабре или апреле?

До свидания! Искренно преданный тебе протоиерей Н. Виноградов.

№ 15 от 12 декабря 1910 г. Казань. Л. 24–27 об.

Любезнейший друг Алексей Афанасьевич!

л. 24

Сердечное тебе спасибо за дружеский привет к 6-му декабря. 7-го числа я уже собирался послать тебе ответную телеграмму, как вдруг получил и твое письмо. Решил уже зараз ответить тебе более или менее обстоятельным письмом.

Да, ты порядочно напугал меня надвигавшейся было на меня бедой — назначением в Казань Антония Волынского; тогда, конечно, моя служба в Академии едва ли подлилась бы далее 15 августа: как ни был исправен, а все же получал бы постоянно напоминание, хотя бы в самой деликатной форме, о прекращении своей службы и, конечно, *volens-polens* должен был бы скоро уступить свое место какому-нибудь монаху. Но теперь, быть может, еще послужу: видимо, всецелый Господь еще терпит моим грехам, посылая к нам архиепископа Иакова Симбирского, который, по общему здесь признанию, человек умный, книжный, || самостоятельный, прямой и беспристрастный⁷⁰. Казань должна быть л. 24 об.

⁷⁰ Иаков (Пятницкий Иван Алексеевич; 1844–1922), архиепископ — выпускник Калужской ДС (1866) и МДА (1870), магистр богословия; служил смотрителем Мещовского ДУ (1872), преподавателем (1873) и ректором (1891) Вифанской ДС. С 1891 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии; с 1893 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; с 1898 г. епископ Кишиневский и Хотинский; с 1904 г. архиепископ Ярославский и Ростовский; с 1907 г. архиепископ Симбирский и Сызранский, с 1910 г. архиепископ Казанский и Свияжский, с ноября 1917 г. митрополит. После рево-

вполне довольна этим назначением; недовольны разве только одни «антониевцы», уже ликовавшие было от уверенности в назначении сюда «волынского». Как это случилось, что последний не попал в Казань, — для нас пока глубокая тайна; объясняют единственно силой и влиянием митроп. Антония, который, говорят, уготовляет место «Волынскому воеводе» где-нибудь в Сибири. Туда же всего приличнее было бы послать и нашего Алексия: последний положительно неисправим и до того всем опротивел, что прямо от лица его бегут. Разочарованный в своих ожиданиях видеть своего друга и покровителя — Волынского — в Казани, не получая сам никакого движения, он положительно рвет и мечет, не разбирая ни лиц, ни мест. Еще на днях был ласков и милостив к студентам, а теперь гоняет их и не удовлетворяет их самых законных просьб. Не дальше как сегодня, приглашенный на 50-летний юбилей начальницы Мариинского духовного училища, явился туда служить Литургию, на ½ часа ранее назначенного срока. И так накричал на служащих, что смутил весь юбилей. Горе будет всем, если ему и теперь не дадут никакого движения. Сам он решительно заявляет, что служит уже последний год и, если не дадут ему приличной кафедры, уйдет на покой. И это не мудрено: деньжонок накопил он довольно — на его жизнь хватит. ||

л. 25 А я вот и желал бы еще послужить в своей родной Академии, пока Бог дает сил и здоровья, да не знаю, какова будет воля высшего начальства. Дело вот в чем. Ты, конечно, хорошо помнишь разъяснение, данное тебе летом митроп. Флавианом касательно моей дальнейшей судьбы в Академии. Согласно тем указаниям я после каникул и поступил вместе с другими профессорами, прослужившими 30 лет. Полученный из Св. Синода указ, по-моему, имеет совершенно тот смысл относительно меня, какой дан был и митроп[олитом] Флавианом, т[о] е[сть] я остаюсь профессором с правом чтения лекций, как и другие мои коллеги, только на один [год], а там уже передаю свою кафедру другому, сам же остаюсь только в должности инспектора с правом чтения не более 2-х лекций в неделю. Между тем и ректор, и некоторые из профессоров (Нарбеков и Покровский, которые, очевидно, не прочь бы сами сделаться инспекторами) дают толкование указу такое, якобы Св. Синод оставляет меня и инспектором только на 1 год и якобы дальнейшее оставление меня

люции был митрополитом Иркутским (1919), Томским (1920); в 1922 г. был арестован, скончался в Томске на покое при Иоанно-Предтеченском женском монастыре.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

в этой должности лишало бы меня права на получение выслуженной пенсии, забывая при этом, что инспекторская должность не введена в штат и никакой особой пенсии не дает. Вот, для ясности, буквальный текст указа Св. Синода: «NN профессоров и прот[оиерея] Виноградова, за выслугою ими 30 лет, согласно их прошениям, уволить от занимаемых ими штатных профессорских должностей в Академии, с || на л. 25 об. начала текущего учебного года, оставив их на службе при Академии в звании сверхштатных профессоров, с правами, предусмотренными § 90 Уст[ава] Дух[овных] акад[емий] (т. е. правом участвовать в заседаниях Совета с решающим голосом, а равно и принимать на себя исполнение различных поручений Совета), и прот[оиерея] Виноградова, кроме того, в должности инспектора». Кажется, ясно, что я оставляюсь в должности инспектора, как и в звании сверхштатного профессора, не на 1 год, а бессрочно. Но нет, наши велемудрые толковники уверяют, что редакция указа настолько неудачна, что дает место различным толкованиям и требует разъяснения. И вот в совете у нас постановили: 1) просить разъяснения Св. Синода 1) на 1 год или бессрочно я оставлен в должности инспектора, 2) не воспрепятствует ли мне эта должность получать пенсию и 3) как мне придется читать лекции, — в порядке ли § 49 Устава, как инспектору не из профессоров, т. е., не более 2-х лекций в неделю по одной из богословских наук, или, как состоящему сверхштатным профессором, читать лекции по занимаемой сейчас кафедре лат[инского] яз[ыка] (тем более, что ныне и по древним языкам можно читать только книги Св. Писания и творения свв. отцов), при условии || иметь на этой кафедре другого — штатного — преподавателя. Совер- л. 26 шенно лишний, по-моему, запрос, за исключением, разве, 3-го пункта: тут, действительно, и мне интересно знать, свою ли науку мне продолжать читать со следующего года или избрать другую. На этих днях запрос этот будет послан в Синод. Посему я усердно просил бы тебя (если это особенно тебя не затруднит) по этому поводу поговорить с кем найдешь нужным и о результате коротенько мне черкнуть. Знаю, что дела у тебя по горло и без меня. Но что же делать? Ведь ты у меня — единственный сильный и авторитетный ходатай, у которого, оказывается, почти весь состав Синода — люди близкие и готовые к услугам. Как же мне не прибегнуть к тебе в такие критические моменты, как сейчас?.. Только чем я тебе отплачу за твои дорогие услуги? Да и не один я обязан тебе.

Весьма благодарны тебе за горячее твое участие и содействие в устройении жизни путешествующих в Палестину наших профессоров — прежде Полянского и ныне Протопоповых. Ты пишешь, что кое-что сделал л. 26 об. для Киевской Академии. Но Киевская Академия уже сумела || поблагодарить тебя, избрав своего ученейшего профессора в почетные члены, и в этом упредила Казанскую. Но будь уверен, что если нам не удалось этого сделать ныне, то это непременно будет сделано в следующем — 1911-м году. Расскажу тебе откровенно. Ныне я, вкуче с некоторыми своими и твоими клеветами, задумал войти в Совет с представлением тебя в почтенные члены нашей Академии. Но разве при этом нашем бурбоне-ректоре мыслимо сделать что-нибудь подобное? Узнав о нашем намерении, он не дал нам даже говорить в совете, закричав: «Довольно, довольно! Будет двоих, больше двоих не следует избирать в один раз!» А пред тем только что были избраны Дм[итрий] Никанорович Беликов и Н. В. Покровский⁷¹. Думаю, что это сделал наш владыка сколько по своему разуму, столько и по наущению своего приятеля Ив. Покровского (давшего ему докторство, можно сказать, не читая его книги и не указав ни одного недостатка и потому осыпаемого теперь всевозможными милостями и благодарностями); а сей бесталанный профессор до сих пор л. 27 не может забыть, как || ты разделал его докторскую и при всяком случае, конечно, старается мстить. Ну, хорошо: не удалось ныне — сделаем в следующем году, поставим тебя во главе всех кандидатов; это желание всех, знающих о твоей профессорской деятельности и твоих ученых трудах, снискавших тебе славу ученейшего единственного литургиста в России, и против этого никто уже возражать не может.

Что нового, спросишь, у нас? Пошел у нас целый ряд юбилеев: П. В. Знаменского, Курганова, секретаря Вознесенского, предстоит 11-го января юбилей М. И. Богословского, а затем — ректора (22 янв[аря])⁷².

⁷¹ Беликов Дмитрий Никанорович (1852–1932), протоиерей — выпускник КазДА (1878), преподавал в академии общую гражданскую историю; в 1882 г. принял священный сан; профессор Томского университета по кафедре богословия (1889); доктор церковной истории (1902). В дальнейшем епископ Омский (1920), архиепископ Томский (1926); поддержал «григорианский раскол», «митрополит» в расколе.

Покровский Николай Васильевич (1848–1917) — выпускник (1874) и профессор СПбДА по кафедре церковной археологии и литургики; доктор церковной истории (1892); директор Императорского Санкт-Петербургского археологического института (1898).

⁷² Вознесенский Петр Евфимиевич — выпускник КазДА (1885), многолетний секре-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

П[етр] Васильевич, конечно, скрылся и не принимал никого, несмотря на усиленные к нему просьбы почтить его юбилей празднованием в Академии; пришлось ограничиться молебном и посылкою к нему адреса. Адрес же незадолго пред тем мы послали и митроп[олиту] Антонию по случаю его 40-летия⁷³. Ждали было от него какого-либо ответа, но получили только ответную телеграмму на особо посланную ему, сверх адреса, телеграмму. Кстати: Академия, не имея верных сведений о состоянии его здоровья, очень || беспокоится; газетным разноречивым известиям доверять не при- л. 27 об. ходится. Ты, наверное, хорошо осведомлен, а потому при случае черкни нам. Как-никак, а мы — казанцы — живем большими надеждами на его поддержку и крепко молимся об его здоровье. Юбилей Курганова прошел с большим торжеством, и наш юбиляр остался очень доволен. Подробные сведения об отпразднованных юбилеях ты, конечно, прочтешь в «Собеседнике». Недурно сошел и наш праздник 8 ноября (спасибо тебе за привет, оглашенный мною вместе с другими важными телеграммами на акте).

Кончина преосв[ященного] Никанора⁷⁴ немало огорчила его друзей и почитателей, но в то же время была, конечно, на радость его врагам (из них же первый — наш преосв[ященный] Алексей, отнесшийся в высшей степени неуважительно к почившему не только в последние минуты его жизни и не пожелавший поехать к нему домой по получении известия, что владыка Никанор «уже при смерти», но и после его кончины: так-то пылают злобою души наших владык!..) Не совсем неожиданною была кончина архиеп[ископа] Никанора: он все время был слаб, в октябре был с ним припадок, и доктора прямо советовали ему прекратить его кипучую деятельность, но он не внимал их советам, а продолжал работать и работать до самого последнего дня своей жизни. Кроме значительного и ценного имущества, оставил он денег на 50.000 р. и имение в Крыму на 40.000 р.; % со всего этого он завещал частью своему сыну (больному прогрессивным параличом мозга), частью же своей сестре-старушке, а по смерти их весь капитал — в пользу основанных им в Каз[анской] епархии приютов для крещеных инородцев. Святое дело!

тарь Совета и Правления академии.

⁷³ Осенью 1910 г. митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) праздновал 40-летие своей духовно-учебной службы.

⁷⁴ Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич; 1874–1910), архиепископ Казанский и Свияжский (05.04.1908–27.11.1910).

Пока довольно. В заключение и исполняю просьбу Раисы Никандровны: свидетельствую от нее нижайший поклон и благодарность за л. 24 привет тебе || и многолюбезнейшей твоей супруге. С нетерпением ждем ее литературных трудов и заранее благодарим за них. Я лично не могу не высказать своего глубокого сожаления по поводу того, что не нашел ее поздравления меня ни в телеграмме, ни в письме. Это, конечно, справедливое наказание моему невежеству: я за все время не послал поздравления ей; но тут я наполовину не виновен: дважды просил тебя осведомить нас о дне ее Ангела, а ты доселе не написал. Напиши же, ради Бога! А теперь передай ей мой низкий поклон.

Твой неизменный друг и богомолец протоиерей Н. Виноградов.

№ 16 от 18 сентября 1911 г. Казань. Л. 28–29 об.

л. 28 Дорогой друг Алексей Афанасьевич!

С 6-го декабря прошлого года от тебя не получал я ни строчки и совсем потерял тебя. По слухам, ты оставлял Палестинское Общество и возвращался в Киев на профессорскую кафедру. Теперь будто бы ты снова секретарем Совета Палест[инского] Общества⁷⁵. По правде говоря, не знаю, где тебя искать и куда писать. Пишу на авось в Петербург и оттуда буду ждать твоего ответа.

Моя беда тебе, конечно, известна и едва ли нужно тебе говорить о ней⁷⁶. Разве только для установления истины касательно ее виновников. Да, мои «приятели» сделали свое нечистое дело, свели со мною счеты и отомстили мне со всею жестокостью. Только я решительно не понимаю, за что и про что. Если это сделал Антоний Волынский⁷⁷, то разве за то, что я служил ему верой и правдой и был, по его же словам, «незаменимым» инспектором. Быть может, после того кто-нибудь успел про меня что-нибудь ему насплетничать? Но на основании сплетен нельзя делать столь решительных шагов и столь жестоких решений ни одному разумному и серьезному человеку. Если в моем несчастье виноват наш ректор Алексей, то и тут я не вижу никаких серьезных оснований, кроме ||

⁷⁵ В 1911 г. А. А. Дмитриевский хотел возобновить профессорскую деятельность и подал заявление в КДА на кафедру греческого языка. Но, хотя был единогласно избран Советом КДА и утвержден указом Синода от 25 июля 1911 г., в Киев не вернулся и от кафедры отказался (ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 96. Л. 1–2).

⁷⁶ Речь идет об увольнении протоиерея Николая от должности инспектора КазДА.

⁷⁷ Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

одних личных неудовольствий. Да и то за все 6 лет совместной с ним л. 28 об. службы у нас были с ним 2–3 столкновения, в которых он обнаружил крайнее буйство и несдержанность своего дикого характера. За последние же 2 года я употребил все усилия и устранял всякие поводы к столкновению с ним. И мы жили, к удивлению окружающих, в мире; я старался быть исполнительным и услужливым решительно во всем, а при его бешеных вспышках просто молчал. И он, видимо, был доволен моей службой. Да и как не быть довольным, когда мы постепенно вводили новый Устав в нашей Академии так мирно, без всякого крика и шуму? Особенно же он должен был чувствовать мою к нему доброту и всепрощение в деле устройства его 25-летнего юбилея с хвалебной ему юбилейной речью (каюсь — сильно пересоленной и вызывавшей в корпорации упреки по моему адресу)⁷⁸. Не раз он даже лично мне говаривал, что за мои добрые к нему услуги он постарается меня отблагодарить, пока будет ректором. Тем не менее, у нас есть данные к тому, что главный виновник моего удаления из инспекторов — наш ректор. Несмотря на отсутствие в Уставе указания срока инспекторской службы, несмотря на заверения из синодальных сфер (о чем ты писал мне не один раз) о беспрепятственности к продолжению моего инспекторства, он поднял дело о возможности или невозможности этого продолжения, причем, вероятно, уже списавшись по этому вопросу с Антонием Волинским, повел дело так, что якобы я не могу быть утвержден Синодом по исполнению 30-летия; а когда наш || архиепископ Иаков, на основании Устава л. 29 рекомендовал в инспектора меня же, то Алексей со своей стороны представил еще двоих (проф[ессоров] Петрова и Александрова⁷⁹) и, будучи

⁷⁸ Речь идет о праздновании в 1911 г. 25-летия духовно-учебного служения ректора КазДА епископа Алексея (Дородницына) (с момента назначения учителем в Херсонское ДУ в 1886 г.).

⁷⁹ Петров Николай Васильевич (1875–1956), протоиерей — выпускник (1898) и профессор КазДА по кафедре истории философии, затем Священного Писания Нового Завета; в 1908 г. принял священный сан; профессор богословия в Казанском университете (1912). После революции был профессором истории религий в Казанском пединституте (1919–1920); в 1921 г. возглавил новообразованный Казанский богословский институт; неоднократно был арестован, отбывал ссылку; в 1943–1945 гг. был протоиереем Благовещенского собора города Муром.

Александров Александр Иванович (1861–1918) — выпускник и профессор Казанского университета по кафедре славянской филологии, доктор славянской филологии (1888); доктор церковной истории (1910). 7 июля 1910 г. был пострижен в монашество, воз-

в Петербурге, будто бы употребил все усилия и настойчиво просил о замене меня другим инспектором, что, при содействии Антония, ему и удалось. Сам же Алексей утверждает, что он в деле моего удаления из инспекторов не при чем; что по приезде в Петербург он нашел это дело уже решенным и что все было сделано в Синоде единственно для того, чтобы очистить место проф. Александрову, тогда только что принявшему монашество. Однако ж когда о. Анастасий (Александров) написал архиеп. Сергию, что он крайне чувствует себя неловко и смущен тем, что поступает на «живое место» и ради него удалено лицо, столь авторитетное и заслуженное, то Сергий ему ответил, что это сделано по желанию ректора Алексея. Вот тут и разбирай, кто прав, кто виноват. Впрочем, ведь во всяком нечистом деле всегда вину сваливают один на другого.

Как бы то ни было, а я остался при весьма печальном интересе. Получив указ к 1-му августа, я должен был выбираться из Академии. За столь поздним временем какого труда нам стоило найти мало-мальски подходящую квартиру и каких хлопот стоило перебраться со всем скарбом и устраиваться?.. Теперь немного устроились. Но можно ли примириться с настоящим положением? Во-1-х, я нравственно потрясен и чувствую себя совершенно незаслуженно обиженным и оскорбленным || за 17-летнюю тяжелейшую инспекторскую службу, на которую я положил все свои силы и здоровье и которой принес в жертву даже свои ученые занятия и «докторскую», дававшую мне столь важные и выгодные преимущества на всю последующую жизнь. Вместо всякой благодарности я получил от Св. Синода самый грубый и бесчеловечный толчок, даже без всякого другого назначения, как будто бы я был какой-либо тяжкий преступник или никуда не годный инвалид... Я остался без места и без дела. Правда, я изъявил согласие читать 2 лекции в неделю в Академии, исполнять поручения Совета и заведовать академической церковью, но ведь это все бесплатно. А ведь на э[кстра]-ординарную пенсию при нынешней дороговизне всего, да имея на руках две семьи сирот, не проживем. Волей-неволей приходится искать себе подходящее место. На приходскую службу в теперешнем возрасте и никогда ее не испытавши, конечно, идти

веден в сан иеромонаха; ординарный профессор КазДА по кафедре истории славянских и Румынской Церквей (1910–1911), церковнославянского и русского языков и палеографии (1911–1913), инспектор академии (1910–1912), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии и ректор КазДА (1912); епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской (с 1914 г. Петроградской) епархии, ректор СПбДА (с 1914 г. ПгДА).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

неудобно, а других мест в Казани нет, кроме кафедр[ального] собора и женского монастыря, где места заняты. Мне указывают на возможность возвращения на инспекторскую должность и, вероятно, в скором времени (за перемещением нашего ректора в Учебный комитет при Св. Синоде и за переменой летнего состава Синода зимним), — или на переезд из Казани в другой город; но все это можно будет сделать только при участии и содействии митрополита Антония. Я ему послал письмо в Кисловодск и питаю надежду на то, что он, быть может, вспомнит обо мне и, по возвращении в Петербург, что-нибудь для меня сделает. Теперь прошу усерднейше и тебя придти мне на помощь и, аще что от тебя возможно, оказать мне свое содействие в устройении моей судьбы, особенно пред сильными людьми. Мне хотелось бы знать, не следует ли || мне явиться в Петербург л. 28 самому и, если что наговорено на меня нашим Алексием, способным на всякую подлость и клевету, оправдать себя, или не нужно ли мне явиться к митрополиту Антонию лично и — когда удобнее. Вообще вразуми меня, как и что лучше сделать.

А теперь пока прости. Супруга моя тебе шлет низжайший поклон. Таковой же просим тебя передать от нас любезнейшей Анастасии Ивановне.

Твой неизменный друг ex-inspector протоиерей Н. Виноградов.

№ 17 от 26 ноября 1911 г. Казань. Л. 30–33 об.

Дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

л. 30

Глубокое спасибо тебе за твое любезное и сочувственное нам письмо, полученное нами к 8-му ноября.

Немного же утешительного я нашел в нем для себя. Но что же делать, если обстоятельства так сложились и, конечно, не без воли Божьей. Используя сие и во всем всегда предавая себя воле Божьей, я, конечно, и в настоящем деле не стал бы никому о себе писать и никому докучать. Но ведь нужно мне и самому хотя бы сколько-нибудь о себе позаботиться, по крайней мере, высказать свои чувства и открыть о себе правду и свои намерения; а там — как хотят, пусть так и делают... Если неправде человеческой, то ведь есть праведный суд Божий, если не теперь, то когда-нибудь все «явлено будет» и виновники неправды понесут достойное наказание. Если же мне теперь отдаться абсолютному безмолвию и ничего о себе не предпринимать, то ведь не только все мои друзья и

доброжелатели, но и самые враги вправе будут сказать: «что же он молчал и никому ничего не говорил? Видимо, сознает за собой вину или л. 30 об. ничего ему не нужно». Вот я и написал о своем || печальном положении митроп[олиту] Антонию и тебе, пока без особых подробностей.

И сейчас пишу тебе не ради каких-то видов, а просто по дружеской откровенности и для облегчения болеющей души. Впрочем, при удобном случае, может, кому найдешь прочесть и сообщить что из нижеследующих строк.

С тех пор, как мне стали известен указ Синода зимней сессии, я, конечно, перестал ждать от него для себя чего-либо доброго и утешительного, особенно при болезненном и изолированном положении митрополита Антония⁸⁰. Другие митрополиты меня совсем не знают, а из членов Синода, разве отчасти, знает меня, благодаря двукратному свиданию в Казани, только Назарий⁸¹, который, между прочим, как-то давал обо мне лестный отзыв Н. И. Ивановскому, прибавив, что и в Синоде, когда он присутствовал при суждении о результатах ревизии Академии, обо мне худого не было сказано ничего. Даже Сергей Финляндский, давно уже видевший меня, едва ли что может сказать обо мне хорошего или худого. Значит, если бы даже и зашла когда-либо обо мне речь в Синоде, то все, вероятно, будут прислушиваться к голосу Антония Вольнского. А этот, конечно, уже не пожалеет черных красок, чтобы всячески измазать меня и уже как следует отомстить своему ненавистнику. Пусть будет это так: дело совершенно естественное и понятное. Хотя месть уже совсем не к лицу святительскому, но ведь в Антонии уже ничего не осталось святительского; он насквозь теперь проникнут иезуитизмом и политиканством и в достижении своих целей не брезгует никакими средствами, а в удовлетворении своему дьявольскому често- л. 31 люблю || не щадит никого, кто чем-либо уязвит его. Мне все-таки хоте-

⁸⁰ Антоний (Вадковский), митрополит Петербургский и Ладожский, первоприсутствующий член Синода.

⁸¹ Назарий (Кириллов Николай Яковлевич; 1850–1928), митрополит — выпускник КДА (1880); с 1893 г. епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии, в том же году епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1897 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский; с 1901 г. епископ Нижегородский и Арзамасский, с 1909 г. архиепископ; с 1910 г. Полтавский и Переяславский; с 1913 г. Херсонский и Одесский. С 1920 г. архиепископ Курский и Обоянский, с 1921 г. митрополит. С 1909 г. был почетным членом КазДА.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

лось бы, чтобы он мстил и меня средствами справедливыми и честными. Между прочим, как я слышу, он, за отсутствием таковых, прибег к бессовестной лжи и клевете. Еще в прошлом году, по возвращении из Петербурга, И. С. Бердников сообщил мне, что Антоний Волынский распространяет обо мне, — и даже где? — в синодальной комиссии по рассмотрению ревизорских отчетов, — заведомо лживые и весьма компрометирующие меня сведения. А ныне И. Ив. Спасский, лично беседовавший с Антонием, также привез мне выслушанное из уст этого святителя обо мне сплетню, будто бы я совсем распустил студентов, позволяя им все, и даже вместе с ними пьянствую, бывая у них в NN [номерах], особенно 8 ноября, даже до того, что они уже уносят меня в квартиру на руках, почему, будто бы, и пользуюсь популярностью. Когда же Ив[ан] Ив[анович] заявил, что при нем ничего подобного не бывало и теперь он ни от кого ничего подобного в Казани и в Академии не слышал, то Антоний сказал, что ему это передавали студенты, приезжавшие к нему жить на Волынь. Вот уж поистине наглая и возмутительная ложь! Если уж в чем, а именно в этом меня обвинить и упрекнуть никто не может: за все время своего инспекторства я именно ни разу не позволил себе выпить у студентов хотя бы одну рюмку вина или кому-либо из них предложить в своей квартире что-нибудь, кроме чаю. Ведь я прекрасно понимал свое положение и отлично знал, что могло быть, если бы я хотя один раз позволил себе выпить со студентами и — особенно — у студентов. Если я был в добрых отношениях и пользовался популярностью между студентов, то уже совсем не потому, что с ними пил || и все им л. 31 об. разрешал, а потому, что всегда был с ними прост, доступен, деликатен и старался останавливать их от разных проступков убеждениями и увещаниями, прибегая к мерам строгости лишь в редких и исключительных случаях, а также всегда прилагал старания и заботу об удовлетворении их нужд и законных требований. На все это я действительно не жалел ни времени, ни сил, ни средств, и студенты все это понимали и ценили. Могу со спокойной совестью сказать, что никогда 8 ноября в NN [номера] к ним не ходил, ибо знал, что значило появиться среди студентов в этот день, когда у них, по неискоренимой и доселе традиции, бывает пьяно, и прекратить выпивку в этот день, как и в Пасху, едва ли под силу какой угодно инспекции. Бывали случаи, когда, вызываемый или студентами, или каким-либо особым шумом и криком, выходил я из

квартиры в коридор, чтобы уговорить или успокоить студентов, и они действительно в праздничном подъеме схватывали меня, качали и на руках уносили до квартиры. Но значило ли это то, что передано «какими-то» студентами Антонию? Бывали случаи, когда в другое время, услышав где-либо шум или пение в неположенные часы, появлялся я в NN, «заставал» выпивку, но в этом случае я уже, конечно, никак не присоединялся к студентам, застигнутым на месте преступления, а предлагал им немедленно все прекратить, и если они не обнаруживали готовности тотчас же исполнить мое распоряжение, то я объявлял им, что не уйду — и не уходил — до тех пор, пока они не уберут все и не разойдутся. Опять значило ли это, что я пил вместе со студентами или разрешал им все?..

- л. 32 Вот единственный || случай в году, когда академическое начальство (не я один, а и ректор, иногда и кто-нибудь из профессоров) выпивает со студентами, — это при выпуске окончивших курс. Так ведь это уже не со студентами, а с окончившими курс на прощальной у них трапезе, устраиваемой ими прилично с винами, закусками, с речами, тостами и т. п. Да и эти прощальные трапезы учреждены при ком? — при самом Антонии (до него не было), и с тех пор их невозможно вывести. Да и возможно ли уничтожить то, что разрешается ректорами? Волей-неволей приходится присутствовать на этих прощальных обедах и, когда ректоры уходят, мне приходится оставаться для контроля, чтобы все было чинно и в порядке до конца. Тут, конечно, всегда бывает сердечная беседа с разными воспоминаниями и изливанием чувств и в конце концов сердечное прощание со своими питомцами, быть может, уже навсегда; скажешь, конечно, им несколько прочувствованных слов и пожеланий, а они, по обычаю, подхватят на руки, покачают и иногда унесут до квартиры. Вот все, что бывало в моей инспекторской практике. Значит ли, опять, это то, что я пью со студентами и — до того, что меня они уносят в квартиру на руках?.. А ведь нашелся какой-то негодяй (а, может быть, и не один) из тех антониевских приятелей — паразитов, которыми Почаевская Лавра кишмя-кишит и которые, подделываясь к Антонию, не задумываются сочинять разные небылицы, лишь бы угадать в тон своему гостел. 32 об. приемному покровителю. || А он принимает все это за чистую монету и решается докладывать в «комиссиях» и всюду распространять, а затем на основании этих «студенческих» сплетен даже решать всю судьбу человека, служившего верой и правдой своей родной Академии 17 лет,

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

притом в такие тяжелые годы. И все это чего ради? — Единственно из личной мести за какое-то, якобы учиненное ему мной оскорбление. А я, право, до сих пор даже и не знаю, чем и когда мог его оскорбить так, что он из дружественного и всегда доброго ко мне вдруг стал враждебным и злым. Одно из двух: или на меня что-нибудь наклеветал наш Алексей (в этом он большой мастер и охотник), или он обиделся на меня за то, что я прекратил с ним переписку, которую мы вели с ним довольно долго по уходе его из нашей Академии. В последнем я действительно виноват. Но на это была причина, быть может, впрочем, и не основательная: он стал писать мне очень уж коротенькие письма (строк 5–6) и обозначать, что письмо писано в 1 ч. ночи, в 2 ч. ночи и т. д. Люди, близко стоявшие к нему, мне объяснили это тем, что он, очевидно, тяготится перепискою, и вот я счел за лучшее больше не писать ему, хотя телеграммы в знаменательные дни посылал ему, и он — также. А потом он вдруг перестал посылать мне телеграммы, — и это уже в ректорство настоящего нашего «бурбона». Два года || тому назад я получил от него мне одно письмо, в л. 33 котором он просил меня принять обратно в нашу Академию уволенного за пьянство студента Бурова, так как последний, будто бы, живя в Почаевской Лавре, уже излечился от своей болезни. Но письмо это было доставлено Буровым мне ровно через год после его написания, — так как Буров на пути в Казань запьянствовал и, заболев, пролежал почти год в одной из московских больниц, — и доставлено распечатанным и в таком истертом и грязном виде, что я почти ничего не мог в нем разобрать. Бурова же ректор прогнал и не велел ему и глаз показывать в Академию. Лишенный возможности что-нибудь сделать для Бурова, я ничего не ответил и Антонию. Это, вероятно, подлило масла в огонь, — и вот в результате я сам оказался вне стен родной Академии. И теперь, я думаю, Антоний, ворочающий всеми делами и членами Синода, едва ли допустит мой возврат в Академию, напротив, раз став на путь мести и незаконных средств, не остановится ни перед чем, чтобы настоять на своем; не постесняется, конечно, и в Синоде утверждать обо мне ту же ложь и клевету, пользуясь моей полной беззащитностью. Пусть даже Анастасий⁸² заявит о своем желании иметь меня инспектором (он, видимо, до-

⁸² Анастасий (в миру Александр Иванович Александров; 1861–1918), епископ — выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1883), приват-доцент сравнительного языковедения и санскрита Харьковского университета (1886–1888), профессор славянской филологии Казанского университета (1888–1911);

селе смущен тем, что отнял у меня место и готов как-нибудь вознаградить меня); пусть и Иаков сделает обо мне представление снова (он тоже ценит и жалеет меня), но Синод, руководимый Антонием и его приятелями — || Саблером и Сергием⁸³, — может, конечно, не уважить представления, тем паче, что они ненавидят Иакова, дерзнувшего вопросить Синод, как ему поступить ввиду явно незаконноправильных действий Совета Академии в позорном деле преподнесения докторства Антонию. Словом, я кругом в несчастьи и «нет мне помогающего». Только один Бог помощник и Заступник мой, и на Него-то вся моя надежда.

Живем теперь в скромненькой и не совсем удобной квартирке — на Пушкинской ул., в доме Молоствово́й (наш адрес). Сидим, правда, не без дела: я читаю две лекции в Академии и исполняю разные поручения Совета (сейчас читаю и редактирую магистерскую своего проф[ессорского] стипендиата), потом читаю одну лекцию по патрологии на Богословских женских курсах, служу в разных церквях; но все это бесплатно. Благо — пока есть кое-какие запасы. Но ведь источник не очень обильный и хватит его ненадолго, при скудной э[кстра]ординарной пенсии. Значит, *volens-nolens* нужно где-нибудь искать себе и платной — конечно, соответствующей сану и характеру — службы.

Из других профессоров временно согласились читать — до замены их намеченными стипендиатами только Юнгеров, Богословский, Курганов и Машанов⁸⁴; прочие же все наотрез отказались, и именно по нежеланию служить при настоящем ректоре — этом поистине «душетленном звере», с которым они не желают нигде даже встречаться (даже 8-го ноября ныне никто из них не был в Академии, и праздник у нас ныне по-

в 1910 г. принял монашество и священный сан; ординарный профессор КазДА по кафедре истории славянских и Румынской Церквей (1910–1911), по кафедре церковнославянского и русского языков и палеографии (1911–1913); доктор церковной истории (1911). С 1912 г. ректор КазДА в сане епископа Чистопольского, викария Казанской епархии; с 1913 г. ректор СПбДА (ПгДА) духовной академии в сане епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской (Петроградской) епархии.

⁸³ Саблер (Десятковский) Владимир Карлович (1845–1929), обер-прокурор Святейшего Синода (1911–1915).

Сергий (Страгородский) Иван Николаевич; 1867–1944), архиепископ Финляндский и Выборгский, член Святейшего Синода с 06.05.1911 и до его упразднения.

⁸⁴ Машанов Михаил Александрович (1852–1924) — выпускник (1876) и профессор КазДА по кафедре арабского языка и истории и обличения мухаммеданства; магистр богословия (1885).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ходил на какую-то тризну). А наш ректор, не получая якобы обещанного ему летом назначения, положительно сбесился и бросается на всех как злая собака. Между прочим, последнее время бросился на монахов: отругал в аудитории при студентах э[кстра]ординарного проф[ессора] иером[онаха] Гурия⁸⁵, потом в алтаре отругал иером[онаха] Евсевия (и. д. доцента)⁸⁶ || «негодяем» и лишив служения Литургии только за то, что тот не хо- л. 30 тел принять на себя звания ключаря акад[емической] церкви; студента иерод[иакона] Вениамина обругал «мужиком, негодяем, мерзавцем» и гнал из Академии за какие-то пустяки; тот, впрочем, подал жалобу архиепископу, и неизвестно, чем дело кончится. В Казани положительно все изумляются несносному и дикому нраву Алексия и усердно молятся, чтобы Господь поскорее взял его куда-нибудь.

Но довольно. Пиши поскорее. Нижайший поклон тебе шлет Р[аиса] Никандровна и от нас обоих — незабвенной Анастасии Ивановне.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 18 от 25 мая 1912 г. Казань. Л. 34–35 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 34

Еще раз приношу тебе и глубокочтимейшей Анастасии Ивановне мою искреннюю и сердечную благодарность за дружеский Ваш прием, спокойствие, руководство и всякие иные удобства, какими я был окружен, будучи Вашим гостем. Простите, если волею или неволею причинил вам какие-либо беспокойства или нарушил ваше обычное «благодарственное и мирное житие».

⁸⁵ Гурий (Степанов Алексей Иванович; 1880–1937), архиепископ — выпускник (1906) и преподаватель КазДА по кафедре калмыцкого языка; в 1905 г. принял постриг; инспектор академии (1912) в сане архимандрита; доктор церковной истории (1916) и ординарный профессор по кафедре миссионерских предметов противобуддистского направления. В дальнейшем епископ Алатырский, викарий Симбирской епархии (1920); архиепископ Иркутский (1924); неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян.

⁸⁶ Евсевий (Рождественский Евгений Петрович; 1886–1937), архиепископ — выпускник (1911) и преподаватель КазДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; в 1908 г. принял постриг; с 1917 г. пребывал в Даниловом монастыре в Москве. В дальнейшем епископ Яранский, викарий Вятской епархии (1920); епископ Уржумский, викарий той же епархии (1921); епископ Ейский, викарий Кубанской епархии (1922); епископ Читинский (1926); с 1930 г. Читинский и Забайкальский; архиепископ Шадринский (1930); неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян.

Расставшись с вами, я попал именно на тот поезд, который отходя
л. 34 об. из Петербурга в 8 ½ часа вечера, идет в Нижний ровно || сутки и без пересадки в Москве; нужно только брать билеты на него за сутки, даже больше ранее; я уже не застал билеты II класса, а потому поехал в I классе; зато один в купе и с полным удобством. В Нижний этот поезд приходит, правда, в 9-м часу вечера, когда лучших пароходов вниз не бывает, но зато можно на любой сесть с вечера на Сибирской пристани и, переночевав на нем, на другой день ехать вниз по матушке Волге. Публики сейчас было еще немного, но с июня движение усилится. Пишу сие к сведению на случай вашего предполагаемого путешествия.

Дома все нашел в благополучии. Только старушка-пенсионерка без меня прихворнула немножко, а за нею и горничная. Теперь ту же оче-
л. 35 редь отбывает Раиса Никандровна, — || горло что-то заболело, вероятно, где-нибудь — надуло вечером. Привезенными мною подарками все остались весьма довольны. Раиса Никандровна выражает особую благодарность Анастасии Ивановне за умелый выбор изящной кофточки, а также и за материю на платье и за зонтик, словом, — угодил всем. Обе именинницы (Юлия Никандровна⁸⁷ и бабушка-пенсионерка) от радости вне себя. Теперь несколько слов по поводу предложения твоего, Алексей Аф[анасьевич], Юлии Никандровне насчет места учительницы на Востоке. Сверх всякого чаяния, она, оказывается, не прочь туда ехать на службу. Только ей хотелось бы получить сейчас сведения поподробнее и определеннее. Она спрашивает: 1) в каком именно месте ей придется служить; 2) какая школа — мужская или женская; 3) на каком языке
л. 35 об. преподавать; 4) какое жалованье; 5) будет ли пенсия и — || какая; 6) на какой счет и когда именно придется ехать; 7) куда и на чье имя подавать прошение. Вот эти и другие необходимые сведения потрудись на досуге сообщить мне для передачи ей, не скрывая ни удобства, ни неудобства предлагаемой службы. 28-летний педагогический опыт, трудоспособность, усердие, благочестие, стяжавшие ей в Казани название «святой женщины», чудный характер с необычайным терпением и выдержанностью и многие другие добродетели, — вот аттестация, какую я могу дать ей от себя.

Твои книжки мною переданы по назначению. Всем, и все тебе за них шлют поклоны и глубокую благодарность. Вероятно, второпях за-

⁸⁷ Переверзева Юлия Никандровна — сестра супруги протоиерея Николая.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

был ты послать еще В. А. Нарбекову⁸⁸, а он, видимо, ожидал и остался недоволен, «обойденный тобой». Пришли уже и ему — одним недоброжелателем будет меньше. Кстати: сочинение о. Лисицына ты отметил, а «приложение»-то у меня осталось, презентованное тебе; не переменить ли? Затем: сколько сидел и беседовал я с тобой, а все забывал попросить тебя дать мне полный перечень твоих ученых трудов; пока состою членом Совета Академии, хочу непременно добиться — избрать тебя почетным членом родной нашей Академии; а для этого нужно приготовить основательно мотивированное представление.

Что еще написать? Дело о дополнительном || к пенсии пособии л. 34 мне сегодня из Казани двинуто архиепископом в Петербург. Жаль, что ты скоро уезжаешь, и некому сообщить мне о судьбе этого дела. Что делать? — Подожду. А если решится при тебе еще, — черкни.

Теперь до свидания.

Наш общий нижайший поклон тебе и доброуважаемой твоей супруге. Ждем к себе. Твой неизменный друг благодарный протоиерей Н. Виноградов.

№ 19 от 14 марта 1914 г. Казань. Л. 36–37 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 36

От всей души поздравляю тебя с днем Ангела и молитвенно желаю тебе от Господа всяческих благ в твоей трудовой жизни и успехов в неутомимой работе. К этому привету и пожеланию вполне присоединяется Раиса Никандровна. Оба мы низко кланяемся и сердечно приветствуем Анастасию Ивановну с дражайшим именинником.

Как поживаешь? Теперь мне совсем не от козь знает о тебе, с изменением в традиционном именинном письме, в каких, бывало, сообщал ты о себе и новостях текущей жизни, и заменившем его лаконичную телеграмму, из которой можно знать только то, что ты еще жив. Разве || уже нет у тебя и одного часа в году для краткой дружеской беседы? л. 36 об. А я вот, видишь ты, не забываю 17-е марта, и при своих девяти — хотя и бесплатных — должностях, поглощающих у меня дни и ночи, пишу тебе.

О себе скажу, что жив, здоров и работаю «во вся», пока Бог дает силы и здоровье. В Академии весь этот год читаю все лекции по лат[инскому]

⁸⁸ Нарбеков Василий Андреевич (1863 — после 1925) — выпускник (1887) и профессор КазДА по кафедре церковной археологии и литургики; доктор церковного права (1899).

языку один и исполняю всякие поручения Совета и архиепископа. Мой стипендиат (Лебедев) работал у Вас в Петербурге под руководством профессоров-филологов и вернется в Казань уже после Пасхи⁸⁹. Радуюсь, что работа его идет, — если верить его сообщениям, — весьма продуктивно, и он вернется в Академию с большим запасом знаний и ученого материала по нашей специальности. || Как-нибудь нужно будет его провести на лат[инскую] кафедру в нашей Академии, хотя есть некоторые основания к опасению за его постоянство. Ведь он — специалист собственно по русской истории и магистерскую пишет по этой науке; лат[инский] же язык ему навязало наше начальство, желая оставить его в Академии, как отличного юношу, подающего якобы надежды на принятие «монашества». Я же дал свое согласие лишь вследствие полного отсутствия готовых кандидатов на лат[инскую] кафедру после того, как мой бывший стипендиат Мотрохин так безжалостно и бессовестно был оклеветан и устранен от занятия кафедры пресловутым ректором Алексием (Дородницыным)⁹⁰. Впрочем, посмотрим, что будет. Теперь же до 15 августа на своей кафедре фигурирую л. 37 об. я, || с доцентским вознаграждением. Сие последнее, конечно, упразднится с назначением штатным преподавателем теперешнего стипендиата, и я снова останусь при печальном интересе. А жизнь дорожает и дорожает. Придется еще и еще подсократить свой бюджет, пока до получения какой-либо благодати. Все обещают, но ничего не дают, воображают, что можно существовать и на одних обещаниях. Пока не думаю оставлять Казани и подожду,

⁸⁹ Лебедев Александр Васильевич (1888–1937), протоиерей — выпускник Самарской ДС (1909) и КазДА (1913); был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре латинского языка, по окончании стипендиатского года — и. д. доцента при той же кафедре; в 1916 г. принял священный сан, назначен священником Казанско-Богородицкого женского монастыря; в 1916 г. перешел на кафедру патологии. В 1921 г. арестован по групповому делу преподавателей КазДА; после освобождения служил в казанском Петропавловском соборе, с 1930 г. в сане протоиерея. В 1932 г. был назначен ключарем Богоявленского собора в Дорогомилове, затем — управляющим делами Патриаршего Синода. В апреле 1937 г. был арестован, в день Преображения Господня того же года расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1957 г.

⁹⁰ Мотрохин Александр Александрович — выпускник КазДА (1910); был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре латинского языка; по окончании стипендиатского года не оставлен на кафедре преемником протоиерея Николая, а назначен преподавателем Холмской ДС; в 1912 г. магистр богословия (дисс.: «Творение св. Амвросия Медиоланского “De officiis ministrorum” в его отношении к сочинению Цицерона “De officiis”». Казань, 1912»).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

не выпадет ли здесь подходящего места с возможностью читать лекции и в Академии (хотя бы и бесплатно). Архиепископ волынский не перестает утешать меня обещаниями. Но, кажется, он теперь едва ли имеет где силу, кроме своей Волыни. Впрочем, в газетах промелькнуло известие об его кандидатуре на Киевскую митрополию на место якобы уходящего на покой Флавиана. Но что он мог бы дать мне «подходящего» в Киеве?.. Другое дело — Москва или Петербург. Но там все хорошие места «не моей душе».

В Академии нашей похвалиться нечем. Между ректором и инспектором — открытая вражда, между студентами светскими и монахами — тоже, между профессорами дружбы и согласия нет; все живут теперь врозь и знакомства ведут по 2 и 3 семейства. || Прежняя «семейная» л. 36 жизнь уходит в область преданий. В делах официальных — постоянные споры и ссоры, недоверие друг к другу, подозрения — на каждом шагу. Вина всему, кажется, — инспектор Гурий, монах-фанатик, лестолюбец и властолюбец, старающийся всех настроить и вооружить против своего соперника — ректора. Последний же, нужно отдать ему справедливость, человек беспристрастный, прямой и справедливый.

Ну, пока довольно. Всего лучшего!

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

PS. Группа наших благочестивых студентов собирается вместе с киевскими студентами спутешествовать ныне в Иерусалим⁹¹. Обратились за пособием, между прочим, в Палестинское общество. Посодействуйте: они заслуживают.

№ 20 от 15 марта 1915 г. Казань. Л. 38–39 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 38

От всей души я и Раиса Никандровна поздравляем тебя с днем Ангела и желаем тебе всех благ от Всещедрого Подателя их.

⁹¹ Речь идет о паломнической поездке на Афон, в Грецию, Палестину и Александрию, совершенной летом 1914 г. студентами всех четырех духовных академий во главе с киевским протоиереем Михаилом Едлинским и помощником инспектора КДА Д. В. Гороховым (о подготовке к паломничеству в КазДА: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11220. Об экскурсии студентов в Палестину. 24 апреля — 24 июня 1914 г.).

А. А. Дмитриевский помог студентам получить в этом путешествии помощь ИППО (см. отчет о паломничестве Д. В. Горохова: Паломничество на православный Восток студентов духовных академий летом 1914 г. / публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 189–218).

Любезнейшую Анастасию Ивановну поздравляем с дражайшим именинником при тожественных искреннейших наших пожеланиях.

Живем по-старому, вновь хорошего — ничего, кроме разве полученного накопления новых — конечно, бесплатных — должностей, которых у меня уже набралось около десятка. После горькой обиды со л. 38 об. стороны Синода по поводу || известных моих хлопот за пособие за каторжную службу в должности инспектора Академии, мне уже не хочется обращаться в этот ареопаг с какими бы то ни было просьбами, чтобы вновь не сделаться жертвой обмана. Пусть уже пропадает моя 17-летняя тяжелая служба, унесшая у меня столько сил и здоровья. В нашем ведомстве такая оценка тружеников — дело совершенно обычное. Виновников тут не найдешь. Посему лучше всего предоставить все суду и воле Божией. Мест себе тоже не ищущу. И так живу на одной урезанной пенсии, из которой приходится и еще урезывать на разные комитеты, общества, канцелярские расходы, содержание родных сирот и т. п. Если бы не стал л. 39 об. рый кое-какой «жир», то частенько приходилось || бы «класть зубы на полку». Как бы то ни было, такое положение долго тянуться не может; нужда, вероятно, заставит взять какую-либо платную должность. Вероятно, в недалеком будущем в Казани откроется одно из двух мест — или в кафедр[альном] Соборе, или в Каз[анском] монастыре, — вот это обстоятельство выручит меня из теперешнего критического положения.

Но вот опять какая беда. Из Петрограда идут слухи, что нашего маститого святителя Иакова, как якобы уже престарелого, больного и бездеятельного, хотят убраться на покой⁹², — хотя по всей справедливости нужно сказать, на самом деле он еще далеко и не стар, теперь совершенно л. 39 об. здоров и бодр и работает ничуть не менее наших || молодых архиереев, — и на его место усилено хлопочут два владыки — Владимирский Алексей и Пензенский Владимир⁹³; ни тот, ни другой из них не желате-

⁹² Преосвященный Иаков (Пятницкий) не был отправлен на покой, а оставался на Казанской кафедре до 1918 г.

⁹³ Алексей (Дородницын Анемподист Яковлевич; 1859–1919), архиепископ — выпускник Екатеринославской ДС (1881) и МДА (1885), учитель в Херсонском ДУ (1886) и миссионер Херсонской епархии (1890); магистр богословия (1891); иеромонах (1902) и инспектор Ставропольской ДС (1902); ректор Литовской ДС в сане архимандрита (1903). В 1904 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии; с 1905 г. епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии, в том же году епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии и ректор КазДА; с 1912 г. епископ

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

лен для Казани, особенно 1-й, хорошо известный нашей Академии и духовенству; но ведь Казань спрашивать не будут, а пришлют — и только. За Алексия будто бы хлопочет и наш губернатор, где-то успевший с ним познакомиться и им очароваться. Если это случится, то мне придется предпринять одно из двух: или бежать совсем из Казани, или, оставшись, отказаться от всякой деятельности и жить на «полном покое».

Но да сохранит Господь Казань от нашествия сего «сверх-человека» и жестокого епархиального бича.

Вот наши дела. Каковы ваши?

Как твое, А[лексей] Аф[анасьевич], здоровье? Что поделываешь сейчас или что проектируешь? Улучив минутку, черкнул бы нам хотя 5–6 строчек. Как бы мы были рады! Все же живешь у источника всяких новостей. А мы когда-то их еще дождемся.

До свидания! Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов ||

PS. Наши академические старцы пока существуют, но видимо слабеют. П. В. Знаменский сидит все дома и еле-еле двигается. И. С. Бердников иногда показывается, но вид его малонадежен: сильно худеет, с трудом ходит, отек ног и плохая работа сердца. Я. А. Богородский⁹⁴ тоже все

Саратовский и Царицынский; с 1914 г. архиепископ Владимирский и Суздальский (с 1916 г. Владимирский и Шуйский). Весной 1917 г. уволен на покой; при поддержке Центральной Рады пытался захватить церковную власть в Киеве и объявить автокефалию на Украине, за непослушание священноначалию и нарушение канонів в январе 1918 г. извержен из сана.

Владимир (Пулята Всеволод Владимирович; 1869–1936 (1941)), епископ — дворянин, выпускник Демидовского юридического лицея (1891), Военной юридической академии (1897), офицер; выпускник КазДА (1901), иеромонах (1900); настоятель церкви при русском посольстве в Риме (1902) и Париже (1906) в сане архимандрита; магистр богословия (1906). В 1907 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии; с 1911 г. епископ Омский и Павлодарский; с 1913 г. Полоцкий; с 1914 г. архиепископ Донской и Новочеркасский; с 1915 г. Пензенский. В марте 1917 г. отстранен от кафедры, в 1918 г. Поместным Собором лишен сана епископа. В дальнейшем был связан с ВЧК, в 1921 г. перешел в обновленчество, был назначен «архиепископом Саратовским», затем «Пензенским»; в 1926 г. самочинно объявил себя «архиепископом Уральским». В 1928 г., принеся келейное покаяние, был принят Временным Патриаршим Священным Синодом как монах; в 1934 г. присоединился к григорианскому расколу, был назначен «митрополитом Томским и всея Сибири», после чего был объявлен Священным Синодом «отпавшим от Святой Церкви и лишенным христианского погребения в случае нераскаянности», был в заключении.

⁹⁴ Богородский Яков Алексеевич (1841–1919) — выпускник (1868) и профессор КазДА

жалуется на немощи, редко где появляется и до крайности осторожен. У М. И. Богословского ослабело очень зрение, заниматься уже почти не может и тоже почти его не видно.

№ 21 от 14 марта 1916 г. Казань. Л. 40–41 об.

л. 40 Любезнейший и дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

И от себя, и от Раисы Никандровны поздравляю тебя со днем Ангела и от всего сердца желаю тебе здоровья, благополучия и блестящих успехов в твоей неутомимой и плодотворной деятельности.

Не знаю, дошли ли до тебя сведения о перемене в моем положении. На всякий случай сообщу тебе об этом сейчас. С 8-го июля минувшего года я получил настоятельское место при соборе Казанского женского монастыря (после смерти прот. А. Ф. Зеленецкого⁹⁵). Итак, четырехлетним моим мытарствам, уготованным мне Синодом, печальной памяти состава и незабвенным злохудожным ректором Академии Алексием, ||

л. 40 об. положен конец; я получил назначение, по поводу которого могу сказать: «теперь я на месте». Оно утешило меня, вознаградило за все претерпенное и придало энергии в дальнейшей работе. Главное, что меня ободряет, это — общее желание всех казанцев — начиная с архиепископа и кончая последней бабой-боголюбкой — видеть на этом месте именно меня. Да и я сам лучшего и более подходящего мне места в Казани не нахожу, а уезжать из Казани — второй моей родины — мне ужасно не хочется. Словом — я теперь в своей сфере. Служи — сколько хочешь и когда хочешь, молись — беспрепятственно и досыта. Работы в монастыре довольно: службы по воскресным и праздничным (даже малым) дням, акафисты, проповеди, — все это поглощает массу времени, и для отдыха остается у меня часто не более двух-трех часов в сутки. Зато какое утешение ви-

л. 41 деть почти всегда || полный собор богомольцев! Приходится также уделять время и на благоустройство клира. Не скажу — много, а все же есть кое-какие дефициты в поведении клириков, блязнящие строгих богомольцев. Конечно, вдруг всего не исправишь, особенно без крутых мер,

по кафедре библейской истории; доктор богословия (1884).

⁹⁵ Зеленецкий Александр Федорович († 29.05.1915), протоиерей — выпускник Тамбовской ДС (1864) и КазДА (1868); преподаватель, инспектор (1880–1900), ректор (1900–1905) Казанской ДС, священник кафедрального Благовещенского собора; настоятель собора Казанской иконы Божией Матери Казанско-Богородицкого монастыря (1905–1915).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

сторонником каковых я никогда не был. Со стороны монастыря, кроме полного сочувствия, уважения и услужливости, пока не вижу ничего, так что нет ни малейшего основания усомниться в искренности сделанного мне при моем поступлении заявления о том, что видеть меня настоятелем собора было общим и единственным делом монахинь во главе с игуменией.

Поступив в монастырь, я не бросил и Академии. По-прежнему читаю по 2 лекции в неделю и поддерживаю с Академией самую живую связь; иногда даже служу там в храме в удовлетворении желания ректора, || профессоров и студентов. Последние своим приглашением меня на л. 41 об. служение, конечно, подчеркивают свою нелюбовь к их теперешнему инспектору⁹⁶. Да и есть за что не любить этого иезуита! Своим непомерным самолюбием, честолюбием и лукавством он много натворил зла в Академии. Постоянное пикирование с ректором и игнорирование последнего, настойчивое проведение своих монашеских тенденций, безудачное хозяйничанье в устройстве монахов-бездарностей на академических кафедрах, вопреки желаниям Совета, нахальство в деле получения им докторства и т. п. — все это сильно волнует Совет и студентов; а сделать против этого нельзя ничего. Наш о. Гурий заручился поддержкой сильного властелина в Синоде — Сергия Финляндского⁹⁷, постоянно к нему таскается и т[аким] о[бразом] обдeldывает свои делишки. Всунул одного монаха — Иону — на Св[ященное] Писание, теперь то же хочет сделать с кафедрой литургики, — посадить при помощи Сергия другого монаха — Софрония, это поразительное убожество⁹⁸. Удивительная бес-

⁹⁶ Архимандрит Гурий (Степанов).

⁹⁷ Архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) в 1913–1917 гг. занимал должность председателя Учебного комитета при Святейшем Синоде.

⁹⁸ Иона (Покровский Владимир Ильич; 1888–1925), епископ — выпускник Калужской ДС (1909) и КазДА (1914), принял монашество и священный сан в 1912 г. Был оставлен приват-доцентом по кафедре Священного Писания, но после начала Первой мировой войны стал военным священником. В начале 1918 г. вернулся в Казань, был арестован большевиками, освобожден белогвардейцами. Эмигрировал в Китай; в 1922 г. хиротонисан во епископа Тяньзиньского, с 1925 г. титуловался епископом Ханькоуским. В 1996 г. прославлен Русской Зарубежной Церковью.

Софроний (Сретенский Сергей Яковлевич), иеромонах — выпускник Орловской ДС (1910) и КазДА (1914), принял монашество и священный сан в 1913 г. Был оставлен на два года профессорским стипендиатом при кафедре пастырского богословия с аскетикой; участник Съезда ученого монашества 1917 г.

тактность со стороны Сергия — слушать одного и игнорировать целый Совет. Ведь что получится в конце концов?!..

Наши профессора — старцы един по единому перебираются на тот свет. Не стало М. И. Богословского и И. С. Бердникова: довольно скоро и почти неожиданно отошли они в вечность, — хотя И[лья] Степанович начал собираться еще в прошлом году. Недавно скончался и С. А. Терновский, успевший, правда, задолго сделать подробные распоряжения касательно своего имущества и погребения. Ну, он буквально таял: от слабости сердца умирал несколько раз, но последние дни как-то опять || л. 40 вспыхнул и даже «сыграл в картишки» и умер почти на ногах. Деньженок оставил, кроме дома, около 30 тысяч, но на стипендию в Академию дал лишь 1000 р., а остальные 6–7 тысяч пусть, де, изобретают сами. Подписка, впрочем, идет, и собрано всего до 3-х тысяч. Остальные наши друзья-старцы, слава Богу, здравствуют.

Пока довольно. Наш нижайший поклон и привет Анастасии Ивановне. Всего лучшего.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 22 от 12 (25) марта 1925 г. Казань. Л. 42–43 об.

л. 42 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Сердечно благодарю тебя за привет к 6-му декабря. Теперь прими и от меня и Раисы Никандровны искреннейшее поздравление с днем твоего Ангела при молитвенном нашем пожелании тебе еще многих лет жизни в добром здоровье и неизменном благополучии.

Наконец-то ты «объявился». А я совсем терял всякую надежду видеть тебя и беседовать с тобой. Несмотря на все старания узнать, где ты и что с тобой, ни от кого не мог добиться этого: кто говорил — в Ленинграде, кто — в Астрахани. И теперь не знаю, где ты пребывал последние 7 лет. Из письма твоего узнал только о настоящем твоем бытии. л. 42 об. Скромненько же приходится тебе жить, хотя || ты и мог бы устроиться и получше. Но я рад, что ты не прельстился предложениями «живоцерковцев». При скромных ресурсах материальных, ты продолжаешь «двигать науку» и не бросаешь своей специальности. Это делает тебе великую честь, особенно в нынешнем «материальном веке».

Скромно живем и мы. При взятии Казани красными пострадала наша квартира: снарядами было выбито до 60 стекол. Пришлось спа-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

саться в самом монастыре. В одну ночь разграблена наша квартира, причем унесено было все лучшее белье, одежда, обувь и пр.; оставлены лишь иконы, книги, посуда и мебель, из последней лучшие вещи были разбиты. Вернувшись в свою квартиру, мы могли занять лишь три маленьких комнатки, в которых ютимся и сейчас, взяв по одной комнате с Р[аисой] Никандровной и уступив одну Юлии Никандр[овне], которая с 1918 г. живет с нами, получая с настоящего || года 8 руб. пенсии за свою л. 43 честную 40-летнюю учительскую службу... При уплотнении квартир не остались пустыми и 4 свободных комнаты в нашей квартире: 2 семьи в 8 человек занимают их; люди, правда, неплохие, но все же иногда нарушают тишину и спокойствие. Голодные годы и дороговизна жизни, конечно, неблагоприятно отразились на нашем благосостоянии: пришлось продать немало ценных вещей и прожить. Ведь приходилось и теперь приходится жить исключительно на монастырские доходы с церковных треб (монастырь, отказавшись от своего дома для духовенства, теперь не дает нам ни квартир, ни пособия); на доходы эти можно было бы жить, но налоги, ремонт и содержание дома, квартирная плата, разные сборы и т. п. крайне обременяют нашу жизнь. Богословский институт, хотя и не закрыт, но уже 2-й год не функционирует за неимением средств. || Деньги поступали чрез Епарх[иальное] управление, а это по л. 43 об. следнее, как «обновленческое», конечно, не благоволит «Тихоновским» учреждениям и всячески тормозит в целом поступлений.

Профессора не прочь бы читать лекции и gratis, да ведь деньги нужны и на отопление, и на освещение, и на прислугу. Вот и существует наш Институт только на бумаге. О профессорах нужно сказать, что и они кое-как влачат свое существование. Самый старший — Машанов, живет у своего зятя в Зеленом доле (верст в 35 от Казани), ничем не занимается; домик его в Казани отобрали. Царевский «сокрушен» и только временно перебивался на советской службе. Несмелов, Нарбеков и другие сидят без места и бедствуют. На службе советской удержались как-то только Керенский⁹⁹ и Пономарев¹⁰⁰, да И. М. Покровский занимает пост пом[ощника] заведующего академической библиотекой, которая теперь присоединена к библио-

⁹⁹ Керенский Владимир Александрович (1868 — после 1925) — выпускник (1893) и профессор КазДА по кафедре истории и разбора западных исповеданий; доктор богословия (1904).

¹⁰⁰ Пономарев Павел Петрович (1872 — после 1925) — выпускник (1897) и профессор КазДА по кафедре догматического богословия; доктор богословия (1909).

теке университетской в качестве архивного отдела последней. Ф. И. Троицкий уже умер¹⁰¹. Умер Л. Писарев, бежавший в Сибирь¹⁰². Умер проф[ессор] Катанов (монгол)¹⁰³. Педагог Дружинин ушел в с. Высокую Гору (18 в. от Казани) во священника¹⁰⁴, Никольский (по нравств[енному] богословию) уехал в Нижний¹⁰⁵. Григорьев (апологет) ушел в с. Звениговский Затон, в преподаватели советской школы 2-й ступени¹⁰⁶. Вот как рассортировались наши профессора. О молодых доцентах не пишу потому, что ты их не знаешь. О научных занятиях теперь и речи быть не может — не до них.

Остается сказать о других казанских знакомых. Живы и здравствуют М. Н. Ивановская «со чады»¹⁰⁷, Е. С. Заблоцкая (сильно скорбит об отнятии у нее дома и поступила заведующей прачечной при студ[енческом] общежитии)¹⁰⁸, Н. М. Красносельцева¹⁰⁹ живет у А. Я. Бо-

¹⁰¹ Троицкий Федор Иванович (1850–1924) — выпускник Симбирской ДС и вольнослушатель КазДА (1879–1883); помощник библиотекаря (1879–1883) и библиотекарь (1883) академии.

¹⁰² Писарев Леонид Иванович (1865 — между 1918 и 1925) — выпускник (1890) и профессор КазДА по кафедре патристики (с 1910 патрологии); доктор церковной истории (1915). В 1918 г. бежал из Казани вместе с белочехами.

¹⁰³ Катанов Николай Федорович (1862–1922) — выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1888), профессор Казанского университета (1894), доктор сравнительного языкознания по совокупности трудов (1907); профессор КазДА (1911–1917); в 1919 г. был избран профессором Казанского университета.

¹⁰⁴ Дружинин Александр Иванович (1865 — после 1925), священник — выпускник (1890) и доцент КазДА по кафедре педагогики; магистр богословия (1901).

¹⁰⁵ Никольский Владимир Александрович (1870 — после 1925) — выпускник (1897) и доцент КазДА по кафедре нравственного богословия; магистр богословия (1901).

¹⁰⁶ Григорьев Константин Григорьевич (1875 — после 1925) — выпускник (1901) и доцент КазДА по кафедре основного богословия; магистр богословия (1905).

¹⁰⁷ Ивановская Мария Николаевна (1850–1935) — вдова профессора КазДА Николая Ивановича Ивановского (1840–1913). В их семье было пять сыновей (Михаил, Евгений, Николай, Кирилл, Владимир), три дочери (София, Надежда, Елизавета) и еще дочь Н. И. Ивановского от первого брака Вера. В 1918 г. все сыновья бежали из Казани в Сибирь; к 1925 г. в Казани оставались Вера [Афанасьева], София [Чумакова], Надежда [Ливанова] и Елизавета [Ушакова] со своими семьями (см.: *Любомудров А.* Род Ивановских в XX веке. Лица и судьбы. Взгляд на одну фотографию // Казань. 2013. № 10. С. 48–61).

¹⁰⁸ Заблоцкая Екатерина Сергеевна — вдова Адама Ефимовича Заблоцкого, сотрудника академии 1870–1883 гг. (письмоводителя, помощника секретаря, библиотекаря).

¹⁰⁹ Красносельцева Надежда Михайловна (1854–1928) — вдова профессора Н. Ф. Красносельцева.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

городского¹¹⁰. А вот что сделалось с этим «благовоспитанным юношей»? После смерти Я[кова] Алексеевича разошелся со своей женой, бросил семью и теперь живет «с другою»... Нарбекова жива, но очень плоха, — в последней стадии чахотки. А. А. Красина умерла.

Этими известиями я и закончу свое письмо. Низкий поклон тебе шлет Р[аиса] Никандровна. За последнее время она что-то стала прихварывать. У ней, можно сказать, 100 болезней: что ни доктор, то другая болезнь, лечиться перестает. ||

До свиданья! Всего тебе хорошего. Будем питать надежду свидеться летом в Казани при благоприятных условиях. Если раздобришься на письмо, то пиши по адресу: Казань, Большая Казанская ул., д. 10, кв. 1, прот[оиерею] такому-то.

Душевно преданный протоиерей Н. Виноградов.

№ 23 от 23 октября (5 ноября) 1925 г. Казань. Л. 44–45 об.

Любезнейший и дорогой Алексей Афанасьевич.

л. 44

Тысячу раз извиняюсь пред тобой за свою преступную неаккуратность: до сих пор не мог собраться ответить на твое письмо от 30 апреля. Сначала ждал твоего приезда в Астрахань, чтобы наговориться с тобой при личном свидании. Но свидание не состоялось. Потом ждал твоего обратного проезда в Петроград. Но и тут ничего не получилось. Пришлось пока ограничиться посылкою тебе поклона и кое-какими сведениями о нашем житии-бытии с Андреем Петровичем¹¹¹. Теперь, наконец, беру перо для беседы с тобой.

Прежде всего, горячо благодарю тебя за твое любезное и интересное письмо и твои книги, переданные с А. П. Тольским. С удовольствием

¹¹⁰ Богородский Алексей Яковлевич (1870–1943) — сын профессора КазДА Якова Алексеевича Богородского, учился на юридическом, затем на физико-математическом факультете Казанского университета, специализировался по химии; с 1898 г. лаборант при кафедре неорганической химии, магистр (1905); профессор Казанского университета (1912), заведующий кафедрой неорганической химии (1919); заслуженный деятель науки и техники ТАСС (1940).

¹¹¹ Тольский Андрей Петрович (1874–1942) — выпускник Петербургского лесного института (1897), лесничий Борового опытного лесничества (1900–1907); профессор кафедры лесных культур Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства в Харькове (1917–1922); профессор Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, заведующий кафедрой лесных культур (1925–1941).

л. 44 об. письмо твое прочитал и плоды ученых трудов твоих рассмотрел. || Радуюсь твоей неутомимой ученой энергии и скорблю о затишье в нашей казанской богословской науке. Но что станете делать при настоящих условиях жизни? Даже обновленцы всячески тормозят в нашей церковной жизни: угрожают, отнимают, выселяют... Отняли кафедральный собор, но сберечь не сумели: в короткое время несколько раз его обокрали, причем даже ободрали серебряные доски у раки св. Гурия. Не так давно сделали попытку отнять у нас и женский монастырь, но, к нашему счастью, потерпели неудачу. Теперь, когда им не удалось нас увлечь на свой «3-й поместный собор», отношения наши еще больше обострились: чего-чего они только не измышляют, чтобы нас стереть с лица земли?! Однако ж народ не идет за ними, напротив, сильно озлобляется. Но оставим их и перейдем к себе.

Живем тихо и мирно. Моя служба вся сосредоточена в монастыре. Работы немало, особенно с тех пор, как мои достопочтенные сослуживцы взвалили на меня неудобноносимое бремя очередной недели. Конечно, мог я отказаться от нее, но не захотел затевать тяжб и ссор. И вот теперь служу наряду с моими сослуживцами и доход получаю наряду с ними. К сожалению, доход сократился с прошлого года, когда наше обновленческое Епархиальное управление стало чинить препятствия к устройству ходов с Казанской иконой в городе и по уездам. Ну да это ничего: тянемся кое-как.

л. 45 Следовало бы монастырю прийти к нам на помощь, но он и сам || оскудел и не может дать нам ни квартир, ни дров. Сам я чувствую себя ничего, но Раиса Никандровна несколько прихварывает: малокровие, нервное расстройство и головные боли страшно изнуряют и ослабляют ее; а главное, при отсутствии всяких служебных занятий скучает она. Развлечений нет никаких. Члены академической корпорации живут врозь и весьма редко видятся. При дороговизне жизни и ограниченности средств именины не справляются и вечера никакие не устраиваются. Вот и живем одними воспоминаниями о веселом прошлом и надеемся на лучшее будущее... Между тем из корпорации один за другим исчезают. 20 июля скончалась от чахотки жена Нарбекова. Бедный Василий Андреевич, лишившийся двух дочерей, жены и одного из сыновей (без вести пропавшего в Сибири), теперь остался с двумя дочерьми и сыном, и бедствует, не имея никакого заработка.

Интересуешься судьбой Поповых¹¹². Ольга Ив[ановна] теперь согбенная старушка, скромно живет в академической слободке при 2-х сыно-

¹¹² Вдовы и детей однокурсника А. А. Дмитриевского по КазДА А. В. Попова —

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

вьях, из которых один служит преподавателем в школе 2-й ступени, а другой — в статистическом управлении; одна дочь замужем за бывшим преподавателем Уфимской семинарии — Песчанским, другая (Екатерина) — в прошлом году умерла у нас в монастыре монахиней Валентиной, третья еще раньше также умерла. Твои землячки — Петровы — живут в Казани; одна из них — Александра — живет на пенсию, другая — Екатерина служит учительницей и получает половинную пенсию. Мать их уже умерла. ||

Осталось сказать о Над[ежде] Мих[айловне] Красносельцевой. Она л. 45 об. живет в семье Богородских, но, к сожалению, прихварывает болезнью сердца. Ей приходится переживать столь грустную историю, которую ни она, ни мы не ожидали. Ее любимый «птенчик» — Алеша Богородский — по смерти Я[кова] Алексеевича пустился в выпивку, познакомился с одной барышней, увлекся ею, потом развелся со своей законной женой, бросил детей и женился на той барышне. Что тут станете делать?

В заключение несколько слов о нашей Академии (здании). На «месте святом» (церкви) — клуб; в главном корпусе предположен «Татарский университет». Книги из библиотеки начинают развозиться: часть богословских книг уже увезена. О протесте или защите, конечно, не может быть и речи. Словом, разгром нашей *almae matris* идет и идет. Больно, но ничего не поделаешь.

Письмо это ты получишь, вероятно, пред отъездом Андрея Петровича в Казань. Ты не тяжел на подъем писать письма. Если у тебя есть что-нибудь, не поленись написать мне. А теперь пока до свидания!

Раиса Никандровна и Юлия Никандровна низко тебе кланяются при пожелании всего наилучшего. Очень хотелось бы и им повидаться с тобой и всласть побеседовать, и потому очень и очень жалеют и они, что свидание наше не состоялось. Будем ждать вестей от тебя с Андреем Петровичем — таким милым и добрым человеком.

Любящий и крепко целующий тебя твой старый друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 24 от 13 (26) марта 1926 г. Казань. Л. 46–47 об.

л. 46 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Я и моя благоверная сердечно поздравляем тебя с днем Ангела и от всей души желаем тебе крепкого здоровья, благополучия и всяческих благ от Господа в твоей труженической жизни и плодотворной деятельности.

Живем скромненько, получаем маленько, лишь бы свести концы с концами. Работы по монастырю довольно, но пока справляемся. Обновленцы ведут подкопы и под нашу обитель, но пока безуспешно. А ведь они успели уже захватить Феодоровский и Ивановский монастыри и кафедральный собор. Последний не сумели удержать за собой: подобра-

л. 46 об. шиеся хулиганы обокрали собор и утащили даже || серебряные доски у раки мощей св. Гурия. Собор теперь запечатан, и гробница перенесена в Пятницкую церковь. Но и эта церковь, как и все другие обновленческие церкви, пустует. Надежду возлагают обновленцы на сельские церкви, которые они захватывают путем обмана темного люда, не понимающего разницу между старой и новой церквами. Явление все-таки печальное!..

Нового и для тебя интересного, при всем желании, сообщить тебе не нахожу. Академия наша продолжает бездействовать и стоит на точке замерзания. Татарский университет окончательно в ней водворился, и теперь там читаются в аудиториях лекции, а в большой академической церкви совершаются театральные и клубные операции. Часть

л. 47 библиотеки перенесена в главный || корпус. Единственный член нашей академической корпорации, имеющий свободный доступ в это «святылище» татарской науки, — это Ив[ан] Мих[айлович] Покровский, продолжающий состоять помощником заведующего библиотекой. С грустью, говорит он, приходится каждый раз посещать нашу *alma mater* и отдаваться воспоминаниям светлых былых времен; утешаться разве только тем, что Академия не превращена во что-нибудь худшее и стоит целой, неразбитой и неразрушенной, как это сделано, напр[имер], с 1-й гимназией и др[угими] заведениями. Сам Ив[ан] Мих[айлович] из тех весьма немногих счастливых профессоров Академии, которым удалось устроиться более или менее сносно: он и живет в своем доме,

л. 47 об. и должность занимает, правда, || с небольшим жалованьем (руб. 40), и семьей окружен приличной. Недавно (28 января) праздновал он «серебряную свадьбу», на которой присутствовали некоторые профессора Академии, в том числе, и я (как венчавший его) с Раисой Никандров-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ной, преосв[ященный] Афанасий¹¹³, который служил на дому молебен. Конечно, было немало разговоров и воспоминаний о прошлом, а во время ужина был распечатан флакончик с «горькой Английской», сохранившийся от свадьбы и теперь распитый гостями (можешь себе представить, с каким аппетитом?!!!) В числе гостей были, между прочим, и две сестры Петровы — Александра и Екатерина. Жалею, что с ними мне как-то не удалось поговорить; но на лица они цветущие. Вечер прошел довольно оживленно.

Писал бы я еще, но материала интересного нет. Будь здоров и благополучен. Нижайший поклон тебе от Раисы Никандровны и Юлии Никандровны.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 25 от 16 марта 1927 г. Казань. Л. 48–49 об.

л. 48 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Раиса Никандровна и я от всей души приветствуем тебя с днем Ангела и молитвенно тебе желаем крепчайшего здоровья, благоденствия и благополучия на многие годы.

Благодарим за сердечное твое письмо к 6-му декабря. Только не в 74-ю, а в 72-ю годовщину вступил я, ибо родился в 1855 году: прости за поправку... С большим удовольствием прочел я интересные сведения о церковной жизни в «матери градов» и у вас — «питерцев». Приходится нам жалеть и только; но что станешь делать? «Земля, господине, такава»... У нас в Казани «зло еще не так большой руки»: 5–6 церквей обновленческих, жаль только, что || в уездах обновленцы ловят на удочку темный люд.

Переходя к себе, я должен сказать, что и здесь обстоятельства не блестящи. Прежде всего, 8-го ноября, в день академического праздника,

¹¹³ Афанасий (Малинин Александр Антонович; 1884–1939), архиепископ — выпускник Пермской ДС (1904) и КазДА (1908), в 1909 г. принял монашество; с 1910 г. и. д. доцента родной академии по кафедре пастырского богословия с аскетикой и гомилетики, с 1913 г. по кафедре церковно-славянского и русского языка с палеографией. В 1916–1918 гг. настоятель Казанского Иоанно-Предтеченского монастыря в сане архимандрита. В 1920 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии; с 1923 г. епископ Спасский, викарий Казанской епархии; с 1926 г. вновь епископ Чебоксарский, с 1929 г. архиепископ; с 1930 г. архиепископ Казанский и Свияжский; с 1933 г. Ташкентский, вскоре Саратовский; с 1935 г. на покое; арестован и сослан.

когда мы праздновали в монастыре архиерейским служением, и богослужение уже было окончено, и я заканчивал панихиду, я вдруг почувствовал слабость в голове и потемнение в глазах; постарался поскорее закончить панихиду и, отказавшись от обеда у игумении, пошел домой, но, не доходя несколько сажен, потерял сознание и упал. Наш монастырский врач признал причину моего несчастья — переутомление. И я действительно перед тем днем поработал не в меру, приготавливая праздник и проч. Соблюдая диету в столе, избегая утомления в работе и т. п., л. 49 я теперь постепенно возвращаюсь в прежнее состояние и, Бог || даст, еще проживу и поработаю. Да вот беда в том, что у моих родных не все обстоит благополучно. 10 декабря (ст. ст.) скончался мой старший брат, у которого я был на юбилее (50-летию его священства); правда, он уже не служил лет 5, но, при его крепости, можно было надеяться, что он еще потянет, но увы!.. Как мне хотелось побывать на его погребении! Но куда поедешь в своем немощем состоянии? А ведь ехать-то всего 1 сутки по железной дороге... Дальше: в феврале случилась беда с Юлией Никандровной. Пошла она в баню с Раисой Никандровной, и на дороге на нее налетел ломовой и оглоблей ударил с такой силой, что переломал у нее ключицу и повредил пальцы на правой руке. Бедная теперь 5 недель лежит и ничем не может заняться; вся работа пала на Раису Никандров-

л. 49 об. ну и последняя, при слабости своих сил, || теперь также заболела, и боли в пояснице, работать не может. Вот тут и делай что хочешь!.. Я в церкви служу, хотя еще не в полной мере и силе, но домашней работы взять на себя не могу. Долго ли продолжится эта история — сейчас сказать трудно; если побережешься, то можно думать, что к лету-то пройдет.

Ты собираешься летом в Казань. Милости просим. Только где ты найдешь пристанище? Сейчас квартир свободных нет. Мы кое-как ютимся в маленькой квартирке. Наши знакомые — тоже. Вот разве к лету, с отъездом курсисток, освободятся комнатки, из которых ты мог бы занять одну, тебе подходящую. Итак, дерзай!

А как бы было хорошо повидаться чрез 16 лет и побеседовать «усты к устам»!

Теперь же пока прощай и будь здоров.

Низкий поклон и поздравление тебе шлет Юлия Никандровна.

До свиданья!

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

2. ПИСЬМО Р. Н. ВИНОГРАДОВОЙ К А. А. ДМИТРИЕВСКОМУ

ОР РНБ. Ф. 253. Д. 388.

Казань, 19 апреля (ст. ст.) 1928 г. 2 л.

Воистину Воскресе!

л. 1

Многоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Благодарю Вас за сочувствие моему горю.

Вы просили написать о кончине и похоронах Николая Петровича. Я и сама хотела это сделать, но не могла до сих пор собраться вследствие нервного расстройства, которое было у меня уже и тогда, когда Вы приезжали в Казань, так как я стала уже замечать, что с Николаем Петровичем делается что-то неладное, а числа 18–19 августа с ним сделался второй удар (первый был в Михайлов || день в 1926 г.) После второго л. 1 об. удара у него стала очень слабеть память, так что он начал уже молиться с молитвенником, а потом стали еще слабеть ноги. В день Вашего Ангела у него сделался третий удар, после которого он не сказал ни слова. Он умер 21 марта (по старому стилю) около 1 часу ночи, а отпевали его 23 марта.

На отпевании были оба архиерея — пр[еосвященный] Афанасий и пр[еосвященный] Варсонофий¹¹⁴ и, как мне передавали, 53 священника (считая в том числе, конечно, и протоиереев); стояли они до самого алтаря. Народу тоже было очень много. Надгробные речи были произ-

¹¹⁴ Афанасий (Малинин), архиепископ — см. выше.

Варсонофий (Лузин Александр Владимирович; 1884–1937), епископ — выпускник Уфимской ДС (1908) и КазДА (1912); при окончании академии пострижен в монашество; и. д. доцента родной академии по кафедре истории и обличения русского сектантства (1912); с 1919 г. магистр богословия и доцент; в 1921 г. арестован по групповому делу преподавателей КазДА; в 1921–1922 гг. инспектор и профессор казанского Богословского института; в 1922 г. арестован и сослан. В 1926 г. хиротонисан во епископа Спасского, викария Казанской епархии; в 1927 г. временно управлял Вятско-Ижевской епархией, в 1929 г. — Иркутской; с 1930 г. епископ Приморский и Владивостокский. С 1931 г. в лагерях; в 1937 г. расстрелян.

л. 2 несены А. В. Лебедевым. А. П. Касторским || и Н. М. Троицким¹¹⁵; речь последнего мне понравилась больше всех.

Хлопотали, чтобы Николая Петровича положили в монастырской ограде, но не позволили, и его похоронили на кладбище в нашей ограде, где лежат мой отец, дедушка и сестра Оля.

Вы писали, что Николай Петрович относился ко мне скорее по-отечески; но я и сама была этому очень рада, так как я никогда не была расположена к замужней жизни, даже христосоваться не любила с мужчинами. По окончании курса я мечтала быть сельской учительницей и л. 2 об. служить народу. По выходе замуж я занималась в школах, || а при новом режиме я служила с лишком четыре года в Статистич[еском] управлении, да почти 5 лет числилась безработной; поэтому я хочу хлопотать о пенсии.

Н. М. Красносельцева тоже умерла.

Что касается библиотеки Николая Петровича, то оказалось, что много книг его пропало; не нашла я, к сожалению, и книг Н. Ф. Красносельцева.

2 сент[ября] (по стар[ому] стилю) мы перешли из той квартиры, где Вы у нас были, в самый монастырь, в больничный корпус, а шкаф с книгами остался в прежней квартире у сестры; ее комната проходная. Относительно оставшихся книг я постараюсь составить каталог и прислать Вам, но не обещаю это скоро сделать, так как мне нужно ответить на многие письма, хлопотать о пенсии; потом приходят покупать вещи, да, кроме того, часто прихварываю.

Будьте здоровы!

Уважающая Вас, Р. Виноградова.

¹¹⁵ Касторский Александр Петрович (1886–1938) — выпускник (1910) и и. д. доцента КазДА по кафедре истории Греко-Восточной Церкви со времени отпадения Западной Церкви от Вселенской до настоящего времени; магистр богословия (1919); в 1922 г. принял священный сан; неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян. Троицкий Николай Михайлович (1879–1937), протоиерей — выпускник КазДА (1904); в 1906 г. принял священный сан, служил в казанских церквях, преподавал Закон Божий в прогимназии и приходских начальных училищах; после революции основал «Братство защиты святой православной веры» для просветительской и миссионерской деятельности в Казанской епархии; в 1918 г. ушел из Казани вместе с белочехами, но в 1922 г. вернулся; служил в Зилантовом Успенском монастыре; с 1924 г. был настоятелем Вознесенского собора; с 1930 г. протоиерей; неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

PS. Нашелся только отчет об ученых занятиях за границую Н. Ф. Красносельцева в течение первого полугодия 1881/82 года, отдельный оттиск из протоколов Каз[анской] духовн[ой] академии¹¹⁶.

¹¹⁶ *Красносельцев Н. Ф.* Отчет об ученых занятиях за границей в Риме в течение первого полугодия 1881/82 г. [ПЗС КазДА за 1882 г. Казань, 1883]. С. 64–87.

Протоиерей Николай Буткин

РОМАН «ВИНОГРАДАРИ. ЧАСТЬ II. ОБРЕЧЕННЫЕ»¹

В настоящей публикации вниманию читателей предлагается вторая часть романа протоиерея Николая Буткина (1882–1937) «Виноградари», названная автором «Обреченные» (первая часть романа опубликована в Вестнике ЕДС за 2014 г.), в которой описаны события 1917–1918 гг. В уездном зауральском городке Шадринске продолжается пастырское служение отца Григория Загуменных (псевдоним автора — прот. Николая Буткина). Описываемые сюжеты переносят читателя то на поля Южного Зауралья, где с чаяниями о дожде продвигается крестный ход крестьян, то к бурным событиям «эпохального» первого свободного Екатеринбургского съезда духовенства и мирян, то в гостиную земского начальника, где неожиданно разгорается жаркая полемика о судьбе русского духовенства и о человеке. И даже... разверзается бездна человеческой души, представленная в письмах прихожанки. Смелое, точное и глубокое слово пастыря, тонко чувствующего боль человеческой души, обращено не только к горожанам послереволюционного Шадринска, но и к современному читателю.

Роман является уникальным источником как по церковной истории Шадринска в эти переломные годы, так и в целом по истории Екатеринбургской епархии. Но самое главное — он отражает жизнь провинциального пастыря в сложное время социальных и политических перемен. В нем нашли отражение личные искания автора, связанные с осмыслением своего пастырского служения. Роман дарит читателям встречи с живыми людьми, воскрешает историческую память о трагических страницах истории Церкви и Отечества начала XX в.

Ключевые слова: протоиерей Николай Буткин, роман «Виноградари», гражданская война, Русская Православная Церковь в XX в., город Шадринск, история Екатеринбургской епархии, отец Григорий Загуменных.

¹ Настоящая публикация продолжает публикацию романа «Виноградари». Первую часть см.: Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Часть I. Сеятель» (вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 289–376.

Протоиерей Николай Буткин — удивительный уральский пастырь, был известен еще в начале XX в. своими проповедями и миссионерской деятельностью, его называли даже «уральский Златоуст». Биография и обзор письменного наследия о. Николая опубликованы нами ранее², поэтому мы остановимся лишь на основных моментах, касающихся романа «Виноградари».

Автобиографический роман «Виноградари» сохранился в следующих частях:

— Сеятель. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132. Тетр. VIII. Л. 1–84. Двусторонний рукописный текст формата общей тетради, о событиях в г. Шадринске в 1916–1917 гг.;

— Обреченные. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132. Тетр. IX. Л. 1–97. Двусторонний рукописный текст формата развернутого двойного листа общей тетради, о событиях в г. Шадринске в 1918–1919 гг.

Роман «Виноградари» состоит из нескольких частей. При публикации первой части мы условно обозначили часть романа под названием «Сеятель» как первую. Однако в рукописи содержится указание на то, что часть «Сеятель» является продолжением романа «Виноградари». Это позволяет предполагать, что существовали части, предварявшие «Сеятель», но в настоящее время не дошедшие до нас. Настоящая публикация начинает издание второй части романа, названной автором «Обреченные». Так как объем рукописи значительный, вторая часть публикуется ниже не полностью; в одном из следующих номеров публикация будет продолжена.

В тексте пунктуация современная, титлы раскрыты, твердый знак в конце слов убран, неупотребляемые ныне буквы заменены на соответствующие буквы современного алфавита. Разделительным знаком (||) отмечаются границы между листами рукописи.

*Вступительная статья, публикация и примечания
С. Г. Буткиной*

² Биографию, обзор письменного наследия и первую часть романа см.: Там же.

л. 1

Глава третья Обреченные

После Троицы³ начались богомолья — хождения с иконами по полям с молебствиями о дожде⁴ и благополучном произрастании хлебов. Еще на школьной скамье Загуменных приходилось слышать мнения, что моления о дожде ни больше ни меньше как пережиток дикости. Но он смотрел на это дело иначе. По его убеждению, чистый источник веры давно засорен и завален культурным слоем привычек и умонастроений. Но в известных точках, особенно в народной жизни, ручей веры пробивается наружу. Одним из таких моментов и являются богомолья. Они, по мнению о. Григория, были истинным испытанием веры в милосердие⁵ Божие. А потому предложения крестьян походить с иконами по полям⁶ он принимал с радостью, но всегда постился в эти дни и шел на богомолье как на подвиг за людей перед Богом. С первого же шага он показал это. Когда крестьяне, подняв из часовни иконы, пошли, а ему с дьяконом предложили сесть на подводу, чтобы доехать до первой стоянки в поле, о. Григорий властно остановил крестный ход, заявив, что пойдет л. 1 об. пешком за иконами. И тут же, взяв в руки крест напестольный, || встал за икононосцами впереди народа. Он слышал, что богомольцы на ходу пели молитвы, но сам шел молча, взывая ко Господу. «По вере вашей

³ Праздник Святой Троицы в 1917 году приходилась на 3 июня (по н. ст.).

⁴ Молебствия о дожде — многовековая традиция крестных ходов, совершаемых как в определенные праздники, дни святых и чудотворных икон, так и в конкретных обстоятельствах, требующих каждый раз назначения срока — начало и конец сельскохозяйственных работ, первый выгон скота, засуха, непрерывные дожди, эпидемии людей и скота, необходимость освятить определенные места (перекрестки, колодцы и др.).

⁵ Здесь и далее заглавной буквой автор подчеркивает смысловую значимость слов.

⁶ Шествие с крестом, хоругвями и иконами, сопровождаемое молебнами о милости Божией и с просьбами о дожде.

будет вам», — вспоминал он эти и подобные им слова Евангелия и напряженно молился.

Пришли к первой стоянке. Около лесочка была устроена из ветвей палатка с полками для икон. Расставив иконы по местам, начали молебствие. Помолвились изрядно. Три акафиста прочел батюшка сполна. По окончании чинопоследования окропил близлежащее поле освященной водой и приготовился, держа крест в руке, идти дальше. До следующей стоянки пришлось идти версты три. День был солнечный, жаркий. Небо выглядело как спокойное море, без единого облачка. Тем настойчивее молился про себя о Григорий. «Господи, — твердил он из души выходящие слова, — пред Тобой народ, у которого нет на земле заступника. Помоги и утешь их».

Когда закончили молебствие на второй стоянке, солнце склонялось уже за полдень. Мужики предложили батюшке закусить. Он согласился, распорядившись вместе с тем, чтобы иконы оставили на местах. Разостлали скатерть на земле и сели за уху. Но только что начали есть, как произошел непредвиденный случай. Хозяин поля, пошептавшись предварительно с дьяконом, || подошел к провиантской корзине и, вы- л. 2 тащив оттуда бутылку водки, стал наливать в стакан.

— Это что такое, зачем? — вспыхнул батюшка, вскочив с места, — хотите осквернить молитву?

Он быстро выхватил бутылку из рук растерявшегося мужика и швырнул ее в сторону поля. Сам сейчас же велел поднимать иконы. Мужики было стали уговаривать его не сердиться, сесть за обед, но он сильно волновался и ему хотелось успокоиться на ходу. Перед тем как идти, он сказал:

— Вот что, братцы! Пойдемте с миром молиться дальше. Но запомните. Никогда не скверните этой молитвы на полях пошлой выпивкой. Господу приятен подвиг.

Молились еще на двух остановках. Но уже когда подходили к последней стоянке, к радости о Григория, повеяло ветерком, по небу плавали сгущенные облака, а там, с юга, шла большая синяя туча. Богомольцы участливо переговаривались по этому поводу. Батюшка все замечал, но не выдавал своего волнения и продолжал молиться. Одна мысль настойчиво исходила из сердца: «Пошли, Господи, знамение. Пусть уверятся, что не напрасно ходили мы с молением по полям». Домой шли,

слыша отдаленный гром и видя сверкание молнии. На лицах богомольцев сияла радость. Утомления не чувствовалось. ||

л. 2 об. — Вот и умолили Господа, — крестясь и показывая на тучу, говорили женщины батюшке.

Он же словно боялся скороспелой радостью спугнуть тучу. Сочувственно кивал головой и про себя молился. По домам разошлись сухими, но только о. Григорий сел с матушкой попить чайку, туча надвинулась и полил дождь. Он не мог усидеть от радости. Подходил к окнам, выбегал на крыльцо, любуясь свежестью и усиливающимся дождем. Вскоре дождь обратился в ливень, от грома звенели стекла в рамах, молния пускала по небу угрожающие стрелы. Но гроза не страшила, а радовала сердце. Она была как награда верующим, поощряя их в надежде на близость Господа.

Одна за другой соборные деревни выходили с иконами в поле. О. Григорий отзывался на приглашения охотно. Богомолья отвлекали его от грустной действительности и ставили в самое тесное общение с природой.

Вот идет он, окруженный толпой, по полям, межой. По ту и по другую сторону толпы — зелень хлебов. По краям пашен немудрые цветы: колокольчики, ромашка, повилка — так мило смотреть на них. Между тем зеленеющие пашни сменяются парами. От ног поднимается пыль, сухие комья земли, отбрасываемые ногами, напоминают, что земля ждет дождя. О. Григорий поднимает глаза к небу. Жаворонки высоко-высоко л. 3 иг- || рают в воздухе. Небо широко распахнуло свой зонт над землей и так нежно покрывает деревни, вдаль виднеющийся город, леса, поля. Есть в этом просторе гипнотическая сила. Она действует на сознание усыпляюще, гася в нем тревожные мысли. Хочется просто жить, дышать, смотреть, и о. Григорий жадно впитывает в себя этот покой бесконечности, отвлекаясь от дум и забот житейских. Но подошли к стоянке.

О. Григорий читает акафист св. пророка Илии. И мысли батюшки невольно возвращаются к действительности. Жрецы Ваала напоминают ему самоуверенных вождей культуры. Иезавель олицетворяет собой дух времени. И кто знает, не надвигается ли на служителей Господних то же гонение, какое было во дни Иезавели? Он ищет в образе пророка себе подкрепление, и выразительна его передача по акафисту славных дел и знамений ревнителя веры. Моление окончено, о. Григорий снова с

народом на пути. Лицо его спокойно, ласково. Женщины, видя его обходительность, спрашивают:

— Ну как, батюшка! Умолили сегодня Господа?

Как ни прост этот вопрос, О. Григорий вздрагивает. В его мыслях все еще продолжается борьба человека Божия Илии со жрецами Ваала. Вопрос женщин волнует его, потому что он чувствует в их простых словах скрытый смысл.

— Кто восторжествует: люди веры || или Иезавель гонительница? л. 3 об.

Батюшка, к удивлению спрашивающих, медлит с ответом. Он чувствует, как много нужно испытать людям Божиим. Но вера видит торжество Илии над жрецами Ваала, и о. Григорий отвечает.

— Молитесь, а Господь знает, когда и как подать просимое.

Женщины скромно оставляют батюшку. Крестный ход продолжается, и идут, идут богомольцы по родным полям, с любовью к земле, с верой в свой труд, с надеждой на милосердие Божие.

Богомолья — апофеоз земледельческих настроений. В них душа крестьянская выявляет тайну своих связей с землей. Не трудом одним и заботами о пашне выращивается хлеб на полях. Кроме этого, нужно иметь еще религиозное отношение к природе, ибо две заповеди даны человеку. «В поте лица ешь хлеб свой»⁷ — это первая заповедь и другая: «Взирай на Господа в печали своей, и Тот пропитает тебя»⁸. Эти мысли о. Григорий высказывает в проповеди крестьянам тут же, на молебствии. Он убеждает их крепче держаться за вторую заповедь, обещая им постоянную помощь от Господа. Крестьяне слушают, ободряются в вере своей и, единодушные, поднимают иконы. Остановка на обед. Невдалеке, на открытом месте колодец. Разоблачившись, о. Григорий идет к нему отдохнуть, пока приготавливают закуску. Он садится на сруб и дышит простором || и негой полей. Далеко-далеко вокруг зеленеют овсы, пшеницы. Воздух дрожит над хлебами от жару. Слабый ветерок разряжает духоту. Тихо кругом. Батюшка весь ушел в созерцание картины природы. Колодец в поле, жаркий полдень, тишина окружающая — напомнили ему встречу Христа с самарянкой⁹. «Вот и Христос так же сидел у колодца, отдыхая», — перебирал он в мыслях священное воспоминание. «Как сладко! Как хорошо!

⁷ Быт 3. 19.

⁸ Пс 54. 23.

⁹ Ин 4. 1–42.

Словно в доме Отца Небесного». Вдали виднеется синь. Там город. Там суета. Люди борются за кусок хлеба. Ищут путей к хорошей жизни. Ах, не идти бы туда, в этот омут страстей. А ждать бы и ждать, когда оттуда, вконец измученные смутами, придут сюда, к колодцу Иакова¹⁰, за водой Жизни. Но где Самарянка, которая бы направила их сюда?

— Батюшка, пойдём, ушка поспела.

Перед ним стояла женщина. Он смотрел на нее, все еще будучи во власти дум. Он словно искал в ней духовной любознательности самарянки. Но женщина казалось самой обыкновенной. О. Григорий шел за ней, а сам думал: «Кто знает? Кто знает! За внешностью не видишь, что скрывается внутри. Однако женщина и теперь стоит по вере выше мужчины. И л. 4 об. не они ли || приведут ко Христу отпавших и измученных мужей своих?».

Обед из ухи и квасу с хлебом сопровождается разговорами. Один старик рассказывает о батюшке Дождевике!

— Так его и прозвали мужики Дождевиком. Все священники молятся кругом о дожде — ничего. А позовут этого батюшку мужики, непременно тучки соберутся и дождь польет. Так-то ли любили его за это.

— Праведной жизни, значит, был человек — вставил свое слово степенный крестьянин.

— Кто его знает, — отозвался на это рассказчик. — На праздниках от водочки не отказывался, бывало и ослабеет под конец, ходя с крестом по домам.

— Ну, водка — не грех, — немного развязно заметил сосед дьякона. — Нашему брату крестьянину без нее не прожить. Зимой, в сырость — только ею и держишься.

Женщина-хозяйка, хлопочущая за обедом, видимо, прислушивалась к разговору и, обращаясь к мужикам, сердито проговорила:

— Вы бы лучше батюшку спросили — почему и как доходчива была молитва священника, а то к чему-то водку приплели.

¹⁰ Колодец глубиной ок. 35 м, расположен примерно в 500 м юго-восточнее ветхозаветного Сихема, на северо-западной стороне горы Гаризим (Быт 33. 18; Нав 24. 32; Ин 4. 6). Согласно самарянскому преданию, этот колодец, наполняющийся водой из источника (ср. ст. 11), был выкопан Иаковом, сыном Исаака (ст. 12). Близ этого места (современный Бир-Якуб) проходит дорога, по которой некогда путешествовали патриархи. Упомянутый в Ин 4. 5 Сихарь — это, вероятно, современная деревня Аскар, находящаяся в 10 минутах ходьбы от колодца Иакова (URL: <http://bible.by/lexicon/brockhaus/word/2084/> (дата обращения: 21.10.2015)).

Мужики конфузливо смотрели на о. Григория. Он не стал дожидаться от них вопроса.

— Дары Божии, — учительно говорил он, — || даются не за праведность, а за усердие и искреннюю веру в Господа. Ваш батюшка Дождевик, — улыбнулся он при этом, — может быть, и грешил водочкой, но искренно умел молиться и желал мужикам добра. А о таких верующих в Писании сказано: «Иному дается от Бога дар исцелений, иному дар истолкования Писания, изгнания бесов, иному дар чудотворения».

Вопрос был исчерпан. Но беседа не прекратилась. Кто-то вспомнил о бывшем лет 5 тому назад градобитии. О. Григорий попросил рассказать. Рассказ начал сосед дьякона.

— Дело было после Тихвинской¹¹. Дождей не было давненько. Жара стояла несносная. Только и дум было у всех: вот бы дождичка. С полдня заходили облака по небу, и собралась такая туча, что страх взял. Главное дело, шла она с широкой белой полосой. А это уж верный знак — град падает. Мужики качали головами, бабы суетились, прятали птицу, скотину, скликали ребят в избу. А туча шла прямиком на нас. Начался ветер. Молния, гром гремел, и большому страшно. Забрались все в избы, ждем. От женщин только и слышишь: «Заступи, Царица Небесная!». Да не заступила, видно. Такая ли буря поднялась, крыши железные || срывало. л. 5 об. Клоки соломы летали по улице как перья. И вдруг застучало, зазвенело, не приведи Бог. Градины валялись на земле с голубиное яйцо. С ветреной стороны все стекла повыбило. Поднялся плач, ребята перепуганные кричали. Женщины запричитали. И часу не прошло, все было готово. Поехали в поле, — ни одного стебля на пашнях, повыбило, искрошило, словно бы машиной. Беда горькая, а винить некого.

— Как это некого? — вступилась хозяйка. — Тут вот забыл о водке-то, проклятой, помянуть. А в ней вся причина. Пьют, пьют в праздники. Хоша в ту же Тихвинскую. Господь-то и наказал.

— Как же прожили год? — спросил о. Григорий, умеря впечатленье от правдивого, но сурового выпада женщины.

— А так и прожили. Питались лебедой, нанимались в рабочие к тем, у кого хлеб был. Кое-кто и поумирал, конечно. Что делать? У мужиков беда да нужда — гостья частая.

¹¹ Праздник Тихвинской иконы Божией Матери — 26 июня / 9 июля.

От рассказа повеяло грустью. Захотелось развеять ее бодрым словом, и о. Григорий сказал:

— Не будем жаловаться, братцы! Не там беда, где слезы да нужда, а там беда, где грех да вражда. Сегодня Господь посетил нас нуждой, зато зав-
л. 6 тра Он же и утешит нас. Будьте только верны || Ему и в горе, и в радости.

Батюшка проверил глазами впечатления и, видя, что его слова выслушаны с вниманием, он весело закончил: «Идемте молиться».

И молились. Три недели в таких богомольях прошли, как один день. О. Григорий отдохнул, загорел, словно на дачу съездил. Матушка, смеясь, говорила ему:

— Ты совсем омужичился. Наверно, и говорить будешь «почё» да «эфто».

— Ничего, Надя. Это не вредно, — весело отвечал батюшка, — по-
праздновал я за эти недели, теперь воевать будем.

Он и не подозревал, что ему действительно скоро придется вступить в бой. А вышло так, и вызвали его к этому действия отцов на Епархиальном съезде. Расскажем об этом подробнее.

Епархиальный съезд собирался на сей раз в необычном порядке. Во 1-х¹², созыву его предшествовало послание Синода ко всем чадам Православной Церкви¹³ о том, что по усмотрению церковной власти и с разрешения правительства созывается церковный Собор¹⁴ для присутствия на котором Епархиальный съезд должен был выбрать двух делегатов — одного из духовного звания, а другого мирянина, и во 2-х¹⁵, по отношению
л. 6 об. Ек[атеринбург]ской епархии от того же Синода || имелось распоряжение, что еп[ископ] Серафим¹⁶, правящий до сих пор епархией, увольняется.

¹² Во-первых (сокращение по тексту рукописи).

¹³ 29 апреля 1917 года Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви принял послание «Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Церкви», в котором, в частности, говорилось, что «издревле господствующее в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления...». Подробнее см.: *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. С. 148–149.

¹⁴ Поместный Собор Православной Российской Церкви (1917–1918).

¹⁵ Во-вторых (сокращение по тексту рукописи).

¹⁶ Епископ Серафим (Голубятников) возглавлял Екатеринбургскую кафедру с 1914–

Епархиальному съезду предлагается произвести выборы нового епископа. Казалось, наличие таких чисто деловых и серьезных задач, поставленных перед съездом духовенства, должны были освободить отцов от всякой ненужной декламации и вредного уклона в политику. Но это возможно было только в том случае, если бы церковное дело было для отцов их собственным делом и волновало их не меньше, чем вопросы о доходах, церковной земле и духовных школах. Этого, однако, не замечалось. Духовенства на съезд съехалось много¹⁷. Собрались не только выборные депутаты, но и гости, привлеченные интересом к первому свободному собранию церковников. Дня за два до открытия съезда епархиальное училище, предоставленное за освобождение от занятий в распоряжение депутатов съезда, заполнено было священниками и дьяконами до отказа. По всем классным комнатам, уголкам зала, коридора, шли кружковые беседы. Небезынтересно послушать, о чем и какие велись разговоры. Горячо обсуждались факты изгнания священников прихожанами из приходов. Какой-нибудь батюшка искренно возмущался произволом || мужиков, считая изгоняемых священников просто жертвами дикости и л. 7 темноты. Но тут вмешивался староста — выборные от мирян, в большинстве случаев, были представлены старостами. Он упирал на то, что надо принять во внимание и положение прихожан. Изгоняют не везде, значит, там, где это случилось, имелись достаточные основания. Видимо, за батюшками водились грешки, и немалые. «Кто же без грехов?», — слышался недовольный отпор говорящему со стороны духовных.

— Так-то так, отцы, — спокойно продолжал староста. — Но теперь время другое настает. Власть церковная не напрасно признала за приходами право избирать духовенство.

1917 г. (История Екатеринбургской епархии. С. 536). 17 марта 1917 г. на съезде представителей Комитета общественной безопасности Екатеринбургского уезда был представлен особый акт, в котором, в частности, говорилось: «...съезд постановил просить Временное правительство о немедленном удалении Епископа Серафима из Екатеринбургской епархии». 21 марта 1917 года епископ Серафим навсегда покинул свою спокойную паству (см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 164; Верноподданный архипастырь: служение епископа Серафима (Голубятникова) в Екатеринбургской епархии / *авт.-сост. В. В. Богомолов.* Екатеринбург: Изд-во Уральского церковно-исторического общества, 2014. 359 с.).

¹⁷ *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 26–28; *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года... С. 172–174.

Разговор в кружке, где были миряне, после этого прекращался. Но где-нибудь сходились одни батюшки, и тут уже пожилой, с золотым крестом на груди иерей, высказывался.

— Не надо бы спешить с выборным началом. Это хорошо там, где народ приучен к общественной жизни и, к тому же, имеет понятие. А у нас мужик каков? Ему что ни весть творить, лишь бы подешевле, да льгот побольше.

Споров на этот счет не было. Только кто-нибудь из неугомонных, желая вызвать на разговор замолчавших, вдруг вставлял:

л. 7 об. — А вот мы как будем выбирать || епископа-то?

Братия вскидывали глаза на говорившего, точно ожидая, что он скажет дальше. Но тот молчал. Тогда тот же иерей осторожно замечал:

— Сие тоже для нас затруднительно. Кого мы знаем? На западе так там у всех на глазах конгрегации, ордена и кандидаты на церковные должности связаны с жизнью приходов тесно, а у нас? — он умолк, пожав плечами.

Но неугомонный опять вмешался. На этот раз, пожалуй, не совсем благочинно.

— У нас тоже есть монастыри: Д[алматов]ский, Вер[хотур]ский. Выбрать, разве, Каллистрата¹⁸.

Каллистрат был архимандрит Вер[хотур]ского монастыря, безграмотный и грубый. Батюшки поняли насмешку, неловко улыбались и расходились, боясь соблазна попасть в соучастие с заговаривающимися.

В большой сравнительно компании обсуждался закон революционного правительства об изъятии из ведения духовенства церковно-приходских школ¹⁹. Распоряжением власти церковно-приходские школы прекращали свое существование. Отныне должны существовать только

¹⁸ С 1905 по 1925 г. настоятелем Верхотурского Николаевского монастыря был игумен (с 1913 г. — архимандрит) Ксенофонт (Медведев). Прот. Н. Буткин или сознательно изменил, или, что вероятнее, забыл (перепутал) имя, когда писал свой роман. Об архимандрите Ксенофонте см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 147; *Иванова О. [В.]*. Покаяние архимандрита Ксенофонта // Кифа. 2014. Декабрь. № 15 (185).

¹⁹ Декретом Временного правительства от 20 июня 1917 г. церковноприходские школы и другие церковные училища были переданы из ведения Святейшего Синода в ведение Министерства народного просвещения (*Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 115).

школы министерские. Здания церковно-приходских школ передавались в ведение земств. Сожаление о том, что духовенство лишалось обучать по-своему, не было заметно. Распоряжение правитель- || ства затрагива- л. 8
ло отцов с другой стороны. Один батюшка и высказал это.

— Как бы вслед за приходскими школами не отняли и духовные училища, семинарии. Беда тогда нашему брату.

Среди беседующих водворилось молчание. Грустные мысли завладели, казалось, всеми. Но среди присутствующих оказался наш знакомец о. Вл[адимир] Ер-ин²⁰. Он приехал в город из любопытства и втирался в кружки беседующих, чтобы слышать и знать, что говорят отцы. Он и тут смешил немало братию. На этот раз он приволок в кружок батюшку со словами: «Посочувствуйте, братцы, о. Виталию. У него на днях школа церковная сгорела». О. Владимир явно насмешничал. Его сначала не понимали и смотрели на него удивленно. Он не смущался и продолжал:

— Сколько труда-то положил человек. Строил часовню, школу. Награду получил за это, камилавку. И вдруг только что выстроенное здание сгорело. Не досадно ли? Сегодня власть распорядилась, чтобы церковные школы сдавали Земству, а завтра вот какой случай: здание вновь построенное сгорело.

Отцы забыли грустные думы. Смеялись. Чувствовали соль в словах насмешника. Кто-то для полноты впечатления обратился к о. Виталию с вопросом: «Как же это случилось?». Тут и сам || виновник оживленной л. 8 об.
беседы, видя кругом себя смешки и ужимки, впал в тон греховодника Ер-на. Так же двусмысленно ответил:

— Как случилось? Почему я знаю? Меня там не было. Заронил кто-нибудь. Кругом стружки лежали, спалить было нетрудно.

— Жаль, поди, — подсуживал кто-то.

— Чего ему жалеть, — не удержался, чтобы не сострить, о. В[ладимир], — школа сгорела, камилавка на голове осталась.

Около сидевших за газетой завязывается разговор о войне. Тут не шутили. Телеграммы о продолжающемся отступлении русской армии выслушивались с неподдельной горечью.

— Не бывало, кажись, такого срама, — говорил один. — Там война идет, а в деревнях дезертиры множатся. Говорят то, от чего и во сне сердце замирает.

²⁰ На сегодня нет возможности точно установить фамилию описываемого священника.

— Действительно, страшнее не придумаешь, — подхватил другой и начал рассказывать о собственной встрече с солдатом в сборной избе.

— Позвали меня мужики: пойдём, говорят, батюшка, человек с фронта пожаловал. Побеседовать желает с тобой. Мы народ темный, ты с ним потолкуй. Смутительно слушать. Войны, говорит, не надо. Землю от попа всю берите и засевайте сами. Чувствую, мороз по коже. А делать нечего. Пошел. В избе теснота, мужики, женщины, ребятишки. Еле-еле пробрался к столу. Вижу, стоит у стола парень в солдатской гимнастерке и в фуражке набекрень. Смотрит на меня вызывающе, вот-вот в драку л. 9 вступится. || Оробел я сильно, но креплюсь. Сел на лавку и спрашиваю: «О чем, братцы, речь ведете?». Ближние нехорошо улыбнулись, и, глядя на парня, отвечали: «А вот послушай». Парень понял это как поощрение и начал примерно так, что теперь должна быть власть народная и мужикам не надо слушать ни попов, ни кулаков. Все они за войну, известно. Кулаки-торговцы немало нажились за это время, а попам что: их не берут на фронт, они и мутят народ: воюйте. Им же легче жить будет, много крестьян да рабочих перебьют.

Вижу, парень бьет на инстинкты. Ничего ему не дорого, кроме своего угла, своей земли и семьи. Решился возразить:

— Что ж, говорю. По-твоему, дело выходит так. Бросайте ружья, пушки, уходите домой, а немцы, между тем, будут продвигаться в глубь России и отнимать наши города и земли.

Не смутился парень, говорит:

— Мы бросим воевать, и немцы перестанут. У них ведь тоже дома — жены, дети, хозяйство. Небось, надоело терпеть грязь да голод. Братались с нами на фронте хорошо. Зря пугает батя народ, что наши земли отнимут. Не земли вам наши дороги, а милость буржуев да свои карманы. Это оберегаете. Так у нас тоже есть свое родное поле да хозяйство. Мы тоже за это болеем. В деревне живешь. Неужели не видишь. л. 9 об. Бабы и старики изнемогли. Поля травой зарастают, скот гибнет. || Нет управы ни в избах, ни в поле.

Вижу, мужики и женщины совсем подались на его сторону. Кое-кто из баб уж и слезу пустил. Зло взяло. Говорю: «Братцы! Вас разжалобить хотят. Но подумайте. Неужели для вас ничего не значат Родина, вера? Ведь, не легче вашего жилось крестьянам в Отечественную войну, а люди все же не стонали. Шли на защиту земли Русской, героически уми-

рали за святыни. А вам вот одно твердят: «Укрывайся в деревне, хлопочи около своего поля со своей хозяйкой. А там хоть все бери враг. Не жалко». Стыдно, мужики, такие речи слушать. Посмотрите, кто вас учит. Ведь этому пареньку еще самому надо долго ума копить. А вы готовы к нему с бородами в ученики записаться. Не дело это, православные». Я хотел было выйти, но парень взял меня за руку.

— Куда, батя! Подожди, выслушай, что я скажу.

Вижу, что не отвяжется, сел. Ну, солдат и начал тут честить²¹ порядки да царскую власть. Мужики, по его словам, кроме кабалы да палки ничего не видели от царей да помещиков. За что же им сражаться? За веру и святыни? «Но что вам дала вера, мужики? — спрашивал он ехидно. — Поп берет. Архиерей берет. Земли им подавай, работай на них, а они жируют да плодятся». Парень развернул такую картину поборов, что совсем оглушил мужиков. «Митрополиты, вот, получают по сту тысяч в год. Самый бедный архиерей имеет доходов не менее 20 тысяч. У священников земля, || сборы, плата за требы, готовая квартира. Жи- л. 10 вут помещиками». Не вынес я такой наглости. Соскочил, говорю: «Будет, мужик! Неужели не понимаете, что такие речи от беса вещаются. Не могу слушать». Вырвался, ушел, как ошпаренный. Жду, кто выйдет за мной. Не тут-то было, все остались. Значит, поддались на льстивые слова. Вот и полагайтесь на религиозную душу мужиков!

Батюшка кончил. Он устал от долгой речи. Но его слушали внимательно и серьезно. Все переживали в себе горечь рассказчика. Когда же тот замолк, каждый качал головой, смотря сочувственно на соседа. Чувствовали, что духовенству нелегко будет справиться с этой новой правдой.

— В прелесть, в опасную прелесть впадает народ, — заключил разговор один старый батюшка.

В таких беседах проводили время, и как разнообразнее они ни были, через них духовенство ни на шаг не продвигалось к прямой цели — к осознанию того, что ему нужно сделать на сегодня. К общественной работе духовенство не было приучено и потому никто не считал нужным ни организовать депутатов, ни помочь разобраться им в вопросах съезда. Заправила съезда, конечно, совещались между собой, но они видели перед собой только одну задачу — снять с духовенства пятно контрреволюционности и подчеркнуть на съезде безоговороч-

²¹ Бранить, обзывать обидными словами (по толковому словарю С. И. Ожегова).

л. 10 об. ную верность церкви- || ков новому строю²². Это почти предопределяло практическую бесплодность съезда. Но это открывало путь к декламаторству. Отцы, не задумываясь, пошли по этой легкой дорожке. В те дни декламаторство, впрочем, не могло казаться странным. Тогда все только и делали, что говорили, начиная с Керенского.

На первом заседании съезда о. Иван Ст[орож]ев²³ покори́л словом своим депутатов. Они слушали его как завороженные. Казалось, с паде-

²² В апреле — мае 1917 года в неофициальном отделе «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» проходит ряд публикаций, отражающих настроения местного священства в связи с Февральским переворотом.

В ожидании первого свободного съезда Екатеринбургской епархии и первых свободных выборов возносятся благодарственные молитвы «за это счастье тем, кто нам его подарил» (ЕЕВ. 1917. № 18. 30 апреля. С. 157). От редактора ЕЕВ прот. И. Уфимцева звучат слова о том как «велика должна быть благодарность наша борцам за свободу, горяча должна быть молитва наша за тех, что “жертвою пали в борьбе роковой”» (ЕЕВ. 1917. № 18. 30 апреля. С. 157). Рассуждая о свободе слова, вспоминается насилие которым «только и жил царизм, ... мы, русские, трижды должны проклясть его» (ЕЕВ. 1917. № 19. 7 мая. С. 171), «...государственный переворот “обеспечил Церкви возможность и право свободного устройства”» (ЕЕВ. 1917. № 19. 7 мая. С. 175). Звучит призыв: «Архипастыри “в эти смутные, но великие и святые дни” должны идти по пути церковного возрождения... и устремиться всеми силами вперед к тому светлому огню, который там вдали на горизонте Русской Церкви так ярко разгорается!». (ЕЕВ. 1917. № 19. 7 мая. С. 176, 177). Под рубрикой «Мысли иерея» публикуется предложенная свящ. М. Титовым схема реформы благочиния. В заключение иерей призывает проявить «дух и ревность истинных служителей слова правды, мира и любви, этих великих начал, объединяющих христианство и социализм» (ЕЕВ. 1917. № 20. 14 мая. С. 194).

Однако вскоре в рубрике «Кошмары наших дней» появляется информация: в Минске на Епархиальном съезде поднялся вопрос о закрытии монастырей с обращением их средств на нужды государства. Первыми сторонниками закрытия были представители духовенства (ЕЕВ. 1917. № 21–22. 21–22 мая. С. 208); в Москве «съезд учащих церковно-приходских школ телеграммой на имя министра народного просвещения выразил свое желание о скорейшем переходе церковных школ в ведение министерства народного просвещения». По решению съезда московские церковно-приходские школы «присоединились ко всероссийскому учительскому союзу», а одну из основных задач, указанных в уставе этого союза, стало «признать преподавание религии частным делом, исключить это преподавание из курса общественных школ» (ЕЕВ. 1917. № 21–22. 21–22 мая. С. 209, 210); в Новочеркасске «одиннадцать псаломщиков по поручению съезда арестовали духовную консисторию...» (ЕЕВ. 1917. № 21–22. 21–22 мая. С. 210).

²³ Иван Владимирович Сторожев (1878–1927), безусловно, незаурядная личность. Есть свидетельства о высоком юридическом таланте И. В. Сторожева, особенно о его ораторских способностях. Но к 1912 г. он разочарован как в миссии обвинителя, так и в миссии защитника. Иван Сторожев приходит к выводу, что первопричина не-

нием царской власти Россия не только вступила на путь желанной всеми свободы, но совершила чудесный, захватывающий сердце от радости прыжок в царство блаженных. Забыли все тревоги, неприятные столкновения, зловещие факты жизни. Людям мерещились видения счастья, и они под впечатлением горячих слов ораторов, принимали самые головокружительные резолюции. Единодушно приветствуя революцию, съезд тут же, в порыве самозабвения, провозглашал наступление мира и единения Церквей. Но не подумайте, что имелись в виду старообрядцы. Это казалось делом домашним, а отцы тянулись к Европе, думали в мировом масштабе и посылали братские приветствия ксендзу — представителю Римской Церкви, пастору — представителю лютеранства. Те на эти приветствия промолчали, но отцам и не нужен был ответ. Они расписывались только в своих чувствах. Пафос был необычайным. Тем труднее для отцов казалось схождение с высот мечтаний в сферу || зем- л. 11 ной действительности. Когда нужно было произвести выборы депутатов на Собор, отнеслись к этому чисто формально. Не дали выборным ни наказа, не сделали даже малой попытки к тому, чтобы наметить, чего они ждут в первую очередь от Собора. Еще хуже сошли выборы кандидата на епископскую кафедру. Никто не постарался ни организовать депутатов, ни осведомить их, как следует, о лицах, намеченных к выбору. На собрание являлись, не имея ничего определенного. Самые выборы заняли два заседания. На первом один за другим сходили на кафедру батюшки и сообщали характеристику того лица, которого они хотели бы видеть епископом в Ек[атеринбург]ской епархии. Характеристики выслушивались внимательно, но при этом принималось в расчет и то обстоятельство, кто рекомендовал того или иного кандидата во епископа. После заседаний, когда духовенству предоставлялась возможность трезво обсудить все кандидатуры, выяснилось, что согласия на избрание одного кандидата добиться было невозможно. Мешали делу

справедливостей мира в греховности человеческой. Общественные нестроения — ее следствие. Стало быть, следует направить силы на христианизацию душ людских. В 1912 г. он оставляет юридическую карьеру и принимает священнический сан. В начале революционных перемен в России отец Иоанн, как большинство екатеринбургских священников, был искренне убежден, что этот путь приведет Русскую Церковь к ожидаемому возрождению (Сухарев Ю. М. Биография протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева (1878–1927) // История Свердловской области в архивных документах: Мат-лы научн.-практ. конф. Екатеринбург, 2014. С. 182–196).

взаимная неприязнь и боязнь, как бы с выбором, например, Софрония, не поднялись бы слишком и не зазнались те, кто его рекомендовал. В тесных кружках, обсуждающих кандидатуры, можно было слышать такие речи: «Боязно, братцы, этого выбирать. Видели, как С. К[о]нев²⁴ да К[исел]ев²⁵ стараются за него. Небось, надеются, что отблагодарит их за л. 11 об. рекомендации. || Ну, а нам выгоды мало, если они поднимутся».

— По-моему, надо остановиться на владыке Макарии, — обращался к кружку беседующих кто-либо из отцов, — о. Алексей Иг[нать]ев²⁶ очень хорошую характеристику дал ему.

— Так-то так, — отзывался другой, — да уж очень подозрителен сам о. Иг[нать]ев²⁷. Слишком ратует за Макария. Не даром, наверно, метит в кафедрального протоиерея при нем, да в председатели Консистерского правления.

Страх, что через того или иного кандидата можно построить лесенку для занятия лучших мест его протее, сгубил первый опыт выборов. Когда на вечернем заседании собрали записки с наименованием кандидатов в епископа, их оказалось трое, и каждый получил почти по равному числу голосов. Выборы были провалены. Съезд на деле доказал свою несостоятельность. Но не сдался. На последнем заседании невиданный энтузиазм снова охватил собрание. Неожиданный подъем чувств в

²⁴ Сергей Валентинович Конев, 1880 г. р. Окончил Пермскую духовную семинарию. В 1902 г. рукоположен в сан священника. 10 октября того же года назначен к Николаевской церкви г. Шадринска. С 9 октября 1905 г. настоятель указанной церкви. С 1916 г. благочинный городских церквей Шадринска. С 1918 г. возведен в сан протоиерея (*Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 144; *Пашков А. А.* Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007. С. 288).

²⁵ Прот. Петр Никандрович Киселёв, 1865 г. р., председатель Шадринского уездного отделения епархиального училищного совета, председатель уездного ревизионного комитета г. Шадринска, настоятель Спасо-Преображенского собора г. Шадринска и благочинный Шадринских городских церквей до 1916 года (Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. С. 11, 12, 111).

²⁶ Вероятно, речь идет о священнике Алексее Игнатьеве — законоучителе екатеринбургской мужской гимназии, магистре богословия. Он являлся одним из лидеров движения реформаторов среди духовенства Екатеринбургской епархии тех лет и известен как участник съезда (Подробнее о нем см.: *Воробьева Н. А., Брандобоковская Л. Б.* Игнатьев А. А. // Православная энциклопедия. Т. 21. С. 153–155).

²⁷ Там же.

членах съезда вызвал на этот раз инженер Пр[иходь]ко — депутат Надеждинского благочиннического округа²⁸. Попросив слова для внеочередного заявления, он обратился к собранию со следующей речью:

— Уважаемое собрание! — Пр[иходь]ко стоял на кафедре в мундире, и это очень подкупало отцов. Впервые видели они, что с ними сотрудничает интеллигентный человек. — Мы собрались сюда во дни, когда Россия, — Родина наша переживает тяжелый кризис. Война дошла до последнего напряжения. || Теперь открывается единственная надежда на спасение в народном воодушевлении, в подъеме у всех и каждого чувства любви к Родине. Наше духовенство всегда отличалось беззаветной преданностью Отечеству. Когда нужно, не скупилось на жертвы. Покажем это самоотвержение и сейчас. Пусть ваше всколыхнувшееся чувство любви к Родине заразит все общество. Жертвуйте, отцы, что можете. Напомните времена Минина, кладите на алтарь Отечества серебро и золото. Я первый снимаю кольцо с руки своей и отдаю его на спасение Родины. Не сомневаюсь, вы дадите больше и, если нужно, пожертвуете даже кресты свои. л. 12

И тут началось неслыханное. На кафедру вышел председатель съезда, протоиерей К[о]нев²⁹. От наплыва чувств он даже прослезился, не мог говорить. Но все поняли его, когда он снял торжественно с себя священнический крест и положил его на стол рядом с кольцом инженера Пр[иходь]ко. Растроганные вконец батюшки один за другим отдавали кресты свои³⁰. Кое-кто обнаружил было нерешительность. Но

²⁸ Верхотурский уезд.

²⁹ Председателем собрания избрали священника С. Конева (см. сн. 24), который в своей приветственной речи обосновывал необходимость обновления Церкви (в дальнейшем термин «обновление» был скомпрометирован из-за организованного советской властью обновленческого раскола). Слово председателя выражает надежды духовенства, связанные со сменой государственного строя: «Уже начинает сказываться недовольство духовенством, про него распространяют слухи, что оно консервативно и будто бы, если случится контрреволюция, то духовенство будет на стороне сил этого движения... Да нет... этого быть не может! Мы должны сказать, что мы жаждем, как и весь трудовой народ, конечного торжества правды и свободы, что мы с ним» (цит. по: *Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 94*).

³⁰ Следует отметить, что сдача пастырями своих крестов проходила в атмосфере патриотического подъема, свойственного в тот период большинству населения страны, охваченного «романтикой» революции и идеями «спасения» России от старорежимных порядков. Несколько позже депутат Екатеринбургского съезда протоиерей Нико-

острые глаза загипнотизированных быстро находили колеблющегося и поощрительно направляли его к столу, где принимали и записывали пожертвования. Через час все члены съезда от духовенства были без крестов. Мало того, так как на собрании присутствовали в качестве гостей батюшки, добровольно приехавшие на съезд, то развенчавшие себя от крестов депутаты усиленно просили их отправиться сейчас же в свои л. 12 об. округа и там пропагандировать, || чтобы духовенство шло за съездом и жертвовало священнические кресты.

Однажды, вскоре после того, как о. Григорий окончил свои богомолья, его навестил один из шадринских батюшек. Загуменных очень удивлен был тем, что у пришедшего вместо позолоченного священнического креста висел на груди простой кипарисовый крестик, вдетый в черный шелковый шнурок. «Это что еще за нововведение?» — подумал про себя о. Григорий, но принял гостя любезно.

— Вы ведь, кажется, были в городе? — усаживая визитёра, спросил Загуменных.

— Да, я только что со съезда. Ах, что за воодушевление! Какое единодушие! — к батюшке возвратилось то волнение, какое он испытал там, на собрании съезда.

Видя у гостя повышенное настроение, о. Григорий и сам оживился, надеясь услышать приятные новости.

— Вот спасибо, что вы пришли ко мне поделиться радостью. Кого избрали на епископскую кафедру?

— Ну, выборы не удались. Голоса разделились, и из трех кандидатов ни один не получил большинства голосов³¹.

лай Буткин назвал сдачу наперсных крестов не жертвой на нужды Родины, а отказом духовенства от них как от символов своего пастырства. Упрекая священников, о. Николай сказал, что они отдавали не то, что могли принести на нужды страны (например, не свою домашнюю серебряную посуду), а то, что им оказалось не нужно, — знамение своего служения Богу (*Бабкин М. А. Духовенство Русской Православной Церкви и политическая символика* (весна 1917 г.) // *Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Мат-лы Всеросс. научн.-практ. конф.* (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 267–270).

³¹ Указом Священного Синода бывший Екатеринбургский епископ Серафим (Голубятников) отправлен на покой в Новоспасский монастырь, а временное управление поручено викарию Оренбургской епархии Челябинскому епископу Серафиму (Алексан-

— Так вы же только что говорили о единодушии съезда, — удивился искренно о. Григорий.

Гость немного смутился, но продолжал, все еще нося в себе уверенность в том, какое необычайное дело совершил съезд.

— Я, говоря о воодушевлении, имел в виду не выборы епископа.

— Понимаю теперь, — поторопился || исправить свою ошибку л. 13 Загуменных. — Братия наметили что-нибудь хорошее для устройства церковной жизни? Уж не побратались ли со старообрядцами? Вот бы радости-то было, действительно.

О. Григорий так и впился глазами в посетителя, ожидая от него ответа. Но батюшка еще больше терялся, чувствуя, словно его травят. С неудовольствием он заметил:

— Это же дело Собора — устраивать церковную жизнь.

дрову). 19 мая 1917 года было установлено (по результатам выборов), что большинство голосов распределилось между двумя кандидатурами: инспектора Пермской духовной семинарии Н. И. Знамировского (о нем см.: *Евстафия (Морозова), мон.* Архиепископ Стефан (Знамировский) — ревнитель православия, проповедник, мученик // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. С. 303–308) и ректора Иркутской духовной семинарии архимандрита Софрония (о нем см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 167; «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 956–958), тоже уроженца Пермской губернии. 21 мая 1917 года в выборах участвовали всего 277 делегатов, половина участников съезда уже разъехалась. Результаты выборов оказались неожиданными. Н. И. Знамировский получил 168 голосов, архимандрит Софроний — 113, а Челябинский епископ Серафим — 22. Н. И. Знамировский не имел даже духовного сана. Это был небывалый случай в церковной практике. Съезд решил представить Священному Синоду обоих кандидатов, получивших большинство голосов. Синод постановил назначить новые выборы, которые состоялись 8 августа 1917 г., но и эти выборы не дали результата. Следующий съезд духовенства и мирян Екатеринбургской епархии открылся 25 октября 1917 г.; на съезде большинство голосов получил архим. Софроний, однако Синод не утвердил это избрание (*Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года... С. 172–174). В указе Синода отказ мотивирован следующим образом: «...принимая во внимание, что получивший при избрании большинство голосов ректор Иркутской духовной семинарии Софроний ... уроженец Екатеринбургской епархии и в числе клириков сей епархии имеет более 80 человек родственников, ввиду чего назначение архимандрита Софрония на кафедру Екатеринбургского епархиального архиерея представляется неудобным» (цит. по: История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Сократ, 2010. С. 429). Подробнее о событиях в Екатеринбургской епархии весной — осенью 1917 г. см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 26–28; *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года... С. 53–57, 170–175).

— Так, — уже теряя надежду услышать приятное, пробормотал о. Григорий, — тогда чему же вы радуетесь?

Гость явно досадовал на эти назойливые вопросы. Они расхолаживали его чувства. Но он не желал уступать.

— Ах, как жаль, о. протоиерей, что вас там не было на съезде и вы не пережили этого счастья.

— Но поделитесь же им, скажите, в чем дело?

— Вы видите, на мне нет наперсного креста? Все иереи, бывшие на съезде, сняли их и пожертвовали на спасение Родины.

— Кресты? Почему понадобились кресты? — нервно допытывался о. Григорий.

— Потому что иного под руками у духовенства ничего не было, а не поддержать того порыва, который охватил всех после речи инженера Приходько и председателя съезда, — было преступно.

— Стало быть, виновником этого был инженер Пр[иходь]ко?

— Да, он сказал прекрасную речь, призывая всех к жертвам в эти || л. 13 об. критические для России дни, и первый снял со своей руки золотое кольцо. За ним выступил наш Ш[адрин]ский о. протоиерей К[о]нев³². Он даже заплакал от волнения и первый положил свой наперсный крест на стол, в жертву на отечество. За ним последовали все.

О. Григорий поблек. Пропало всякое оживление. Он низко опустил голову и молчал. Гость не задумывался над его чувствами, он был доволен, что может говорить, и продолжал:

— Я пришел к вам, о. протоиерей, по поручению нашего о. С. Ко[не]ва — председателя съезда³³. Не мешало бы собрать благочинническое собрание и поддержать съезд.

— То есть вы хотите, чтобы и мы тоже сняли священнические кресты?

— А что же? — с нотками неудовольствия говорил посетитель. — Я вот уж отдал свой, — он показал при этом на кипарисовый крестик, — знаю, что и другие из здешних батюшек не задумываясь сделают то же.

О. Григорий не мог сдержаться. Он вскочил со стула и, ходя по комнате, говорил:

— О, как печально, как печально!

Потом, вспомнив, что у него гость, он спросил его:

³² См.: сн. 24.

³³ См.: сн. 29.

— Простите, о. Василий, но я отказываюсь понимать. Почему нужны кресты? Ну, жертвуйте ложки, кольца, браслеты женины. Зачем же понадобилось кресты с себя снимать? Это же скандал! И в такое время!

Он хлопал руками и в волнении снова ходил по комнате. Батюшка тоже менялся в лице, раздражаясь на отпор.

— Нет, с вами не сговоришься. За- ||³⁴ мечательная встреча.

л. 14 об.

Была у о. Григория в городе семья, знакомая еще со студенческих лет. Сам служил еще не так давно земским начальником. После революции вышел в отставку, но жил по-барски и имел близкое знакомство со всей служилой интеллигенцией в городе. В канун дня рождения его, вечером, о. Григорий приглашен был отслужить молебен, а после службы присутствующим вместе с батюшкой предложен был чай. К тому времени в газете уже напечатан был отчет о действиях епархиального съезда. Разговор, естественно, начался с этого. Батюшку деликатно спросили, как он смотрит на решения съезда.

— Удивлен и, признаюсь, очень и очень огорчен действиями духовенства на съезде.

— Чему же вы удивляетесь, батюшка? Все идет как должно, иначе и быть не могло, — с иронией говорил его сосед за столом.

О. Григорий с любопытством смотрел на него, интересуясь, кто бы это мог быть. Но сосед сам поспешил рекомендоваться.

— Я — следователь. Кончил семинарию. Был год в Казанской духовной академии, как раз после того как вы окончили ее. Но сбежал оттуда в университет, на юридический. С современной богословской мыслью все же успел познакомиться за время пребывания в Академии. Знаю и Писание. И вот, к концу занятий богословием, у меня сложилось твердое убеждение. Оно-то и побудило меня оставить Академию. Вы не оскорбитесь, батюшка, если я выскажу его?

— Честное заявление всегда надо только || приветствовать. Я вас л. 15 слушаю, — был вежливый ответ.

— Ну, в таком случае, вот вам объяснение, почему у нашего духовенства все идет не только не гладко, но скандально, мерзко и постыдно.

— Не слишком ли вы сильно выражаетесь? — заметила знакомая о. Григория, учительница женской гимназии.

³⁴ Четырнадцатый лист рукописи без текста.

— Надеюсь, что вы все же не отрицаете религиозной значимости священства? — робко вставил о. Григорий.

— Право на существование духовенства я, конечно, признаю. Только в отношении нашей синодальной иерархии — считаю, что она несет на себе проклятие Божие и потому обречена на бесплодность и смерть, как Евангельская смоковница.

Сидящие за чайным столом не почувствовали удара от этих слов. Они смотрели на это как на бравёрство и потому внимательно следили за о. Григорием в ожидании, что он не замедлит ловко отчитать зазнавшегося интеллигента. Но, к общему удивлению, батюшка не высказывал готовности вступить в бой. Он сидел, конфузивши голову, и точно боялся смотреть в глаза людям. Между тем, люди, видящие его смущение, немало дивились. С быстротой молнии появлялись в голове мысли: «Неужели он согласен с приговором, но тогда зачем же он пошел в священники?» || Они и не догадывались, что батюшка боялся не за себя, а за них, ожидая, что они примут приговор с удовлетворением. Когда же ему ясно стало, что свидетели сурового осуждения не на стороне следователя, а только ждут слова от него, что он скажет, о. Григорий нарушил молчание.

— Я не стану сейчас же исправлять ваше суждение. Попрошу сначала пояснить, каким образом вы пришли к своему выводу.

— Охотно удовлетворю вашему желанию, тем более что, кажется, и присутствующие не довольны мной за резкий выпад.

— Вы правы, — холодно заметил земский начальник, — мы хотим слышать от вас объяснение.

— Извольте, — вежливо откланиваясь, отвечал следователь. — Начну без обиняков, прямо с Библии. Батюшка пусть поправляет меня. В Книге Бытия, помнится, говорится так от Лица Божия: «Я взыщу кровь вашу от руки человека. Кто прольет кровь вашу между людьми, того самого кровь прольется»³⁵. Есть, батюшка, такие слова? — отнесся он к о. Григорию.

— Тогда вот вам первое основание, почему я считаю наше духовенство обреченным. За пролитую кровь оно подлежит суду Божию.

л. 16 — Но ведь не духовенство льет кровь || на войне, — возразила учительница.

³⁵ Быт 9. 6.

— Вы ошибаетесь, — был ответ. — Я разумею совсем не войну. Достаточно на духовенстве крови старообрядцев и всех тех, кто протестовал против слишком покладистой политики наших отцов со времени Петра 1-го.

— Но ведь гонения на раскольников были делом правительства, при чем тут духовенство? — недоумевающе спрашивала дама.

— Вы, батюшка, надеюсь, не думаете так? — обратился к о. Григорию с вопросом следователь.

— О нет. Я знаю, у вас в руках есть сильное оружие против нас, — скорбно заявил о. Григорий.

— Какое оружие? Что же вы не говорите? — наступала дама.

— Ну, если вам нужно, я могу указать на историю казни царевича Алексея Петровича. Роль иерархии при этом правдиво и откровенно передана В. С. Соловьевым. Вы читали, батюшка, его статью о византизме³⁶?

— О, конечно, я ведь, тоже изучал современное богословие.

— О чем же пишет Соловьев? — спросила дама.

— Это длинная история, — поспешил отозваться следователь, — но я постараюсь быть кратким. После того как царевич Алексей скрылся за границу от грозящей ему расправы, царь Петр сильно призадумался. Пытался всячески воротить царевича и, наконец, клятвенно сообщил ему, что не посягнет || на его жизнь. Царевич возвратился и вскоре был л. 16 об. заключен в крепость, как изменник. Ему грозили пытки. Царь явно нарушал свою клятву, но хотел придать осуждению сына вид законности и обратился к вождям Церкви с нарочитым посланием, в котором просил иерархов по совести, как высших судей, поставленных от Бога, разрешить его недоумение: может ли он поступить с сыном-преступником как велит ему долг и обязанности царя России. Из каких бы побуждений ни исходил Петр в этом обращении к служителям Христа, их обязанность была ясна. Они должны были указать царю, что он по отношению к царевичу, сыну, нарушает свою клятву и, готовясь пролить кровь по соображениям политики, совершает тяжкий грех. Но представители духовенства постыдно струсили и, кривя с призыванием и совестью, отписались простой, ничего не говорящей формулой: «Сердце цареву в руке Божией». Петр увидел в этой отписке косвенное разрешение на казнь

³⁶ Имеется в виду работа: Соловьев В. С. Византизм и Россия // Он же. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1912. Т. VII. С. 286–325.

сына, и царевич Алексей был замучен в пытках. Таков исторический факт. Скажите, батюшка, признаёте вы здесь духовенство повинным в крови царевича? — обратился к о. Григорию следователь.

О. Григорий не затягивал ответа.

— Признаю, — сказал он скромно, — что те вожди церкви, к которым обращался Петр, лукавой отпиской взяли на себя кровь казненного царевича.

л. 17 — Тогда мой приговор над духовенством || оправдан, — холодно, по-резонерски заключил следователь. — Тем более, что пример Алексея Петровича — совсем не единственный факт. Разве мало духовенство помогало правительству изживать раскольников, подвергая их тесноте, изгнаниям, тюремному заключению и смерти?

— Ну, здесь вы многое прибавляете, — возразила учительница, которой так не хотелось, чтобы торжествовал этот выскочка — юрист, как она про себя его определила.

— Я вижу, вам не нравится мое выступление, — обратился следователь к говорившей, заставляя ту покраснеть невольно, — но вы же видите, я в своих выводах опираюсь на батюшку. О. Григорий, защитите меня, скажите: клевету я или нет на духовенство? — следователь пылливо смотрел на батюшку, и в его глазах сквозило лукавство.

— Я уже сказал, что сначала выслушаю вас, — с достоинством заметил о. Григорий, — а потому продолжайте.

— Охотно буду продолжать. И так как меня упрекнули в том, что я облажно³⁷ наговариваю на духовенство, то я сошлюсь на документ и здесь. Он тем более ценен, что исходит из рук того же представителя Церкви. Я разумею книгу епископа Алексея — ректора Казанской академии³⁸ о сек-

³⁷ Облажно от слова «облазнять» — облазнить кого, обмануть, ввести в заблуждение, направить ложно (по толковому словарю С. И. Ожегова).

³⁸ Епископ Алексей (в миру Анемподист Яковлевич Дородницын, родился в 1859 г.), духовный писатель, магистр богословия Московской духовной академии; был противощундистским миссионером в г. Херсоне, екатеринославским епархиальным миссионером, ректором Литовской духовной семинарии, епископом Сумским, викарием Харьковской епархии; с 1905 года епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии и ректор Казанской духовной академии. Главные труды еп. Алексея: «Церковно-законодательная деятельность Карла Великого, 768–814» (М., 1889, магистерская диссертация); «Шалопутская община» (М., 1891); «Опыт противощундистского катехизиса» (Екатеринослав, 1899); «Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды» (Ставрополь, 1903); «Византийские церковные мистики XIV века» (Казань, 1906); «Ре-

тантстве в юго-западном крае³⁹. Мне посчастливилось. Книга || вышла из л. 17 об. печати как раз в тот год, когда я занимался в Академии. Документ, скажу я вам, поучительный. Впрочем, батюшка без сомнения, знаком с этой книгой.

— Да, епископ Алексей прекрасно послужил делу правды, раскрыв язвы духовенства.

— Но не забывайте же нас, господа. Скажите, в чем дело, — вмешалась снова учительница.

— Уважаемая Лидия Сергеевна будет, надеюсь, удовлетворена, если я, не вдаваясь в подробности, просто укажу, что книга епископа Алексея о сектантстве не оставляет никакого сомнения в поддержке и пособничестве духовенства политике утеснений раскольников. Оно не боялось принять их кровь на себя. Но за пролитую кровь человек и Бог взывает, вот почему я и говорю, что духовенство наше со времен Петра несет на себе проклятие. Оно усугубляется еще тем, что духовенство повинно и в других преступлениях против Закона. Но говорить ли мне дальше? — следовательно впадал в рисовку. Он так был уверен в себе, что позволял играть на любопытстве слушателей. Такая манера беседы была самолюбивую учительницу.

— Я уверена, что вы не правы, но уж раз начали, то продолжайте, — отрезала она.

— Против вашей уверенности говорят факты. А что можете представить вы? — с сознанием превосходства напа- || дал следовательно. — л. 18 Будете ли, например, отрицать, что за все 200 лет петербургского периода наше духовенство на все беззакония и безобразия, творимые в обществе, отвечало одним молчанием? Были дворцовые смерти, перевороты с казнями и смертями — протестовали ли отцы? Нет. Чем отвечали они на усиление крепостного права, на издевательства помещиков, на вторжение в жизнь хищника, кулака, на умножение по деревням кабаков и

лигиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия» (Казань, 1909). За сочинение «Материал для истории религиозно-рационалистического движения на юге России во 2-й пол. XIX столетия» в марте 1910 ему была присвоена степень доктора церковной истории (подробнее о нем см.: *Цыпин В., прот.* Алексей (Дородницын Анемподист Яковлевич), еп. // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 665–666).

³⁹ Точное название книги не указано. См.: сн. 38. Юго-Западный край в Российской империи XIX–XX вв. — это часть Западного края, собирательное наименование трех губерний Правобережной Украины — Волынской, Подольской, Киевской.

пр.? Голоса духовенства не было слышно. Оно не предостерегало беззаконника, как это поставлено ему в долг Писанием. Кажется, у пророка Иезекииля есть такие слова: «Сын Человеческий, — говорит Господь, — если ты не станешь говорить нечестивому для предостережения от нечестивого пути его, чтобы сохранить его жизнь, то нечестивый умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от руки твоей»⁴⁰.

— Нет, вы ужасно суровы к духовенству, — уже с некоторой долей устойчивости в голосе заметила учительница.

— Не я суров, а Бог праведен, — увлекшись порывом, продолжал юрист. — Вдумайтесь, что делало за эти два века у нас духовенство, и вы увидите, что на всех делах его лежит печать бесплодности и позора. Главной задачей духовенства была борьба с расколом и сектами. Увы! За весь период ничего не могли поделаться с раскольниками. Раскол рос. Сектантство увеличивалось, а законы государственные вопреки воле иерархов, л. 18 об. давали || раскольникам льготу за льготой. Духовенство отстаивало свое право просвещать народ. За ним, по-видимому, оставили это дело. Что же, научило духовенство народ чему-нибудь? Через 1000 с лишним лет после крещения Руси у нас в народе водятся колдуны, твердо живут суеверия. Вера сводится к одним обрядам, а символ веры устами деревенских старлиц читается так: «Господи, Боже, Пречистая Матушка Казанская, Никола милостивый, помилуй нас». — Следовательно чувствовал себя победителем, тем более что о. Григорий сидел, глубоко опустивши голову. Он поэтому не упустил случая подзадорить учительницу и с улыбкой спросил ее:

— Как вы здесь будете протестовать, уважаемая Лидия Сергеевна?

Она, быть может, и не уступила, но ее удивляла неподвижность о. Григория. «С нами так, высмотрит героя, а встретил образованного противника и съезжился, как мокрая курица», — думала она про себя и сердито заметила:

— Что же вы ко мне обращаетесь? Здесь есть батюшка, ему ближе должны быть интересы духовенства.

— Вы ошибаетесь, Лидия Сергеевна, — воспрянув, заявил о себе о. Григорий, — никаких собственных интересов у духовенства не должно быть, кроме света истины и правды Христовой. А это, без сомнения, дорого и вам и им, — батюшка ласково посмотрел на следователя, — л. 19 простите, изви- || нился он, — не знаю вашего имени и отчества.

⁴⁰ Иез 3. 18.

— Матвей Семенович Дергачёв⁴¹ — вежливо отрекомендовался тот. Батюшка выразил удовольствие и тут же обратился с вопросом:

— Вы позволите, Матвей Семенович, сделать некоторые поправки к словам вашим?

— Пожалуйста, — настороженно отвечал тот и тут же понял, что его вполне обоснованное, как ему казалось, суждение о духовенстве, не нашло сочувствия ни в ком. Все смотрели внимательно на о. Григория, ожидая с интересом его слова. «Это кумир», — подумал он. «Ну, посмотрим, что он скажет», — и Дергачёв стал слушать.

— Я бы мог указать прежде всего на логический промах в вашем заключении, но не хочу препираться, тем более, что признаю крупную долю правды в ваших словах. К тому же мы не на диспуте и оба ищем истину, как я понимаю. Оцените же мои замечания чисто по-братски.

Голос о. Григория звучал задушевно. Он не нападал, а осторожно, как врач, осматривал больного: «Мне кажется, что вы, Матвей Семенович, недооцениваете проповеди Христа. Его откровение о человеке выпадает из поля вашего зрения».

— Вы хотите, по-видимому, упрекнуть меня за то, что я брал тексты из Ветхозаветного Писания, а не из Евангелия, — возразил следователь. ||

— Нет, дело не в текстах, а в том, что вы во взглядах на человека *л. 19 об.* действительно стоите на почве Закона древнего, а не на Евангелии. Это ведь Закон рассматривал человека то как раба, то как землевладельца, то как члена корпорации, например, левитов, то как жителя земли Иудейской. Но даже и в Законе постепенно эта классовая и сословная точка зрения уступает место нравственной, где человек рассматривается не как раб или иудей, а как Личность. Эта сверхсоциальная трактовка человека рельефно подчеркнута в проповеди пророка Иезекииля. Вы найдете там, например, такое разъяснение воли Божьей: «Которая душа согрешает, та и должна умереть. Сын не должен терпеть за нечестие отца, и отец не будет терпеть за нечестие сына. Правда праведника ему и вменится, и нечестие нечестивого ему же и вменится»⁴².

— Вы не можете указать мне главу? — Дергачёв вынул при этом из кармана блокнот и сейчас же записал текст.

⁴¹ Вероятно, имя, отчество и фамилия изменены.

⁴² Иез 18. 20.

О. Григорий хотел было спросить Библию, но ее уже принесли и он быстро нашел нужный текст: «Глава XVIII, ст. 20», — сказал он. — Вот, смотрите, заметьте при этом, это говорит пророк, который тут же изрекает приговор на всех жителей земли Иудейской.

— Вы прячетесь за формализм, берите факты как они есть, — с л. 20 горя || чеством возражал следователь. — Земля Иудейская погибла. Иудеи, как было о них сказано, понесли наказание. Стало быть, пророчество о земле и народе исполнилось буквально. Что же еще нужно?

— Но в том-то и дело. Исполнились слова Божии о земле и народе иудейском не по закону физической связи жителей с землей Иудейской и с народом, а в силу общей нравственной преступности перед Богом.

— По-вашему, батюшка, выходит, что если бы, скажем, нашлись праведники среди незаконных иудеев, обреченных на наказание, то эти праведники бы и не погибли.

— Так ведь это так и есть. Про Лота-то вы забыли, — вставила слово учительница.

— Мне остается только поблагодарить вас, Лидия Сергеевна, за удачное напоминание общеизвестного примера, — приветствовал ее батюшка и был удивлен, видя, как та вдруг покраснела, — вас же, Матвей Семенович, попрошу согласиться, что верховенство нравственного принципа в отношении человека священно и Писанием устанавливаются вне всякого сомнения.

— Я все же не понимаю, что делать нам с сословиями и классами в обществе, — продолжал настаивать Дергачёв. — Ведь, в действительности, классы в людях существуют и, как доказано, имеют огромное влияние на психику человека и || на его поведение в обществе.

— Вы забываете, что мы говорим не о людях, с чем они принуждены остаться, а о Боге, Который, по вашему мнению, словами Закона осудил синодальное духовенство на проклятие. Вот в отношении Бога я и говорю, что для Него не имеют значения земные деления людей на классы, сословия, народности, расы. Христос же, спустивший на землю Отчую Жизнь, открыл, что для людей размещение ближних по классам, сословиям, народностям, будет иметь силу только на время их несовершеннолетия в вере и развитии. Чтобы двинуть наше сознание вперед, к преодолению этих пережитков. Он на примере показал, как надо от-

носиться к людям. Говорить ли вам об этих всем известных отношениях Христа к мытарям, к язычникам, к народу и раскольникам?

— Я понимаю вас, о. Григорий, — скромно отозвался следователь.

— Очень хорошо, — также сдержанно, без аффектаций продолжал батюшка, — нам остается теперь согласиться и в том, что проклятия Божии, о которых вы говорили, относятся не к сословию духовенства, а к тем из них, которые замазывают ложь, не учат правде и прикрывают беззаконие. Горе, если мы, отцы, все таковы. Ваше напоминание о возмездии Божиим звучит для меня как грозное предостережение. Но есть и тут сторона, которую вы обошли. Я не надоел || вам? — Он смотрел л. 21 на сидящих за столом так застенчиво, что ни у кого из слушающих не могло быть и мысли, будто он только рисуется, спрашивая. Все поэтому единогласно просили его продолжать. А учительница смотрела на него так, что не будь он занят всецело беседой, он бы без труда заметил в ее взгляде не один интерес к словам его, но и нечто другое. Однако внимание о. Григория поглощено было разговором.

— Когда вы, Матвей Семенович, называете духовенство обреченным, вы видите в его делах и судьбе только карающую десницу Божию. Между тем, Христос открыл нам, что Бог не есть Огонь поедающий, но Deus Caritatis⁴³, то есть Бог Любви. Он и грешникам дает утешение: «Я накажу, но Я же и исцелю»⁴⁴; «Сегодня произведу у вас плач, а завтра будет радость»⁴⁵; «Посещу вас жезлом железным, милости же Моей не отниму от вас»⁴⁶.

— Вы не можете переложить эти слова на исторические факты, — предложил о. Григорий следователь.

— Охотно удовлетворю ваше желание. Вы вот говорили о бесплодной деятельности духовенства. Что же, хвалить нас действительно не за что. Благодать Божию держали под спудом, но посмотрите, какими яркими светочами на темном фоне неба церковного горят имена святителя Дмитрия Ростовского, о- || бенно Тихона Задонского, Феофана л. 21 об. Затворника, старцев Леонида, Макария, Амвросия Оптинских⁴⁷.

⁴³ Deus Caritas Est (лат. — Бог есть любовь).

⁴⁴ Ис 13. 11, 57. 18.

⁴⁵ Пс 29. 6.

⁴⁶ Пс 88. 33, 34.

⁴⁷ Первый Оптинский старец — преподобный Лев (в миру Лев Данилович Наголкин,

— Но ведь это же исключения.

— Ах, милый Матвей Семенович, — мягко и с грустью подчеркнул о. Григорий. — Истинное христианство всегда было исключением среди людей и, однако же, действительный прогресс познания и жизни исходит от них, от этих счастливых исключений. Толстой и Достоевский — вот вершины русской мысли XIX века⁴⁸. Но их этические идеалы, святые упования складывались не без влияния на них тихого света Тихона, Амвросия и, право, не будет преувеличением, если скажем, что не загорись на церковном небе этих чарующих светочей, не читать бы нам этих бессмертных бесед старца Зосимы, не видеть бы, может, и великих произведений Толстого.

— Все это слишком таинственно, — возразил следователь.

— Не больше, однако, чем влияние подземных сил на наш климат, почву и здоровье или влияния подсознательной души на поступки и мысли человека, а ведь до этих открытий дошла же наука. Дойдет она и до признания таинственных связей, о которых мы говорим.

— Хотелось бы все же слышать от вас нечто более осязательное о деятельности духовенства, — с улыбкой, но не так уже упрямой, прервал батюшку следователь.

л. 22 — Что поделать, — пожал плечами о. Григорий. — Осенью солнце не дарит землю мягкими светлыми лучами. Мешают облака. Так и в отношении деятельности духовенства. Ее влияние на жизнь парализуется видимой пошлостью и грубостью большинства священнослужителей

до схимы Леонид; 1768–1841). Прп. Лев исцелял страждущих разными болезнями, приводили к нему многих и бесноватых. Старчествование преп. Льва продолжалось в Оптиной пустыни 12 лет. Восприемником великого старца прп. Льва (Леонида) Оптинского стал его ближайший ученик прп. Макарий Оптинский (в миру Михаил Николаевич Иванов; 1788–1860). Преподобный Макарий имел особый дар духовного рассуждения. Его смиренное слово было действительно, со властью, заставляло повиноваться и веровать неверующих. Преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812–1891). Дар прозорливости преподобного Амвросия особенно привлекал к нему людей. Беседы с посетителями продолжались более 12 часов. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях, видя все стороны жизни (подробнее см.: Оптинские старцы. М., 1990).

⁴⁸ Прот. Николай Буткин всегда хотел быть в курсе искания интеллигентных, религиозно настроенных умов, а также, по его собственным словам, тяготел к ищущим правды, к которым относил Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

лей. Вы вот говорили о бесплодности наших миссионеров. Соглашаюсь. Миссионерское дело поставлено было из рук вон плохо. Но читали ли вы о трудах среди якутов на Аляске о. Вениаминова⁴⁹? О нем с уважением вспоминает и Петр Крапоткин⁵⁰. Не забудется, наверное и образ епископа Нила, увековеченный Лесковым в рассказе «На краю света».

— Ах! Что за дивный рассказ, как я его люблю, — не удержалась выразить свои восторги Лидия Сергеевна.

— Погодите! — с сияющим лицом говорил о. Григорий, — быть может, не всегда у нас на Руси «вражьи дети» будут мешать делу Божию — тогда лучше поймете подземную работу Церкви. Пока же признаем, что истинные пастыри живы во всякое время. Но ваше предостережение заслуживает самого серьезного внимания, и я искренне благодарю вас, милый Матвей Семенович, — батюшка встал, чтобы пожать руку собеседнику. Тот был удивлен такому концу беседы. Речь о. Григория разбивала его самоуверенность. Он боялся остаться пристыженным. И вдруг это дружеское пожатие рук. Дергачёв неожиданно просиял, а батюшка продолжал его ободрять. ||

— Для меня лично вы сделали очень много, вы послужили орудием Божиим. л. 22 об.

— Помилуйте, батюшка, чем я мог послужить вам? — в смущении говорил следователь.

— Я до сего дня терялся, не мог решить, что мне делать с постановлениями съезда. Вы, сами того не зная, указали мне на мой долг. Теперь мне ясно, что я должен протестовать.

— В газете? — точно испугавшись, воскликнула учительница.

— Придется написать в газету — иного пути нет.

— Но ведь для вас могут быть неприятности, — волновалась Лидия Сергеевна.

О. Григорий впервые посмотрел на нее внимательно и смутился. Он быстро стал прощаться, подавая руку по-светски. Но его остановили и стали просить благословения. Даже следователь не хотел отставать от других и сложил перед батюшкой сыновне свои руки. О. Григорий с

⁴⁹ Известный миссионер — митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов; 1797–1879).

⁵⁰ Князь Петр Алексеевич Кропоткин (1841–1921) — русский революционер-анархист и ученый, географ, историк, публицист.

улыбкой радости благословил его и вышел. Дней через пять появилось его открытое письмо к членам Епархиального съезда⁵¹. Письмо наделало много шума. Отцы грозились на первом же съезде поставить вопрос о пребывании Загуменных в рядах духовенства⁵². Но среди мирян шли другие толки. О. Григорий, однако, не интересовался слухами, но его очень порадовало письмо соседнего епископа, бывшего ректора Уф[им]ской || семинарии преосвященного Андроника⁵³: «Вы спасли положение, друже, — писал, между прочим, святитель, — и за это от меня вам сердечное спасибо».

Однобокий роман

Выступление духовенства на съезде, явно недружелюбное отношение к себе собратьев городских церквей после открытого письма оттолкнули сердце о. Григория от участия в церковно-общественной жизни. Будучи и раньше неважного мнения о братии, он теперь не верил в возможность мирного возрождения церкви, и созыв в Москве Всероссийского Поместного Собора его не волновал. Он понял, что настало время, когда невозможны общие единоклубные устремления к единой цели, а нужно спасаться как кто может. И он всецело погрузился в свою приходскую

⁵¹ Лишь единственным депутатом съезда — протоиереем Николаем Буткиным из г. Шадринска было выражено несогласие с постановлениями екатеринбургского духовенства: он публично, через светскую периодическую печать высказал укор съезду за произнесение «избитых фраз о благе свободы» и за фактическую «канонизацию революции» (*Бабкин М. А. Духовенство Екатеринбурга и революционные события февраля — марта 1917 г. // Сайт музея истории Екатеринбурга. URL: <http://m-i-e.ru/articles/babkin-m-a/>* (дата обращения: 15.12.2015).

⁵² О конфликте с шадринским духовенстве известно из мемуаров его двоюродного брата, полного тезки, Николая Григорьевича Буткина, врача-фтизиатра: «От шадринского духовенства он отличался широтой взглядов, образованностью и высокой религиозностью. Одно время над ним был организован общественный суд, который проходил в бывшей «Белой гимназии» Шадринска. <...> Я на этом суде был. Знаменательно, что заключительную речь он окончил словами: «Наша беда в том, что под сиянием золотых крестов роятся слепые кроты». В связи с этим отношение к нему было внешне терпимым, но далеко не дружелюбным» (*Буткин Н. Г. Страницы моей жизни. Екатеринбург, 2011. С. 169*).

⁵³ Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский и Кунгурский. С 16 октября 1900 года по ходатайству епископа Антония (Храповицкого) назначен ректором Уфимской духовной семинарии. Мученически погиб 17 июня 1918 года.

работу. Наступившая неурядица в государстве пока не препятствовала его делу, напротив, счастливо развязала ему руки, и о. Григорий свободно расширял благотворение, проповедь, углубляя свое влияние на народ. Его любили, к нему привязывались, его почитали. Соборный храм все отчетливее вырисовывался как священный приют христианской любви и благодати. Однако не напрасно сказано: где святыня, там и соблазн. Батюшка о. || Григорий почувствовал это вскоре. Нежданно-негаданно он стал получать любовные письма. Когда он распечатал однажды перед службой первый синенький конверт, переданный ему через сестру-монахиню, и увидел перепечатанные на машинке строчки, он подумал, что это исповедь. Но читая письмо, он то краснел, то бледнел, встретясь с явно выраженным признанием в любви к нему женщины. Его охватил страх, что о письме может узнать болезненно подозрительная матушка. Он нервно тут же, в алтаре, разорвал листок с печатными строчками на мелкие кусочки и бросил в печь. Но даже и после этого с опасением смотрел на дьякона, боясь, не заметил ли тот его смущения при чтении письма и не догадался ли о его содержании. Письмо было от неизвестной, тем глубже волновался батюшка. Первым его порывом было предупредить писавшую, чтобы оставила его в покое. Но он тут же сообразил, что это невозможно. Кому и как он адресует свой упрек? Монахиня получила письмо от какой-то матушки, ясное дело, из вторых рук. Нужно ли доискиваться при таких условиях автора признаний? Кое-как успокоился о. Григорий, надеясь, что первое письмо будет и последним. Увы. За следующей же воскресной всенощной мальчик-служка невинно вручил ему второе послание. Батюшка не мог не прочитать его. Он испуган- || но разорвал и бросил в печь и это письмо. Но уже знал, л. 23 об. что помешать попаданию в его руки синеньким конвертам он не в состоянии. А смелая и исступленная женщина точно дразнила его своей интригой: каждый раз передавала письма то через одного, то через другого. О. Григорий не мог даже отказаться принять конверт, чтобы не выдать себя. Так постепенно он привык к ним. Страх перед возможностью скандала мало-помалу притупился. Вместе с тем, почувствовался и интерес к письмам. В этом не было ничего предосудительного. Как-никак, в посланиях обнаруживалась живая душа. Ее отклики на батюшкины слова и дела дышали высоким увлечением и могли казаться весьма для него приятными. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что Загу-

прот. Николай Буткин

Ил. 1. Спасо-Преображенский собор, 1924 год

менных перестал бросать письма влюбленной женщины. А осторожно прятал их в свой письменный стол. Так образовалась их целая связка. Думаем, что для читателей нашей книги небезынтересно будет перечесть их. Всех писем в связке было двенадцать, причем последнее передано было батюшке из тюрьмы, куда в марте 1918 г. попала виновница романа. События с течением времени раскрыли инкогнито писавшей. Ею оказалась не кто другой, как известная уже нам учительница гимназии Лидия Сергеевна Галямина⁵⁴. Из писем мы узнаём историю ее любви к батюшке. Здесь же добавим, что ко времени встречи с о. Григорием, она была вдо- || вой. С мужем, судебным следователем, прожила только л. 24 об. три года. Брак был не из счастливых. Муж пил и кончил самоубийством, не оставив ей детей. Овдовев, Галямина приехала из провинции в город Ш[адрин]ск. Здесь ей удалось занять место учительницы русского языка в младших классах гимназии, и она жила безбедно. К началу романа ей минуло только 30 лет. Вот и все. А теперь приступим к чтению писем.

[Письмо 1]

Дорогой батюшка!

Будучи студентом в Казани, вы, наверное, бывали на «Пиковой даме» в театре. Помните арию Лизы: «Ах, истомилась, устала я. Ночью и днем всё-то о нем», — точно так чувствую я себя. Вы завладели моим сердцем. Ваша красота волнует кровь мою, и я страдаю. Будете ли негодовать на меня за то, что изливаю перед Вами свою любовь и муку? Ведь я же ничего не требую от Вас. О, конечно, была бы счастлива, если бы Вы хоть чем-нибудь отозвались на мои письма. Но зачем мечтать о несбыточном? Я прекрасно понимаю, что это много, слишком много для меня. Поэтому я не жду от вас ничего. Но все же хочется знать, что вы не пылаете гневом против меня. Увы! Я не могу знать даже этого, потому что сама решила остаться для Вас неизвестной. Однако не думаю, чтобы Вы были суровы к любящей женщине и видели в ней, как древний монах, только сосуд дьявола. Чувство мое не обманывает меня. Вы слишком мягки и об- || разованны. А образование если не делает праведным, л. 25 то все же сообщает душе человечность и, значит, учит извинять страдающего. Будьте же сострадательны ко мне. Я хочу Вашего терпения и снисходительности. Кто знает, не суждено ли мне, пройдя через страст-

⁵⁴ Вероятно, имя, отчество и фамилия изменены.

ную любовь к Вам, возродиться душой, и Вы ли, ищущий заблудших, с негодованием отвернетесь от моей исповеди? Ах, батюшка, милый! Как напряженно, если бы вы знали, ищу я в Вас успокоения на свои тревоги.

Вчера я стояла у всенощной. Вы читали Евангелие о Марии Магдалине. Нужно ли повторять, что так, как Вы читаете Евангелие, ни от кого другого не услышишь. Вы даете в передаче живую картину священного события. И вот, я слушала вас и видела перед собой сад, мятущуюся женщину в нем. А далее Вы так проникновенно, словно сам переживали с мироносицей ее скорбь, читали: «Господи! Аще Ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его». Внезапная мысль осенила меня. Что-то подсказало, что Вы, читая эти глубоко выразительные стихи Евангелия, на мгновение подумали обо мне, о моей скорби. Я приподнялась душой, а Вы показались мне бесконечно дорогим и близким. Конец службы простояла в каком-то необыкновенном экстазе. Когда подходила к вам вместе с другими за благословением, сердце вдруг забилося от страха:

л. 25 об. «А что, если выдам себя чем-нибудь?». Жуткая мысль || лишила меня возможности поцеловать Вашу руку так, как я хотела. Но для меня и того, что я прикоснулась к милой, нежной руке, достаточно. Капля воды для умирающего от жажды ведь тоже много значит! А я такая же жаждущая. Простите и благословите любящую вас Н.

[Письмо] 2

Дорогой батюшка!

Мне запомнились слова из вашей беседы: «Храм далеко не все в жизни христианина. Это не центр ее, а только чувствилище, где то, что берет душа от жизни, оформляется, выражается в стихе и песнопении и несет к Богу как вздох, слеза и радостный гимн исповедания». Хорошие слова! Их много черпаешь из Ваших проповедей. Кое-что я записываю для себя на память. Но иногда думаю все же по-своему. Что Вы сделаете со мной, если я, например, скажу: храм для меня — все! В нем я вижу Вас. Здесь Вы принадлежите всем, следовательно, и мне, в храме отдыхает мое измученное сердце. Люди сказали бы, что я не молиться хожу. Может быть, и так. Знаю одно, я живу в храме. Как сладки душе моей слова: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и Сила, Ты мой Бог, Ты мое радование!». Признаюсь: в этих словах я вижу Вас. Но не думаю кощунствовать. Просто в моем сердце простое исповедание преломляет-

ся сквозь призму моей любви. Становятся ли от этого церковные слова поруганиями? || Уничтожила ли я любовь к Богу? Напротив, через по- л. 26
глощающее меня чувство тяготения к Вам, я живо представляю, какова может быть любовь человека к Богу. Так родится из моей страсти к вам религиозное познание. И скажите, батюшка, по совести, разве через это не освящается мое чувство?

О многом хотелось бы поговорить с Вами, но как подойти к Вам? Грешница, я завидую тем, кого вижу с Вами. Я ревную Вас к ним. В самом деле, не странно ли? Ведь вы для них случайный гость на перепутье. Они с интересом послушают Вас, возьмут от Вас что нужно и оставят Вас, занятые собой всецело. Тем не менее, они считают Вас своим и назойливо беспокоят Вас своими просьбами. Почему же я не смею подойти к Вам? Ведь Вы мой бог, мое радование! И от Вас я никуда не уйду. Не больше ли я имею прав, чтобы побеседовать с Вами?

Мне бы, например, очень хотелось слышать Ваше мнение о женской любви. Я часто думаю, на пагубу ли свою я полюбила Вас или во спасение? Что я несчастна — это несомненно. Но заметьте, батюшка, есть и другая сторона: во мне растет религиозное сознание. Когда я вдумывалась так в Евангелие, как Вы, моя любовь, научили меня думать? Я и из службы многое переживаю по-новому. Укажу на пример. Бывало, читает священник молит- || ву на освящение хлебов. Слышим: «Благо- л. 26 об.
слови и хлебы сия, пшеницу, вино и елей». Воспринимаешь это как текст из Катехизиса, догму религиозной мысли, памятью, а не сердцем. Но вот служите Вы, и я теперь жду момента, когда на литии прочтете эту молитву. В Вашей передаче слова оживают. Вы подаете их как художник. В моей голове предносится величественный образ Христа, Который все благословляет и освящает. Впервые через Ваше служение осознала я и почувствовала, что в молитве на благословение хлебов главное не в словах: «Благослови хлебы сия», а в том, что «Яко Ты еси благословляяй и освящаяй всяческая, Христе Боже наш». Так возвышенно и проникновенно подчеркиваете Вы в произношении эти слова! Их радостный смысл, глубину содержания нельзя не почувствовать. Мое сердце трепещет, в сознании вдруг вспыхивает дерзновенная мысль: «Грех, страсть, зло живут и губят душу, пока нет Христа. От соприкосновения же с Ним все в человеке освящается и преображается». Не дано ли и мне испытать на себе Его Живительную силу? Такие мысли сходят на меня в храме. А

дома, по ночам, я томлюсь и страдаю. Ведь люблю я Вас страстно. Грешные желания взбудораживают всю душу и я не в состоянии им противиться. Говорите мне об аде и огне геенском, о вечных мучениях — ничто не ослабит влечения к Вам. Хочу быть Вашей, хочу, чтобы Вы были
л. 27 со мной. Быть может, если бы поговорила с Вами, это подкрепило бы меня. Но как признаться? Боюсь, при одной мысли дрожу от страха. Теперь, пока Вы меня не знаете, я могу хоть писать Вам, облегчая свое сердце. А тогда? Нет, уж пусть останусь одинокой, со своей мукой. Вы же светите, как солнце, и пусть дальше бегут от Вас всякие неприятности. Иногда, впрочем, Вы бываете чем-то подавлены. О, как больно тогда мне смотреть на Вас. Так бы и бросилась к Вам, чтобы разделить и развеять Вашу грусть. Не доводите же меня до безрассудства и будьте радостны всегда.

Любящая Вас Н.

[Письмо] 3

Дорогой батюшка!

Какое сильное впечатление оставляют Ваши проповеди и беседы! Не сужу о себе, но вижу, и другие уходят из храма, будто из-за стола — насыщенными, довольными. Говорить ли Вам спасибо? Нет, это слишком мало. Нет, хочется рассыпать перед Вами не слова благодарности, а принести то исповедание, которое лучше может поддержать Вас и утешить. Батюшка, милый! Вы — истинный пастырь Христов и делаете Его дело на земле. Праздник Введения Вы превратили в день сплошного упоения церковностью. О службе не говорю. Она всегда у Вас религиозно полна и жизненна. Но проповедь заключала целое богатство картин и
л. 27 об. мыслей. Взять || хотя бы картину из Лурда ночного Крестного хода со свечами вокруг горы. Вы воспользовались ею как символом восхождения людей к небу вслед Богоматери. Впечатление огромное. А как прекрасна мысль, что Божия Матерь это живой образ обновленной земли. «Радуйся, земля святая». «Радуйся, Ею же обновляется тварь». Эта похвала Богородице вдруг получила для меня близкий сердцу смысл. Всей душой откликнулась я на те Ваши слова, где Вы выясняли, что во святилище Неба мы проникаем через тишину чувств и покой природы. Живя в храме целые дни и к тому же страдая глухотой (простите, что напоминаю об этом) Вы, батюшка, и не представляете, сколько теперь бестол-

кового шума на людях, как все исступленно ударились в споры, борьбу и авантюризм. Не хочу разбираться в политике. Но меня душит крик людской, постоянные скопища, прорывающиеся в словах ненависть и жадность. Хочется уйти, скрыться: Вы угадали стихийную жажду души к тишине и покою.

Обедня кончилась. Люди двинулись из храма. Я осталась. Ведь Вы тоже не пошли домой. Видела приготовления к приему детей, дождалась их дружного прибытия после нескольких ударов большого колокола. Храм молитвы превратился в школу. Я смотрела на все из своего угла и думала. Только год с небольшим прослужили Вы в городе, а как преобразился собор, изменилась церковная жизнь и люди! Не будь Вас, эти женщины, хлопочущие о столах для детей, си- || дели бы дома, ища, л. 28 с кем бы посудачить от скуки. Вы дали им живое дело и вот, вижу, как горят от возбуждения их лица, как полно бьется их жизненный пульс. А дети? Когда, от кого в церкви видели они такое внимание, ласку? Вот кончились их получасовые беседы с наставницами. В канцелярии и в храме рядом раскинуты столы. Началась детская вечеря любви. Сколько народа смотрят, радуются за малышей, удивляются щедрости и нежности, расточаемой к ним. Вас я не видела, но домой все же не пошла. Зачем? Ведь времени уже много. В двери храма уже входят старушки. Через $\frac{3}{4}$ часа начнется акафист и концерт. Встречаешь и здесь все новое. Как стройно и с каким одушевлением поет народ припевы к акафисту! Не дают уставать. Хорошо. Прекрасно исполнял и хор №№⁵⁵ песнопений. Я чувствовала себя зачарованной и так приятно было сознавать, что день провела в церкви и забыла о своих скорбях и одинокой муке. Но я, наверно, уже утомила Вас. Простите и благословите любящую Вас Н.

[Письмо] 4

Дорогой батюшка!

Я теряюсь в противоречиях. Я изнываю в борьбе. Моя любовь к Вам бурно хлопочет и понуждает меня к безумствам. Мне уже мало видеть Вас в храме. Сегодняшнюю ночь я провела, ходя по улице против Вашего дома и сидя там на лавочке. Вы || долго сидели в кабинете, окно которого выходит л. 28 об. на улицу. Раз я видела на шторе тень, только не Вашу. Вероятно, матушка заходила к Вам. Потом мне показалось, что Вы молились. Я не отрывала

⁵⁵ «№№» — сокращение заменяет слово «номера».

глаз от окна. Вдруг огонь в кабинете погас, и страстные неудержимые желания захватили меня. Я мысленно прошла в Вашу спальню. Я представляла Вас раздетым, беленьким. В мечтах моих был грех и сладость...

Скажет ли Вам на исповеди какая-либо женщина то, что открываю я? Если услышите что-либо подобное, не думайте о ней, как и обо мне плохо. Признание не падение, а признак борьбы. Вы лучше меня знаете, как много в нас, грешных, страстей и влечений. Я удручена их натиском и не вижу выхода. Мне надо умереть, или я сойду с ума. Середины нет. Во мне возмутилась вся глубь. Я на краю бездны. Вы один могли бы помочь мне, да и то... не словами утешения. Слова не успокоят. Я уже перешагнула через грань благоразумия, мне видятся не тишина и мир, а ночи безумные, ночи бессонные. Батюшка! Помолитесь хоть обо мне. Слышала я, что когда утопает душа и нет на земле помощи, Господь Сам приходит к страдальцу с чудесным избавлением. Мне осталось только верить Ему. Вы же будьте ходатаем за безумно любящую Вас Н. ||

л. 29

[Письмо] 5

Дорогой батюшка!

Много воды утекло с тех пор, как я слегла. Неожиданно раскрылось и мое инкогнито. Вы, мой духовный отец, знаете теперь, кто беспокоит Вас письмами. Благодарю Вас от всей души за то, что навещали меня во время болезни и даже как будто ухаживали за мной. Не могу сказать, ко благу ли моему вымолили мне жизнь. Одно знаю: мне суждено мучиться. Время, однако, учит, что не слишком близко к сердцу нужно принимать свои скорби. Наша крестная возлагается ныне на всех, а на духовенство в особенности и, поскольку Вы стоите на свещнице, сердце мое дрожит за Вас. Но буди на все воля Божия. Мы, ш[адрин]цы, бесконечно счастливы тем, что тяжелые дни встречаем, имея перед собой Вас и Ваши дела. Пусть революция угрожает арестами многим, пусть отнимаются имущества, рушатся накопленные за жизнь капиталы; в какую бы скорбь ни повергали людей суровые действия правителей, видя Вас и слушая Ваши беседы, можно избежать отчаяния. Вспомню хотя бы последнюю Вашу проповедь. Какой прекрасный, многоговорящий текст взяли Вы для заголовка: «Это будут дни возмездия!» Прочти из Евангелия эти слова одна, я бы поняла их как грозное обнаружение гнева Божия и только. Но как отрадно и успокоительно для сердца Ваше толко-

вание! Слушаешь и || чувствуешь, что не все потеряно. Есть для ищущих милосердия Божия крепость и ограда — это храм. «Здесь, — внушительно сказали Вы, — алтарь убежища, перед которым удерживается меч Божий и смиряется гнев Его. Только храм в наши дни отделяет тех, кого хочет пощадить Господь, от тех, кои за неверие обречены на наказание». По моему мнению, эти прекрасные слова следует наклеить на видном месте во всех домах православных. Так они убедительны и отвечают насущной потребности. Мне даже пришла в голову мысль, а что, если бы я на машинке отпечатала листочки с золотыми словами?⁵⁶ Могу сколько угодно экземпляров. Если Вам нравится мое предложение, скажите. Буду ждать ответа у клироса после беседы. А за сим позвольте, хоть и с опозданием, поздравить Вас, милый батюшка, с новолетием! Не знаю как для других, но для Вас 1918 год ДОЛЖЕН быть благоприятным уже по тому одному, чтобы показать нам, слабым в вере, что Господь знает Своих и даже в дни общих бедствий умеет избавить их от пагубы. Я, по крайней мере, смотрю на Вашу жизнь с этой точки зрения. Поэтому видеть Вас в благополучии для меня значит питать уверенность в силу и благость Божию. Будьте же успешны и хранимы Господом.

Неизменно любящая Вас Лидия Г[алями]на. ||

[Письмо] 6

л. 30

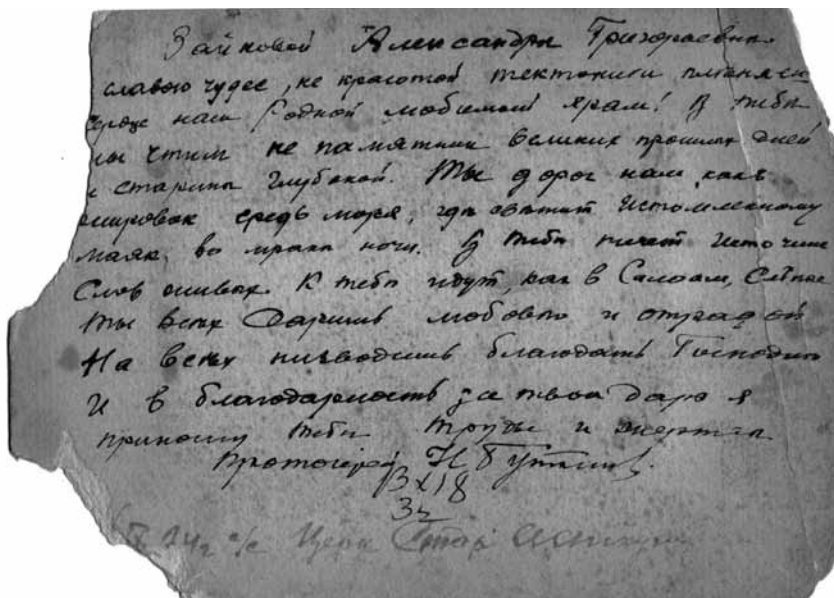
Дорогой батюшка!

Мне страшно за Вас, ведь к власти пришли большевики. Послушали бы Вы, что они кричат на митингах о «попах» и о Церкви. У меня есть знакомые интеллигенты-большевики. Я не отказываюсь при встрече говорить с ними. Признаюсь, даже на меня, в сущности, безразличную ко всему, они навевают ужас. Бомбардировка Кремля в Москве ясно показывает безмерность их дерзости. Они не испугаются ни голоса народа, ни протеста интеллигенции. Они слушают только себя, а их намерение — сдвинуть с устоев весь мир, испепелив все старое.

⁵⁶ В Спасо-Преображенском соборе сохранилась фотография внутреннего убранства храма, датированная сентябрем 1924 г. На ее обороте рукой прот. Николая Буткина написаны слова: «Не славою чудес, не красотой тектоники пленяет сердце наш родной любимый храм! В тебе мы чтим не памятник великих прошлых дней и старины глубокой. Ты дорог нам, как островок среди моря, где светит истомленному маяк во мраке ночи. К тебе идут, как в Силоам слепые. Ты всех даришь любовью и отрадой. На всех низводишь благодать Господню...» (см. ил. 2, ил. 3).

Ил. 2. Спасо-Преображенский собор. Внутреннее убранство. Сентябрь, 1924 г.

Ил. 3. Обрат фотография с автографом прот. Николая Буткина

Когда, коснувшись в разговоре Вас, я указала на то, что Вы — батюшка исключительный, они только рассмеялись и загадочно заметили: «Чем он лучше, тем хуже для него». Я все же продолжала защищать Вас перед ними и сказала, что Вы стоите вне политики. Но на это услышала только: «Он — поп, и этого достаточно. Кто не с нами, тот против нас». Вот и попробуйте тут быть спокойным. Да ведь у таких людей и белое будет черным. А это значит, захотят извести — изведут. Жутко от этих мыслей, и мне не хотелось бы пугать Вас. Но не могу молчать. Простите, Батюшка милый, Вы, мне кажется, не учитываете опасности. Вы слишком смело в проповедях парируете «их» выпады и как бы даже л. 30 об. дразните их. Указывать ли примеры? Извольте. Большевики кричат, что религия — опиум для народа. Вы в пику им говорите о массовом психозе. Они разжигают в народе ненависть к богатым. Вы, явно в их сторону, бросаете упрек в демагогии. Помните, в проповеди о Закхее, говорили: «Хотите ли видеть величие Христа как Учителя? Видя пред Собой богача, Он не потворствует алчности неудачников, не разжигает в народе, подобно хитрым политикам, ненависти к богатому. Он избирает путь исключительно трудный — убедить Закхея, чтобы он сам добровольно распростился с неправедным имуществом». Для умного достаточно, а большевики умны и мстительны. Вот почему я боюсь за Вас. Не смею советовать, но от всей души прошу. Поберегите себя. Не забудьте, Вы, и только Вы, не дали мне умереть. Когда Вы приходили ко мне с причастием, и после причастия, я чувствовала Вас, и этого было достаточно, чтобы искра жизни, начинавшая уже гаснуть во мне, вновь возгорелась. Что же будет со мной, если с Вами случится несчастье? Не вправе ли я упрекнуть Вас, зачем вызвали меня к жизни? Батюшка, милый! Я слабо держусь за жизнь. У меня единственная зацепка — Вы. Не гасите же льна курящегося и не ломайте камышовой тростинки. Так, кажется, || заповедано Вам в Евангелие? Была бы весьма благодарна, если бы л. 31 Вы уделите мне после беседы несколько минут и успокоили меня. Буду ждать Вас у клироса. Простите и благословите любящую Вас Лидию.

[Письмо] 7

Дорогой батюшка!

Вспоминаю каждое слово нашей с Вами беседы. Признаю, Вы проявили в отношении меня полноту снисходительности и благожелания. Но Вы

адресовались к душе своей, хотя и заблудшей овцы, а пред Вами сидел бесенок. Впервые я видела Вас так близко, и мы были наедине, хотя и под сенью храма. И вот, во мне поднялась буря. Увлечшись наставлениями, Вы не заметили, какие страстные взгляды бросала я на Вас. Тем более невдомек Вам было, какие нецеломудренные мысли обуревали мое сердце. Младенец Вы чистый! Дитя Вы милое! Ведь мне хотелось целовать Вас. Я вся дрожала в лихорадке... только не от простуды. В ушах отдавались Ваши слова: «Вы должны понять, что я — священник»; «Боритесь со своим чувством»; «Я готов помочь вам как друг». Я слушала, но ни одно из этих охлаждающих слов не доходило до сердца. Я жила своим желанием. Во мне бурлило вырвавшееся из берегов чувство. Бес науськивал на Вас: «Поцелуй хоть раз, возьми свое и убеги». Слава Богу! Ничего л. 31 об. не || случилось. Храм для Вас оказался надежной охраной. Я поняла это ясно, когда после еле сдерживаемого порыва, стала приходить в себя. Вы продолжали спокойно излагать свои советы. Я старалась слушать, занятая в то же время самоанализом, и вдруг бес отошел от меня. Вы, увидав слезы на глазах моих, испугались, и на всю жизнь будет памятен мне тот момент, когда Вы, как доктор, сестра милосердия, как истинный христианин в порыве сострадания, кинулись утешать меня. Тогда я поняла все. Много и раньше размышляла я над своим чувством к Вам.

Каюсь, были моменты, когда я мечтала совратить Вас. Но только тут, в конце беседы, видя Вашу искреннюю растерянность при моих слезах, я осознала вполне, до чего было бы ужасно и пошло видеть Ваше падение. Сердцем женщины почувствовала я, что Вы не можете быть моим. Но Вы не принадлежите и другой. Вы — ничей. Вот мой вывод. С супругой Вы, может быть, и живете, но страсти женщине дать Вы не можете. Душа Ваша бесплотна, и Вы в состоянии лишь платить дань плоти, а не жить ей. Я была безумной, когда намеревалась повернуть Вас к земле. Для Вас поэзия земной любви — грех, и вы не сможете сбросить с себя этого морального сознания, если бы даже и согласились, каким-нибудь образом, на грех.

л. 32 Батюшка милый! Я сознаю глубоко || свою вину перед Вами и, если решилась все же на откровенность в этом письме, то только потому, чтобы полнее убедились Вы в моем раскаянии. Простите меня. О том, как мне быть теперь, что делать, побеседую с вами, с Вашего разрешения, в следующий раз, а пока прошу об одном: не настаивайте, чтобы

я скрылась с Вашего горизонта. Опасаться меня Вам нечего. Мою любовь к Вам, конечно, ничем не вытравить, но я безвредна теперь и хотела бы только одного — быть при Вас. Где-то в Писании сказано, что у Бога есть сосуды золотые и глиняные. Я бы не прочь быть самым плохоньким горшком в Вашем хозяйстве. Или я ни на что не годна? Помилосердствуйте, батюшка, и придумайте что-нибудь для Вашей покорной любящей Лидии Г[альями]ной.

[Письмо] 8

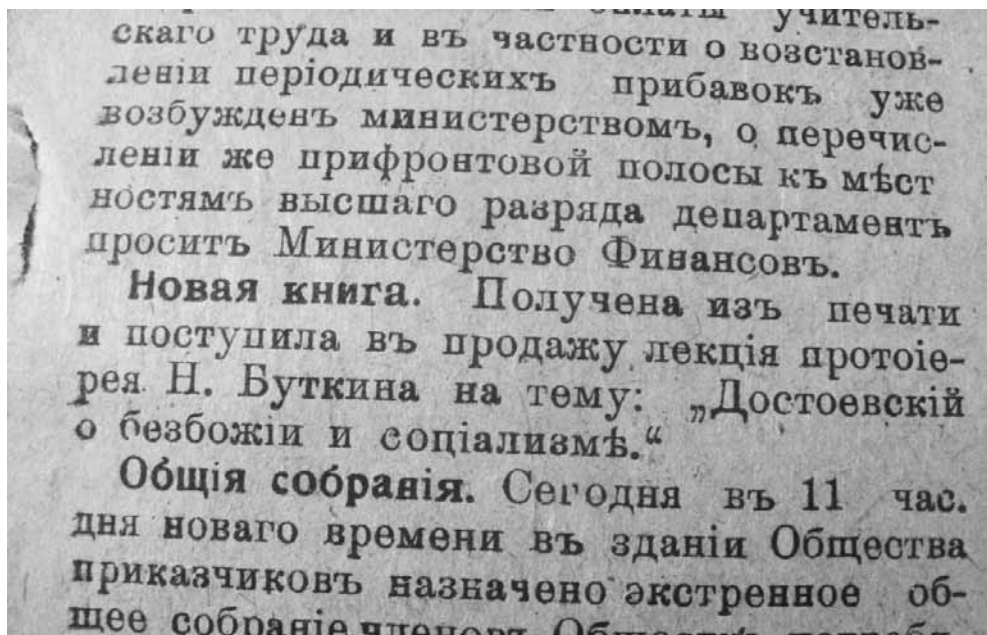
Дорогой батюшка!

Прежде всего, считаю нужным предупредить, что пишу Вам не свое личное мнение, а то, о чем говорят Ваши друзья. Будьте осторожны. Вывешенное на дверях собора объявление о лекции на тему «Достоевский о социализме и безбожии»⁵⁷ не на шутку раздражило большевиков. Я сама слышала такого сорта замечание: «И чего наши комиссары возжуются с попом Григорием? Ведь явно мутит народ»⁵⁸. К тому же Вы, говорят, получили записку || с угрозой: «Нож точится на тебя». Что хотите, л. 32 об. а пренебрегать осторожностью не следует после таких «милых» выражений свободы. Ведь убийство темными людьми духовенства — факт. К чему же испытывать судьбу? Лекция, как она ни заманчива, все же только роскошь. В другое время мы бы только радовались, что Вы так щедро рассыпаете вокруг нас свои таланты. Но теперь, ввиду прямых угроз, с тревогой спрашиваешь: нужно ли из-за роскоши рисковать необходимым?

Вы, вероятно, заметили мое присутствие на Ваших религиозных беседах с девицами-гимназистками? Удивительно полноценны и увлекательны эти часы. Молодежь в восхищении от занятий. Я сама слушаю Ваш раз-

⁵⁷ Позднее текст лекции вышел в печать отдельной книжкой. Новость об этом событии опубликовала «Народная газета» № 136 от 29 июня 1919 г. (см. ил. 4).

⁵⁸ После революционного переворота прот. Николай Буткин продолжает выступать перед широкой общественностью: большую полемику вызвало выступление на тему «Лев Толстой и демократическая школа» (Народная газета. 1919. № 3. 4 января), в зале Общества приказчиков им прочитана лекция «Интеллигенция перед религиозной задачей момента» (Народная газета. 1919. № 68. 30 марта), отдельной книжкой вышла лекция «Достоевский о безбожии и социализме» (см.: сн. 55), он организовал «Вечер скорби» для сбора пожертвований в помощь оставшимся без средств семьям духовенства, с прочтением лекции «Жизненная драма духовенства» (Народная газета. 1919. № 86. 27 апреля).

Ил. 4. Народная газета, № 136 от 29 июня 1919 года

бор литературных произведений с неустанным интересом. Это Ваше дело может принести самые восхитительные плоды. Взвесьте же, Бога ради, что ставите Вы на карту лекцией о Достоевском, и снимете ее с очереди.

Как-то неловко писать здесь о себе, но Вы же пастырь добрый и не посмеете махнуть рукой на то, что переживает одна заблудшая овца. А мое настроение таково: не скажу, что совсем избавилась от мятежных чувств, но сознание тщетности намерений ослабило силу желаний. Зато я чаще и чаще стала задумываться над вопросом: для чего живу?

л. 33 Кого радую? Кому приношу пользу? || Бесцельность существования вырисовывается все яснее и гнетет все сильнее. Хочется поставить +⁵⁹ над собой. Этому мешает лишь Ваше присутствие. Мне интересно видеть, слышать, наблюдать, что делается Вами. Когда я в храме, я забываюсь, живу всецело впечатлениями от Ваших бесед, службы и собраний. Но представьте, с Вами случится что-нибудь роковое. Тогда пустота, абсолютная пустота, окружит меня со всех сторон. Мне жутко при одной мысли о ней. Я боюсь ее больше, чем люди страшатся демонов, адских мучений. Там хоть огонь, черви, страдания, но все же жизнь, а передо

⁵⁹ Знак «+» заменяет слово «крест».

мною одна пустыня, и я одна в ней. Что мне делать? Зачем тут надо быть? Чувство недоумения так велико, что соблазн уйти из мира добровольно представляется единственным разумным выходом. У меня про запас хранится и револьвер для этого. Один толчок, и я готова. Но не бойтесь, батюшка! Пока Вы живы и благополучны, «этого» не будет. Заблудшая овца говорит о самоубийстве только для того пока, чтобы и этим признанием побудить Вас поберечь себя для нас, для меня, для Церкви Божией. Простите и благословите любящую Вас Лидию.

[Письмо] 9

Дорогой батюшка!

Ну могла ли я думать, что своею исповедью о самоубийстве вызову Вас на те превосходные рассуждения, которые Вам угодно было пере- || дать л. 33 об. мне вместе с письмецом, настолько милым и бесконечно ценным, что я не знаю, не умею, как благодарить Вас. Вы слишком великодушны ко мне. Другой на Вашем месте не велел бы мне и на глаза показываться, отшатнулся бы от меня, как от зачумленной. Тем удивительнее Ваше снисхождение. Откуда оно? Уверены ли Вы в чистоте своей, которую не может загрязнить страсть женщины, не любимой Вами? Мне этот мотив не по душе. В нем есть большая доза презрения и самоуверенности. Могу ли я согласить эти свойства с несомненными чертами Вашей души — мягкостью и доступностью? Надо, следовательно, искать другого объяснения — и я его нахожу. Вы, очевидно, знаете, что во всякой страсти неудовлетворенной и серьезной есть элемент страдания. Чувствуя его в ближнем, Вы не можете пройти мимо и, как самарянин в притче Спасителя, склоняетесь к нему с любовью и милосердием.

Вы видите, батюшка, я настолько осмелела, что хочу и в Вас видеть страдание, чтобы объяснить Ваше сочувствие к грешнице. Извиняюсь за дерзость, тем не менее, убеждена, что для человека есть только один путь к сердцу другого — это собственное страдание.

Милый, бесконечно дорогой батюшка! Когда я думаю так о Вас, во мне самой гаснет все плотское, и я радостно чувствую, что в душе моей образу- || ется как бы мост, чтобы перейти через пропасть, разделяющую л. 34 меня от Вас. Я сама одухотворяюсь. А в таком случае не оправдывается ли Ваше сочувствие к грешным и не стоит ли оно выше эгоистического оберегания своей праведности? В одной из бесед Вы затрагивали этот

вопрос. Помните, вы говорили о письме Феофана Затворника к о. Иоанну Кронштадтскому? Я тогда мало поняла смысл переписки. Теперь мне все открылось. Вы предпочитаете путь сострадания к немощам других аскетизму⁶⁰. Я не могу не радоваться этому, испытав собственной персонной живительность Вашего влияния. В благодарность за внимание я перепечатаваю на машинке Ваши «Мысли о самоубийстве». Уверена, что они встретят большой интерес в среде молодежи. Вы раздайте листочки своим барышням-ученицам. На случай, кому надо будет подарить, у Вас останутся еще. Мне же приятно будет сознание, что могу услужить Вам.

Написано много по поводу письма, а о самом письме ни слова. Оставляю это до будущего раза. Простите и благословите любящую Вас Лидию.

В связке писем, которые мы публикуем, лежали и печатные листки с мыслями о самоубийстве. Познакомим поэтому читателя и с этим документом. ||

л. 34 об.

Мысли о самоубийстве

§ 1. На первый взгляд, может показаться странным, что Христос в Евангелии ни словом не обмолвился о таком значительном факте, как самоубийство. Но пойдем Его учение. Он видел, что мир под именем жизни вскрывает только господство смерти. Она врывается в существование человеческое во все щели и трещины, как вода. Самоубийство поэтому не есть что-либо исключительное в строе мировой жизни. Это просто частный случай смерти. Самоубийца идет не против природы, а лишь ускоряет ее течение. И протестовать надо не против самовольного покушения на жизнь, а против господства в мире смерти вообще. Христос так и ставит вопрос: или жизнь, или смерть.

⁶⁰ 18 ноября 1912 г. в зале Екатеринбургского общественного собрания свящ. Николай Буткин прочитал лекцию «Аскетизм и христианство». В этой работе автор обличил одну из серьезнейших подмен современной церковной жизни. Он писал о том, что такие традиционные аскетические средства, как пост, молитва, чтение Писания стали самодовлеющими в церковном сознании, вытеснив евангельские смыслы служения. Откликаясь на идеи Н. А. Бердяева, о. Николай делал акцент на том, что путь самоспасения и самосовершенствования в Церкви ущербен, так как человек призывается к большому — к творческому делу в мире, к соучастию в Божьем деле, в деле миротворения и мироустроения (ЕЕВ. 1913. № 4. Отд. неоф. С. 200).

§ 2. Тот, кто склоняется мыслью к самоубийству, подчиняется всецело закону смерти и раболепствует перед слепой природой. Он отказывается от выигрыша. Но во что же обращает он свою жизнь? В игру случая, в пустое место. Человек случайно родился, поболтался на свете и ушел, ничего не увидев и не узнав. От самоубийцы не остается ничего. Он не оценил разума, который зовет нас к созданию новой жизни, достойной человека. Он не умел понять сокровища сердца человеческого, способного вместить в себя все лучшее в мире, чтобы создать в себе алтарь вселенской красоты. Самоубийца пренебрег усилиями человечества воплотить в жизни идеалы истины и добра и ушел из жизни, как Иуда с вечера, чтобы бросить хлеб, принятый из рук Христа, в темноту ночи. Самоубийца уравнял человека со псом и мошкой и плюнул на жизнь, повергнув великий дар на землю. Он — мот и глупец, не оценивший своих преимуществ: Христос вскрыл Своим ученикам все убожество самоубийцы. л. 35

§ 3. «Мои слова — дух и жизнь». Дух — синоним идеала истины, добра и красоты. Жизнь без идеала — *ничто*⁶¹. Это значит, нет жизни без *духа*⁶². Только имеющий *дух*⁶³ пользуется и природой, и разумом, сообщая бытию смысл и радость. Дух безмерен, потому что создаваемая им жизнь выше смерти. Гомер, создатель «Илиады», бессмертен. Данте переживает века и историю. Шекспир всем народам родной и для всех дорог. Но гении — не исключение. На их примере только яснее обнаруживается тайна бессмертия, присущая всем, кто имеет *дух*⁶⁴. Пахарь, работница, интеллигент — все строят в себе основания бессмертия, потому что оно создается на порывах воли, взлетов ума, борения чувств за идеалы. Природа, все, что есть, для нас только опора к взлету ввысь, но ничуть не ложе. Тот кто почивает на достигнутом, утверждает лишь царство смерти. Но все же он не на одном пути с самоубийцей. От последнего || его отталкивают испытания и несчастья. л. 35 об.

§ 4. Затруднения в жизни и тем более несчастья ничего из сокровищ духа не отнимают и не разрушают. Они только подводят дух к грани, где он должен взорвать оболочку плоти, как взрывает динамит гору, и расправить свои крылья. Страдания поэтому усиливают дух, подни-

⁶¹ Слова, выделенные в рукописи более крупными буквами, при публикации передаются *курсивом*.

⁶² То же.

⁶³ То же.

⁶⁴ То же.

мают его энергию. Даже смерть для духа уже не смерть, а исход к свободе и славе. Эта мысль — самое поразительное в благовестии Христа и освещена Им с удивительной силой в прощальной беседе.

Паникеры пасуют перед затруднениями. Они говорят: «Лучше пулю в лоб, чем терпеть и страдать». Несчастные! Они не подозревают истины. Но пусть осудят их те, которые стрелялись неудачно или превозмогли желание самоубийства. Горький в 19 лет покушался убить себя. Но ранил себя не смертельно и ожил. Что же? Разве он не достиг славы писателя и не оправдал преимущество жизни над смертью? Толстой Л. Н. тоже был на пороге к самоубийству, но поборол искушение, и разве не развернулся вслед за этим его гений? Истинно, борьба за идеал делает людей бессмертными. Самоубийцы же отнимают самое дорогое от себя — имя человека. Потому что человек только тот, кто верует.

л. 36 на || § 5. Вера для нас значит бесконечно много. Проникновенный взгляд || действительно обнаруживает, что мы стоим над бездной смерти. Все в природе падает в нее: травка, насекомое, города, государства и нации, даже целые планетные миры. Но Бог судил над этой бездной поставить человека. Он не дал ему крыльев, он не снял с него покровы плоти, но наделил его разумом, вложил в него сердце чуткое и открыл ему свою любовь через Христа Спасителя. И чудное дело! С этими средствами человек стоит и не падает. Мало того, он дерзает и в царстве смерти утвердить жизнь вечную. На такую высоту силы и свободы поднимает его вера. Она говорит ему: не останавливайся на достигнутом. Высоко взлетает орел, но разве небо не выше его? Так ничтожны пред идеалом наши временные победы. Вера вступает на них, как на лесенки, но не останавливается, а смотрит выше, в даль безмерную, и в этом его счастье. Ибо оттуда, с высот небесных, смотрит на человека Отец Небесный и зовет к Себе. Сердце чувствует благость Его и полноту жизни в Нем и тяготением к Нему побеждает смерть. Верующий видит ее, как змею на пути, но не бежит, а смело идет на нее и пронзает ее копьем упования. Самоубийца не знает этих высот веры. Он — червь, пресмыкающийся по земле. И если все же в нем билось сердце человеческое, то каким надо быть бесчувственным, чтобы предать его сокровища в руки смерти? Иуда предатель — вот имя самоубийцы, и жребий его позор и забвение. ||

л. 36 об. § 6. Вера призывает человека к труду. Как не понять, что Царство Божие существует не рядом с миром смертным, а должно поглотить его?

Тленное обратится в нетление, и смертное — в бессмертие, но не механически, а через терпение и труд человечества. Еще никто не ставил для деятельности человеческой такой великой цели. Поэтому понятно, какая острая борьба завязывается в этом пункте. Князь мира силится так повернуть жизнь, что в ней все удовольствия и прелести открываются для праздных. Для тех же, кто трудится, готовится крест. Самоубийцы сплошь и рядом на этом и запинаются. Они обвиняют жизнь в ужасной несправедливости и лишением жизни хотят заявить протест против мирского зла. Но бесчинством от зла еще никто не побеждал зла. Это первое. Второе — разве не покрывает Христос все лишения и неправды, выпадающие на долю трудящихся, высокими благами, которые готовят труженики себе и другим в Царствии Божием? Нередко склонные к самоубийству жалуются, что для них не находится дела в жизни, и в этих жалобах — глубокая неправда. Надо верить в конечную цель человечества. Когда носишь эту веру в душе, то даже чашка студеной воды, поданная вовремя ближнему во имя Христа, зачтется как труд. Можно ли после этого отвертываться⁶⁵ от дела ради Царства Божия?

§ 7. Труд отталкивает тяжестью. Но ведь он таков только для тех, || кто не верит. Христос поэтому усиленно зовет человека поверить. Для л. 37 верующего труд открывает невидимую дорогу к радостям любви и дружбы. Приметьте и тот факт, что стоит только людям встать на общее дело, как сейчас же стираются грани отчужденности и один для другого становится братом. Труженики открывают души друг другу, и через эту близость растет в них сила жизни и бодрость. Слитые вместе, они и в лишениях находят источник радости. Обед из хлеба с квасом для косцов на лугу после жаркого труда кажется пиром, а чарка водки, обносимая по кругу, для них верх наслаждения. Счастье в любви и нетребовательности. Таково откровение, почерпаемое из труда. Чтобы понять и испытать его, надо спуститься с высоты своего «я» в массы и отбросить от себя всякую прихотливость. Для самоубийц существует другая этика. Они горды и прихотливы. Неисполненное желание для них равносильно крушению жизни. А призыв встать в ряды человечества они принимают за оскорбление. Так брыкается необъезженный жеребчик. А мальчишка, которому отец не дал пряника, хочет мстить ему своею смертью. Но быть юнцом по уму и жеребчиком по нраву так ли уж завидно? Мы

⁶⁵ Отворачиваться.

живем не для самолюбия и прихоти, а для того, чтобы общей семьей, л. 37 об. братством поколений построить новый || мир, где правда живет и где нет ни вздыханий, ни смерти, но жизнь бесконечная.

§ 8. Стоит ли жить после этого? Думается, что даже и выбора быть не может. Ведь в смерти нет ничего ни для себя, ни для других. Умер, и как будто не было тебя. Не то в работе жизни. Сколько здесь оправданных надежд, радостных побед, возвышающих душу познаний! Нет, что бы ни говорили малодушные, жизнь есть ни с чем не сравнимое благо.

Скажут, что ее счастье застигается горем, слезами, смертью. Что же? Ведь и золото лежит под землей в воде и грязи. Но ведь это не удерживает же людей от того, чтобы с большим трудом отыскивать его. Почему же жизнь мы должны ценить ниже золота? Не показывает ли самоубийца в себе лень и трусость, отказываясь от труда и подвига? Нередко трусливый рядится в одежду рыцаря чести и обиженного героя. Но если по одежде и встречают, то провожают уже по делам, и самоубийца лишает себя как сочувствия, так и дружбы.

§ 9. Самоубийц все же жалеют, а верующие не знают, молиться или нет за них. Но самоубийца, мы уже сказали, подобен Иуде предателю, а о нем Христос изрек: «Лучше бы ему не родиться». Не казнь и муку, заметьте, определяет Господь предателю — самоубийце, а попускает л. 38 быть ему ничем, сойти в нирвану, как будто он и || не родился. Чтобы оценить весь ужас этой судьбы, надо вспомнить, к чему предназначает нас Христос. Все появляется и исчезает из того, что начинается. Одному человеку дано, родившись, вкусить жизнь, какова бы она ни была по видимости, но пока мы ее терпим, мы беспрепятственно идем к вратам рая. Это обещано нам Христом, Который сказал, что никто из нас не погибнет, кроме сына погибели. А кто такой сын погибели, как не тот, кто сам себя зачеркивает и меняет жизнь на небытие? Ужаснись, человек, такого выбора и молись, как молится вся церковь в Великий Четверток на стоянии: «Избави мя, Господи, Иудина окаянства».

[Письмо] 10

Дорогой батюшка!

Итак, лекция о Достоевском все же состоялась⁶⁶. Вы не захотели отступить. К общему удовлетворению, чтение прошло благополучно, инци-

⁶⁶ См.: сн. 48, 58.

дентов не последовало. Но большевики показали, что они не безразличны к Вашим выступлениям. На этот раз, кроме стоящих в толпе шинелей, явились сами комиссары с револьверами на ремнях по форме и скопом стали на клиросе⁶⁷. Их присутствие нас волновало. Аудитория насторожилась. Один Вы или не хотели видеть, или не замечали ничего особенного. Я слушала Вас, не спуская глаз с клироса. Внимательно следили за Вами и комиссары, изредка || перешептываясь друг с другом. л. 38 об. Видимо, большой храм, наполненный до тесноты народом, и ничем не нарушаемая тишина производила на них сильное впечатление. Они слушали Вас. И не удивительно. Им было что послушать. Батюшка милый! Вы говорили так, точно исповедовали перед сонмищем врагов святыню веры своей. Вся лекция наполнена была хвалой Иисусу. И что замечательно, в Ваших словах не было ни задора, ни иронии по отношению к неверующим и, однако, слово правды развенчивало всякий героизм безбожия. Нельзя было не видеть его пустоты и убожества. Патетически прозвучал заключительный вывод. Вы говорили: «Тысячелетия культуры не изменили облика безбожников. На словах они ревнителы свободы. Послушать их — за них наука, на их стороне разум и все видные умы человечества. Казалось бы, при такой поддержке зачем воевать с верую-

⁶⁷ «К январю 1918 г. большие государственные перемены дошли до Шадринского уезда. Пестрая картина политических партий в уезде начинает меняться. Повсеместно по инициативе большевиков проходят собрания, цель которых — консолидировать силы под лозунгом: «Власть в стране признаем только советскую, как в центре, так и на местах». Стремительно происходит замена структур управления, созданных при Временном правительстве. «Правые эсеры назначили на 27 января созыв уездного крестьянского съезда. ... К съезду большевики тщательно готовились. По селам и деревням проводились собрания, на которых разъясняли решения II Всероссийского съезда Советов и последующие постановления Советского правительства. По просьбе совета в Шадринск из Екатеринбурга прибыло 30 красноармейцев с пулеметом. В ночь с 24 на 25 января 1918 г. состоялось совместное заседание исполкома Шадринского совета рабочих и солдатских депутатов и временного исполкома уездного совета крестьянских депутатов с участием представителей от рабочих. Докладчик А. А. Жданов <...> говорил о необходимости немедленного перехода власти как в городе (Шадринске), так и в уезде в руки советов. <...> Предложил план немедленного захвата власти в городе. Предложенный план был принят единодушно. Затем съездом были утверждены комиссары: городского самоуправления — Фёдоров, призрения — Кибасов, труда — Арыкин, земского самоуправления — Иванов, общественной безопасности — Петров, финансов — Бондюгин, земледелия — Жданов, юстиции — Кононов, продовольствия — Щуплецов, народного образования — Росляков» (Пашков А. А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007. С. 81–87).

щими огнем и мечом? Они могли бы, будучи в силе, использовать литературу, газету, театр, кафедру. Увы! Всего этого им не достаточно. Когда стоит перед ними истинный ученик Христа с одним оружием — горячей верой и словом убеждения, — воинствующие безбожники с каким-то паническим страхом хватаются за меч, и как прежде, в веках бескультурия, так и теперь, пускают в ход дреколья, аресты и казни с пытками».

При этих словах весь храм вперил свои взоры на клирос, где стояли комиссары. Ваш вызов был слишком || откровенен, и не знаю, мне ли одной так показалось, но они не вынесли упорных, вопрошающих взглядов народа, демонстративно вышли. Сердце у меня екнуло. Я и сейчас не спокойна, но не хочу наводить паники. Буди воля Божия! Говорю это тем искреннее, что лекция Ваша много просветила и меня, грешную, дав ясный и убедительный ответ на мои думы. Запали в душу слова: «Есть неверие, которое выражается нытьем, жалобами, что жизнь постыла и скучна. Такие нестроения позорны, постыдны, если посмотреть прямо на жизнь, где тысячи людей вокруг каждого из нас нуждаются в самой простой помощи, чтобы накормить, научить грамоте, утешить сочувствием и так далее». Не сомневаюсь — это я дала Вам повод к подобной реплике. И мне стыдно стало за себя. Батюшка дорогой! Помогите мне! В своем письме ко мне Вы уже делали попытку привлечь меня к церковному делу. Но я была в нерешительности. Не доставало импульса. Теперь я нашла его в лекции. Не откажитесь же побеседовать со мной как-нибудь на эту тему. Не пригожусь ли я в Вашем деле со своим умением печатать на машинке? Впрочем, чувствую, что этого мало. Мне надо не только прикоснуться к живому источнику, но окунуться в него. Придумайте же, батюшка, что-нибудь для меня. Теперь я чувствую больше, чем когда-либо, что моя любовь к Вам дана мне не на погибель, а во спасение. На Вас л. 39 об. вся моя || надежда. Делайте со мной, что хотите. Предаюсь Вам всецело.

Ваша навеки Лидия.

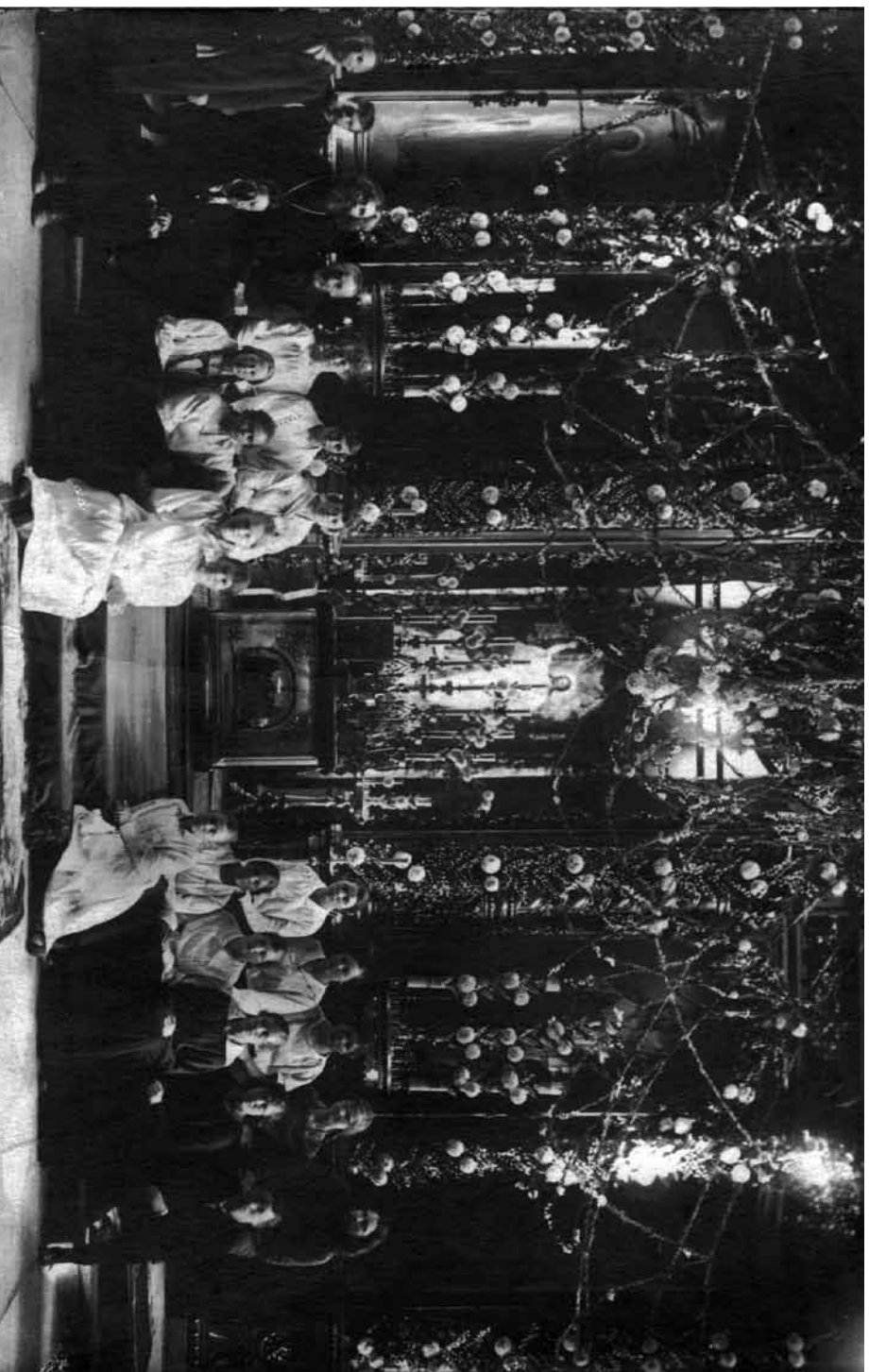
[Письмо] 11

Дорогой батюшка!

Ах, как хочется, чтобы никто и ничто не нарушало того мира и радости, которые даете Вы всем посещающим Ваш собор. Истинно, Вы сделали его для людей тихой пристанью. Лишь только входишь в храм, как чувствуешь: на

Ил. 5. Прихожане Спасо-Преображенского собора, в центре прот. Николай. 1920-е годы

*Ил. 6. Ктирос и молодежь Спасо-Преображенского собора на Пасху 1924 года.
Третий слева стоит прот. Александр Буткин родной брат прот. Николая*

тебя льются волны невидимой, но осязаемой жизни. На сердце становится тепло и приятно. Не раз я задумывалась над этой новой стороной впечатления от собора. Ходила я к службам его, да и до Вашего приезда, хотя и не так часто. Храм всегда оставлял, особенно зимой, ощущение подавленности. Прежде на зиму главная часть храма затворялась наглухо, а в передней части, где служили, низкие своды, маленькие алтари — точно налlepки, и слишком тесная ограниченность перспективы обращали собор в какую-то старобоярскую палату. Мрачно и безвкусно! Шла служба, хор пел порядочно и прежде, но от стояния за всенощной и обедней оставалось только сознание: «Справила обязанность, теперь домой и в жизнь». При Вас все изменилось. Прежде всего, спасибо за то, что открыли и на зиму весь храм, служа по праздникам в главном приделе. Одно это говорит о том, что Вы — художник и умеете предельно || использовать все возможности для полноты л. 40 впечатления. Но что бы ни говорили о внешней красоте церкви, она приедается. Ваша заслуга в том, что вы не раскрашенными стенами и золотом утвари поддерживаете веру. Вы в само церковное дело внесли дух и жизнь. И вот я на себе испытываю перемену впечатления от храма. Прихожу всегда чуть не первой. Вхожу в пустые стены — нет пустоты. Храм живет. Его воздух словно колеблется от присутствия незримых волн. Ваши слова, вдохновенные призывы, тайна покаяния, возрождение душ, радостные встречи с Богом, дела любви — все это запечатлевается здесь и волнует сердце. Стен не чувствуется совсем. Видишь, ощущаешь в сосуде полноту движения и жизни. Таинственной, но пленительной и мощной. Есть Бог, есть благодать Его — твердят уста. Храм высмотрит⁶⁸ святыней⁶⁹, но не величественной и ослепляющей своей славой, а близкой и притягивающей, как Христос.

Вот пришла в собор одна из Ваших сотрудниц по благотворению. Прежде бы она, перекрестившись, встала на место в «страхе и благоговении», как учили нас на уроках Закона Божия. Теперь, сотворив поклоны, Варвара Семеновна скоренько, с узелком в руках бежит к сестре-монахине, зажигающей пред алтарем лампы. Поцеловалась, что-то спросила и направилась в канцелярию. Побывала там, оставила, что было в узелке, и вышла, направляясь прямо || ко мне. Здоровается с улыбочкой как своя, близкая и делится радостью: принесла сапоги для какого-нибудь малыша. Поговорили немного, ушла, а я думала: «Вот и секрет такого неожиданного преображения собора. л. 40 об.

⁶⁸ Выглядит.

⁶⁹ См.: сн. 56.

Он дышит любовью, его воздух насыщен милосердием. Каждый уголок в его стенах отмечен действием христианской веры и любви. Здесь не регистрируются факты чудесных исцелений, ошеломляющих сознание простецов. Но одно несомненное чудо проходит перед глазами людей через все дни Вашего служения. В храме так явственно и пленительно открывается христианская жизнь, и, пусть в малой степени, но мы видим все же действие благодати, о котором с таким воодушевлением говорится в Книге Деяний. Не мудрено, что люди идут теперь в собор массами и, знайте себе, стекаются сюда не ради иконы или мощей, а ради того, чтобы прикоснуться к благодатной Христовой жизни и самим ожить духовно.

Казалось бы, хранить и лелеять надо Ваше дело. Но в том-то и беда, потому-то и боится сердце, что все сильнее раздаются враждебные голоса: «Он» одурманивает народ, «Он» дает яд под видом милостыни, «Он» поддерживает слепоту и рабство в людях». Голоса становятся настойчивыми и угрожающими. И невольно спрашиваешь себя: «Что же это такое? Зажглась в церкви неугасимая лампада. Огонек горит и радуется. Люди с любовью мол. 41 лятся, чтобы Бог сохранил для них свя- || той огонек, и неужели незаконный мир погасит его? Жутко подумать об этом. Душа возмущается, настаивает: «Не может этого быть. Бог не допустит». Но вспоминаешь Гефсиманскую ночь, акт неслыханного предательства, взятие Христа и суд над Ним. «Все возможно, всего можно ждать», — грустно отмечает сознание.

Простите, милый батюшка, мой страх и уныние. За последние дни я что-то расклеилась. Сердце чувствует словно беду. Но не хочу, не могу допустить, чтобы случилось что-нибудь с Вами. Поговорили бы Вы со мной и успокоили. Пока же иду в собор повидать Вас и забыться. Для меня и это — большое счастье.

Всей душой преданная Вам,
Лидия.

[Письмо] 12

Дорогой батюшка!

Какое несчастье. Так и не удалось побеседовать с Вами. Револьвер сгубил меня. Пришли с обыском. Наган отняли, а самое водворили в каземат, откуда и пишу Вам. Скучаю о Вас, о соборе. Если Господу угодно будет, чтобы я увидела свет, то не задумываясь посвящу Ему остаток жизни. Но для этого прошу, чтобы и Вы были с нами, благополучны. Помолитесь обо мне.

Любящая Вас Лидия. ||

После того как навалилось божье
 наказание — Кошмары с ихконами по по-
 лям, с малобетбиями, с дошуром и
 бланпошуром, превзрастали
 клядобы. Еще на ихальной скальке
 Балцнерных Пшуримовь сыпалась
 мятня, то молье о фодеру ны
 билье ны молье как порежничек
 докосте. Но он Сметурь. Но это
 дело имать. После Ужудения Тимон
 Умодина Стрига дабло дошур и до-
 вали Кувшуром Свом прикостек
 и умоньсрока. Но в удвисток
 топках собствено в марочном Диктом
 руть васс шобавоимь на руром
 .Одним из таких момента и
 Амань Богомолье, Оны по молье

с. Бумшурь вали гостанья Умодина
 ны бора в Мамосеруя ботю А
 мольеу предикомия Кметовь. По
 ходимь с ихконами по ролем он
 .Примомия с руройом Но вассуа
 кастимь в той думь и шом на
 болемолье, как на порвие гу лодя
 шур бора. С порвие же шого ин
 показале это. Кора Кувшуромь
 поркел из расовни шомь молье
 а сумь с удимомь предикомия
 Стремь на порвочу. Этой докостек
 до порвочь Смолян в том шур
 горь фомь но остаривие молье
 дог даявие, ны лодяе ливомь
 За ихконами. В мурь ама, бумь
 васс Кувшуромь молье

Протоиерей Николай Буткин (1882–1937)

Источники и литература

1. *Алексий (Дородницын), еп.* Византийские церковные мистики XIV века. Казань, 1906.
2. *Он же.* Опыт противощундистского катехизиса. Екатеринослав, 1899.
3. *Он же.* Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. Казань, 1909.
4. *Он же.* Церковно-законодательная деятельность Карла Великого, 768–814. М., 1889.
5. *Он же.* Шалопутская община. М., 1891.
6. *Он же.* Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды. Ставрополь, 1903.
7. *Бабкин М. А.* Духовенство Екатеринбургa и революционные события февраля-марта 1917 г. URL: <http://m-i-e.ru/articles/babkin-m-a/> (дата обращения: 15.12.2015).
8. *Бабкин М. А.* Духовенство Русской Православной Церкви и политическая символика (весна 1917 г.) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Мат-лы Всеросс. научн.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 267–270).
9. *Буткин Н., прот.* Роман «Виноградари. Часть I. Сеятель» (вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2(8). С. 289–376.
10. *Буткин Н. Г.* Страницы моей жизни. Екатеринбург, 2011.
11. Верноподданный архипастырь: служение епископа Серафима (Голубятникова) в Екатеринбургской епархии / авт.-сост. В. В. Богомолов. Екатеринбург: Изд-во Уральского церковно-исторического общества, 2014. 359 с.
12. *Воробьева Н. А., Брандобовская Л. Б., Игнатъев А. А.* // Православная энциклопедия. Т. 21. С. 153–155.
13. *Евстафия (Морозова), мон.* Архиепископ Стефан (Знамировский) — ревнитель православия, проповедник, мученик // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. С. 303–308.
14. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 4; 1917. № 18–22.
15. *Иванова О. [В.].* Покаяние архимандрита Ксенофонта // Кифа. 2014. Декабрь. № 15 (185).
16. *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
17. Народная газета. 1919. № 3. 4 января; № 68. 30 марта; № 86. 27 апреля.
18. *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004.
19. «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002.

прот. Николай Буткин

20. Оптинские старцы. М., 1990.
21. Пашков А.А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007.
22. Rogoznyy P. G. Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008.
23. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997.
24. Соловьёв В. С. Византизм и Россия // Он же. Собрание сочинений: в 9 т. СПб., 21912. Т. VII. С. 286–325.
25. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915.
26. Сухарев Ю. М. Биография протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева (1878–1927) // История Свердловской области в архивных документах: Мат-лы научн.-практ. конф. Екатеринбург, 2014. С. 182–196.
27. Цыпин В., прот. Алексей (Дородницын Анемподист Яковлевич), еп. // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 665–666.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ СЕМИНАРИИ ЗА 2014/2015 УЧЕБНЫЙ ГОД

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА ЕДС
от 14 декабря 2015 года

СЛУШАЛИ: сообщение проректора по учебной работе доц. прот. Петра Мангилёва о результатах защит дипломных работ, состоявшихся 14 декабря 2015 года.

Защитили дипломные работы выпускники семинарии 2014/2015 учебного года по заочному отделению:

БАЛИН Павел Геннадьевич, протоиерей. История прихода Прокопьевской церкви с. Чернавского Курганской и Белозерской епархии (1763–2015 гг.) (*научн. рук.: иер. Иоанн Никулин*);

ЗОТОВ Алексей Ильич, иерей. Жизнеописание протоиерея Моисея Воронина (*научн. рук.: А. В. Мангилёва*);

МОРГУНОВ Антоний Валерьевич, иерей. Библиографический указатель изданий, переданных в дар библиотеке Екатеринбургской духовной семинарии (*научн. рук.: Г. В. Глазкова*);

ПРОКОПИЙ (Руднев Михаил Борисович), монах. Библейский потоп в свете геологических и археологических исследований (*научн. рук.: игум. Моисей (Пилатс)*);

РУСАКОВ Павел Вадимович, иерей. Жизнь и проповедническое наследие протопресвитера Александра Шмемана (*научн. рук.: протодиак. Дионисий Симонов*);

ФЕОДОСИЙ (Сохарев Дмитрий Николаевич), иеромонах. Учение кумранских общин и новозаветное учение: сходство и различие (*научн. рук.: игум. Моисей (Пилатс)*);

ШИПИЦИН Михаил Юрьевич. Православно-аскетическая антропология как основа нравственного воспитания человека (*научн. рук.: Д. Ф. Аникин*).

Всего в семинарии за 2014/2015 учебный год было успешно защищено 22 дипломных работы, из них 12 — студентами очной формы обучения, 10 — студентами сектора заочного обучения.

ОТЗЫВЫ НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И РЕЦЕНЗЕНТОВ НА ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ВЫПУСКНИКОВ СЕМИНАРИИ 2014/2015 УЧЕБНОГО ГОДА

1.1. ОТЗЫВ преподавателя иер. Иоанна НИКУЛИНА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения прот. Павла БАЛИНА, выполненную на тему: «История прихода Прокопьевской церкви с. Чернавского Курганской и Белозерской епархии (1763–2015 гг.)»

Дипломная работа протоиерея Павла Геннадьевича Балина посвящена истории прихода Прокопьевской церкви с. Чернавского Курганской и Белозерской епархии, в которой и совершает служение автор выпускной квалификационной работы.

Исследование отца Павла включает Введение, основную часть, состоящую из трех глав, Заключение, Список источников и литературы и приложения. Во Введении формулируются актуальность, цель, задачи, новизна, предмет и объект исследования. Обозначены основные источники и использованная литература. В первой главе представлена история возникновения прихода. Во второй рассматривается период стабильного его развития в период середины XIX — начале XX вв. В третьей показана история прихода в годы советской власти, закрытие прихода и возрождения храма в начале XXI в. В Заключении автор формулирует основные выводы.

В процессе работы над дипломом отец Павел в целом показал владение основными навыками поиска, отбора, чтения источников, классификации и систематизации информации. Ценный опыт дипломника состоит в использовании источников из различных региональных архивов. Автор дипломной работы смог привлечь почти все доступные источники, впервые была представлена наиболее полная история храма.

Дипломная работа протоиерея Павла Геннадьевича Балина соответствует основным требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам в духовных школах, и может быть допущена к защите.

1.2. РЕЦЕНЗИЯ научного сотрудника кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин А. В. ПЕЧЕРИНА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения прот. Павла БАЛИНА, выполненную на тему: «История прихода Прокопьевской церкви с. Чернавского Курганской и Белозерской епархии (1763–2015 гг.)»

История деятельности приходов — одно из самых популярных направлений в исследовательских работах студентов заочного отделения Екатеринбургской семинарии. Так со временем накапливается научный опыт в исследовании данного направления в области церковной истории. Хорошим пополнением этой области знаний может послужить настоящая дипломная работа.

Введение в этом исследовании занимает довольно значительную часть, но в работе это не может быть названо недостатком. Оно выдержано в академическом стиле, кроме традиционных для дипломной работы целей, задач и т. п. более двух страниц уделено территориальным рамкам исследования, что составляет целое отдельное ис-

следование; во Введении отражены историография работы и источниковая база исследования.

Автором проведен полный и очень глубокий анализ темы. Исследован количественный состав прихода за более чем столетний период, восстановлен состав приходского попечительства за разные годы, приводятся данные о закрытии церкви — все это на основании архивных изысканий о восстановлении прихода и важных вехах в истории его современной жизни. Из этого видно, что автор работы, будучи настоятелем храма, активно занимается организацией приходской деятельности и немало важное значение уделяет организации и поддержке церковно-исторических исследований. По нашему мнению, такие работы многообразием методологических подходов будут служить примерами для других исследований по истории разных приходов и могут рекомендоваться научными руководителями для студентов-выпускников, занимающихся историей собственных приходов.

Особое внимание нужно обратить на два приложения, приводимых автором. Это список духовенства, служившего в храме, составленный на основании документов Тобольского и Курганского архивов и включающий имена не только священников, но и диаконов, и псаломщиков, — что важно для молитвенного поминовения, а также описание имущества храма на 1894 год, обнаруженное в архиве. Описание храмовых имуществ — довольно редкий документ, имеющий большую значимость для каждого прихода. На основе его анализа можно прийти к выводу, какие святые особо почитались жителями села, какие иконы из дореволюционных сохранились в храме. Так, в настоящем году студентом Миссионерского института Леонидом Истоминым в неразрушавшемся в советское время храме во имя святителя Николая Чудотворца в селе Боровском Курганской области была обнаружена храмовая икона Божией Матери «Знамение», извода Абалацкого монастыря, находившаяся до революции в с. Петропавловском Катайского района. Такая «мобильность» икон в советское время была очень высокой, а основными местами сосредоточения икон из окрестных сел становились не закрывавшиеся в советский период приходы.

Исходя из этого, можно сформулировать ряд вопросов к автору. Имеются ли в храме старинные иконы, бывшие когда-то храмовыми, встречающиеся в описи имущества, приводимой в работе; не проводилась ли работа по поиску икон в храмах сел Усть-Миасского и Боровского, может быть, Воскресенского храма в Шадринске? Это интересно потому, что многие иконы, описанные в приведенном списке, являются достаточно редкими.

Существенным недостатком нужно признать ненадлежащее оформление Списка литературы и источников. В интернет-ресурсах отсутствует дата доступа, в изданной литературе отсутствует количество страниц. В опубликованных источниках отсутствует дата репринтного переиздания указанной литературы. В том случае, если источники не переиздавались, как, например, Тобольский епархиальный адрес-календарь, автору, по нашему мнению, не мешало хотя бы обозначить места их хранения. Еще хуже дела обстоят у автора с оформлением Списка источников: автором приводятся только названия использованных фондов, названия же использованных дел и номера использованных листов совсем не указаны. Но, несмотря на указанные недо-

статки, научная значимость работы при этом не умалается. При желании исследователь может найти указание на нужный документ в постраничных ссылках, благо, что там с оформлением у автора все гораздо лучше. Хотя названия документов и дел по-прежнему не указаны, приводятся номера листов, благодаря которым исследователь может найти нужный документ в архиве. Часть документов, представленных автором в работе, имеются в электронной базе архива Екатеринбургской духовной семинарии, при выборочной проверке мы обнаружили их полное соответствие, что лишний раз подтверждает высокую научную значимость настоящей работы. Несмотря на недостатки в оформлении, при положительной защите работа может быть оценена на «отлично».

В дальнейшем мы рекомендовали бы автору издать настоящее исследование в виде отдельной книги по истории прихода.

2. РЕЦЕНЗИЯ преподавателя иер. Иоанна НИКУЛИНА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения прот. Алексия ЗОТОВА, выполненную на тему: «Жизнеописание исповедника протоиерея Моисея Воронина»

Изучение подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской сегодня не может быть не актуальным. Трудно не огласиться с автором дипломной работы: «Подвиг новомучеников и исповедников Российских стал тем плодотворным семенем, из которого Церковь восстала и возродилась» (с. 5).

В дипломной работе протоиерея Алексия Зотова исследуются жизненный путь и подвиг еще не канонизированного подвижника благочестия, исповедника XX в. протоиерея Моисея Воронина. Во Введении формулируются актуальность, новизна, цели и задачи. Несмотря на некоторую неформальность этой части работы, она отражает ее содержание. Автор, к сожалению, не уделил достаточно внимания степени разработанности темы. Да и источниковая база очерчена очень поверхностно, хотя для решения поставленных задач в исследовании привлечен необходимый круг литературы и источников.

Основная часть работы, в соответствии с заявленной темой, вполне логично разделана на ряд глав и параграфов, что значительно разбивает работу. Хотя надо признать, что в целом деление биографии пастыря вполне логично: автор начинает с очерка о его семье, судьбе родственников, жизни в Курской Коренной пустыни, учебе в Курской духовной семинарии, женитьбе и принятии священного сана; особенно интересно, на наш взгляд, автору удалось показать жизнь исповедника в «мучительные» 30-е — 40-е гг.; заканчивает автор свое повествование описанием служения о. Моисея в Челябинской области.

В ЗаклЮчении приводятся выводы. Огромную ценность имеют приложения к работе. В них публикуются многие источники, приводятся их фотографии и фотографии храмов, в которых нес служение о. Моисей.

На наш взгляд, тема исследования полностью раскрыта. Дипломная работа в целом правильно оформлена и оставляет благоприятное впечатление. Работа выполнена самостоятельно, чувствуется авторский стиль.

Однако можно указать и ряд незначительных недостатков.

1. На наш взгляд, в работе странными выглядят частые слишком подробные отступления об истории храмов и городов, в которых жил и служил пастырь, например на с. 9–13 — обширное отступление об истории Курской Коренной пустыни.

2. Работа разделена на слишком много глав, достаточно было бы и трех.

3. Учтена далеко не вся литература по истории Челябинской епархии в этот период, несмотря на то, что автор касается этой темы (например, работы Т. А. Чумаченко).

Хотелось бы задать вопрос, осталось ли от исповедника письменное наследие — например, его письма, дневники, воспоминания и проповеди, написанные им самим?

Работа написана хорошим языком, но иногда дипломник увлекается и дает место эмоциям; иногда научный стиль смешивается с публицистическим. Указанные замечания незначительны и нисколько не умаляют благоприятного впечатления от рецензируемого исследования. Остается надеяться, что «данная работа должна послужить фундаментом к публикации книги об о. Моисее Воронине и канонизации его как местночтимого святого» (с. 50).

Дипломная работа полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам в семинарии, и заслуживает оценки «отлично», при условии успешной защиты.

3. РЕЦЕНЗИЯ преподавателя С. Ю. АКИШИНА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения иер. Антония МОРГУНОВА, выполненную на тему: «Библиографический указатель изданий, переданных в дар библиотеке Екатеринбургской духовной семинарии»

Во многих крупных библиотеках страны со времен по крайней мере XIX века ведутся специальные книги учета подаренных изданий и рукописей, в которых фиксируются как имена дарителей, так и названия пожертвованных книг. Наличие подобного рода книг учета позволяет исследователям использовать эту информацию в своих исследованиях о составе того или иного книжного собрания или для реконструкции активности дарения печатных изданий разными учеными¹. Очень радует, что библиотека Екатеринбургской духовной семинарии решила создать подобного рода указатель, о чем свидетельствует представленная к защите дипломная работа, являющаяся собой подготовительный этап в его создании.

Дипломная работа очень проста по структуре и состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованных источников и литературы и двух приложений. В кратком Введении автор, несколько затянув вступительную часть с рассуждениями о ценности и важности книги, как явления культуры, формулирует цель, задачу дипломной работы и описывает ее структуру. Хотелось бы кроме указанных компонентов увидеть в работе более-менее тщательно прописанную актуальность исследования, но этого нет. Кроме того, цель работы определена неверно, а отсюда и лишь одна выделенная задача, что, конечно же, не вполне правильно; нужно было бы выделить хотя бы две-три задачи.

¹ Для примера см. исследование Л. Н. Гусевой: Книжные дары и дарители Российской национальной библиотеки // Сайт «Российская библиотечная ассоциация». URL: <http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag11/11.pdf> (дата обращения: 11.12.2015).

В первой главе, названной «Библиографический указатель изданий, переданных в дар библиотеке ЕПДС», автор без каких-либо вводных слов сразу переходит к тексту указателя. По правилам написания дипломных работ, название глав не должно дублировать формулировку темы самой работы. Здесь же мы имеем дело как раз с подобным случаем. Каждое описание имеет следующие поля: библиографическая карточка издания, краткая аннотация, взятая, как правило, из самой книги, даритель, дата дарения. Всего в главе описано 135 даров. Как кажется, описание страдает определенной неполнотой. Так, по нашему мнению, кроме информации о дарителе и дате дарения необходимо было привести и сами тексты, которые тот или иной даритель написал на подарке. Из этой информации можно было бы получить дополнительные сведения, обобщение которых позволило бы сделать определенные выводы. Кроме того, приводя информацию о дарителе, о. Антоний иногда указывает в скобках «с подписью автора», путая тем самым дарителя с автором произведения — не все те, кто подарил ту или иную книгу, являются одновременно и ее авторами. Это свидетельствует, что автор дипломной работы подошел к процессу составления библиографического указателя формально. Так, иногда доходит до комичного: в позиции № 98 приводится информация о книге воспоминаний Г. А. Пара, изданной в 2011 г., и указывается, что сам даритель — Глеб Александрович — собственноручно подписал книгу. Но это не так. Блаженной памяти Глеб Александрович почил о Господе за 5 лет до издания книги воспоминаний, а книгу подарила в библиотеку его дочь Ксения Глебовна Пар-Забелич. Таких случаев формального подхода к описанию можно привести много. Кроме того во вводных пассажах к главе можно и нужно было четко прописать принципы описания и особо отметить, откуда дипломник заимствует информацию о даре: из книги, имеющей соответствующее надписание, или откуда-то еще?

Вторая глава, озаглавленная «Алфавитный указатель имен (организаций) дарителей с номерами учетных библиографических записей», занимает всего 2 страницы и имеет номерные отсылки к первой главе, связывающие дарителя с определенным даром.

В Заключении автор подводит итог своей работы, связывая свои выводы с задачей, которую он перед собой ставил. Здесь дипломник, в частности, указывает, что работа с книгами помогла ему открыть информацию «...о дарителях литературы, их деятельности и круте общения». Сам автор оценивает результаты своей работы очень высоко: «...дипломная работа стала исторической, духовной и культурной составляющей Екатеринбургской православной духовной семинарии и всей Екатеринбургской епархии» (с. 89).

Список источников и литературы насчитывает лишь три позиции: сайт Екатеринбургской духовной семинарии, Московской духовной академии и официальный сайт Русской Православной Церкви. Однако Списком источников и литературы его можно назвать с натяжкой. Из этого списка остается неясным, какими конкретно материалами с этих сайтов пользовался дипломник, потому это, скорее, перечень электронных ресурсов. В самой работе встречается по одной ссылке на каждый из этих сайтов и, при определенных умениях, можно выяснить, какую информацию использовал дипломник в своем прикладном исследовании, однако для работы было бы лучше, если бы указывалось полноценное библиографическое описание использованного материала.

В 1-м Приложении приводятся биографические справки о наиболее крупных дарителях: архиеп. Викентии (Мораре), прот. Петре Мангилёве и Московской духовной академии. Хотя, как кажется, лучше было бы привести данные обо всех дарителях, ведь их не так много.

Вообще, в дипломной работе было бы хорошо увидеть побольше аналитической информации. Здесь есть списки дарителей, список подаренных ими книг, но нигде нет обобщения выявленных данных: к примеру, можно было бы отметить, что, судя по дарственным надписям или владельческим записям на книгах, можно говорить о главных жертвователях библиотеки, которые подарили столько-то и столько-то книг каждый. Однако подобного рода выводов нет даже в Заключение.

Язык работы местами очень небрежен, имеется огромное количество опечаток, фактических, стилистических и пунктуационных ошибок, и т. д. Так, например, епископ Никон (Миронов) во 2-й главе почему-то назван архиепископом и подарил он, оказывается, только 1 книгу, хотя владыка Никон подарил библиотеке Екатеринбургского духовного училища много книг. Впрочем, последнее замечание можно отнести на счет дипломника в известной степени условно, потому как на подаренных владыкой Никоном книгах нет никаких обозначений. На наш взгляд, назрела необходимость детального изучения истории библиотечного фонда Екатеринбургской духовной семинарии хотя бы за последние 20 лет ее существования.

Подытоживая рассмотрение дипломной работы иер. Антония Моргунова, приходится констатировать, что собственно исследовательского элемента в ней очень мало, хотя объем проделанной работы приличный и принесет реальную помощь библиотекарям при составлении подробного указателя даров и дарителей. Высказанные замечания не портят в целом благоприятное впечатление от работы, дипломник продемонстрировал определенные умения и навыки в организации материала, что позволяет оценить работу, при условии успешной защиты, на «хорошо».

4.1. ОТЗЫВ преподавателя и.гум. МОИСЕЯ (Пилатса) на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения мон. ПРОКОПИЯ (Руднева), выполненную на тему: «Библейский потоп в свете археологических и геологических исследований»

Дипломная работа написана студентом на актуальную в настоящий момент тему — она является важной и актуальной по ряду причин. Российское общество сегодня переживает время пробуждения интереса к религии вообще и к православной вере в частности. А такие ключевые для христианства вопросы, как оправдание, искупление и спасение, — не просто отвлеченные богословские понятия, они являются основополагающими для всякого христианина. Поставленные цели и задачи полностью соответствуют теме исследования. Дипломная работа написана на основе современных данных и статей ученых, авторитетных в данной области.

Дипломная работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка использованной литературы. После каждой главы содержатся четкие выводы. Оформление диплома соответствует стандартам. Предложенные рекомендации весьма интересны и заслуживают внимания.

Научная новизна исследования состоит в предпринятой попытке систематизировать открытия в археологических и геологических аспектах относительно Великого потопа.

В процессе написания дипломной работы студент соблюдал сроки календарного графика и проявил хорошие навыки работы с теоретическими и статистическими материалами. В целом студент полно и точно раскрыл тему дипломной работы.

Дипломная работа отвечает всем требованиям, предъявляемым к выпускной работе, и может быть допущена к защите.

4.2. РЕЦЕНЗИЯ преподавателя Д. Ф. АНИКИНА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения мон. ПРОКОПИЯ (Руднева), выполненную на тему: «Библейский потоп в свете археологических и геологических исследований»

Заявленная тема работы, вне всякого сомнения, должна быть признана актуальной и полезной, прежде всего — с апологетической точки зрения. Доказательство историчности тех или иных событий Священной истории — это одно из значительных и очень сложных направлений православно-христианской апологетики. Отрадно, что автор не побоялся сложности поставленной цели и попытался достичь ее на предельно возможном для себя уровне.

Во Введении к работе хорошо прописана проблема исследования, а именно — историчность Всемирного потопа. Автор показывает знание основных точек зрения на проблему. Правильно указаны цель и задачи исследования, но остальные структурные элементы Введения (объект, предмет, новизна, значимость, методология), к сожалению, отсутствуют. Ошибкой является и разделение работы объемом в 45 страниц содержательного текста на три главы.

Первая глава посвящена преданиям о глобальном наводнении в этнографических памятниках и фольклоре народов мира. Эта часть достаточно информативна, хотя и не выходит за рамки очевидной констатации, изложенной на с. 14: «Любому разумному и мыслящему человеку понятно, что настолько масштабное распространение предания о потопе имеет и столь же масштабную причину». Было бы, вместе с тем, интересно ознакомиться с нюансами фольклорных свидетельств о глобальном наводнении, подчеркнуть как сходства, так и различия повествований, попробовать рационально объяснить различия (что было бы совсем не плохо для «разумного и мыслящего человека»). Но такого анализа в работе нет.

Вторая глава представляет собой опыт рассмотрения Всемирного потопа как геологического или археологического факта. Автор приводит множество фактических данных, интерпретируемых как доказательства историчности потопа. При этом совершенно упускается из виду, что ни один из представленных фактов доказательством, с точки зрения науки, не является. Ни в современной геологии, ни в палеонтологии, ни в палеоэкологии, ни в климатологии, ни, тем более, в археологии Всемирный потоп как исторический факт не фигурирует. Некоторые ученые, как правило, верующие христиане, действительно допускают потоп как факт мировой истории, но это допущение остается мнением отдельных ученых, которое на научную парадигму в целом никак не

влияет. Автору следовало бы обратить внимание на этот аспект, сделать собственное предположение о причинах такого положения. Ведь нельзя же считать всех ученых людьми, лишенными разума? Отсутствие полемической составляющей — серьезный просчет этой части работы.

Третья глава повествует о поисках Ноева ковчега. Автор собрал наиболее популярные сведения о ковчеге и попытках его обнаружения. Но и здесь полностью отсутствует критический элемент, необходимый в любом научном исследовании, пускай и учебного уровня. Автор не задается вопросом, почему до сих пор нет явных и бесспорных доказательств нахождения ковчега на Арарате? Почему всем свидетельствам об экспедициях по поиску ковчега не хватает достоверности, тогда как аргументов в пользу мистификации и подлога более чем достаточно? Автор, к сожалению, и в собственном тексте приводит неубедительные малодостоверные сведения, когда, например, ссылается на некую безымянную «китайскую газету», не указывая никаких ее выходящих данных (с. 43).

Заключение работы соответствует ее содержанию и особых нареканий не вызывает. К чести автора следует отметить, что он воздерживается от категоричных оценок, оставляя дело на суд истории и дальнейших изысканий. К достоинствам работы отнесем аккуратность оформления, внятный, хотя и не совсем точный язык, четко обозначенные выводы. Оценивается на «хорошо».

5.1. ОТЗЫВ преподавателя протодиак. Дионисия СИМОНОВА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения иер. Павла РУСАКОВА, выполненную на тему: «Жизнь и проповедническое наследие протопресвитера Александра Шмемана»

Представленная дипломная работа посвящена исследованию жизни и проповеднического наследия известного церковного деятеля, богослова, проповедника протопресвитера Александра Шмемана. Широко распространены многочисленные издания богословских трудов, проповеди, дневники о. Александра. Его живое слово, по признанию современников, действовало еще сильнее, чем статьи и книги. В значительной части работ и проповедей акцент делается на центральную роль Евхаристии в Церкви. Современные авторы прибегают к анализу проповедей отца Александра Шмемана, как к выдающемуся образцу гомилетического искусства Православной Церкви в XX в. Следует отметить, что в гомилетике история русской проповеди раскрыта только до начала XX века, и поэтому жизнеописание и анализ проповеднического наследия многих известных церковных проповедников ждут своего открытия. По этой причине работа свящ. Павла Вадимовича Русакова имеет практическое значение для предмета «Гомилетика» и его отдела «История проповедничества».

В работе автор обращается к изданным источникам и литературе и на основании этого описывает жизнь, личность протопресвитера Александра Шмемана и анализирует его проповедническое наследие.

Поставив во Введении цели и задачи, автор поэтапно раскрывает их в трех главах своей работы. Первая глава повествует о жизни, служении Богу и трудах о. Александра. При многогранности личности подробное описание жизни необходимо, так

как проповедник добрым примером своей жизни являет истину Христову и делает проповедь действенной. Во второй главе автор проводит анализ проповедей протопресвитера Александра Шмемана и говорит об особенностях его гомилий. В третьей главе обращается к богословским трудам и дневникам о. Александра.

В процессе работы радовало усердие автора в обработке литературы, его стремление самостоятельно проанализировать жизнь и проповеди протопресвитера Александра Шмемана и желание осветить одну из страниц истории проповедничества XX века.

Дипломная работа священника Павла Вадимовича Русакова соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода исследованиям, и может быть допущена к защите.

5.2. РЕЦЕНЗИЯ доцента прот. Петра МАНГИЛЁВА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения иер. Павла РУСАКОВА, выполненную на тему: «Жизнь и проповедническое наследие протопресвитера Александра Шмемана»

Протопресвитер Александр Шмеман — яркая и значимая фигура в новейшей истории Православия. Его книги, выступления и проповеди оказали большое влияние на современную церковную жизнь, содействовали воцерковлению огромного множества людей. Слово его было действенно, в связи с чем изучение его проповеднического наследия весьма актуально. Таким образом, выбор темы иереем Павлом Русаковым представляется вполне оправданным.

Представленная на рецензию дипломная работа написана на 79 страницах, состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка источников и литературы (24 позиции) и 2-х приложений.

Во Введении к работе дипломник выдерживает все необходимые параметры квалификационного сочинения. В целом формулировки проблемного поля исследования принципиальных возражений не вызывают, хотя цель исследования хотелось бы видеть сформулированной более четко. Необходимо было бы сказать во Введении и о степени изученности темы исследования.

В первой главе работы дипломник обращается к биографии протопресвитера Александра Шмемана, что в исследовании подобного рода вполне оправданно: пройденный путь влияет на образ мысли, осмысление пережитого отражается в проповеди. Робкие указания на это в главе присутствуют, однако здесь возможно было бы и большее. К недостаткам ее можно отнести некоторую излишнюю подробность — автор иногда слишком увлекается биографией своего героя, сообщая частности, для темы диплома совсем не необходимые.

Анализу гомилетического наследия протопресвитера Александра Шмемана посвящена вторая глава дипломного исследования, которую нужно признать довольно удачной. Здесь автор дипломного сочинения делает попытку классификации проповедей отца Александра, подробно анализирует отдельные проповеди, указывает на особенности гомилетического наследия.

В третьей главе дан краткий, но вполне удовлетворительный обзор богословских трудов о. Александра и его дневников. Этот материал для работы совсем не лишней, но насколько обоснованно его выделение в отдельную главу? Может быть, просто стоило усилить первую главу, дав там, кроме биографии, обзор письменного наследия протопресвитера Александра Шмемана в целом?

Работа написана грамотно, но есть досадные ошибки: 1) неоднократно: «обуславливать» вместо «обусловливать» (от «условие»); 2) с. 49: «нимало примеров» вместо «немало примеров», что меняет смысл на прямо противоположный. Может быть отмечена некоторая небрежность в оформлении библиографического аппарата.

Дипломная работа иерея Павла Вадимовича Русакова соответствует требованиям, предъявляемым к дипломным сочинениям. Дипломник проявил необходимые умения и навыки. Могут быть отмечены самостоятельность и большой личный интерес дипломника к теме работы, который хорошо чувствуется при знакомстве с текстом сочинения. Высказанные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы.

Дипломная работа иерея Павла Вадимовича Русакова может быть оценена на «отлично» при условии успешной защиты.

6.1. ОТЗЫВ преподавателя игум. МОИСЕЯ (Пилатса) на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения иером. ФЕОДОСИЯ (Сохарева), выполненную на тему: «Учение кумранских общин и новозаветное учение: сходство и различие»

Дипломная работа написана студентом на актуальную в настоящий момент тему, которая является важной и актуальной по ряду причин. Рассмотрение и анализ новых и новейших открытий в области библейской археологии позволяют утверждать о подлинности учения христианства, сохраняя при этом научную объективность. Поставленные цели и задачи полностью соответствуют теме исследования. Дипломная работа написана на основе современных данных и статей ученых, авторитетных в данной области.

Дипломная работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка использованной литературы. После каждой главы содержатся четкие выводы. Оформление работы соответствует стандартам. Предложенные рекомендации весьма интересны и заслуживают внимания.

Научная новизна исследования состоит в предпринятой попытке проанализировать и систематизировать учение кумранской общины и провести сравнительный анализ этого учения с новозаветным.

В процессе написания дипломной работы студент соблюдал сроки календарного графика и проявил хорошие навыки работы с теоретическими и статистическими материалами. В целом студент полно и точно раскрыл тему дипломной работы.

Дипломная работа отвечает всем требованиям, предъявляемым к выпускной работе, и может быть допущена к защите.

6.2. РЕЦЕНЗИЯ преподавателя А. В. РАЗИНА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения иером. ФЕОДОСИЯ (Сохарева), выполненную на тему: «Учение кумранских общин и новозаветное учение: сходство и различие»

Данная работа посвящена теме, до сих пор актуальной в современной библеистике, — идеологии кумранской общины и ее связи с новозаветным учением. Открытие огромного корпуса текстов последних веков межзаветного периода предоставило исследователям возможность воссоздания мировоззренческого религиозного контекста новозаветной проповеди, поставило вопрос об их взаимоотношении. К настоящему времени сложилось несколько основных гипотез происхождения кумранских текстов, и одним из выводов «стандартной», кумрано-ессейской модели, стало утверждение о непосредственной связи или даже конкретной исторической обусловленности происхождения христианства из сложившейся традиции ессеев. Приверженцы такого рода гипотезы исходили из археологии Кумрана и анализа рукописей.

Безусловно, такого рода утверждение вызвало острую полемику, приведшую к формированию альтернативных гипотез, в том числе относящих кумранские тексты к традиционным формам храмового иудаизма того времени и по-иному интерпретирующих археологические данные Кумрана.

Исходя из вышесказанной проблематики, автор ставит перед собой задачу — «подтверждение мнения верующих ученых об очень большом различии христианского вероучения и учения кумранской общины». Поставленной задаче соответствует структура работы: археология Кумрана и идеология кумранской общины; сравнительный анализ с новозаветным учением и соответствующие выводы, систематизированные в обширную таблицу.

Автор обнаруживает достаточное знакомство с литературой по данному вопросу и активно ее использует, правильно выделяет основную проблематику учения кумранитов в ее сравнении с евангельским учением, достигая поставленных целей исследования.

В качестве замечаний к работе хотелось бы указать следующее:

1. Какова необходимость при раскрытии данной проблематики выделения в качестве отдельных глав тем первой и второй главы, которые имеют, в изложении автора, справочно-информационный характер, вплоть до цитирования рассказа юноши-бедуина на целую страницу, и при общем обозрении текст 1 и 2 гл. выглядит как пересказ хорошо прочитанных монографий И. Д. Амусина и И. Р. Тантлевского.

2. Каков смысл пространного цитирования (с. 1, 5: 2, 5) отрывков из рукописей, если они к тому же являются не авторским переводом, а цитатой из переводов И. Д. Амусина, ведь достаточно было бы соответствующей ссылки или же подробного рассмотрения текста?

3. Цитирование англоязычных авторов из монографий на русском языке, как правило, сопровождается ссылками на соответствующие места этих монографий, «Цит. по», если они не сверены по соответствующему английскому изданию.

4. Заключение должно представлять собой достаточно содержательный итог проделанной работы, поэтому краткий пересказ ее содержания, на наш взгляд, все же недостаточен.

Исходя из вышесказанного, считаем, что работа заслуживает положительной оценки.

7.1. ОТЗЫВ преподавателя Д. Ф. АНИКИНА на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения М. Ю. ШИПИЦИНА, выполненную на тему: «Православно-аскетическая антропология как основа нравственного воспитания человека»

Дипломная работа М. Ю. Шипицина является опытом осмысления православной аскетической традиции в педагогическом аспекте. Автор рассматривает антропологические воззрения отцов-аскетов как фундаментальное учение, которое может использоваться в качестве теоретической базы для построения концепции нравственного воспитания человека. К заявленной теме автор относится ответственно, строго с позиций православного богословия. Не будучи профессиональным педагогом, автор не уделяет достаточного внимания практическому приложению выявленного им святоотеческого учения к воспитанию непосредственно. Однако отметим, что ни формат данного исследования, ни квалификация богослова, которую получает выпускник, этого не требуют. Задача исследования — продемонстрировать возможность и допустимость применения антропологических воззрений святых отцов и их аскетического опыта в сфере православной педагогики. С этой задачей автор справился на достойном уровне. С концептуальной точки зрения, работа не содержит явных смысловых погрешностей или противоречий.

Во Введении к работе прописаны проблема исследования, гипотеза, цели и задачи. Все структурные элементы соответствуют требованиям и содержанию работы. В первой главе описываются основы православно-аскетической антропологии. Автор акцентирует внимание на аспектах антропологического учения отцов, актуальных для теории нравственного воспитания. Во второй главе дается очерк традиционной православной аскетики в перспективе ее педагогического использования. Цитируемые тексты понимаются автором адекватно, выводы не противоречат содержанию приводимых цитат.

В Заключении содержатся выводы по всей работе, которые соответствуют поставленным задачам. В целом материал в работе изложен логично, связно, отсутствуют противоречия и непоследовательность в суждениях. С заявленной целью работы автор справился успешно для своего уровня понимания данной темы. М. Ю. Шипицин проявил ответственность, добросовестность, настойчивость. Работа полностью самостоятельна, не является плагиатом и не содержит скрытых или неоформленных цитат. Допускается к защите.

7.2. РЕЦЕНЗИЯ преподавателя Л. В. ФАХУТДИНОВОЙ на дипломную работу выпускника Екатеринбургской духовной семинарии сектора заочного обучения М. Ю. ШИПИЦИНА, выполненную на тему: «Православно-аскетическая антропология как основа нравственного воспитания человека»

Дипломная работа по своей структуре и содержанию отвечает основным требованиям к написанию дипломных работ. Работа носит характер исследования библиографи-

ческих источников, имеет теоретическую основу, базирующуюся на святоотеческом писании и православном учении о человеке в его нравственно-аскетических аспектах.

Во Введении представлены объект и предмет исследования, цели и задачи. Актуальность исследования определена важностью проблематики нравственного воспитания, как для православных христиан, так и для всего российского общества. В данной работе автора интересует не сама педагогическая практика как таковая, а фундаментальный вопрос, на чем должно базироваться нравственное воспитание, какие учения и принципы следует положить в его основу.

На взгляд рецензента, богословские основы, а также значимость и приоритетность актуальности духовно-нравственного воспитания для нашего общества прописаны неоднократно и в исчерпывающем объеме. Этот факт и продемонстрировал автор, построив свою работу исключительно на компиляции первоисточников, но, к сожалению, без опоры на какой-либо конкретный педагогический опыт соискателя. По этой причине работа носит сугубо богословскую направленность, без каких-либо попыток предложить конкретные приемы и способы организации педагогического процесса для реализации поставленных высоких целей в современных условиях. В этой связи «научная новизна» данного исследования представляется весьма сомнительной.

В первой главе «Православная антропология и аскетика: базовые идеи, концепции и принципы» автором достаточно полно раскрыты основы православной антропологии в их нравственном преломлении. К подбору цитат из святоотеческих трудов и работ православных учителей Церкви нареканий нет — они изложены в логической последовательности, соответствуют теме, грамотно дополняют и аргументируют друг друга.

Во второй главе «Нравственное воспитание как аспект общего духовного развития личности христианина» автор подчеркивает, что нравственное воспитание первой своей целью должно иметь привитие человеку способности делать правильный этический выбор — не в пользу зла и самолюбия, а в пользу добродетели. Воспитание определяется как процесс воцерковления личности. Приводя обширные цитаты из учения святителя Феофана Затворника и игумена Георгия (Шестуна), автор последовательно и логично делает вывод о том, что «воспитательные упражнения и труды есть упражнения аскетические». Далее подробно излагаются восемь главных страстей и определяются добродетели, противоположные им. Эти добродетели и позволяют достойно воспитать волю человека, а значит, и его нравственность, чтобы человек был устойчив в своем противостоянии страстям.

Автором не проанализированы этапы развития мыслительной и волевой сферы человека (ребенка), в соответствии с которыми необходимо подбирать содержание и методику воспитания. Раскрытие данного вопроса привнесло бы в настоящую работу элемент анализа и научной новизны.

К положительным моментам данной главы можно отнести обращение автора к материалам «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». Критического анализа данного материала, к сожалению, не представлено.

Критическое отношение автора к бездуховной нравственности и обоснование своей позиции выражены достаточно четко и аргументированно.

Хроника научной жизни

Достоинны положительной оценки рассуждения и заинтересованная позиция автора по поводу ревностного стремления христианина к богообщению и спасению своей души. На поставленный в работе вопрос: «Как же приобрести и сохранить эту ревность?» ответ у автора очевиден — «путем воспитания, а в случае взрослого человека — самовоспитания, при благодатной помощи Божией».

В Заключении автор определяет, что, рассматриваемое в христианском смысле, нравственное воспитание должно быть частным аспектом общего духовно-нравственного воспитания личности, в котором на первом месте стоит задача приведения человека в Церковь, всестороннего воцерковления жизни. В контексте воцерковления и осуществляется нравственное воспитание.

На взгляд рецензента, в Заключении необходимо было представить выводы, предложения и рекомендации. Предложения и рекомендации уместно делать с указанием их адресатов, например, епархиальному отделу церковно-приходских школ, руководителям воскресных школ, для просветительских или социально-реабилитационных центров, ЕПДС и т. д. К сожалению, они в Заключении не представлены.

К недостаткам настоящей работы можно отнести неиспользование автором Устава и Социальной концепции РПЦ, государственных нормативно-правовых актов, других законов и постановлений.

Следует отметить большой Список использованной литературы и источников.

Автор достаточно свободно и уместно использует в тексте цитаты из Священного Писания и святоотеческой литературы.

Данная работа носит теоретический богословский характер, и в подобранном материале нет противоречий.

Педагогический (организационно-методический) аспект в данной работе отсутствует. По этой причине рецензенту невозможно оценить эту работу с точки зрения педагогической науки, как организации профессионального взаимодействия учителя и ученика. Но если оценивать работу как теоретическую (фундаментальную) базу по заявленной теме, то она выполнена добросовестно и заслуживает самой положительной оценки.

Материал к публикации подготовил С. Ю. Акишин

SUMMARIES

BETHS. 2016. Issue 1(13), p. 11–29

Oleg I. Khoruzhenko. On the Confession of Faith by Algirdas (Olgerd), the great Prince of Lithuania

In the article the problem of trustworthiness of the sources which relate the conversion into Christianity of Algirdas, the great prince of Lithuania and a fire-worshipper from his birth, is considered. In the modern historiography the opinions have been voiced several times that he had been converted into Christianity twice or even thrice. This might have happened, resp., before his first marriage to the Princess Mary (Maria) of Vitebsk; then, before the second one, i. e., that to the Princess Uliania (Ulyana) of Tver; and, finally, on the eve of his death, when he had allegedly accepted both the Baptism and the Great Scheme. During the time-span between those events, Algirdas appeared and was characterized by his contemporaries as a pagan, the circumstance which would suppose his repeated retreat from Christianity back to the paganism. All these judgments seem to us to be highly controversial, and this made us turn to the sources underlying all the aforementioned hypotheses. It has been shown in the paper that the Muscovite, Byzantine, and Livonian sources, contemporary to Algirdas, are consistent in their dubbing the Lithuanian Prince 'pagan', including the situations of his demise and burial. The earliest information about Algirdas' alleged Baptism is dating back to the late 15th century. This is *The Letter by the Metropolitan Spiridon-Savva*, where Algirdas is named with the Christian name Alexander, then Alexios in the Scheme, and *The Commemoration Book (Pomyannik) of the Kievan Cave Monastery* (here we find Algirdas being named Demetrios). In these monuments the Orthodoxy which was ascribed to Algirdas had to settle certain ideological tasks, to wit, the exaltation of the Tver princely house in general and of the Great Princess Ulyana Alexandrovna, in particular; the declaration of that centuries-old veneration which the Kievan Caves monastery entertained on behalf of the Great Princes of Lithuania. We especially treat here the questions of the chronology and the circumstances connected with the demise of the Saint Martyrs of Vilno, as well as of the textology of *The Commemoration Book*.

Keywords: *the Orthodoxy in the Great Principality of the Lithuania, Algirdas, the paganism, the Saint Martyrs of Vilno, the princely feasts, The Letter by the Metropolitan Spiridon-Savva, The Commemoration Book (Pomyannik) of the Kievan Cave Monastery.*

BETHS. 2016. Issue 1(13), p. 30–44

Andrey V. Poletaev, Elena A. Poletaeva. The Russian Books of the Old Print Dating Back to the 17th and 18th Centuries in the Collection of the Orthodox Museum in the Verkhoturie St. Nicholas Monastery

The article represents new materials on the Russian archeography which introduced the reader into the old print Cyrillic books collection of the Orthodox museum in the Verkho-

torie St. Nicholas monastery. The publication includes the scientific description of the five earliest old print books to have seen the day. These are: the two 17th-century codices, i. e., the pre-Nikonian *Instructive Gospel* (Evangelié Uchitel'noe), which was printed by the Moscow Printing Yard (Pechatnyj Dvor, i. e., the Publishing House) in 1633, and the *Sluzhebnyk* (The Office Book) with the Council roll, edited in 1668, to wit, after the ecclesiastical reform by the Patriarch Nikon (Moscow: The Printing Yard, 1668); and the three 18th-century editions. The first one is the Gospel issued by the Moscow Printing Yard in 1711, after the abolishing of the Patriarchate, the second one is the Gospel edited by the Moscow Holy Synod Press under Paul I (Moscow: The Synodal Press, 1796), and the third one, the Bible edited a year later (Moscow: The Synodal Press, 1797).

Keywords: *the Orthodox Museum in the Verkhoturie St. Nicholas Monastery, the book archeography, the books of the old print of the 17th and 18th centuries.*

BETHS. 2016. Issue 1(13), p. 45–120

Alexander K. Klementyev. Materials for the Biography of Konstantin Petrovich Struve (1900–1949), Archimandrite Savva in religion, also the Local Dean of the Monastic printing and publishing Brotherhood of St. Job of Pochaev in Ladomirova, Slovakia (together with Letters to his Relatives and Friends)

This article is based on materials of the academic Petr Bergardovich Struve's middle son Constantine (Konstantin) (1900–1949), Archimandrite Savva in religion, also the local dean of the monastic printing and publishing brotherhood of St. Job of Pochaev in the village Ladomirova, Slovakia. For the first time Archimandrite Savva's letters will be accessible to scholars, together with the correspondence of his father, mother and brothers, from Prof. Nikita A. Struve's archives. Also included are previously unpublished documents from the monastic printing and publishing brotherhood of St. Job of Pochaev archives, as well as from the archives of the St. Sergius Institute of Orthodox Theology in Paris, from the German diocese of the Russian Orthodox Church Outside Russia in Munich, from Protopresbyter Boris A. Bobrinskoy, and from other sources.

In K. P. Struve's letters we find information about his education in Germany and Czechoslovakia, about his first steps in the field of theological education, about his plans to establish a theological publishing concern that would unite prominent Orthodox scholars of the Russian emigration. The letters contain exclusively detailed descriptions of the education and lifestyle of first-year students at the St. Sergius institute, subjects on which the available information is very scarce. We also read the author's replies to his teachers: archpriest Sergius N. Bulgakov, S. S. Bezobrazov, archpriest George V. Florovsky, bishop Veniamin (Fedchenkov), L. A. Zander et al. The story of the emergence of the Brotherhood of the students of St. Sergius and of the establishment of the review "Sergius' Notes", popular throughout the emigration, founded by K. P. Struve's inspiration and with his collaboration, is also related. St. Sergius institute's students' interconfessional contacts are also addressed. Other subjects include: K. P. Struve's work in the Russian Orthodox Abroad's Missionary Town of Belaya Cerkov (White Church) in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians under the guidance of Fr. Ioann (John) Shakhovskoy; the author's preparation for becoming a monk under the direction of the well-known archimandrite Amvrosij Kurganov

of the Milkovo monastery, where many prominent hierarchs of the Russian Orthodox Church Outside Russia set out on their path of service to the Church.

Fr. Savva's later life (from 1931 to his repose) was connected with the activities of the monastic printing and publishing brotherhood of St. Job of Pochaev in the village Ladomirova and with editing the newspaper "Orthodox Russia", the only Russian Orthodox periodical of the emigration still published in many countries of the Russian diaspora during the Second World War. This was possible because of the specific political climate in the independent Slovak state of that time.

Keywords: *archimandrite Savva (Struve), Petr, Antonina, Arkady Struve, bishop Sergius (Korablev), archimandrite Seraphim (Ivanov), St. Sergius church in Paris, theological education, the review "Sergius' Notes", Carpatho-Russia, the newspaper "Orthodox Carpatho-Russia", the Orthodox Church in the Slovak state, the theological emigration during the Second World War, Orthodox enlightenment, Orthodox publishing, theological periodicals.*

BETHS. 2016. Issue 1(13), p. 121–209

"God bless the fruit of your labors for the benefit of the Holy Church and the theological science..." (Letters of Archpriest Nikolas Vinogradov to Alexey Dmitrievsky) (*Introduction, Edition and Notes by Natalia Yu. Sukova*)

In the publication the letters of the Kazan theological Academy professor and archpriest Nikolas Vinogradov to his friend at the same Academy Alexey Dmitrievsky are presented. They cover the period from 1893 to 1927. Here we find the following problems highlighted: the development of theological science and the educational process in the Kazan Theological Academy in the stable period of its activity (1893–1898); the specific features of the academic life in the rebellious period of the Russian history at the turning point of the 20th century (1907–1916); the fate of the members of the Kazan academic corporation in the post-revolutionary period, after the termination of the Academy activities (1925–1927). To the letters of Archpriest Nikolas Vinogradov the letter is attached of his widow Raisa Nikandrovna (1928), describing the death and burial of her late husband. The letters are conserved in the archival fund of Alexey Dmitrievsky in the Manuscript Department of the National Library of Russia. The present publication is a continuation of the cycle of editions of the archival documents related to the life and work of the famous Russian liturgiologist.

Keywords: *Archpriest Nicolay Vinogradov, Alexey Dmitrievsky, Kazan Theological Academy, higher theological education, theology.*

BETHS. 2016. Issue 1(13), p. 210–272

Archpriest Nicholas Butkin. The Novel "The Vineyard Laborers". Part 2. The Doomed Ones (Introduction, Edition and Notes by Svetlana G. Butkina)

The publication contains the text of the pt. 2 of the novel "The Vineyard Laborers" by the archpriest Nikolay (Nicholas) Butkin (1882–1937), which bears the author's title *The Doomed Ones* (see the first part of the novel in the *Bulletin of the Ekaterinburg Orthodox Theological*

Seminary, 2014, no. 8). The action here takes place in 1917–1918. In the trans-Uralian district town of Shadrinsk Fr. Gregory Zagumennykh (a pseudonym of the author) had been keeping on his pastoral activities. The subjects described bring the reader once to the fields of the Southern Trans-Uralian area, where together with the hope for a rain a peasants' cross procession was going in advance, once to the turmoil of the first "epoch-making" free reunion in Ekaterinburg of the clergy and laymen, once to the living-room of a zemstvo (regional, *zemsky*) official, where — quite unexpectedly — a hot polemic was flaring up concerning the fate of the Russian clergy and on man in general. Even... the abyss of a human soul is opening wide in the letters of a parishioner woman. The word of a pastor, who subtly felt the pain of human souls, the bold, exact and deep word as it was, was directed not only to the inhabitants of the post-revolutionary Shadrinsk, but also to the contemporary reader.

The novel is a unique source both on the ecclesiastical history of Shadrinsk during those critical years and on the Ekaterinburg diocese history in general. But the most important thing about it is that it reflects the life of a provincial pastor in the hard time of social and political change. In the novel the personal aspirations of the author, connected with the comprehension of his pastoral service, have found their reflection. It presents the reader with the meetings with the living people and revives the historical memory of the tragic pages of the Russian and ecclesiastical history of the beginning 20th century.

Keywords: *archpriest Nicholas Butkin, the novel The Vineyard Laborers, the civil war in Russia, the Russian Orthodox Church in the 20th century, the town of Shadrinsk, the history of the Ekaterinburg diocese, Fr. Gregory Zagumennykh.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буткина Светлана Георгиевна — сотрудница Министерства финансов Свердловской области, студентка Свято-Филаретовского православно-христианского института, член Уральского церковно-исторического общества. *E-mail: butkinasg@yandex.ru*

Клементьев Александр Константинович — историк, архивист, автор исследований по истории Русской Православной Церкви в эмиграции (г. Санкт-Петербург). *E-mail: info@epds.ru*

Полетаев Андрей Валентинович — научный сотрудник Православного музея Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря (г. Екатеринбург). *E-mail: poletaeva@cbibl.uran.ru*

Полетаева Елена Альбертовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центральной научной библиотеки УрО РАН (г. Екатеринбург). *E-mail: poletaeva@cbibl.uran.ru*

Сухова Наталия Юрьевна — доктор церковной истории, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Русской Православной Церкви и заведующая Научным центром истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва). *E-mail: suhovanat@gmail.com*

Хоруженко Олег Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва). *E-mail: khoruzhenko1@yandex.ru*

Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1(13). 2016

Научное издание
Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
(контракт № 406-12/2011R)

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-42826 от 01 декабря 2010 г.

Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу
«Пресса России»: **93623**.

Вы можете оформить **бесплатную подписку на журнал в электронном виде**,
направив письмо в свободной форме с просьбой присылать свежие номера
Вестника ЕДС на электронную почту журнала: vestnik@epds.ru

Над выпуском работали

Перевод аннотаций на англ. язык: *Д. И. Макаров, Е. В. Молчанова*
Дизайн и верстка: *иером. Аркадий (Логоинов)*
Технические редакторы: *С. Ю. Акишин, священ. И. Никулин*
Корректор: *Е. Ю. Алексеева*

Оригинал-макет подготовлен
информационно-издательским отделом ЕДС

Адрес редакции: 620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, д. 57
Тел./факс: +7 (343) 311-99-41
E-mail: vestnik@epds.ru

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

В38 Вестник Екатеринбургской духовной семинарии / Информационно-издательский отдел ЕДС. — Екатеринбург, 2016. — Вып. 1(13). — 294 с.: цв. ил.

В научном периодическом издании Екатеринбургской духовной семинарии публикуются материалы и исследования по различным вопросам богословия, церковной истории и смежных дисциплин, извлечения из протоколов заседаний Ученого совета ЕДС, рецензии и отзывы на дипломные работы студентов семинарии, рецензии и библиографические заметки на новые актуальные для богословской науки исследования. Издание адресуется преподавателям и студентам духовных учебных заведений, историкам, богословам, философам, а также всем интересующимся.

УДК 27-1(051)

ББК 86.37

ISSN 2224-5391

ПИ № ФС77–42826 от 01 декабря 2010 г.
Подписано в печать: 15.01.2016 г. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Вставка цв. ил. на мелованной бумаге
Гарнитура Minion Pro
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,75
Тираж 500 экз. Заказ № 5539

Религиозная организация — духовная образовательная организация
высшего образования
«Екатеринбургская духовная семинария
Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви»

Информационно-издательский отдел
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 57.
vestnik@epds.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство УМЦ УПИ»
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35-а, оф. 2.
Тел: (343) 362-91-16, 362-91-17

Начальник Богомо-
ль с женой по по-
добижи о дошуги
узнать прообразам
в. Еще на школьной скамье
целомне в моление о дошуги
кни как порешилок
его удивленю на это
давно заслон и за-
внукомт своим приветок
май. Но в изветок
наруж

ISSN 2224-5391

9 772224 539000

16001 >

